

CHRISTOPHER DOBSON AND
—— JOHN MILLER ——

THE DAY WE ALMOST BOMBED MOSCOW

THE ALLIED WAR IN RUSSIA 1918-1920

КРИСТОФЕР ДОБСОН И

—————ДЖОН МИЛЛЕР—————

ДЕНЬ, КОГДА МЫ ЧУТЬ НЕ РАЗБОМБИЛИ МОСКВУ

СОЮЗНИЧЕСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ В 1918-1920 годах

Законспирированная эскадрилья Королевских ВВС готовится бомбить Москву с импровизированного аэродрома в степях в двухстах милях от российской столицы... Два британских полка высаживаются во Владивостоке... Японцы вторгаются в Сибирь с 70-тысячным войском... Американские пехотинцы сражаются с большевиками зимой в лютую стужу к югу от Архангельска... британские шпионы в Москве замышляют свержение русского правительства...

Остросюжетная фантастика? Нет. Эти события на самом деле произошли в малоизвестной и во многом непонятной войне, которая велась в первые годы двадцатого века. Интервенция союзников началась в 1918 году как отчаянная попытка сохранить Восточный фронт против немцев после решения России выйти из Первой мировой войны. Но это быстро переросло в беспорядочное и часто хаотичное наступление против самого большевизма, которое даже включало в себя сцену с законспирированной эскадрильей Королевских ВВС, проходящей через сердце России с самолетами, установленными на железнодорожные платформы. Её миссия: бомбить Москву.

Кристофер Добсон и Джон Миллер основали свой рассказ об этом необычном и забытом эпизоде на обширных исследованиях, проведенных в Лондоне и Москве. Авторы - опытные и отмеченные наградами иностранные корреспонденты, имеющие доступ к архивам, никогда ранее не открывавшимся, а также к дневникам и письмам, написанным людьми, которые

были актерами в этой драме. Они также опросили уменьшающуюся группу выживших ветеранов. Среди них один из тех, кому в конце концов было отказано в разрешении бомбить Москву, потому что Уинстон Черчилль, тогдашний военный министр, постановил, что «у этой операции нет военной ценности».

В результате получился увлекательный фрагмент современной истории, захватывающе раскрытый с точностью и подробностями, который опрокидывает ряд заблуждений и ложь, окутывавших кампанию на протяжении десятилетий. «День, когда мы чуть не разбомбили Москву» также прослеживает истоки большей части сегодняшнего антагонизма сверхдержав к причудливому и полузабытому вооруженному столкновению на яростно оспариваемой территории революционной России, столкновению, которое установило модель отношений между Востоком и Западом, которая сохраняется, со всеми ее опасностями и по сей день.

John Miller

Christopher Dobson

КРИСТОФЕР ДОБСОН – автор и иностранный корреспондент, который в настоящее время специализируется на статьях о терроризме. Он был награжден британским эквивалентом Пулитцеровской премии – премией IPC как «международный журналист 1968 года» за освещение событий на Ближнем Востоке и во Вьетнаме. Его предыдущие книги включают в себя «Комплекс Карлоса» (The Carlos Complex, в соавторстве с Рональдом Пейном) и «Злейшая ночь» (The Cruellest Night, написанная в сотрудничестве с Джоном Миллером и Рональдом Пейном). Женат, имеет четырех детей. Проживает в Сассексе и увлекается рыбалкой.

Являющийся иностранным корреспондентом на протяжении более двадцати лет, ДЖОН МИЛЛЕР в настоящее время является специалистом по Советскому Союзу и главным редактором газеты «Дейли Телеграф» по тематике международных отношений. Он является автором книги «Рейд Чамдо» (The Chamdo Raid) - триллера, действие которого разворачивается в Тибете. Он женат, имеет троих детей и проживает в Далвиче, Лондон, где азартно играет в гольф.

БРИТАНСКАЯ ПРЕССА О КНИГЕ «ДЕНЬ, КОГДА МЫ ПОЧТИ РАЗБОМБИЛИ МОСКВУ»

«Звучит как заголовок научно-фантастического произведения о том, как мы едва не ввязались в Третью мировую войну. На самом деле это трезвый, увлекательный отчет о невероятных операциях британских и союзных сил в России с 1918 по 1920 год»

Дейли Мейл

«В этой проработанной и захватывающе написанной книге авторы делают многое чтобы разрушить миф, заботливо взращиваемый Советским Союзом, о том, что «западные империалисты» послали мощный военный контингент чтобы задушить советский режим

в зародыше. ... интересная книга... ценный вклад в историю»

Санди Мейл

«Это одна из самых сложных военных и политических неразберих века, и Кристофер Добсон вместе с Джоном Миллером... мастерски выполнили работу по объемному исследованию и яркому описанию тех событий»

Санди Таймс

«Между прочим, правда может быть удивительнее фантастики. Дело в том, что ВВС Великобритании чуть не разбомбили Москву, и это настолько невообразимое и необычное знание, что подобная книга публикуется впервые»

Ивнинг Ньюз

«Авторы... опытные корреспонденты, которые провели несколько лет в Москве, попытались сделать почти невозможное – дать ясный, последовательный отчет о том, чем фактически являлась данная умопомрачительная неразбериха»

Дейли Телеграф

Оглавление

Предисловие	8
ГЛАВА I	11
«Разрешение на бомбардировку?»	11
Южная Россия, декабрь 1919	11
ГЛАВА 2.....	22
«Предательское дезертирство».....	22
Россия, 1917-1918	22
ГЛАВА 3.....	36
Вторжение по приглашению.....	36
Мурманск, Март-Июнь 1918	36
ГЛАВА 4.....	49
Сражение начинается	49
Мурманск-Архангельск, июнь-август 1918.....	49
ГЛАВА 5.....	65
Сибирский сценарий	65
Владивосток, декабрь 1917 – июль 1918	65
ГЛАВА 6.....	82
Нефть и двадцать шесть бакинских комиссаров	82
Баку, январь-сентябрь 1918	82
ГЛАВА 7.....	97
Клуб ликвидации большевиков	97
Москва и Петроград, декабрь 1917 – август 1918	97
ГЛАВА 8.....	116
Больше солдат, больше денег, больше оружия.....	116
Мурманск, Август – Декабрь 1918	116
ГЛАВА 9.....	127
Генерал Айронсайд и Сержант Перриш отправляются на войну.....	127
Архангельск, август-декабрь 1918.....	127
ГЛАВА 10.....	147
Скотовоз в Омск.....	147
Сибирь, август -декабрь 1918 года	147
ГЛАВА 11.....	158
Заговоры Локкарта.....	158

<i>Москва и Петроград, август – декабрь 1918</i>	158
ГЛАВА 12.....	181
<i>Слишком много от военачальника</i>	181
<i>Лондон, ноябрь 1918 – март 1919</i>	181
ГЛАВА 13.....	187
<i>Тайные приказы короля Георга</i>	187
<i>Мурманск – Архангельск, январь – март 1919</i>	187
ГЛАВА 14.....	197
<i>«Позорная, незаконная маленькая война»</i>	197
<i>Лондон – Архангельск, Апрель – Июнь 1919</i>	197
ГЛАВА 15.....	211
<i>Мятеж и Крест Виктории</i>	211
<i>Архангельск, июнь – сентябрь 1919</i>	212
ГЛАВА 16.....	224
<i>Последние сражения</i>	224
<i>Мурманск, апрель – октябрь 1919</i>	224
ГЛАВА 17.....	235
<i>Поражение и предательство</i>	235
<i>Сибирь, декабрь 1918 – февраль 1920</i>	235
ГЛАВА 18.....	250
<i>Шпионы, торпеды и три сломанных танка</i>	250
<i>Балтика, ноябрь 1918 – декабрь 1919</i>	250
ГЛАВА 19.....	271
<i>Триумф большевиков</i>	271
<i>Южная Россия и Каспий, декабрь 1919 – май 1920</i>	271
<i>Фотографии</i>	282

Предисловие

Однажды воскресным утром четыре года назад в Гольф-клубе Highwoods в Сассексе Вик Клоу, крупный, симпатичный малый, чья выправка противоречит его годам, начал говорить по-русски с Кристофером Добсоном. Добсон, который был иностранным корреспондентом в Советском Союзе, спросил его, где он выучил язык, а Клоу рассказал историю о том, как он почти бомбил Москву в 1919 году. Данная книга основана на этом разговоре. К счастью, Джон Миллер, который провел около восьми лет в Москве в качестве корреспондента *Daily Telegraph*, возвращался в Россию еще на один год. Он начал исследовать российские документы для книги, а Добсон работал над западными архивами.

В самом начале работы стало очевидно, что то, что на первый взгляд казалось простым проектом, на самом деле было чрезвычайно сложным, и что почти каждое полученное представление о вторжении союзников в Россию было неверным. Первым мифом стал тот краеугольный камень советской пропаганды, который учит, что интервенция была тщательно согласованной попыткой «капитализма и империализма» задушить коммунизм при его рождении. Получилась история несогласованной реакции на серию событий, которые фактически начались с того, что британская армия сражалась вместе с большевистскими войсками и помогала защитить новое коммунистическое государство от вторжений под руководством Германии из Финляндии.

Следует признать, что этот этап длился недолго, и союзники, и большевики скоро набросились друг друга. Тем не менее союзники были более озабочены обеспечением поражения Германии и противодействием тому, что они считали предательством большевиков в унижительном мире с немцами, чем свержением новых правителей России. Америка, в частности, больше всего не хотела вмешиваться в дела России; французы, обескровленные в результате войны на истощение на Западном фронте, старались изо всех сил, чтобы русские отвлекли немцев на себя, открыв Восточный фронт; даже японцы, цинично пользуясь проблемами своих союзников, преследовали свои собственные цели по оккупации морских провинций России и Китая, не имея амбиций в остальной части России за пределами этих провинций; и британцы, основные сторонники белых русских армий, вскоре осознали политическую и военную опасность своего участия. Только когда Уинстон Черчилль стал военным министром в январе 1919 года - через девять месяцев после высадки первых британских войск в Мурманске - интервенция приобрела атмосферу антибольшевистского

крестового похода. Но даже его ораторское мастерство и напористость не могли убедить его коллег по кабинету продолжить этот крестовый поход.

Где бы мы ни копали, особенно в неопубликованных газетах и дневниках, и письмах, мы находили новые и поразительные истории, многие из которых были преднамеренно исключены из официальных отчетов и «изъяты» из мемуаров союзных и русских генералов. Например, истории о том, что скрывалось за мятежами Йоркширского полка и Королевских морских пехотинцев, никогда прежде не рассказывались; и, в случае мятежа морских пехотинцев, почти семьдесят лет спустя все еще трудно заставить кого-либо признать, что это когда-либо имело место.

В этих обстоятельствах мы стали сильно полагаться на частных лиц, присылающих нам семейные документы, и нам очень приятно поблагодарить их за помощь: миссис Бетти МакКаун за дневник и фотографии ее отца, капитана Питера Кроуфорда, морская пехота, «Король» Рестикента»; Г-на Дэвида Клегга за письма и другие материалы полковника Джонсона и его неизменный интерес к проекту; Г-на Роя Рэнделла за профессиональную консультацию и современные материалы; Миссис Эдвард Сутро за рассказ ее мужа и ее гостеприимство.

Нам также повезло, что мы нашли еще одного выжившего после интервенции, мистера Артура Уэйда, который хорошо помнит, каково было солдату в сибирскую зиму. Он живет всего в миле от Вика Клоу, но они никогда не встречались.

Мы, конечно, не смогли бы подумать о написании книги без помощи Государственного архивного управления в Кью, а сотрудники Имперского военного музея были, как всегда, неизменно добрыми и любезными. Материал, который они предоставили нам, был неоценим. Мы также должны поблагодарить Мэри Джо Пью из Исторической библиотеки Университета Мичигана им. Бентли, которая прислала нам дневники американских солдат с Архангельского фронта, которые проливают столько света на эту запутанную кампанию. Мы также благодарим Музей Королевских ВВС в Хендоне, Музей танков в Бовингтоне и Музей Королевских морских пехотинцев в Истни. Чатем-хаус и Лондонская библиотека, как и читальный зал Британского музея, как всегда, обеспечили свой отличный сервис.

Проблемы исследования «с обратной стороны холма» совсем другое дело. Политика управления архивами в Советском Союзе хорошо известна; все иностранцы подозрительны, а большинство иностранных историков считаются

буржуазными фальсификаторами. Однако не все двери закрываются, если их правильно толкнуть и некоторые исследовательские объекты были предоставлены авторам Центральным музеем вооруженных сил и Государственной исторической библиотекой РСФСР, в которую Джон Миллер был допущен.

Эти объекты предоставили некоторый новый материал о советской стороне боевых действий, но следует прямо сказать, что Советскому Союзу предстоит пройти долгий путь, прежде чем он сможет представить объективный анализ исторических предпосылок Интервенции, задействованных командиров Красной Армии, и самих событий.

Во многом это связано с идеологическим навязыванием Ленина Советской историографии. Гораздо больше связано с культом личности Сталина, его переписыванием своей собственной роли (и вычеркиванием Троцкого) и почти полное уничтожение командного состава Красной Армии во время Великой чистки 1930-х годов. Например, в Москве мы обнаружили, что командир, сражавшийся против британской армии на Северном фронте, опубликовал популярную книгу о своем опыте. Но после того, как он был арестован и расстрелян на Лубянке, он стал «ником», а его книги были уничтожены. Только одна копия все еще существует, и она остается под замком в библиотеке имени Ленина.

Еще хуже то, что Советы опубликовали фальсифицированные материалы и документы, в которых, например, Сталин организовал борьбу против британских сил к югу от Архангельска, включая успешное наступление в Шенкурске, тогда как он был фактически побежден бароном Врангелем в Царицыне на юге России.

Больше уже не модно, так как это было после того, как Хрущев осудил Сталина, объявлять в советских газетах и книгах, что определенные люди были убиты при Сталине, но недавняя публикация разоблачает игру. Советская энциклопедия гражданской войны и военной интервенции в СССР, опубликованная в Москве в конце 1983 года, представляет десятки кратких биографий военных деятелей. Показано, что за редкими исключениями они умерли между 1936 и 1940 годами; и более чем вероятно, что они оказались в камерах Лубянки или Гулага.

Таким образом, если бы не «Сталинская чистка», вполне возможно, что некоторые выжившие после интервенции, еще живые в Советском Союзе, смогли бы рассказать свои истории. Увы, большинство опубликованных отчетов были

настолько сильно покрыты идеологией, что правда лишь изредка просвечивает. В Советском Союзе нет Виков Клоу.

Среди тех в Советском Союзе, кто каким-то образом помогал в написании этой книги, не неся при этом никакой ответственности за взгляды, опубликованные в ней, авторы особенно хотели бы поблагодарить Бориса Ожгибесова, директора Центрального музея вооруженных сил Ордена Красной Звезды, господина Федора Гладкова, специалиста по истории ЧК, и госпожу Виноградову за ее превосходные и обширные переводы из официальных документов. Если есть кто-то, кого мы забыли, то, пожалуйста, простите нас. Это промах ума, а не сердца.

Пояснение

В России существовало четыре основных партии во время Революции 1917 года. Это были Большевики, Меньшевики, Социал-Революционеры, и Левые Социал-Революционеры. Большевики, возглавляемые Лениным, происходили из радикальной фракции Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, когда она разделилась в 1903 году. Меньшевики принадлежали к антиленинской фракции и организовались в качестве политической партии только в августе 1917 года на конгрессе нескольких Социал-Демократических групп. Социал-Революционеры были сформированы в 1902 году сторонниками революционного народничества. Часть партии, Левые Социал-Революционеры, поддержали Большевиков в 1917 и играли свою роль в правительстве до подписания Брест-Литовского Договора. [К августу 1918 года существовало около тридцати разных правительств, функционирующих на российской земле.](#)

ГЛАВА I

«Разрешение на бомбардировку?»

Южная Россия, декабрь 1919

Одним ужасно холодным днем в декабре 1919 года командир авиационной эскадрильи Джо Арчер, командующий авиаотрядом «Z», засекреченным подразделением ВВС Великобритании, сражающимся практически нелегально

на стороне Белой Российской Армии генерала Деникина против Большевиков, остановил рейс поезда специального назначения посреди российской степи к северо-востоку от Харькова.

Рядом с железнодорожной линией были припаркованы два часто используемых RE8 - разведывательные бомбардировщики, в то время как еще четыре, их крылья были привязаны к фюзеляжу, ехали на вагонах-платформах, буксируемых поездом. Механики, закутавшиеся от холода в странную форму, спустились, чтобы заправить бомбардировщики, называемые «Гарри Тейтами»¹ на рифмованном сленге Кокни получившие наименование в честь комика мюзик-холла. Оружейники проверили свои пулеметы Льюиса и Веккерса. Связисты разгрузили свое оборудование и натянули антенны.

Арчер провел опрос пилотов и наблюдателей за ожидающим самолетом, затем закодировал сообщение для передачи в [Таганрог на Азовском море, где находилась штаб-квартира Британской военной миссии для белогвардейцев.](#)

Сообщение было простым. Оно гласило: «В состоянии бомбить Москву. Жду инструкций»

Возможно, он был несколько амбициозным в своей оценке расстояния до Москвы и способностью почтенного RE8 лететь к столице находящейся в затруднении большевиков. Чтобы выполнить бомбардировку, ему, вероятно, нужно было бы организовать базу для дозаправки вдалеке от позиций Красной Армии. Но страна была настолько открыта, и противоборствующие силы так рассеяны, что, возможно, используя половину своих самолетов, чтобы доставить топливо к изолированному перевалочному пункту, остальные смогли бы атаковать.

Навигация не была проблемой; пилоты просто летят вдоль железной дороги. Опасность заключалась в том, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох красными кавалерийскими патрулями во время заправки или двигателем, который «заглох». Пилоты авиаотряда «Z» слишком много слышали о большевистской жестокости, чтобы с радостью попасть в их руки. Поэтому они ожидали ответа на запрос Арчера со смесью волнения и трепета, свойственной молодым людям на войне, участвующим в специальных операциях.

Москва не подвергалась нападению с тех пор, как Наполеон захватил её со всей мощью и великолепием своей Великой Армии. Теперь, чуть более ста лет спустя,

¹ Гарри Тейт был известным комедиантом мюзик-холла. Для ARREEE (Гарри) EIGHT (Тейт) было естественно получить известность как «Гарри Тейт»

горстка неопратно одетых молодых англичан планировала поливать город парой дюжин 20-фунтовых бомб из дряхлых бипланов, скрепленных клеем, проволокой для фортепиано и большой верой.

Лейтенант Вик Клоу был одним из тех молодых людей и, как и все те, кто принимал участие в интервенции союзников в Россию, он вспоминает все об этом с абсолютной ясностью. Его опыт был типичным сочетанием беспокойных молодых людей и профессиональных «Асов» с Западного Фронта, которые теперь оказались в бою над Россией в тот знаменательный год.

Клоу вступил в армию в начале Первой мировой войны в возрасте семнадцати лет, служил клерком в штабе генерала Смэтса во время Восточноафриканской кампании перед переводом в Королевский Летный Корпус. Обученный в Гелиополе в Египте, он закончил войну в Александрии управляя устаревшим самолетом BE 2c на конвойной службе, защищая корабли, использующие Суэцкий канал. Затем он был отправлен на паромную переправу в Англию. Когда его спросили, хочет ли он поехать в Россию, чтобы немного показать «высший пилотаж», Клоу воспользовался случаем - «Я был тогда молодым и глупым и думал, что это будет приключение»

Он был отправлен на [Кавказ, в то время кое-как оккупированный британскими вооруженными силами](#), чьей очевидной задачей было обеспечение соблюдения условий перемирия 1918 года, при котором [турки и немцы отказались от территории, которую они оккупировали там во время войны](#). Но присутствие англичан было также нацелено на то, чтобы предотвратить столкновение большевиков с новыми государствами [Грузии, Армении и Азербайджана](#), которые провозгласили свою независимость от российского правления.

После рискованного путешествия на поезде и лодке по Европе и Черному Морю, Клоу в конце концов присоединился к 221-й эскадрилье в июне 1919 года в [Петровске, ныне известном как Махачкала](#), оживленном порту на Каспии, к северу от Баку. В обязанности эскадрильи входила поддержка белогвардейской военно-морской флотилии на Каспии и наблюдение за большевистскими кораблями, перевозившими агитаторов на юг, в Баку и Персию.

Между Большевиками и англичанами вокруг Каспия шла небольшая, но оживленная война. 221-я эскадрилья совершила патрулирование на самолетах DH9a, на тот момент самых современных разведывательных бомбардировщиках, поступивших на вооружение недавно созданным Королевским ВВС. Они также бомбили большевиков в их астраханской крепости. Клоу принял участие в двух из

этих рейдов, в ходе которых пять одномоторных самолетов пролетели 250 миль над вражеской территорией, чтобы сбросить на город две бомбы весом 240 фунтов (109 кг), всего десять, - «в то время это было большим достижением».

Часть обязанностей пилотов состояла в том, чтобы по очереди провести две недели на аванпосте с двумя самолетами на острове Чечин, размером чуть больше песчаной отмели, неудобно близко расположенным к большевистским позициям и в пределах досягаемости их кавалерийских патрулей.

Однако приключение Клоу на Каспии длилось всего два месяца. В парламенте и по всей стране росли протесты против затруднительного положения за границей, которое обещало только вред и которое Британии становилось все сложнее поддерживать. Таким образом, на основании того, что Турция соблюдала условия перемирия и что британские войска были необходимы в другом месте, все британские силы были выведены с Кавказа к августу 1919 года, за исключением стратегически важного порта и железнодорожной станции **Батум** на Черном море.

221-я эскадрилья вернулась в Англию, где была реорганизована и отправлена в Сомалиленд, чтобы разобраться с Безумным Муллой. «Они сделали это за шесть недель и покрыли себя славой», - говорит Клоу. Но это была другая история. Окружной маршрут эскадрильи домой доставил его поездом из Баку в Ростов, а затем в Новороссийск. Все это было на территории под контролем генерала Деникина и его Белогвардейской Армии. По пути Клоу случайно встретился с подполковником А. К. «Сисси» Маундом, командиром учебной миссии ВВС, базирующейся в Таганроге, задача которого состояла в том, чтобы научить русских белогвардейцев управлять флотом из 130 RE8, предоставленных им англичанами.

Маунд, нуждающийся в опытных пилотах, попросил Клоу присоединиться к миссии. Все еще «молодой и глупый» и соблазненный оплатой как у подполковника, он согласился и стал летным инструктором. Обучение было коротким в те дни. «Они давали вам около четырех часов полета с инструктором, а затем инструктор говорил: «Продолжай, черт возьми, старайся убить себя» . . .» Русским потребовалось больше времени, чтобы потренироваться. Оказалось, что они знали все о неисправностях RE8 и были разочарованы тем, что англичане не прислали им что-то лучшее. Было хорошо известно, что в 1914 году, когда российские ВВС искали самолеты для борьбы с немцами, англичане и французы пожертвовали только те самолеты, которые не подходили для использования на Западном фронте, включая пресловутый Spad A2, который имел своего рода

кабину для наводчика, установленную перед его пропеллером. Не многие артиллеристы пережили крушение в Spad. Потенциальных российских пилотов также не порадовало объявление, нанесенное по трафарету на задней кабине RE8: «Не взлетайте с весом менее 150 фунтов в кабине стрелка»

Чтобы доказать, что RE8 были годны к полетам, британские инструкторы пролетали в тесном строю над Ростовом, включая свои двигатели, мощностью в 150 лошадиных сил, взбивающими четырехлопастные винты на полных оборотах, и выпуская необычные дымящиеся выхлопные газы, пролетающие над кабиной. Демонстрация, однако, не имела безоговорочного успеха: жители Ростова официально заявили, что RE8 пролетали слишком близко, что угрожало безопасности.

Учебная программа ВВС Великобритании была частью сильной военной миссии, состоящей из 356 офицеров и 1102 других званий, направленная на помощь Деникину британским военным министром Уинстоном Черчиллем. Под командованием решительного генерал-майора Герберта Холмана в её состав входил контингент танкового корпуса, который обучал людей Деникина использовать шесть тяжелых танков Mark V и шесть средних «Уиппетов», которые, как и RE8, были излишками британской армии, оставшимися после войны.

Роль миссии была предположительно сугубо консультативной, но это была выдумка, призванная успокоить британское общественное мнение, которое становилось все более беспокойным из-за того, что *Daily Express* назвало «собственной маленькой войной мистера Черчилля».

Британским офицерам также разрешили служить в войсках Деникина на «добровольной основе», и именно согласно этой байке эскадрилья № 47 была отправлена из Салоников, где она закончила Великую Войну, через Болгарию, в Новороссийск, черноморский порт, через который Британия доставляла припасы Деникину. Некоторые из давнишних членов эскадрильи были не слишком довольны этой договоренностью, поскольку настоящая война закончилась, и все, что они хотели, это вернуться домой.

Министерство авиации выбрало грозного героя, чтобы возглавить эскадрилью - Раймонда Коллишоу, который, имея не менее шестидесяти побед над Западным Фронтом, был третьим по величине британским летчиком асом. Канадец, он должен был стать Кавалером Ордена Бани 3-ей степени, офицером Ордена Британской Империи, и, чтобы быть награжденным Орденом за Выдающиеся

Заслуги, крестом «За боевые заслуги» и крестом «За летные боевые заслуги». Во время Второй мировой войны он стал вице-маршалом авиации. В молодости он был скандалистом, который, как говорили, «перешагивал через своих пилотов» на официальных обедах офицерского состава.

В Лондоне Коллишоу собрал «Воздушную карусель» из летчиков-асов, которые должны были присоединиться к его новой эскадрилье. Среди них был награжденный многими медалями южноафриканский капитан авиации С. М. «Кинки» Кинкед, сбивший тридцать вражеских самолетов над Дарданеллами и Западным фронтом во время войны. Он также должен был получить Орден за Боевые Заслуги на юге России за уничтожение кавалерийского формирования Красной армии, тем самым пополняя свою коллекцию медалей Орденом за Боевые Заслуги, крестом «За боевые заслуги» и пряжкой на орденской ленте, а также крестом «За летные боевые заслуги» и пряжкой на орденской ленте. Он добился еще большей славы в мирное время как участник высокоскоростного полета ВВС, который выиграл трофей Шнайдера в 1927 году. Но его удача закончилась 12 марта 1928 года, когда он пытался побить мировой рекорд скорости в Supermarine-Napier S5, один из быстрых гидросамолетов, на базе которого был разработан Spitfire. По какой-то причине, которая до сих пор остается необъяснимой, он внезапно упал носом в Солент с острова Уайт и был мгновенно убит.

«Воздушная карусель» Коллишоу высадилась в Новороссийске 8 июня 1919 года. Проехав по пересеченной местности на поезде, он основал свою базу в Гнилоаксайской, примерно в шестидесяти милях к юго-западу от Царицына, города на Волге, который был переименован в «Красный Верден» своим большевистским гарнизоном. Тем самым они заявили о своем намерении защитить его от Белой армии, как французы защищали Верден от немцев. Однако только спустя двадцать три года Царицын прославился стойкостью своих защитников, когда он стал камнем, о который споткнулось гитлеровское вторжение в Россию, - только тогда он назывался Сталинградом.

Как иронично, что его сначала бомбило не Люфтваффе, а Королевские ВВС Великобритании, хотя цель была одна и та же - изгнать и победить большевиков.

Хотя Коллишоу не сразу вышел на фронт, Кинкейд и его коллеги тут же включились в работу. Они летали на DH9S в разведывательных и бомбардировочных миссиях и на Sopwith Camels для защиты бомбардировщиков и обстрела большевистских позиций. Во время одного рейда против Царицына DH9 нанесла прямой удар бомбой 112 фунтов (50 кг) по зданию, в котором

собирался местный совет. Только 2 из 41 присутствовавшего красного офицера выжили.

«Красный Верден» не оправдал своего названия, отчасти потому, что Сталин, тогда член Политбюро, которого послали, чтобы помочь защитить Царицын, подорвал авторитет бывших царских офицеров, которые фактически вели оборону. Он считал их всех потенциальными, если не фактическими предателями дела большевиков. Боевой дух в городе упал, и к вечеру 19 июня белые казаки армии барона Врангеля при поддержке танков и бронемашин пробились на улицы. Однако Красная Кавалерия находилась всего в нескольких милях к северу, и большевики организовали флот катеров с артиллерийским вооружением на Волге, пытаясь вернуть город.

Важность Царицына заключалась в его положении между белыми армиями Деникина на юго-западе и Колчака на северо-востоке. Только если белые удержат город, две их армии смогут объединиться. Поэтому было неизбежно, что большевики приложат все усилия, чтобы вернуть его. На самом деле это было почти так же важно в российской гражданской войне, как и во Второй Мировой Войне.

Это означало, что для пилотов 47 эскадрильи было много работы. Они завладели четырьмя специальными поездами, по одному на каждый рейс, а четвертый использовался в качестве мобильного штаба. Таким образом, они смогли доставить свою авиацию прямо на поле боя и вскоре оказались в самой гуще сражения.

30 июля им было суждено совершить необычайный подвиг. Три DH9S взлетели, чтобы бомбить и обстреливать речные баржи и скопления кавалерии, а также фотографировать офицеров разведки генерала Врангеля. Капитан Уолтер Андерсон и его наблюдатель лейтенант Джон Митчелл фотографировали, когда их самолет подстрелили и из него начал течь бензин. Митчелл забрался на крыло и закрыл отверстия пальцами. Но затем у машины, управляемой капитаном Уильямом Эллиотом и лейтенантом Х. С. Лейдлоу, подбили двигатель, и Эллиоту пришлось совершить вынужденную посадку. Красная Кавалерия скакала галопом, размахивая своими саблями, но Лейдлоу отбил их с помощью своего пулемета Льюиса из задней кабины. Андерсон приземлился вместе с Митчеллом, продолжающим затыкать отверстия в бензобаке.

Приземлившись, Митчелл взялся за свой пулемет Льюиса, в то время как Эллиот поджег свою машину. Затем, когда Эллиот и Лейдлоу забрались в кабину

Митчелла, он снова занял свое место на крыле и сунул пальцы обратно в отверстия. Андерсон завел свой двигатель, и все четверо улетели в безопасное место, хотя для Митчелла полет был не только опасным, но и болезненным: он был в шортах и обжегся горячими выхлопными газами, находясь на крыле самолета. Он и Андерсон были награждены орденом за боевые заслуги и, позднее, крестом за выдающиеся заслуги. Коллишоу, пишущий об этом инциденте в своей книге «История летчика-истребителя», заметил, что они должны были получить Крест Виктории. Сам Коллишоу вступил в бой, бомбя Красную канонерку на Волге парой 230-фунтовых бомб, буквально сдувающих ее с водной поверхности. Позже он прибавил к своему счету, когда сбил противника, с которым он сталкивался ранее на Западном фронте, «Albatros D.V.».

Кинкейд получил свой орден за боевые заслуги после того, как возглавил четыре самолета Camel Авиаотряда В и нанес сокрушительное поражение кавалерии красноармейца мародера Думенко, когда они поймали около 5000 всадников на открытой местности примерно в сорока милях к западу от Царицына. Это была бойня. Используя бомбы и пулеметы, истребители Camel уничтожили силы Думенко. Мертвые и умирающие люди и лошади были разбросаны по обстреливаемому участку местности, и когда выжившие бежали, они были настигнуты и порублены белыми казаками. Позже белые утверждали, что насчитали 1600 человек убитыми и ранеными. Пилоты работали по системе тесного сотрудничества с Белым казачьим генералом Улагаем.

Истребители Camel атаковали первыми; летая над землей, они сами были похожи на всадников. Затем кавалерия атаковала, сверкая своими саблями, а мусульмане среди них несли зеленые знамена с цитатами из Корана.

Пилоты Коллишоу одержали еще одну важную победу в сентябре, когда они собрали все свои машины у Бекетова, всего в нескольких минутах полета от Дубовки, города на изгибе реки Волги, где красные собрали флот из примерно сорока лодок, чтобы бомбардировать Царицын с помощью оружия величиной с 9,2 дюймовую гаубицу. Британские самолеты бомбили и обстреливали из пулеметов этот флот в течение двух дней без передышки. К третьему дню одиннадцать из них были потоплены, а остальные были вынуждены уйти вверх по реке. Лейтенант Говард Мерсер, наблюдатель с Авиаотряда С, был награжден крестом за летные боевые заслуги за «работу по этому случаю». Он уже получил Военный Крест, и генерал Врангель наградил его Крестом Святого Георгия.

Естественно, что эти подвиги не могли быть скрыты. И, хотя, храбрость и опыт пилотов получили полную похвалу дома, противники интервенции оказывали

сильное давление на вывод эскадрильи. Поэтому, 1 октября эскадрилья № 47 Королевских ВВС сменила название на «Эскадрон А» и официально стала частью учебной миссии. Все его члены, как офицеры, так и солдаты, должны были подписать с Деникиным форму добровольного участия на службе в Южной России. Будучи совершенно неубедительной причиной, тем не менее, это значило, что те, кто раньше был «добровольцем», теперь могли возвращаться домой, если они того пожелают.

Пока все это происходило вокруг Царицына, Деникин нанося удар на севере через Харьков и Курск сквозь поле боя, где русские и немецкие танки позднее сойдутся в величайшем танковом сражении, которое когда-либо видел мир, отбросил Красную Армию, и, продвигаясь на север от Орла, находился на расстоянии чуть более двухсот миль от Москвы. Он пообещал своим людям, что они будут в столице на Рождество, и лейтенант Чарльз Робертс, инструктор артиллерии Британской миссии, который был прикреплен к штабу Деникина, позже с сожалением вспоминал, что, когда они взяли Орёл 13 октября, то: «мы решали, какую лошадь нам оседлать для триумфального въезда в Москву».

Действительно, казалось, что большевики были на грани поражения, но Деникин слишком сильно растянул свои силы. Лидер партизанских анархистов Нестор Махно атаковал его линии связи, реорганизованная Красная Армия нанесла серию поражений его войскам, и к концу 1919 года он потерпел поражение.

Захваченный 1-й кавалерийской армией под командованием генерала Семена Буденного, бывший сержант Имперской кавалерии, Деникин отчаянно нуждался в авиационной поддержке. Но, за некоторыми блестящими исключениями, недавно обученные российские пилоты продемонстрировали заметное нежелание летать; как будто просто приобретение их самолетов было конечной целью. «Они были увешаны медалями», - говорит Клоу, - но они отказывались выходить на передовую». Именно в этих обстоятельствах Маунд собрал вместе своих инструкторов и сказал: «Мы хотим, чтобы некоторые из вас вышли на передовую и работали с русскими». Чувя приключение, никто не возражал, и, скрываясь от недовольства парламента за названием Авиоотряд «Z», они решили дать бой Красной Армии.

Солдатам был выделен один из специальных поездов. Он состоял из платформ для перевозки самолетов, жилых помещений и мастерских. В поезде было все самое необходимое: лазарет, пекарня, вагоны для бомб и патронов, вагоны, наполненные емкостями с топливом. У солдат были койки в третьем классе, в то время как офицеры спали по четверо в купе первого класса и устроили себе

столовую в разобранном вагоне третьего класса. В поезде также был вагон для лошадей с двумя лошадьми для тренировки офицеров.

Таким образом, Авиаотряд «Z» оставил удобства Таганрога с его Яхт-клубом и театром, где собственный струнный оркестр Деникина играл два или три раза в неделю, и отправился на север, по направлению к битве, на несколько дней обосновавшись в Валуйках, к северо-востоку от Харькова. Они взлетали с равнины рядом с поездом, выполняли свою миссию, а затем, если поезд продолжал движение, разыскивали еще одну посадочную площадку у подъездного пути, куда поезд мог прибыть на несколько дней. Эти пути обеспечили центры деятельности на бесконечных открытых равнинах. Они были необходимы для того, чтобы поезда могли разъехаться друг с другом по однопутной дороге. Обычно расположенные недалеко от деревень, они также были оснащены телеграфами и обеспечивали поезда водой и топливом.

Первой задачей Авиаотряда при достижении подъездного пути будет организация связи, настройка радиотелеграфа со складной антенной мачтой. Оборудование будет выгружено, будут разжигаться костры, в деревню отправляются отряды фуражиров, которые будут производить обмен на яйца, молоко и масло. (Один кусок мыла Pears купила бы один фунт масла ~ 0.5кг.) И работа начиналась с «Гарри Тейтсов», настраивая их двигатели, восстанавливая провода и изредка замазывая пулевое отверстие.

После рабочего дня солдаты болтали за курительной трубкой после ужина - обычно мясные консервы или мясные консервы Маконнахи с двумя овощами. Загоравшие долгими жаркими днями на юге России, они были рады теплу костра, когда в степях стало холоднее. У одного из пилотов была «Декка», и мелодии из лондонских шоу, таких как «Чу Чин Чоу» и «Горная дева», наполняли русскую ночь, пока записи не стали безнадежно зацарапанными. Некоторые из пилотов брали с собой свои дробовики и удочки для форели и дополняли свой рацион тетеревом, уткой, зайцем и редкой рыбой, хотя форель охотнее ловилась на оглушение ручными гранатами.

За исключением железнодорожных войск и проходящих патрулей кавалерии, пилоты мало общались с армией, за которую боролись, хотя иногда они перевозили русских офицеров на разведывательных рейсах. Они вели странную, изолированную жизнь, маленький кусочек Англии, бродящий в сердце России.

Одна из операций авиаотряда «Z» была направлена против Семена Петлюры, украинского националиста, выступавшего против белых и красных, который, как

и Махно, атаковал коммуникации Деникина. Они поймали Петлюру и его людей на деревенской лужайке, с товарным поездом с лошадьми и повозками «дрожки», и расстреляли их. Но Клоу, летевший с русским полковником в качестве наблюдателя, был неприятно удивлен, обнаружив, что по ним ведут ответный огонь. Петлюра приобрел несколько немецких пулеметов на зенитных установках и использовал их с энтузиазмом. Самолет Клоу изрешетили, но, несмотря на поврежденную шину, он благополучно вернулся. Петлюра, известный своими антисемитскими погромами, пережил эту встречу и многие другие, но в конечном итоге был убит в Париже евреем, жаждавшим отомстить за прошлую жестокость украинца по отношению к своему народу.

Тогда это была ситуация, когда командир эскадрильи Джо Арчер установил радиосвязь у железнодорожной линии где-то в Валуйках и попросил разрешения бомбить Москву. Арчер и его пилоты не знали, однако, что их просьба ожидалась месяцем ранее. 19 сентября Черчилль, тогдашний военный министр, с нетерпением принимая сведения о наступлении Деникина на Москву, телеграфировал предупреждение генерал-майору Холману: «Я считаю, что в нынешних обстоятельствах британские летчики не должны использоваться для бомбардировки Москвы». Он добавил, что «в этой операции нет никакой военной необходимости».

Возможно, так оно и было, но настоящая причина носила политическую, а не военную окраску. Черчилль подвергся нападению почти со всех сторон в Британии за свою безрассудную решимость втянуть Великобританию в еще одну крупную войну, прежде чем вдовы перестали плакать из-за последней. Если бы Джо Арчер и его люди подстегнули свои дряхлые «Гарри Тейты» пролететь вдоль железной дороги, чтобы сбросить крошечные бомбы на Москву, это бы рассматривалось так, как если бы Черчилль действительно вел «свою маленькую войну». *Daily Express*, возглавлявшая кампанию против интервенции союзников в Россию, настаивала на том, что такая ситуация недопустима. «Мы начинаем новую войну, конец которой невозможно увидеть». Это был аргумент, который имел широкую популярность и с которым согласился премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж.

Генерал-майор Холман любил своих пилотов. Он называл их «мои мальчики» и потворствовал их несколько преувеличенным предпочтениям, удостоверяясь, что у них было достаточно виски и банок с сильным ромом, и требуя самые грязные песенки, когда посещал их в столовой, устроенной в железнодорожном вагоне особого авиаотряда «Z».

Но даже самый снисходительный из генералов не мог закрывать глаза на такие конкретные указания на желания своего политического господина, как те, которые Черчилль телеграфировал. И Холман не был политическим новичком. Так что, когда ключ Морзе отбивал свой ответ на запрос Арчера, он был коротким и резким: «В разрешении отказано. Уходи немедленно».

Клоу вспомнил реакцию пилотов: «Мы были очень разочарованы. Мы проделали весь этот путь, чтобы сделать работу, и теперь нам приказали вернуться ... Но я не должен признать, что было и скрытое чувство облегчения, потому что старые Гарри Тейты летали бы на самом пределе своих возможностей и с небольшой бомбовой нагрузкой, и мы очень опасались, что нас «боло» нас вынудят совершить посадку и захватят в плен [боло - британское прозвище большевиков]».

Таким образом, они сели в свой поезд и отправились на юг, не осознавая, что они покидали поле битвы, на котором решалось будущее России, и что, когда битва закончится, большевики станут хозяевами, и коммунизм получит базу для попытки реализации мечты о мировой революции.

ГЛАВА 2

«Предательское дезертирство»

Россия, 1917-1918

Это началось пять лет назад, 1 августа 1914 года, когда в семь часов вечера посол Германии в России граф Фридрих фон Пурталес подъехал к Министерству иностранных дел на Дворцовой площади Санкт-Петербурга.

Формально одетый, картина дипломатической деликатности, но со своими бледно-голубыми глазами, полными слез, он представил объявление Германии о войне своему другу Сергею Сазонову, министру иностранных дел Его Императорского Величества, царя России Николая II.

Сазонов принял декларацию, а затем, как он позже говорил послу Франции Морису Палеологу, объявил Пурталесу: «Проклятия народов лягут на вас».

«Мы защищаем нашу честь», - ответил Пурталес.

«Ваша честь не была задета. Но есть божественная справедливость» сказал Сазонов.

Пурталес заплакал. «Это правда, - выдал он, - божественная справедливость».

Двое мужчин обнялись, а Сазонов успокаивал убитого горем Пурталеса, когда провожал его в теплый летний вечер.

Именно так началась Первая мировая война, война, которая должна была разорвать империи и уничтожить королевства, пережившие почти тысячу лет. Десять миллионов человек должны были быть убиты, уничтожены продуктами технологического века, которые обещали освободить их от тяжелого труда и страданий. И революция будет скрываться в каждой европейской столице, ожидая захвата власти в странах, обескровленных, потерявших людей и ресурсы и, как предполагалось, волю к сопротивлению. Когда это началось, русские генералы сказали своему военному ведомству, что нет необходимости заказывать новые печатные машинки, потому что все закончится, прежде чем возникнет необходимость заменить существующие. Но когда все закончилось, сами генералы были заменены людьми, которые не осмелились бы поговорить с ними в августе 1914 года.

Россия, которая мобилизовала свою храбрую, но невежественную армию и отправила ее в бой, была любопытным местом. Земля крестьян, феодализма и сельского хозяйства, она также переживала быструю индустриализацию, подпитываемую западным капиталом и технологиями, и гением графа Сергея Витте, государственного деятеля и строителя Транссибирской магистрали. Часто представленная картина глубоко отсталой России совершенно неверна. Во многих случаях корабли, предназначенные на замену утраченным в битве с японцами при Цусиме в 1905 году, опережали британские и немецкие аналоги. Русские также были продвинуты в области военной авиации. Одна из их разработок, которая хорошо показала себя во время войны, «Илья Муромец» был оснащен четырьмя двигателями, мог перевозить шестнадцать пассажиров или полтонны бомб и был по размерам похож на летающие крепости периода Второй мировой войны. Этот продвинутый самолет был разработан Игорем Сикорским, который позже эмигрировал в США и усовершенствовал первый практически используемый вертолет.

Россия, возможно, была страной, управляемой деспотичной монархией, но это была также страна, где деспот пребывал в страхе перед своими подданными.

Революция 1905 года была жестоко подавлена, но она напугала царя и привела к образованию Думы, которая, несмотря на все свои недостатки, была, тем не менее, национальным парламентом. Однако, когда воспоминания о 1905 году начали сходить на нет, царь стал все меньше и меньше замечать Думу, хотя она в основном состояла из землевладельцев и новых промышленников. Но это служило только для разогрева сил революции, бурлящей под корой самодержавия. Утверждается, что эти революционные силы были настолько решительны, что мобилизация армии и война задержали, а не ускорили революцию; конечно имел место огромный подъем патриотизма, когда началась война, но, когда революция постучала в двери Царского Дворца, она это сделала силой голода и поражения и двумя миллионами мертвецов позади себя.

Армия, в которой фактически было девять миллионов человек, боролась со всем упорным мужеством, которым по праву знаменит обычный русский солдат. По большей части царские солдаты были плохо экипированы, а руководили ими еще хуже на высших уровнях командования. У них часто не было патронов для их ружей, и в первые дни некоторые из них - все еще с крестьянскими портянками, обернутыми вокруг ног - столкнулись с жестокой эффективностью немецких пулеметчиков, будучи вооруженными только крестом и портретом царя-батюшки, и ожидая унаследовать винтовку от погибшего товарища. Но хотя качество их командиров не улучшилось, к 1916 году недостатки в винтовках, боеприпасах и сапогах были восполнены, несмотря на сокрушительный эффект мобилизации и нехватки сырья для вновь созданных отраслей промышленности России. Были также предприняты меры для того, чтобы новобранцы-крестьяне проходили надлежащую подготовку перед отправкой на фронт.

Важность этой огромной громоздкой армии для Англии и Франции была проста: она держала восемьдесят немецких дивизий на Восточном фронте. Как писал военный историк Б. Х. Лидделл Харт: [«Давайте не будем забывать, сколько раз Россия жертвовала собой, чтобы спасти своих союзников, подготавливая дорогу к их окончательной победе и, одновременно, к своей собственной гибели.»](#)

Наибольшая из этих жертв была принесена в июне 1916 года. В ответ на отчаянные просьбы союзников снять давление с французской армии (которая умирала от кровопотерь в человеческой мясорубке Вердена) и итальянцев после того, как их разгромили австрийцы под Трентино, генерал [Алексей Брусилов](#) начал наступление на Австро-Германский фронт в Карпатах.

Изначально это был удивительный успех. Брусилов нанес поражение австрийцам, вынуждая их прекратить продвижение в Италию и спас французам,

заставляя немцев положить конец кровопролитию в Вердене, так как им пришлось перебросить тридцать пять дивизий на Восточный фронт. Брусилову не хватало поддержки соратников, и его успех не был доведен до конца, но **его наступление, вероятно, не позволило союзникам проиграть войну**. Позже, чтобы стать одним из кадровых военных, сражавшихся за Красную армию против белогвардейцев, он должен был утверждать, что, если бы его победа была должным образом использована, он мог бы вывести Австрию из войны и тем самым вынудить Германию требовать мира к концу года.

Хотя русская армия доблестно сражалась, **победа Брусилова стоила жизни более чем миллиону человек**, возможно, половине от общего числа русских, погибших во время войны в целом (записи велись плохо - в некоторых полках они вообще отсутствуют). Имеющиеся данные показывают, что **около двух миллионов человек погибли, пять миллионов были ранены и два с половиной миллиона были взяты в плен; жертвы намного превышают таковые среди других воюющих стран и их число составляет столько же, сколько у остальных союзников вместе взятых**. Также подсчитано, что что-то вроде еще одного миллиона человек решили «я больше не буду солдатом» и ушли домой, чтобы собрать урожай.

Война должна была быть оплачена деньгами, а также кровью, а российская экономика была развалена. Поэтому, чтобы сохранить армию на поле боя, в надежде, что даже если российский «паровой каток» перестанет катиться, по крайней мере, это помешает немцам сосредоточить всю свою мощь на Западном фронте, **британцы выделили почти 600 миллионов фунтов стерлингов, а французы - около 160 миллионов фунтов стерлингов**.

Описывая эти субсидии, Константин Набоков, русский поверенный в делах в Лондоне сказал в своей книге *Суровое испытание дипломата*: «**Россия стала полностью зависимой от Великобритании в ведении войны. [Она] не смогла расплатиться материальными средствами за жертвы на войне, материалы, тоннаж и капитал, которые Великобритания произвела для снабжения наших армий. Россия платила только реками крови своих сыновей, погибших в бою. Россия всегда просила. Британия всегда давала**. Такое положение дел, несомненно, оказало огромное влияние на психологию британского общественного мнения и правительства».

Но к началу 1917 года ни кровь, ни деньги не могли удержать Россию в войне. Заводы, лишённые людей и сырья, закрывались. Нехватка продовольствия и рост стоимости жизни вызвали волнения и забастовки в Петрограде и Москве. У солдат и голодного крестьянства, частью которого они были, терпение подошло

к концу. Недовольство распространилось через средний класс и в царское окружение. Убийство Распутина, злого гения царицы, совершенное князем Юсуповым, помогло ободрить недовольных.

В начале марта в Петрограде, переименованном с немецкого Санкт-Петербурга в начале войны, начались беспорядки. Один очевидец, капитан Фрэнсис Кроми (британский военно-морской офицер, который позже сыграл трагическую роль в этой истории), сообщил: «Женщины, управляющие трамваями, бастовали из-за недостатка хлеба, оставляли свои вагоны на улицах и выбрасывали пусковые рычаги в каналы. Гарнизон отказался вести огонь по демонстрантам, и к воскресенью, 11 марта, войска присоединились к акциям протеста. Некоторые полки расстреляли своих офицеров и вышли на улицы с винтовками. Моряки балтийского флота взбунтовались и напали на своих офицеров». Кроми сообщил, что на военно-морской базе Кронштадт «Главнокомандующий Виренн был разрезан на мелкие кусочки и сожжен в деревянном ящике на площади». Его жена умерла, дочь совершила самоубийство, а сын, лейтенант, был застрелен. Сто офицеров были убиты, двое - в тюрьме, и только восемь остаются на свободе ...»

12 марта Дума избрала «Временный комитет» который взял на себя задачу восстановления порядка. 15 марта царь Николай потерял самообладание и отрекся от престола, положив конец правлению династии Романовых. Его крах назрел, и казался почти неизбежным.

Затем последовало восемь месяцев нерешительного правления Временного Правительства. Ведущую роль сыграли конституционные демократы, известные как кадеты. Это правительство (коалиция, основанная на существующих партиях в Думе), претерпело ряд изменений за свою короткую жизнь, в начале во главе с князем Георгием Львовым, а затем Александром Керенским. Он пережил попытку начальника штаба генерала Лавра Корнилова установить военную диктатуру и преждевременную попытку большевиков совершить переворот в июле, который не удался из-за отсутствия поддержки и решимости. Суровые большевики вернулись в Россию из ссылки после мартовской революции, [Ленин в запечатанном поезде из Швейцарии](#), [Троцкий на корабле из Нью-Йорка](#), [Сталин и другие лидеры второго ранга из ссылки в Сибири](#).

Все революционеры были застигнуты врасплох. Они не ожидали революции и, конечно же, не ожидали отречения царя. Мартовская революция не была их делом. Большевики не свергли царя. Всего два месяца назад Ленин сказал группе студентов в Цюрихе: «Мы, пожилые люди, не доживем до

международной социалистической революции...» Материя большевизма в России стала потрепанной.

Но как только немцы, замышляя вывести Россию из войны, помогли Ленину и его партии большевиков вернуться в Россию, он начал плести свою ораторскую магию, и большевистская система стала приобретать очертания.

Временное правительство должно было править в ненадежном сотрудничестве с петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, в основном это были меньшевики², порвавшие с большевиками, чтобы сформировать свою партию, и социалисты-революционеры. Тем не менее, несмотря на то что оно очень сильно контролировало страну, оно было признано союзниками правительством России, потому что Англии и Франции отчаянно требовалось сохранить 8 миллионов солдат страны в войне.

Эта необходимость ведения войны на Восточном фронте была основополагающим мотивом отношений союзников с Россией и их отношения к революции. Остальное было неважно. С момента, когда Временное Правительство захватило власть, представители союзников в Петрограде убедили новых правителей в абсолютной необходимости отвлечь на себя внимание немецких дивизий, чтобы их нельзя было перебросить на Западный фронт. Новое правительство заверило союзников в том, что **Россия будет «сражаться до последней капли крови»** и «свято» поклялось альянсами, связывающими его с другими воюющими странами.

Керенский остро нуждался в деньгах, и Сомерсету Моэму, опытному агенту британской разведки, чьи *Ашенденские истории* несут все признаки автобиографической достоверности, было поручено достать их ему. Затем, работая на нью-йоркской «станции», Моэм отправился во Владивосток, а затем через Сибирь в Петроград - путешествие не без приключений - с большим количеством денег для российского лидера. «Я пошел частным агентом, - писал Моэм в своей автобиографии, - от которого можно было откреститься, если это необходимо, с указаниями связаться с партиями, враждебными правительству, и разработать схему, которая бы удерживала Россию в войне и помешать большевикам, поддерживаемым центральными державами, захватить власть».

² Меньшевики были политической партией, созданной в августе 1917 года на съезде нескольких социал-демократических групп. До 1917 года это слово обозначало неленинскую фракцию Российской социал-демократической рабочей партии.

Тем не менее, союзники хотели больше, чем просто торжественные заверения в лояльности в обмен на свои деньги, и их послы и военные представители призывали Керенского нарушить полу-перемирие, которое установилось над линией фронта – Германия снова озаботилась Западным фронтом, а Россия собственной революцией. Поэтому упрямые солдаты, некогда подчиненные дисциплине кнута, тяжелые кожаные кнуты, которыми так свободно размахивали царские сержанты, но которые теперь обсуждали каждую команду, были отправлены в летнее наступление. Оно началось в июле и достигло некоторых первоначальных успехов. Но немцы контратаковали, и к концу июля наступление превратилось в катастрофу. Люди 11-й армии расстреляли своих офицеров и пошли домой, грабя и сжигая деревни на своем пути. Некоторые лояльные полки держали линию, но роль русской армии в войне была закончена, и союзникам потребовалось много времени, чтобы принять это. Снова самообман одержал победу над разумом.

Эта последняя военная катастрофа вызвала волну насилия, которая стала известна как «июльские дни». Поначалу демонстрации казались спонтанными и sporadическими, но раздавался один общий крик: «Долой правительство - всю власть Советам». Эти Советы - комитеты - далеко не все большевистские, состоящие из членов ряда разных политических групп. Большевики действительно активно раздували проблемы, но, когда пришло время, руководство партии колебалось и не сделало последнего шага. Даже Ленин, который поспешно вернулся из Финляндии, где он готовил заговор, посоветовал быть осторожными. Демонстрации прекратились, и когда правительство опубликовало улики, которые, казалось, свидетельствовали о том, что Ленин работал на немцев, народный гнев обернулся против большевиков. Группа вооруженных людей разрушила отделы «Правды», партийной газеты, а другая группа ворвалась в богато украшенный дворец балерины Матильды Кшесинской, захваченный большевиками и превращенный ими в свой штаб. Но большевистские лидеры ушли в подполье. Керенский, находившийся на фронте, вернулся в Петроград и 19 июля приказал арестовать Ленина. Лидер большевиков бежал, прячась в стоге сена в лесу в нескольких милях к северу от Петрограда, прежде чем искать убежища у сочувствующих в Финляндии. Много лет спустя Керенского в изгнании спросили, почему он не приказал застрелить Ленина, пока у него была такая возможность. Он ответил, что тогда он не думал, что большевистский лидер был настолько важен, чтобы принять такие радикальные меры.

К концу июля большевики были в смятении. Троцкий был в тюрьме, а Ленин был вынужден писать письма и брошюры из Финляндии, отрицающие, что он работал на немцев. В Советском Союзе стало символом веры, что он невиновен в этих обвинениях, хотя немецкие официальные документы того времени показывают, что он общался с немцами и принимал от них помощь. Но тогда Ленин готов был связаться с самим дьяволом, чтобы притащить коммунизм в Россию.

Однако, если большевики были в смятении, то тоже самое творилось и в правительстве. Экономическая политика Керенского развалилась. Начались забастовки, массовая безработица и голод. Вся уверенность в его способности управлять была потеряна.

Затем 6 сентября 1917 года, командующий армией генерал Корнилов двинулся на Петроград в попытке захватить власть. Он потерпел неудачу, в основном из-за того, что у его войск не было отваги для такого смелого предприятия, но он вызвал такую панику в городе, что правительство выдавало оружие любой организации, желающей бороться с ним. И это включало большевиков, многие из которых были освобождены из тюрьмы для борьбы с Корниловым. Когда испуг закончился, Керенский попросил их вернуть это оружие. Они посмеялись над ним. Большевики вернулись в дело.

Корнилов был использован большевиками как реакционер, чтобы запугать людей. Они использовали забастовки, голод и общее недовольство. Ленин писал из Финляндии 13 сентября, призывая Центральный Комитет партии большевиков подготовиться к вооруженному восстанию. Он требовал разработать планы по захвату Петрограда. Центральный Комитет, напуганный его ожесточенностью и его неосмотрительностью, сжег письмо. Но теперь ничто не остановит Ленина. Он, будучи в безопасности в Финляндии, обратился с речью к соратникам, требуя действий.

22 октября Ленин сбрил бороду и, надев парик, приехал из Финляндии и, таким образом, замаскированный, проскользнул в Петроград. На следующий день ЦК созвал заседание. В ночных дебатах Ленин убедил Троцкого, освобожденного из тюрьмы, Сталина и Дзержинского, человека, который должен был управлять Красным террором, что «вооруженное восстание стало неизбежным и неотложным».

Казалось, все знали, что большевики собираются совершить переворот. Петроградский Совет работал постоянно. На Всероссийском съезде Советов собирались делегаты. Везде были выступления и шум с Троцким, которые

превращали заседания Конгресса в революционное безумие силой его ораторского искусства. Несомненно, наступило время для очередной революции: даже тот факт, что выборы, организованные Временным правительством для формирования демократического Учредительного Собрания, должны были состояться, не помешал этому. Но когда началось восстание, это было довольно слабое, плохо организованное дело, несмотря на все ленинские наставления. Оно могло быть подавлено с помощью двух полков лояльных войск – потому что, все, что было у большевиков, это их красногвардейцы, вооруженные гражданские со слабой дисциплиной и еще более недисциплинированные моряками с Балтийского флота. Но когда Керенский покинул город, чтобы обеспечить поддержку Армии, он смог найти только семьсот казаков, готовых сражаться за него.

К вечеру 7 ноября, когда Керенский все еще находился за городом, пытаясь убедить армию выступить, его лишенное руководства правительство собралось в царском Зимнем дворце (все остальное было в руках большевиков и толпы). Поскольку большая часть гарнизона Зимнего дворца бежала, деморализованная большевистской пропагандой, министры охранялись только группой курсантов офицерской школы и 130 женщинами-солдатами из женского батальона во главе с грозной женщиной по имени Мария Бочкарева. Они поклялись сражаться до смерти против немцев. Но это была другая война, и когда крейсер «Аврора» сделал холостой выстрел по дворцу, а полевая артиллерия открыла прерывистую бомбардировку, женщины сдались. Курсанты были готовы к бою, но трусливые министры запретили им открывать огонь, последовали их примеру. Таким образом, когда большевики захватили дворец, сопротивления практически не было. Число погибших было минимальным: шесть красноармейцев были убиты, четверо из них от пуль, выпущенных их товарищами. На следующий день британский посол сэр Джордж Бьюкенен сделал следующую запись в своем дневнике:

Я вышел сегодня днем, чтобы увидеть ущерб, нанесенный Зимнему дворцу длительной бомбардировкой предыдущего вечера. Вечером к моей жене пришли два офицера-инструктора женского батальона и умоляли ее попытаться спасти женщин-защитниц Зимнего дворца, которых после сдачи отправили в одну из казарм, где с ними наиболее жестоко обращались солдаты. Генерал Нокс [военный атташе] сразу же поехал в большевистский штаб в Смольном институте. Его требования об их немедленном освобождении были сначала отклонены на том основании, что они отчаянно сопротивлялись, сражаясь до последнего с помощью

бомб и револьверов. Однако благодаря его твердости и настойчивости приказ об их освобождении был в конечном итоге подписан, и женщины были спасены от судьбы, которая неизбежно постигла бы их, если бы они провели ночь в казармах.

Вечером Ленина громко приветствовали в Конгрессе Советов, где он читал свой *Декрет о мире*, в котором предлагалось «всем воюющим народам и их правительствам немедленно начать переговоры о справедливом и демократическом мире». Резолюция была принята единогласно. Американский журналист Джон Рид в своей книге *«Десять дней, которые потрясли мир»*, записал эту сцену: «Война окончена», - сказал молодой рабочий рядом со мной, его лицо сияло. И когда все закончилось, когда мы стояли в каком-то неловком молчании, кто-то в глубине зала крикнул: «Товарищи, давайте вспомним тех, кто умер за свободу». Итак, мы начали петь Похоронный марш, эта медленная, тоскливая и все же торжествующая песня, такая русская и такая трогательная».

Тем не менее, триумф еще не был полным, и борьба не закончилась. Большевики с тревогой ждали Керенского, который шел на город со своими казаками. В городе произошли бои и забастовка государственных служащих против новых хозяев. Красногвардейцы пошли навстречу казакам.

Бой, состоявшийся в Царском Селе, был непродолжительным, и вновь пролилось немного крови. Казаки быстро прекратили борьбу, выслушав выступления большевистских агитаторов, которые проникли в их лагерь. Керенский бежал из страны. Из-за отсутствия решительности он потерял Петроград, потерял свое правительство и потерял Россию. Это была революция слов. Даже исторический первый выстрел *Авроры* оказался холостым. Кровопролитие было еще впереди.

Когда царь отрекся от престола, на Западе никто не огорчился. Конечно, король Георг V был глубоко опечален низвержением «двоюродного брата Ники», к которому он испытывал глубокую привязанность, и были предложены меры, по которым царя и его семью посадят в британский крейсер и отправят в изгнание в Великобританию. Временное правительство с радостью согласилось на это, но политические реалии явно одержали победу над королевскими настроениями. Согласно показаниям, данным позже Керенским, Временное правительство получило сообщение от посла Бьюкенена, в котором говорилось: «[Британское] правительство не считает возможным оказывать гостеприимство бывшему царю, пока продолжается война».

Присутствие царя, безусловно, было бы обузой для правительства во времена большой опасности на Западном фронте и угрозы гражданского беспорядка дома, особенно на Клайде, где русские моряки шли вместе с британскими социалистами на первомайском параде 1917 года. Для большинства англичан царь представлял собой систему феодальной тирании, которая была проклятием для британской системы демократии.

Что касается американцев, большинство из них были в восторге от низвержения Романовых. Русская монархия представляла все, против чего выступали американцы, агрессивные в своих традициях индивидуальной свободы. Более того, с 1890-х годов в Соединенные Штаты прибывает множество кораблей с беженцами из России и зависимых от нее стран, спасающихся от погромов, кнутов и сабель казачества. Ни один из иммигрантов не пролил бы ни единой слезы по царю (потому что иммигранты евреи – прим. пер).

Даже Франция, которая заключила союз с Россией в 1892 г. не выразил сожаления по поводу его низвержения³. Принципы собственной французской революции "Свобода, равенство и братство" оставались полной противоположностью царского самодержавия.

На международном уровне действительно как будто торопились признать Временное правительство. Соединенные Штаты сделали это 22 марта, всего через неделю после отречения царя. Великобритания и Франция сделали тоже самое через два дня. Палата общин и Палата депутатов Франции направили послания с выражением сочувствия и поддержки новому правительству. В послании к князю Львову Дэвид Ллойд Джордж приветствовал Россию в рядах тех стран, «которые основывают свои институты на ответственном правительстве». А когда президент Уилсон вовлек Соединенные Штаты в войну 2 апреля 1917 года, он приветствовал «обнадеживающие события, которые происходили в последние несколько недель в России», и он похвалил «великий, благородный русский народ [который] был добавлен со свойственным ему величием и могуществом к силам, борющимся за свободу в мире, за справедливость и за мир. Вот подходящий партнер для Лиги Чести».

Эти официальные сообщения, несомненно, отражали чувства народов Британии, Франции и Соединенных Штатов. Но, по правде говоря, военным и политическим лидерам стран, которые почти три года вели самую ужасную войну, которую они

³ Этот альянс был призван защитить обе страны от экспансионистских замыслов Пруссии. Французский посол Морис Палеолог был так глубоко предан царю, что его пришлось отозвать сразу после революции.

боялись проиграть, было все равно, кто контролирует Россию, пока она сражаются с немцами.

Эта озабоченность сохранением России в войне стала навязчивой идеей, которая привела к самым диким из военных фантазий: восстановлению Восточного фронта союзными войсками, переправленными на семь тысяч миль через Сибирь, а затем доставленных по несуществующим дорогам и железной дороге, находящейся в ужасном состоянии. Французский генерал Фердинанд Фош, который в 1918 году стал главнокомандующим Объединенными силами во Франции, настаивал на этом плане в интервью New York Times. «Германия идет по России», - утверждал он. «Америка и Япония, которые в состоянии сделать это, должны встретиться с ней в Сибири».

Необходимость помешать немцам - и туркам - «ходить» через Россию» привела к тому, что Великобритания и Франция оказывали поддержку различным националистическим группам, возникшим на юге России: казакам, украинцам, грузинам и другим, которые рассматривали распад царской империи как идеальную возможность утвердить свою независимость. Это было опасной игрой для Временного правительства, и позднее большевистское правительство было решительно настроено сохранить как можно большую часть империи и резко отреагировало на британскую и французскую поддержку этих групп, некоторые из которых были немногим лучше бандитов.

Посол Великобритании сэр Джордж Бьюкенен и генерал Альфред Нокс, Военный атташе, предупреждали, что эти шайки были неэффективными, и оказание им поддержки не принесло бы никакой пользы. Кроме того, когда Нокс телеграфировал в Лондон: «просить нас интриговать с казаками, пока мы находимся во власти правительства мятежников, — это все равно, что попусту перерезать нам горло.» Но даже это предупреждение - а Бьюкенен, и Нокс были близки к аресту после захвата власти большевиками, игнорировалось, исходя из предположения, что, если эти силы на юге будут обеспечены деньгами и оружием, они будут продолжать сражаться с немцами и турками.

Были и другие факторы. Была также необходимость не допустить, чтобы пшеница с Украины и нефть из Баку использовались для прорыва британской военно-морской блокады, которая душила Германию. И после того, как русская армия отказалась от сражения, ожил страх «Большой Игры» перед вторжением в Индию, британскую «жемчужину в короне», через Персию и Афганистан; теперь уже не России, а немцев с их турецкими союзниками, которые пытались поднять исламский флаг по всей Центральной Азии.

Британцы, у которых было несколько офицеров разведки, действующих на юге, и французы, у которых была создана военная миссия в Румынии, пытающаяся сохранить остатки побежденной армии этой страны, затем сделали ход, который, как утверждают русские, был первым признаком того, что союзники намеревались вмешаться во внутренние дела России. 23 декабря 1917 года они подписали конвенцию, разделяющую юг России на зоны влияния. Французы взяли на себя ответственность за Бессарабию, Украину и Крым, а Британии была присвоены казачьи территории, Кавказ, Армения, Грузия и Курдистан. Позже мы рассмотрим результаты этой конвенции, но сейчас следует отметить, что к концу 1917 года Великобритания и Франция были очень сильно вовлечены в неразбериху событий на юге России.

Сегодня кажется удивительным, что союзники все еще надеялись, что они смогут убедить русских вернуться в войну. После разгрома летнего наступления русская армия перестала существовать как единое целое; по словам генерала Нокса, она была «безвозвратно разбита». И как только Ленин захватил власть, больше не возникало никаких вопросов, кроме того, что он будет требовать мира с немцами практически на любых условиях, поскольку ему нужен мир, чтобы закрепить большевистский контроль над Россией.

Ленин изложил это в своем *Декрете о мире*, в котором он потребовал немедленного прекращения Первой мировой войны на «справедливых и демократических условиях мира»; и 22 ноября большевистское правительство приказало войскам на линии фронта брататься с немцами и начать переговоры о перемирии, где только смогут. Генерал Духонин, главнокомандующий армией, получил приказ начать немедленные переговоры с немцами. Бедный Духонин. Он был в невыносимом положении. Керенский исчез, а Духонин был сам по себе, хотя номинально командовал миллионами солдат. В конце концов он отказался подчиниться приказу и был заменен по указанию Москвы прапорщиком по фамилии Крыленко, который появился в штабе армии в Могилеве с личной охраной из пятидесяти красных матросов. Духонин был схвачен, а затем убит своими собственными солдатами, сброшен в воздух, чтобы приземлиться на их штыки. Так русские солдаты праздновали решение помириться с немцами.

24 ноября Троцкий сказал армии: «Ваше советское правительство не позволит иностранной буржуазии размахивать дубинкой над вашей головой и снова загнать вас в бойню». 29 ноября союзные посольства получили сообщение от большевистского правительства, информирующее их о том, что военные действия на русском фронте закончились и что переговоры с немцами начнутся 2

декабря. На следующий день Ленин и Сталин объединились, чтобы обратиться к народу Индии с призывом ликвидировать британское правление, «свергнуть этих грабителей и поработителей» и призвать их «бороться за свободу, которую пришедшая советская власть дала восточным народам России». Это был призыв к действию, который вряд ли понравился британскому правительству и способствовал продолжению развития деятельности британцев на юге России, направленной на защиту границ Индии, что казалось, как своевременным, так и уместным. Затем, 22 декабря, немецкие и большевистские эмиссары встретились в Брест-Литовске на первом пленарном заседании мирных переговоров, которые должны были окончательно вывести Россию из войны.

Со времени провала летнего наступления генерала Бруслова союзники игнорировали Россию как действующего участника военных сражений. Кроме того, британские и американские газеты начали сурово критиковать русских лидеров. И когда 3 марта 1918 года Ленин в конце концов принял унижительные условия мира, большевиков называли предателями на зарплате у немцев.

«Таймс» уже ответила делегатам на Съезде Советов, который говорил о «грядущей мировой революции», редакционной статьей, утверждающей, что «лекарство от большевизма - пули». Теперь «Нью-Йорк Таймс» опубликовала рассказы о большевистском предательстве под заголовками: «Русские продаются немцам» и «Большевики отдают богатство России Берлину». Позже Уинстон Черчилль подытожил чувства британцев: «Каждый британский и французский солдат убитый в прошлом году», - сказал он в своей речи в «Отеле Коннот» 11 апреля 1919 года, «был на самом деле убит Лениным и Троцким, не в честной войне, а предательским дезертирством союзника, не имеющего аналогов в мировой истории».

Позже он вернулся к этой теме в своей книге «Мировой кризис». Он писал, что немцы «применяли отравляющий газ в самых больших масштабах и изобрели Flammenwerfer (огнемет). Тем не менее, с чувством благоговейного страха они обратили на Россию самое ужасное из всех видов оружия. Они перевезли Ленина в запечатанном вагоне, как чумную палочку, из Швейцарии в Россию».

Черчилль и союзники, однако, были не единственными критиками Брест-Литовского договора. Условия были суровы: Россия уступала **Польшу-Литву, Курляндию, Ригу и часть Белоруссии Германии. На Кавказе Карс, Батум и Ардаган были переданы Турции.** Россия также признала независимость защищенного Германией правительства Украины. Потеря этой территории составила 27% посевных площадей России, 26% населения - 46 миллионов человек, - 26%

железных дорог и 75% железа и стали. Кроме того, большевики согласились выплатить три миллиарда рублей золотом в качестве репараций. Эти требования были настолько жестокими, что многие большевики выступили за то, чтобы снова начать борьбу с Германией и вести «революционную войну».

Именно Ленин запугивал, уговаривал и хитрил, чтобы они приняли условия, не потому, что он был агентом Германии, а потому, что он знал, что, если Россия снова пойдет на войну, большевистская революция будет закончена; немцев невозможно было остановить. И для него ничего не имело значения, кроме выживания большевизма. Он был уверен, что, если большевизм выживет, мировая революция последует так же точно, как ночь следует за днем.

Но немногие имели его видение и его веру. Россия оказалась на грани распада. Царская империя разваливалась, а ее периферийные области претендовали на независимость; немецкая армия все еще угрожала Петрограду и Москве; царь был еще жив, а его сторонники собирали свои силы; большевики ни в коем случае не были самой сильной партией в России, и их раздирали разногласия. В стране был голод, беспорядки на фабриках, мятеж в войсках. Каждый день был полон опасности.

Весной 1918 года союзники решают вмешаться.

ГЛАВА 3

Вторжение по приглашению

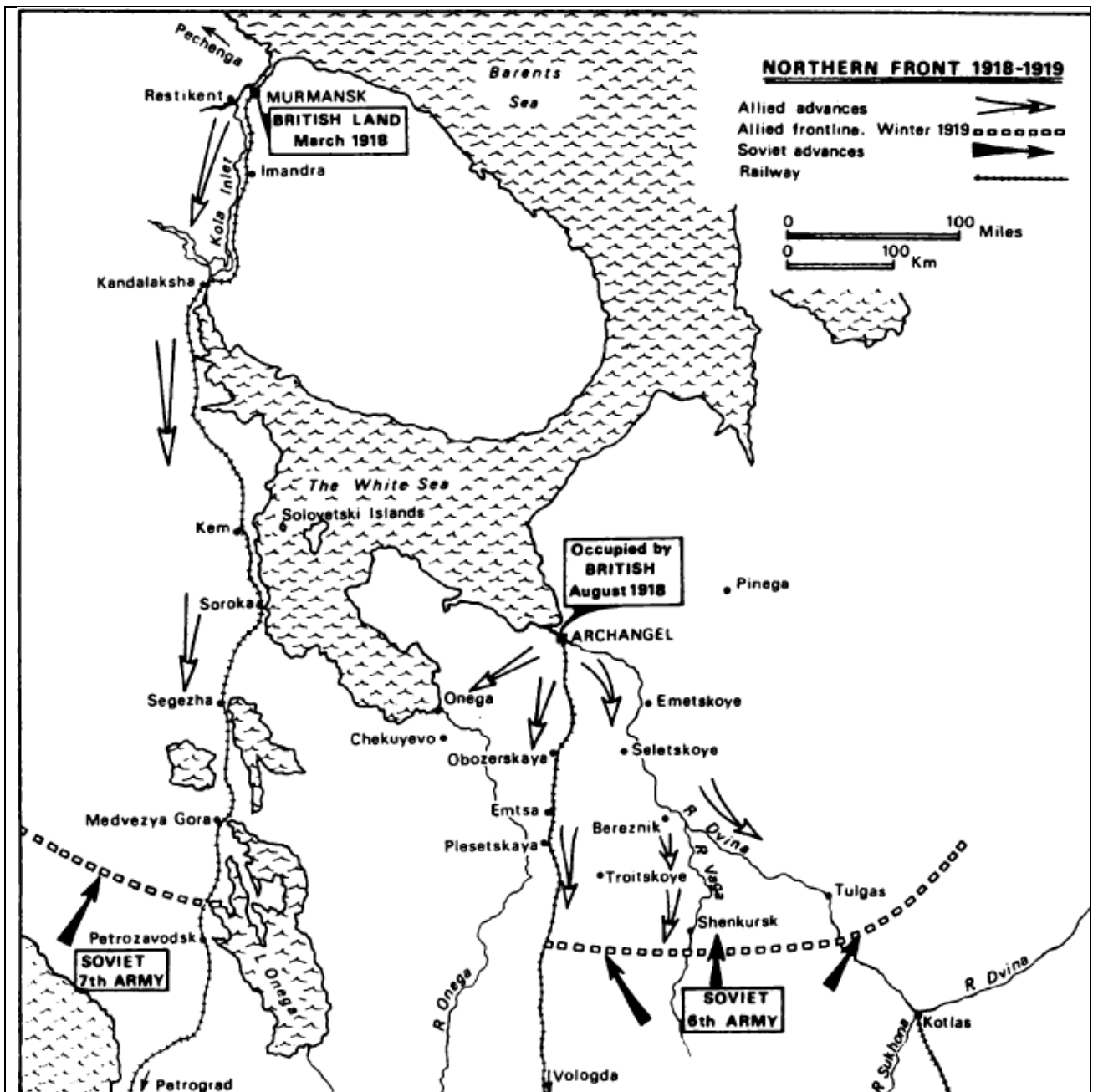
Мурманск, Март-Июнь 1918

К концу 1917 года на русской земле было удивительное количество иностранных солдат, оказавшихся в бурлящих потоках войны. Армия чехов прошла маршем по Украине, будучи завербованной в качестве военнопленных. Теперь они обратились против своих бывших хозяев, австро-венгров. Сербь продвигались на север от Одессы, оказавшись в затруднительном положении, когда русские прекратили борьбу. [Британские агенты, исповедующие ислам, шпионили по всей Центральной Азии.](#) Рота броневых автомобилей Королевского флота под

командованием лихого командира Оливера Локера Лэмпсона, депутата парламента от консерваторов, действовала умело и пафосно на Галицком фронте. Французская военная миссия направлялась к северу от Румынии после разгрома немцами румынской армии, а британская военная миссия служила в Петрограде, где также был англо-русский госпиталь. В море эскадрилья британских военных кораблей на базе Мурманска и Архангельска патрулировала крайний север, а британские, японские и американские военные корабли находились далеко на востоке во Владивостоке. А флотилия британских подводных лодок действовала с российских баз в Финляндии.

Все эти силы в конечном итоге сыграют свою роль в интервенции союзников, но исключительность в выполнении того, что обычно признается как первый открытый военный акт, выпала на долю 130 солдат из королевских морских пехотинцев.

6 марта 1918 года они высадились со старого линкора, *HMS Glory* (корабль ее величества «Слава»), флагмана британской эскадры на Крайнем Севере, прошли по сырым, холодным, усыпанным мусором улицам Мурманска к кишашему паразитами бревенчатому бараку, ранее занимаемому русскими моряками. Там они установили свое оружие и оставались в течение следующих нескольких недель, занимаясь ничем иным, кроме как вычищая свои зловонные жилые помещения. Они были частью очень сильного отряда из 176 человек, а их офицеры сели на корабль *Glory* специально, чтобы подавить любые беспорядки, которые угрожали безопасности складов и гавани в Мурманске. На самом деле *Glory* перевозила столько морских пехотинцев, что ей пришлось высадить несколько своих моряков, чтобы освободить место для воинов-моряков, известных на флоте как «Индюки» (на жаргоне моряков так называют морскую пехоту – прим. пер).

Королевские морские пехотинцы считали высадку настолько обычной, что она лишь кратко упоминается в их официальных отчетах. Но в Советском Союзе это рассматривается как первоначальный акт всемирного заговора сил капитализма и империализма, чтобы задушить новое коммунистическое государство. Тот факт, что морские пехотинцы высадились при полном согласии местного совета или совета, действующего по прямому указанию Троцкого, чтобы спасти порт, попавший в руки немцев, просто рассматривается как еще один пример вероломства Троцкого.

Случилось так, что лидер Мурманского Совета, бывший моряк по фамилии Юрьев, убежденный, как и все в Мурманске, в том, что пятидесятитысячная

армия немцев и белых финнов собирается атаковать, телеграфировал Троцкому в Петроград с просьбой разрешить принять помощь союзников. Эта телеграмма пришла, когда казалось, что брестско-литовские мирные переговоры срываются и что немцы возобновят свой поход в Россию. В этих условиях Троцкий телеграфировал в ответ: «... Вы должны принять любую помощь от миссий союзников и использовать все средства, чтобы помешать продвижению грабителей...»

Действительно, высадка была отмечена необычной любезностью со стороны мятежных русских моряков, которые захватили свой линкор "Чесма" водоизмещением в 11 тысяч тонн. Когда королевские морские пехотинцы вошли в казармы, [Glorу произвела салют Красному флагу, и на него ответили орудия Чесмы](#), названной в честь [победы русского флота над турками в 1769 году, добытой благодаря помощи англичан](#).

Тот факт, что белые финны (которые сражались при маршале Маннергейме и выиграли трехмесячную гражданскую войну против красных финнов), были экипированы немецкой униформой и поэтому их приняли за немцев, давал преувеличенную картину немецкой мощи в Финляндии, но не имел значения в доводах, потому что опасность воспринималась как реальная. Поскольку русские, очевидно, не смогли защитить порт в беспорядочной ситуации, которая преобладала - большевики цеплялись за власть своими ногтями, а немцы угрожали возобновить свой марш на восток - Британия и ее союзники считали необходимым вмешаться и отбить угрозу Мурманску.

[По иронии судьбы, Мурманск, который сегодня является основной базой советского Северного флота, насчитывающего около шестисот кораблей, включая атомные и вооруженные подводные лодки \(некоторые из которых нацелены на Британию\), был построен по настоянию британцев при финансовой и технической помощи Великобритании.](#)

Союзники нуждались в таком незамерзающем порту, чтобы доставлять грузы, необходимые для поддержания военных усилий России. Архангельск, единственный порт на северо-западе России, не блокированный немцами, был открыт всего пять месяцев в году. Цифры показывают важность этого северного маршрута: в 1916 году более 600 кораблей, большинство из которых британские, выгрузили миллион тонн угля и полтора миллиона тонн оружия и продовольствия, при этом немецкие подводные лодки потопили 36 из них. Около пяти миллионов тонн военных поставок было доставлено в Россию по

арктическому маршруту в Первую мировую войну, на один миллион тонн больше, чем во время Второй мировой войны.

Архангельск не мог справиться с этим потоком припасов в течение того короткого времени, когда он был открыт каждый год. Ни люди, ни погрузочно-разгрузочные средства, ни железные дороги не были доступны, и к концу 1917 года около 12 000 тонн взрывчатых веществ и 200 000 тонн других военных припасов, в которых остро нуждались войска во Франции, ржавели и гнили под открытым небом вокруг этого порта.

Работы по строительству Мурманска на реке Кола начались в сентябре 1915 года на месте обветшалой рыбацкой деревни, провонявшей запахом гниющей трески. Вскоре он получил нескромное название Романов, и расположился на восточном берегу Колы под склоном холма высотой около 600 футов (182 метра). Для выполнения тяжелых работ были привлечены корейские и китайские рабочие, и, поскольку не было никаких средств связи, кроме как вдоль рек и через лесные тропы, была проложена однопутная железная дорога через 600 миль (965км) соснового леса и болота, которые отделяли этот первобытный рыбацкий поселок от великолепия Петрограда.

Это была задача предельной сложности. Ни порт, ни железная дорога не были завершены до конца 1916 года, и оставалось всего несколько месяцев до отречения царя. Строительство железной дороги было отчаянным делом, эквивалент времен Первой Мировой Войны для железной дороги Бирма-Сиам со Второй Мировой. Русские использовали немецких военнопленных, чтобы проложить железную дорогу в пустоши, и эти полуголодные люди, живущие в ужасных условиях, замерзающие зимой и страдающие от комаров летом, были поражены недоеданием, тифом и холерой. Так много людей погибло, что в немецкой армии говорится, что под каждой шпалой железной дороги похоронен человек. По завершении дорога была настолько недоработанной, что поезда тревожно покачивались летом, когда рельсы погружались в оттаивающее болото. Сотни деревянных мостов протянулись по быстрым рекам, а трасса прокатилась вдоль и поперек крутых склонов, но линия была эффективной и обеспечивала жизненно важную связь от Мурманска до Петрограда, от Арктики до тогдашней столицы России.

На торжественной церемонии открытия, поезда, загруженные официальными лицами, прошли через триумфальные арки. Офицерам союзников показали жилища рабочих, больницу и здания новой станции, и они отметили, что в основном они были построены из бревен, в которые мох врезался в щели для

защиты от ветра. Но, несмотря на то, что было много разглагольствований, никто не упомянул немецких заключенных, которые погибли во время её строительства.

Со своей прекрасной гаванью Мурманск служил другой цели. Он использовался в качестве базы для британской эскадрильи кораблей под командованием контр-адмирала Томаса Кемпа, задача которого состояла в том, чтобы защищать морские пути от немецких подводных лодок и миноносцев. Это была обязанность русских, но они не могли или не хотели выполнять эту работу, и поэтому британцам пришлось взять на себя большую часть противолодочного и противоминного патрулирования.

Кемп использовал вход в Кольский залив, где река впадала в Баренцево море в зимние месяцы до постройки Мурманска, оставляя большую часть служебного персонала, замерзшего в Архангельске, для обслуживания складов, заполненных летом. Однако, просто построив Мурманск, союзники создали для себя новую, еще более серьезную проблему: если немцам удастся захватить порт, у них будет готовая база подводных лодок, с которой они смогут свободно выходить в Северную Атлантику мимо Исландии, не сталкиваясь с трудностями в плотно заминированном и тщательно патрулируемом Северном море.

Американцы, которым помогли англичане, заложили 70 000 мин по всему Северному морю для окружения подлодок и предотвращения их нападения на военные корабли, перевозящие бодрые, энергичные армии Америки, с помощью которых Британия и Франция, потерявшие много солдат и утомленные войной, надеялись победить немцев. Захватив Мурманск, немцы растянули бы военно-морские ресурсы союзников до предела. И именно морская блокада поставила Германию на колени.

Политические и военные последствия потопления кайзеровскими подводными лодками военных кораблей, полных молодых американцев, направляющихся на поля сражений Франции, были бы катастрофическими, и именно по этой причине королевские морские пехотинцы высадились в Мурманске. Тем не менее, это был только символический жест, поскольку в конце февраля адмирал Кемп попросил выделить 6000 солдат для защиты порта от угрозы нападения со стороны Финляндии.

Его просьба была отклонена, потому что каждый солдат был необходим для Западного фронта, где генерал Эрих Людендорф, немецкий генерал-квартирмейстер готовил решающую серию своих атак, направленных на победу

над Англией и Францией, прежде чем американцы смогут полностью развернуть свои силы. Он собрал 62 дивизии, 35 из которых он смог перебросить с Восточного фронта, когда Россия отказалась от ведения войны. В то же время в Британии было так мало пехотинцев, что ее армейские дивизии были сокращены с 12 до 9 батальонов, а на танковых и авиационных заводах устраивали облавы на трудоспособных людей. Другим фактором в британском мышлении было знание того, что адмирал Кемп был раздражимым человеком: возможно, его начальство считало, что он слишком взволнован.

Однако необоснованные сообщения о том, что тысячи немцев перешли через финскую границу и направились в Мурманск, вызвали такую озабоченность у союзников, что планировалось использовать чешские силы, оставшиеся в европейской части России, для защиты северных портов. Адмиралтейство также отделило крейсер "*Кокрейн*" от Большого флота, французы отправили тяжелый крейсер "*Амирал Об*", а американцы с неохотой, которая была отличительной чертой их поведения на протяжении всей интервенции, отправили крейсер "*Олимпия*" - но не раньше апреля. Эти корабли оказали столь необходимую поддержку Кемпу, чья эскадрилья сократилась до *Glory*, и восьми траулеров, вооруженных 12-фунтовым орудием и превращенным в тральщики. У Кемпа также была его личная паровая яхта, переданная Императорскому российскому флоту сэром Гордоном Беннеттом, богатым гонщиком, и которая все еще была укомплектована русскими моряками.

Рядом с его кораблями пришвартовались «*Чесма*», которая теперь села на мель и считалась непригодной для плавания, и крейсер «*Аскольд*», который из-за своих пяти высоких тонких труб был известен британскому флоту как "пачка сигарет". «*Аскольд*» вел любопытное существование. Он едва избежал уничтожения японцами вместе с остальным русским флотом в 1905 году, а затем в 1915 году царь отправил его в Галлиполи, чтобы принять участие в том, что, как он ожидал, станет большой победой союзников. Когда эта победа превратилась в пепел, он провела почти год на дооборудовании в Тулоне, прежде чем отправиться в Девонпорт в феврале 1917 года, чтобы завершить переоборудование. Экипаж, чья мораль была подорвана русскими коммунистами, живущими в изгнании во Франции, был готов к мятежу. Когда началась революция, они сформировали судовой комитет и послали двух делегатов, чтобы призвать Ивана Майского, в то время одного из эмигрантских лидеров в Лондоне. Майский, впоследствии советский посол в Британии, вспоминал свои ощущения в своей книге «*Путешествие в прошлое*»: «Я так много читал и думал о русской революции и так страстно желал принять участие

в отдаленных, великолепных событиях, развернувшихся в Петрограде, в Москве. . . так далеко . . . И теперь Революция неожиданно пришла ко мне на порог моего дома, здесь, в Лондоне, и позвала меня на службу под Красным флагом. Это было нечто сказочное.

Майский рассказал Рамси Макдональду о своих визитерах, и лидер лейбористов настоял на том, чтобы дать им обед в палате общин, где, позируя рядом с заключенным в рамках смертным приговором, вынесенным королем Чарльзу, он заявил: «Мы были революционной народом раньше, и мы вновь будем революционным народом.»

Затем Майский отправился в Девонпорт и провел три дня на «Аскольде» с экипажем бесконечно споря о том, как поступить с их офицерами. Майский, боясь реакции британцев, если команда начнет мятеж в британском порту, убедил их отправиться в Мурманск. Оказавшись там, капитан был взят на берег и расстрелян. Другие офицеры были арестованы.

Экипаж «Чесмы» одновременно восстал вместе с четырьмя эсминцами, несколькими тральщиками и паровыми яхтами. Дисциплина была полностью развалена. Как только они избавились от своих офицеров, моряки стали проводить политические сходки.

Лейтенант Август Агар (который будет фигурировать дальше в событиях) был в Мурманске на *HMS Iphigenia*, когда вспыхнул мятеж. Это особенно повлияло на него, потому что *Аскольд* был «дружелюбным кораблем» для *HMS Hibernia*, когда он служил в Галлиполи. «Мы никогда, - писал он, - больше не видели кого-нибудь из наших друзей-офицеров».

Но хотя на российских военных кораблях росла ржавчина, поскольку мятежники пренебрегали профилактическим ремонтом, орудия – установленные на «Чесме» четыре 12-дюймовых и двенадцать 6-дюймовых, а на «Аскольде» двенадцать 6-дюймовых» - все еще могли быть задействованы. Кроме того, в Мурманске было около 2000 моряков, все они были привержены революции. Очевидно, они представляли угрозу для скудной эскадры Кемпа.

Учитывая данный фон для высадки королевских морских пехотинцев, это вряд ли можно рассматривать как первый шаг великого заговора. Но по мере развития истории интервенции мы увидим, как изменился ее характер. То, что начиналось как серия автономных экспедиций на расстоянии тысяч миль друг от друга, каждая из которых имела свои цели и динамику и была связана только с непреодолимой необходимостью победить Германию, неизбежно превращалась

в крестовый поход против большевизма. Ленин, движимый страхом и амбициями, сделал этот крестовый поход неизбежным. Его страх был вызван германскими угрозами возобновить войну в России, если он не избавится от союзных сил, действующих на российской земле; и его амбиции заключались в его мечте о мировой революции и падении капитализма.

Однако это было еще впереди, и в течение нескольких недель после высадки морских пехотинцев Мурманский Совет, красноармейцы и адмирал Кемп продолжали сотрудничать. В середине апреля англичане предприняли свою первую операцию интервенции. Отнюдь не напад на большевиков, они начали действовать по просьбе Мурманского Совета и пошли на помощь отряду красных финнов, который преследовали белые финны через границу и гнали по линии ныне достроенного Мурманска до петроградской железной дороги.

HMS Cochrane, который приплыл в Мурманск на следующий день после того, как морские пехотинцы *Glory* вышли на берег, высадил группу своих собственных морских пехотинцев, которые, подкрепленные сотрудниками французской военной миссии в Румынии, которые наконец прибыли в Мурманск, отправились на бронепоезде в село Кандалакша. Их отапливаемый дровами поезд пытел 80 миль (129 км) через сосновые леса с 3-фунтовыми пушками и пулеметами, торчащими из бортов вагонов-платформ с зубчатыми бойницами из мешков с песком, как замок на колесах. Но те, кто рвался в бой, были разочарованы. Отпугнув белых финнов без каких-либо серьезных стычек, они сели в поезд и отправились обратно в Мурманск, восхищаясь этой огромной, странной землей и ее еще более странными людьми. Далее на юг по железнодорожной линии белые финны захватили город Кемь, но их вытеснили русские красные гвардейцы.

Несколько недель спустя морские пехотинцы с корабля *Кокрейн* были снова отправлены в бой, и на этот раз они яростно стреляли из своих пушек. Эти выстрелы имели какое-то историческое значение, потому что они были первыми в интервенции, **и они были выпущены англичанами в помощь большевикам.**

2 мая 1918 года Мурманский Совет рассказал адмиралу Кемпу что он получил сообщения о том, что белые финны, которые тогда были в союзе с немцами, достигли Печенги (финского Петсамо), которая в те времена была крошечной рыбацкой деревушкой, примечательная только внушительным монастырем. Не было ни причалов, ни коммуникаций, ни сооружений, только огромное количество грязи во время отлива, но существовало опасение, что ее не имеющая

выхода к морю гавань может стать базой, с которой немецкие подводные лодки могут выходить для нападения на корабли союзников в Северной Атлантике.

Как и большинство финнов, они оказались умелыми и смелыми солдатами. Одетые в белое, они были превосходно замаскированы и использовали лыжи, чтобы быстро перемещаться по глубокому снегу. В первых стычках они заставили морпехов отступить. Но 6 мая еще тридцать пять морских пехотинцев из *HMS Glory* прибыли с пятью пулеметами Льюиса; 12-фунтовое флотское орудие было также перетащено через лед с корабля *Кокрейн*. Но что действительно дало морским пехотинцам преимущество, так это использование финнами единственной телефонной линии в округе. Морские пехотинцы подключились и использовали одного из своих местных новобранцев в качестве переводчика, чтобы узнать подробности планов своих противников.

Когда морские пехотинцы снова вступили в бой 8 мая, они смогли гораздо лучше проявить себя, а 10 мая, после более активных боевых действий, обосновались со своим штабом в монастыре, из которого они контролировали деревню и гавань. Два дня спустя им удалось предотвратить атаку более 150 белых финнов. Это был последний бой на Печенге. Среди немногих британских жертв был капитан Браун, который был ранен в плечо и впоследствии награжден орденом «За боевые заслуги».

Важность этих стычек была подчеркнута появлением подводной лодки у побережья около Печенги, которая потопила несколько небольших русских пароходов и норвежских рыбацких лодок. Однако подводная лодка исчезла, и финская угроза Печенге была устранена приближающейся оттепелью и развертыванием усиленного гарнизона, в который вошли около 200 сербов, которые наконец-то прорвались в Мурманск. Многие из них были непригодны по состоянию здоровья, но добавление 200 стрелков, которые являлись хорошими солдатами, было большим бонусом для Кемпа. Они были, сказал один из морских пехотинцев, «самыми славными ребятами».

Фактически угроза со стороны Печенги не была реализована до тех пор, пока спустя двадцать три года немцы не использовали ее в качестве базы для своего неудачного нападения на Мурманск во время Второй мировой войны. Тогда их целью было все еще то, чего боялись в 1918 году: отрезание линий снабжения, с помощью которых союзники поддерживали Россию, и создание логова для подводных лодок, с которого волчьи стаи могли нападать на конвои союзников.

Тем не менее это странное вооруженное столкновение в мае 1918 года, состоявшееся вблизи монастыря в отдаленных снежных полях самой северной оконечности Европы, видело первые выстрелы, первую медаль и первое кровопролитие в шестии событий, которое еще и в наши дни до сих пор не было проанализировано.

Пока капитан Браун и его люди проводили свои маленькие, но значительные битвы, дело укрепления Мурманска перешло в самый разгар. Под командованием подполковника Р. С. Патерсона была спешно создана Королевская полевая армия, состоящая из полевой батареи, роты Королевской морской легкой пехоты и пулеметного отделения. Сформированная 5 мая, она покинула казармы Истни 20 мая, погрузившись на пароход «*Порту*» в Ньюкасле и прибыла в Мурманск 29 мая. Полевая армия захватила деревянные казармы, ранее занятые морскими пехотинцами с корабля *Glory*, и были глубоко благодарны за то, что они проделали такую тщательную работу по истреблению вшей и блох. Отряд королевских инженеров также прибыл для «сноса», предположительно, чтобы взорвать порт, если приедут немцы.

23 мая британское правительство приказало отправить малую экспедиционную группу и учебную миссию на север России. На следующий день генерал-майор Фредерик Пул прибыл в Мурманск на борту американского крейсера «*Олимпия*», который был флагманом адмирала Дьюи в американо-испанской войне. Пул был отправлен под видом «британского военного представителя в России»; фактически он был главнокомандующим союзными войсками. Стрелок, хороший солдат с завидным боевым прошлым, начальник британской артиллерийской миссии при русской армии, он знал Архангельск - британские орудия были выгружены там - и он знал о русской зиме. Он казался во всех отношениях идеальным для этой работы. Но, увы, он был настоящим солдатом, резким и прямолинейным, а на севере России требовался политик с умом Макиавелли.

Генерал-майор сэр Чарльз Мейнард, который служил в Бирме, Южной Африке и на протяжении всей Великой войны, обладал гораздо более утонченным характером. Как он рассказывает в своей книге «*Мурманская авантюра*», он был принят на работу в типично британском стиле, к нему обратился старый друг, служивший в военном министерстве, когда он обедал в своем клубе.

Согласившись на работу, Мейнард оказался в затруднительном положении, потому что его отправили из Салоник домой по инвалидности, и медицинская комиссия отказала ему в приеме на службу. Он должен был обманным путем пройти комиссию с помощью старшего офицера, который настаивал на том, что

он не может разгласить природу своего нового назначения, но гарантировал, что это будет чисто сидячая работа.

Комиссии не нужно была быть такой избирательной: когда Мейнард пришел чтобы осмотреть людей, которыми он должен был командовать, он обнаружил, что все они не годились для активной службы. Это были либо В2 (базовый дежурство за границей), либо В3 (малоподвижный дежурство за рубежом), и большинство из них хотя бы один раз были ранены. Каждый здоровый солдат был необходим для окопов во Франции, чтобы выдержать наступление немцев. Мейнард получил только негодных к военной службе.

Ему сказали, что их будет 600 и что 400 королевских морских пехотинцев, а также королевские инженеры, сербы и французская артиллерия, уже находившиеся в Мурманске, также подпадут под его командование. Кроме того, будет военная миссия, состоящая из 570 человек, в основном офицеров и сержантов, задача которых состоит в том, чтобы перевооружить и обучить 25 000 чехов, которые предположительно направлялись на север.

Экспедиционные силы Мейнарда отплыли из Ньюкасла 16 июня на борту сильно замаскированного парохода *«Город Марсель»*. Это было замечательное путешествие.

Среди тех, кто плывал в тот день, был лейтенант Питер Кроуфорд, обычный солдат из Королевского шотландского полка, который получил офицерское звание на поле битвы во Франции и был прикреплен к Пулеметному корпусу. В своем живописном дневнике он рассказывает, как 15 июня они отправились в путь из тренировочного лагеря:

Войска отпраздновали День Александры и покинули Колчестер около 9 вечера. Почти у всех без исключения солдат были флаги, прикреплённые к концу их винтовок. Оркестр Королевского полка сопровождал нас на станцию через Поля Аббатства. Славные проводы. Полковник "Бескозырный" в очень веселом расположении духа или, может быть, просто задался день. Поезд отошел примерно через час, оркестр сыграл «Старое доброе время» и «Вы не вернетесь снова?», и, хотя к этому времени мы пережили почти четыре года войны, и тысячи солдат должны были отправиться с этой станции в разные части Империи, восторженные проводы, которые была даны этим солдатам, действительно делали честь жителям города. . .

Единственная проблема заключалась в том, что никто не знал, куда они едут. На поезде в Ньюкасл были сделаны ставки на их пункт назначения. Фаворитами были Владивосток, Архангельск и Египет. (Владивосток и Египет, конечно, примерно на равном расстоянии от Архангельска.) Только на корабле *город Марсель* Мэйнард собрал офицеров вместе и рассказал им, куда они едут и почему. Кроуфорд писал: «Около 8.30 все офицеры посетили лекцию командира о цели и той роли, которую мы должны были сыграть в экспедиции, то есть о том, чтобы не дать немцам сформировать базу подводных лодок в Мурманске, заставить их вывести войска с Западного фронта (где мы серьезно пострадали) и отправить их в Финляндию. Поскольку большинство людей на борту возвращались из Франции, Экспедиция рассматривалась как пикник».

Но факт, что это будет не скоро, стал очевидным. Кочегары на *Марселе*, все индийцы-матросы, были охвачены лихорадкой, которая убила двадцать два человека и слишком ослабила остальных, чтобы загружать топку. Вызвали добровольцев из солдат, которые были настолько увлечены новизной идеи и желанием не слоняться по Северному морю в качестве легкой цели для подводных лодок, что недостатка в добровольцах не было. Среди них были двое офицеров, живущих в каюте Кроуфорда: «Маки и Бест договорились спуститься и поддерживать огонь на следующее утро,» - сказал Кроуфорд, цинично добавив, - думаю, одного утра будет достаточно».

Другой офицер на борту, майор Амброуз Стерди, позже предположил, что, поскольку все индийцы-матросы были мусульманами, и как раз было время исламского поста между восходом и заходом солнца - Рамадан - истопники погибли, потому что в северных широтах в то время года солнце никогда не заходило, и поэтому они не могли есть или пить. Правда заключалась в том, что индийцы-матросы страдали от того великого убийцы 1918 года, испанского гриппа, который в конечном итоге должен был нанести такой же ущерб экспедиционным силам, как и большевики. Хотя он неизбежно достиг бы России другими маршрутами, [именно военные корабли из Британии первыми принесли грипп на север.](#)

Кроуфорд не играл никакой роли в поддержании огня. У него были другие обязанности. Поскольку у нескольких из его пистолетов Викерс были русские стволы, он должен был растянуть карманы патронташей, чтобы взять российские боеприпасы, утомительная работа «чертовски муторная». Он также должен был установить и укомплектовать четыре пулемета на случай подводной атаки. Два эсминца суетились вокруг военного корабля, и вдали слышался гул глубинных

зарядов, что указывало на присутствие как минимум одной подводной лодки. Майор Стерди сообщил в своем дневнике: «Вторник, 18, 12 часов дня. Видел и слышал, как подводная лодка была потоплена глубоководными бомбами слева по носу корабля».

Они плыли на север по спокойному морю за северный полярный круг, и киты играли вокруг них в течение бесконечного дня. Солдаты изучали маленькие русские разговорники, которые им давали, писали и просматривали письма, посещали лекции и концерты, на которых слушали русского офицера, «гордого обладателя многих наград», который пел русские песни и аккомпанировал себе на пианино. Кроуфорд остался оптимистичным в отношении экспедиции: «Я лично считал эту затею хорошим шансом по сравнению с тем, что у нас было в то время на Западном фронте». Он, несомненно, был прав. В течение четырех месяцев после открытия кампании Людендорфа союзники должны были понести около миллиона жертв на Западном фронте. Тем не менее, предстояло тяжелое сражение, и сам Кроуфорд должен был быть награжден «Военным крестом» за участие в нем.

Они прибыли к побережью Мурманска 22 июня, «ужасно бесплодная поверхность, поднимающаяся на несколько сотен футов без признаков жизни, которая могла бы нарушить однообразие пейзажа», и в полночь вошли в гавань.

«Примерно через два часа прозвучал сигнал тревоги и поинтересовавшись причиной было установлено, что большое скопление российских гражданских лиц направлялось к причалу и, возможно, было вооружено. Это, однако, оказалось неверным. Всем немедленно приказали не вмешиваться. Офицеры штаба бросились на палубу с биноклями во всевозможных костюмах, пижамах, брюках, резиновых сапогах, служебных фуражках. Установили дополнительный пулемет у барьера на набережной, но вскоре оказалось, что это ложная тревога. Это были всего лишь люди, возвращающиеся с митинга железнодорожников, которые, как я потом узнал, работали на союзников. Постепенно все стало налаживаться. . .»

ГЛАВА 4

Сражение начинается

Мурманск-Архангельск, июнь-август 1918

«Нормально» – это не то слово, которое большинство людей выбрали бы для описания ситуации в Мурманске. К тому времени, когда экспедиционные силы

высадились, стало очевидно, что, хотя союзников можно было бы приветствовать на местах в качестве страховки от нападения немцев и финнов, правительство большевиков под давлением немцев было решительно настроено заставить их уйти. Следовательно, генерал-майору Мейнардусу пришлось столкнуться с перспективой нападения как большевиков, так и немцев, и финнов. Под его командованием небольшие силы, многие из которых были больны, вынуждены были прикрыть правый фланг от немецкого и финского проникновения со стороны Финляндии и остановить подкрепления большевиков, идущих с юга. Для этого ему пришлось оттеснить небольшие группы по железной дороге к Кандалакше и Кеми на Белом море, в то же время потеряв часть своих сил в морской экспедиции генерала Пула из Мурманска в [Архангельск](#). Там большевики занимались вывозом военных запасов, поставляемых союзниками, отправляя их на юг, где, как опасались, они попадут в руки немцев. Архангельск был также выбран в качестве базы для военной миссии по переподготовке и переоснащению чехов для продолжения борьбы с Германией.

Он знал, что подвезут еще больше солдат, потому что тремя неделями ранее, 2 июня, на заседании Верховного военного совета союзников в Версале было принято решение о совместной интервенции в северные порты. Повод для интервенции был аргументирован британцами на доводах, приведенных генералом сэром Генри Уилсоном, начальником Имперского генерального штаба, что необходимо было предотвратить переброску новых вражеских войск с востока на запад и лишить врага возможности использовать ресурсы России и Сибири. У него имелись и дополнительные причины:

- желание сохранить доступ ко всем антигерманским элементам в России;
- противодействие попыткам Германии достичь возможных подводных баз в Северном море;
- защита союзных складов в северных портах и во Владивостоке;
- использование и защита чехословацких сил в России и Сибири;
- и наконец восстановление России экономическими мерами.

Эти аргументы покорили упрямых американцев с генералом Таскером Блиссом, представителем Соединенных Штатов, который сказал Военному совету: «Президент сочувствует любым практическим военным усилиям, которые могут быть предприняты в Мурманске и Архангельске, но такие усилия должны продолжаться, во всяком случае, при искреннем сочувствии русского народа и не должны иметь в качестве конечных целей какого-либо восстановления старого режима или какого-либо вмешательства в политическую свободу русского

народа». Это был едва ли язык империалистической власти, намеренной свергнуть большевиков.

Военный совет решил, что общая численность войск на севере должна составлять от шести до восьми батальонов, и что союзническое верховное командование будет поручено британцам, которые также будут нести ответственность за координацию. «Переговоры были немедленно начаты», - сообщил Уилсон, - «в результате чего американцы в итоге поставили три батальона и три роты инженеров». Французы и итальянцы согласились направить по батальону, а сербское правительство заявило, что его батальон, который пробился в Мурманск из Одессы, может быть удержан на сколько потребуется.

Однако, как отметил Вильсон в своем военном докладе, «Краткая история событий в России с ноября 1917 года по февраль» 1919», прибытие этих войск было сильно задерживалось, и он с горечью заметил: «Эта медлительность помешала всей кампании и помогло лишить ее ожидаемых результатов».

На данный момент Мейнард должен был обойтись тем, что имел, и этого было недостаточно, чтобы чувствовать себя комфортно. В своем дневнике Питер Кроуфорд записывает свое недовольство тем, что его не назначили в Архангельскую экспедицию. Ему было поручено наблюдать за разгрузкой грузового корабля «Астурийский», прибывшего с припасами для основных сил. Его единственным утешением было обещание продвижения по службе. «Астурийский» приплыл из Англии в такой спешке, что не был загружен должным образом, и набережная вскоре стала похожа на военную свалку со всем, что сходит с корабля в нерабочем состоянии. Ситуации не помог тот факт, что только Кроуфорд и еще один офицер в пулеметных секциях остались на ногах. Все остальные заболели гриппом. Еще один матрос-индеец умер, и Кроуфорд сам перенес лихорадку. Больные солдаты добавились еще к одной проблеме - отсутствие жилья. Мурманск с его ограниченным запасом срубов и внезапным притоком солдат и беженцев не справился. Больных людей поместили в палатки на набережной и в заброшенные вагоны на причале. Мейнард должен был использовать железнодорожный вагон в качестве своей штаб-квартиры.

27 июня Кроуфорд получил приказ вывести своих людей из города:

Проклятое неудачное перемещение. Значит больные будут тяжело переносить поездку в открытых грузовиках, довольно тепло. Багаж должен быть загружен. Больные кое-как обустроились среди вещевых мешков. Выехали около 2 часов дня, прибыли в лагерь в 4.30 вечера. (безрассудная

скорость, 3 версты, 2 мили, 2 часа 45 минут). Территория для кемпинга была похожа на множество других песчаных холмов, покрытых коротким вереском и сильно кишасших комарами и мухами. Разгрузили весь багаж, основные припасы разместили у железной дороги, так или иначе просто скинули, так как Экспресс должен был немедленно вернуться.

С немногими оставшимися в строю солдатами мы начали разбивать палатки, по одной, поставленной на каждом кургане. К 8.30 у нас было 50 палаток. Еда, которая состояла из пресованного мяса, чая, печенья. Начальник снабжения-сержант, должно быть, облажался, за что был должным образом «благословлен». Противомоскитные сетки, выпущенные Медицинской Службой, не позволяли зафиксировать их внутри палаток, поэтому большинство людей прикрепили свои палатки колышками и закрепили сетку над дверью, что в итоге оказалось очень успешным. Капитан Харрисон из Медицинской Службы работал среди больных днем и ночью, почти без еды. Просто замечательно. Закрепил носилки на двух ящиках с боеприпасами и развернул их около полуночи.

На следующий день он записал:

Переместил некоторые палатки в лучшую тактическую позицию, так как была получена информация о том, что «Болос» (так британцы называют «большевиков») могут попытаться напасть на лагерь. Одно отделение для бережной для дополнительных мер предосторожности. Надеюсь дать Боло радушный прием, если они придут. Все ружья в прекрасном рабочем состоянии. Еще один день с печеньем и мясными консервами, какие перемены после отличной еды на борту. Пустяки, это не так уж плохо, когда вы знаете, что не получите ничего лучше. Все офицеры собрались вечером в палатке Крегана и провели несколько часов при содействии его «Декки» (радио).

В тот же день генерал Мейнард отправился на поезде для посещения изолированных гарнизонов, развернутых на юге в Кандалакше и Кеми. Однако он обнаружил, что его поезд загадочно задерживается в Имандре, примерно в пятидесяти милях к северу от Кандалакши, начальником станции, который отказался дать им разрешение ехать дальше. Мейнард решил эту проблему, приставив револьвер к голове начальника станции, заставив его очистить линию, а затем отправившись на всех парах к Кандалакше. Он прибыл туда, и обнаружил другой поезд, заполненный красногвардейцами, направляющийся на север, чтобы выбросить его и его людей из Мурманска. Большевицкие лидеры в

Петрограде узнали, как ужасно слабы были силы, высадившиеся в Мурманске - они ожидали нескольких дивизий - и собрали силы для атаки на британские позиции.

Во многом с помощью запугивания Мейнард убедил командующего Красной гвардией, что он должен остаться в Кандалакше под не слишком дружелюбной заботой сербов, и отправился в Кемь, которая, как он обнаружил, была заполнена двумя поездами красногвардейцев. Однако у него там находился гарнизон из 500 солдат, бронепоезд и 12-фунтовое корабельное орудие, господствовавшее над железнодорожным мостом через реку. Таким образом он убедил русских, что они должны оставаться там, где они были.

Мейнард провел несколько дней в Кеми, изучая обстановку и узнавая политическую ситуацию. Однако по возвращении в Кандалакшу из Кеми он получил известие о том, что остановленные им красногвардейцы были лишь авангардом более значительных сил. После этого он приказал своим войскам разоружить их, посадить обратно в поезда, надлежащим образом снабдить их пайками и снова отправить на юг, направив на железную дорогу 12-фунтовое орудие, чтобы убедиться, что они не вернуться.

До сих пор мы читали про его подвиги как забавные приключения мальчика и, как он с некоторой гордостью отметил: «Без единой потери жизни около 700-800 солдат передовых войск, которые должны были стать атакующими силами, были возвращены на свою базу без пулеметов, винтовок и боеприпасов; и к ним присоединились еще 300-400 солдат, которые находились на железной дороге, вдоль моей линии связи».

Все очень удовлетворительно; но эта операция знаменовала собой поворотный пункт в интервенции. С этого момента Россия больше не была союзницей. Она стала врагом. Мейнард осознал последствия своих действий и сделал следующий шаг, который казался не только разумным, но и продиктованным военной необходимостью: он приказал конфисковать все оружие вдоль железной дороги до Кеми. Крейсер «Внимательный» приплыл в порт Кеми, чтобы его орудия придали больше убедительности. Конфискации прошли гладко в большинстве мест. Было изъято шестьдесят пулеметов, около десяти тысяч винтовок и большое количество боеприпасов. Но 5 июля местный совет в Кеми отказался сотрудничать.

Совет был расформирован. Семеро из его членов были арестованы, а его ведущие члены, президент Массорин, вице-президент Каменев и секретарь

Ежов, были расстреляны. Точные обстоятельства их смерти были затемнены смесью пропаганды и военной тайны. Сам Мейнард дал три версии. В своей книге он высказался пренебрежительно: «В Кеми была небольшая оппозиция, и в результате боевых действий погибли один или два красных чиновника». Но в телеграмме в военное министерство он дал более подробную информацию: «Пока большевики в Кеми разоружались, три видных гражданина оказали вооруженное сопротивление с применением бомб и револьвера, и во время борьбы [к сожалению] они были убиты. У нас в руках около 100 большевиков, которые готовили заговор против союзников или (Мурманского) Совета, взятых под стражу». Он дал еще больше подробностей в отчете Пулу: «Я приказал разоружить красногвардейцев в Кеми 2 июля и найти оружие. Во время обыска вошли в дом, в котором заседал местный совет. Члены вскочили на ноги. Двое из них вытащили свои револьверы, а один выстрелил в сербов, которые проводили обыск. Другой бросил бомбу, которая не взорвалась. Во время последовавшей борьбы трое участников были расстреляны».

Большевистская версия была несколько иной. *«Архангельская Правда»* от 17 июля обвинила сербов в том, что они вывели трех человек за город, где «по ним был выпущен залп». Позже был освобожден сербский дезертир, который сказал, что после того, как они были арестованы, он видел, как их отвезли на пляж и там расстреляли.

В Архангельске, где все еще находились союзники, включая поезд дипломатических беженцев, расстрелы вызвали ужас. Адмирал Кемп был в городе, когда появились новости. Согласно неопубликованным мемуарам Дугласа Янга, Британский консул в Архангельске, как показал Эндрю Ротштейн в своей книге *«Когда Британия вторглась в Россию: восставший консул»*: «Старший морской офицер [Кемп], казалось, был ошеломлен так же, как и я. Он немедленно предложил отвезти представителей Архангельского Совета в Кемь на своей яхте, чтобы провести расследование. Приглашение было отклонено, советские представители предпочитают отправиться на собственном корабле. Два судна вышли на следующий день. . .»

Янг, который был категорически против интервенции, позже написал, как он «сказал Исполнительному комитету Совета, что он полностью согласен с их описанием интервенции как неоправданного безобразия». К представителям Архангельска относились с подозрением, когда они прибыли в Кемь. Их держали на поезде под охраной сербских солдат. Не случайно, что их доклад, опубликованный в Архангельске 24 июля, поддержал обвинения, выдвинутые

против Мейнарда и его людей. Маловероятно, что вся правда об этом событии когда-либо станет известна.

Тем временем Мейнард, с крейсером «*Внимательным*» обеспечивающим ему защиту с моря, поспешил вниз по железной дороге и вышвырнул большевиков из Сороки (нынешний Беломорск – прим. пер), почти на полпути в Петроград из Мурманска. Оставив гарнизон сербов, он вернулся в Мурманск, довольный своей работой.

Действия Мейнарда основывались на убеждении, что немцы становятся все более влиятельными в России. Согласно условиям «Хлебного мира», отдельного договора Германии с Украиной, по крайней мере, один миллион бушелей зерна (примерно 30 миллионов килограмм – прим. пер.) должен был пойти в Германию, чтобы прорвать блокаду союзников; сильный немецкий посол граф Вильгельм фон Мирбах вел себя как наместник в Москве, угрожая военными действиями, если русские не выгонят союзников; и немецкая армия закрепилась на территории, которую она оккупировала в соответствии с Брест-Литовским договором. Россия, поклявшаяся Людендорфу, должна была истекать кровью, пока не «пришлось связать себя с Германией». Мейнард, однако, не собирался допустить, чтобы это произошло там, где он командовал.

Перед лицом таких знаменательных событий, **когда около двух миллионов россиян уже погибли**, убийство трех человек в незначительном инциденте в российской северной глуши, казалось бы, не имело большого значения. Может быть и так. Но это ознаменовало момент, когда бывшие союзники начали стрелять друг в друга, и именно из таких маленьких, горьких семян подозрение и ненависть переросли в великую борьбу, которая так глубоко управляет нашей жизнью сегодня.

В Мурманске союзники праздновали День независимости Америки, 4 июля. Корабли в гавани «полностью оделись» во флаги, которые храбро демонстрировали на мрачном фоне гавани. Кроуфорд был приглашен на ужин американскими морскими офицерами с корабля ВМС США *Олимпия*. Он устал, проработав в трюме *Астурийского* с пяти утра. Обед состоял из мясных консервов и печенья, и его подавали в железнодорожном вагоне. Тем не менее, он нашел американцев «довольно славными парнями» и провел «веселый вечер».

Они снова встретились 12 июля, когда пятьдесят королевских морских пехотинцев с корабля *ВМС Британии Глори*, пятьдесят американских морских

пехотинцев с *Олимпии* и пятьдесят французских морских пехотинцев с корабля *Адмирал Об*, при поддержке пулеметов Кроуфорда, захватили русский крейсер "*Аскольд*", мятежные моряки которого стали центром сопротивления альянсу Мурманского Совета и экспедиционных сил. Согласно записям Королевской морской пехоты, большая часть экипажа *Аскольда* была высажена на берег - что удивительно, в записях не говорится, как - и абордажная команда посадила под замок остальную часть корабельной команды. Затворы и прицелы двенадцати шестидюймовых орудий крейсера были удалены. Все закончилось через два с половиной часа, и после очистки корабль получил звание *HMS Glory IV*. Кроуфорд, однако, написал несколько иную версию инцидента:

Тревога прозвучала в 5 утра. Вышло очень торопливо. Мокро и холодно. Установил один пулемет на берегу и один на полпути к вершине холма и направился к *Аскольду*. Два орудия для пехоты. [Лейтенант] Гейке захватил 2 орудия на берегу. Чертовски разочарован, пошел с пехотой и занял 12 складов-барачков и по пути захватили двух часовых, очень забавно. Во время рейда мы собрали 700 винтовок, 12 пулеметов Боше, 15 сабель и колоссальные запасы боеприпасов и продовольствия. . . Тем временем орудия под командованием Гейке отлично постреляли в некоторых из команды *Аскольда*, которые пытались высадиться. Сержант Боуэн сообщил, что команды работали великолепно, каждый из них по очереди занял первое место. Чувствовал себя ужасно разочарованным тем, что упустил такую великолепную возможность. Из-за дождя и тумана одно из орудий было закреплено на маленькой моторной лодке, которая была отправлена из корабля *Глори*, в которой находился помощник генерала. Позже я увидел помощника, который сказал, что он очень увлекательно провел время: вся моторная лодка была изрешечена пулями.

На следующий день Кроуфорд взял два пулемета, с целью прикрыть пирс, на котором выстроили команду *Аскольда* чтобы она выслушала Генерала Пула. Он говорил с ними в своей обычной грубоватой манере, предлагая им выбор: остаться и присоединиться к своим силам или сесть в поезд и отправиться на юг. Моряки единодушно решили присоединиться к своим большевистским товарищам. 18 июля им дали пайки на два дня и отправили в путь.

Отъезд экипажа *Аскольда* смягчил проблему безопасности в Мурманске, но это мало помогло в решении проблемы нехватки жилья. До начала военных действий на железной дороге британские и другие беженцы неуклонно направлялись со всей России в этот мрачный арктический город. Это были

бизнесмены, владельцы лесопильных заводов, промышленники, руководители заводов, несколько «аристократов» и множество нянь. Кроуфорд посетил их и был потрясен тем, что он обнаружил. На своем пути на север

Мужчины и женщины, женатые и одинокие, а также дети ехали в одном и том же грузовике без каких-либо санитарных условий. Они спали на досках, установленных на грузовике, напоминающих узкие полки, складывая их в угол в течение дня, чтобы у них было как можно больше места. Никаких договоренностей о остановке на станциях, где можно выйти за горячей водой, не принято. . . На их появление было жалко смотреть. Английские солдаты поделились с ними своими говяжьими консервами и печеньем, за что те были чрезвычайно благодарны. . .

Беженцы были размещены в самой убогой части городка. Кроуфорд

нашел около 150 человек обоего пола и всех возрастов в хижине длиной около 25 ярдов (около 23 метров) и шириной 8 ярдов (около 7,5 метров), по центру которой спускалась перегородка высотой около 7 футов (2 метра), и два ряда деревянных полок для кроватей, один ряд около двух футов (пол метра) от земли, другой ряд около 3 футов (метр) над ним.

Были предприняты дальнейшие усилия по разделению кроватей на две и четыре и тем самым обеспечена небольшая приватность. В некоторых случаях это было сделано путем нагромождения коробок, чемоданов и т. д., но в основном использовались женские нижние юбки и пальто или, возможно, кусок хлопкового материала, подвешенный на веревке. Зрелище, открывающееся при входе в эту хижину, было просто поразительным, и все же я был уверен, что это было роскошью по сравнению с тем, что они испытали в Москве и в дороге. Я очень неохотно согласился пройти несколько ярдов вдоль хижины, чтобы я мог полностью понять их условия. Здесь я столкнулся с людьми обоего пола, когда они раздевались самым обычным способом, абсолютно равнодушным к присутствию незнакомцев, не говоря уже о других обитателях, но, несмотря на это неприятное впечатление, все, казалось, были вполне счастливы в своей новой обители и уверенность в том, что, пока они находятся в месте, где размещены британские войска, их испытания и трудности, несомненно, должны подойти к концу. . .

Кроуфорд записал, что одной из беженок была сестра сэра Эрика Геддеса, первого лорда Адмиралтейства. Сам Геддес прибыл в Мурманск на крейсере,

чтобы оценить ситуацию, но, похоже, он отправился домой до того, как приехала его сестра.

Каким необычным местом был Мурманск в то время! Этот небольшой городок из 350 зданий, построенный из свежесрубленных бревен, ловко соединенных умелыми русскими лесниками, использующими только топоры, по проекту предусматривал районы, каждый из которых имел свою функцию. Но Революция настигла планировщиков, и он быстро превратилась в переполненную трущобу без асфальтированных улиц и плохими санитарными условиями.

Один британский офицер описал его как «временный город, построенный кинематографической компанией для какой-то драмы о Диком Западе с его ковбоями и индейцами». Актерами на самом деле были солдаты из Великобритании, Америки, Франции, Сербии и Польши. Корабли полдюжины флотов качались на якорю в гавани, где круглосуточно разгружались припасы в течение 24 часов светового дня. Финны и карелы с финско-российской границы общались с корейскими и китайскими рабочими. Были беженцы разных национальностей, русские, которые бежали из своих имений, чтобы спастись от большевиков, царские офицеры с удовольствием служили в качестве рядовых солдат под британским командованием, чтобы нанести ответный удар по мятежникам, которые убили их коллег офицеров. Были британские и французские семьи, которые пользовались плодами промышленной революции в России, и те, кто знал царский двор в самом его блестящем виде. И были люди, которые пришли, чтобы управлять городом после Революции, и из-за их связи с Союзниками были теперь клеймены как предатели большевиками, людьми, которые знали, что они должны победить или умереть.

Все они собрались в большом городе Вавилон, с разными языками, разными целями, разными ролями, но все они разделяли один и тот же растущий страх перед большевизмом. Несомненно, известие об убийстве царя и его семьи в Екатеринбурге закрепило их боязнь нового правительства. Но убийство царя, похоже, мало повлияло на людей экспедиционных сил. Ни Мейнард, ни Кроуфорд не упоминают об этом. Возможно, новости не просочились к ним. Или, возможно, они были слишком заняты. Кроуфорд был назван «Королем Рестикента» - деревни на реке Тулома в тридцати милях к юго-западу от Мурманска, настолько маленькой, что ее не было на карте. Его задачей было выступить в роли растяжки, если финны двинутся на Мурманск по речному маршруту, который вел от финской границы. Для этого ему разрешили взять одного сержанта и шесть солдат.

«Задача подбора этих людей, - писал он, - была нелегкой, потому что команда, за исключением офицеров, относилась к ограниченной медицинской категории, и считалась пригодной только для выполнения домашних обязанностей. Половина этой секции уже использовалась для замены больных солдат другой секции, и на выбор оставалось около 12 человек. Отобранными солдатам, по всей вероятности, придется преодолеть много трудностей, так как сообщалось, что по реке крайне трудно ориентироваться. Из отобранных солдат один был трижды ранен, трое – два раза, двое – один раз. У одного из этих солдат был сын, сержант, служащий ВВС.

Мейнард был занят защитой города, южных и западных подходов к Мурманску. Он также занимался планированием дерзкого диверсионного нападения на Архангельск, оккупация которого стала первоочередной задачей генерала Пула. Архангельск был важен по ряду причин. Военное имущество союзников, которое там хранилось, доставлялось большевиками на юг со скоростью 3000 тонн в неделю. Город был давно учрежденным местопребыванием регионального правительства, [основанным в 1583 году после того, как группа английских купцов высадилась для торговли древесиной и мехами](#). И его сообщения по железной дороге до Вологды и по реке Двина до Котласа сделали его жизненно важной базой для связи с чехами, которые должны были идти на север, и для продвижения на юг в сердце России.

Но Архангельск не был похож на Мурманск. Им управлял пробольшевицкий совет, и он был серьезно защищен Красной гвардией. Город также являлся сложным местом для нападения, лежащее в двадцати пяти милях вверх по узкому каналу, проходя через густой сосновый лес, из которого скрытые защитники могли грабить любые корабли, пытающиеся пробиться через проход. Кроме того, на Модюгском, островном форте, охранявшем вход в канал, были установлены постоянные батареи. Пул не был готов провести атаку, пока у него не появится достаточно сил. Возможно, ему повезло, что ледоход не начался до конца этого года, и он смог дожидаться прибытия 21-го французского колониального пехотного батальона, состоящего из двадцати двух офицеров и 849 других чинов, который высадился в Мурманске 26 июля.

Не было секретом, что Пул собирался оккупировать Архангельск. Вопрос заключался в том, когда он прибудет и будут ли большевики оказывать сопротивление. Город был полон его агентов. Некоторые были арестованы, а некоторых расстреляли. Командующий Томсон из Британской военно-морской миссии прибыл из Петрограда и предстал перед Дугласом Янгом в качестве

бывшего капитана Имперского флота, настоящее имя которого - Георгий Чаплин. Он служил на британском флоте, восхищался британцами, и ему было поручено организовать государственный переворот в Архангельске, чтобы он совпал с высадкой Пула. Он возмутил Янга, когда подал заявку на новый паспорт вместо фальшивого, выданного ему посольством в Петрограде, который он потерял. «Удивительное неблагоразумие русских и союзников-заговорщиков-любителей, - писал Янг, - провозглашенное во всеуслышание, витало в воздухе».

Большевицкая полиция шла за Чаплином по пятам, но тем не менее, он достаточно хорошо подготовил свой переворот. Все же, он нуждался в военной силе союзников, чтобы обеспечить свой успех, и Пулу, похоже, потребовалось слишком много времени, чтобы собрать свои силы вторжения.

Теперь произошел любопытный эпизод с дипломатами. В конце февраля, когда немцы явно идут на Петроград, различные посольства союзников прикрыли лавочку и отправились сначала в Вологду, к востоку от Петрограда, а затем на финскую границу. Но очутившись в Финляндии, дипломаты из 13 разных стран оказались втянутыми в гражданскую войну между красными и белыми финнами. К большому огорчению всех остальных, только британцы справились и в конечном итоге прибыли домой. Остальным пришлось вернуться в Вологду, где они пробыли до 25 июля, живя в некомфортной обстановке на своем поезде, остановленном в тупике и ссорясь между собой. Затем они завелись и пытели на север до Архангельска, видимо, опасаясь, что большевики либо передадут их немцам или запрут в качестве возмездия за убийства в Кеми и за предстоящее вторжение в Архангельск. Всего было 132 дипломата и около семидесяти британских и французских граждан, которые присоединились к дипломатической партии. Оказавшись в Архангельске, они сразу же начали переговоры с местным советом, о том, чтобы их переправили через Белое море в Кандалакшу, где теперь находились французские артиллеристы, сербская пехота и несколько финнов под британским командованием.

Посол США Дэвид Фрэнсис, играющий в покер предприниматель, прибывший в Петроград с негритянским камердинером и переносной плевательницей, был ведущим членом партии. Позже он объяснил сенатскому комитету, почему они так спешили покинуть сравнительный комфорт Архангельска: «Мы решили отправиться в Кандалакшу, потому что в Архангельске должна была состояться антибольшевицкая революция, и мы знали это, и мы не хотели быть там, когда это произойдет, и они это знали».

Архангельский Совет согласился предоставить дипломатам два небольших парохода. Похоже, они так же хотели, чтобы дипломаты ушли, как и сами дипломаты. Среди пассажиров был Фрэнсис Линдли, который был советником в британском посольстве в Петрограде. Именно он воодушевил группу британского посольства покинуть Финляндию, но сам вернулся в Россию с интервенционными силами в качестве британского «координирующего дипломатического представителя» и направился в Вологду с намерением возобновить дипломатическую работу в Москве. Оказавшись в Вологде, он понял, что ситуация изменилась настолько, что ему было бессмысленно давить на Москву. Таким образом, 30 июля он прибыл в Кандалакшу вместе с остальными.

Оказавшись там, он поспешил к телефону, чтобы заставить генерала Пула перенести дату вторжения. В отчете министру иностранных дел он заявил, что сказал Пулу, что «в Архангельске организовано восстание, которое должно состояться в 3 часа ночи 31 июля, и офицеры вооруженных сил союзников, знакомые с планом, были абсолютно уверены, что город будет в руках наших друзей без кровопролития, в течение нескольких часов после того, как был сделан первый ход. Этот шаг уже откладывался несколько раз; и в результате многие люди, связанные с этим, были арестованы большевиками, и немало расстреляны. Так не могло продолжаться».

Пул сначала возразил, сказав, что все было организовано так, чтобы провести операцию 6 августа, и ему было совершенно невозможно ее ускорить. Затем Линдли проконсультировался с высокопоставленными дипломатами союзников, и они почувствовали, что дело может оказаться настолько катастрофическим, что они согласились уехать в Мурманск в ту ночь, чтобы оказать общее давление на Пула. Однако позже в тот же день Пул послал еще одно сообщение, в котором говорилось, что в свете информации, полученной от Линдли, он пересмотрел ситуацию и предложил немедленно отправиться в Архангельск со всеми солдатами, которых он мог собрать.

В итоге Пулу удалось собрать группу из почти 1000 человек, состоящих из офицеров и бойцов его миссии - многие из которых были специалистами, а не пехотинцами - французский батальон, немного поляков, завербованных в Мурманске, отряд из морских пехотинцев США с *Олимпиа*, около ста королевских морских пехотинцев и часть пулеметчиков. Морские пехотинцы и пулеметчики были частью маленькой армии Мейнарда, и он негодовал на то, что отдал их Пулу.

Все они отплыли из Мурманска на вечно занятом «*Внимательном*», который разыскивал вход в канал, ведущий в Архангельск, плавучая база – транспорт гидросамолетов корабль ВМС Великобритании «*Найрана*», французский крейсер «*Адмирал Об*» и флот минных тральщиков. Также были задействованы яхта адмирала Кемпа и два бывших российских эсминца, в настоящее время укомплектованные экипажами Королевского флота.

Туман и умелая навигация «*Внимательного*» под командованием капитана Олтэма утром 1 августа благополучно привели флот в устье Двины. Затем они были замечены батареями на Модюгском, которые открыли огонь, поразив «*Внимательного*» в переднюю трубу. Если бы снаряд был на несколько футов ниже, он разрушил бы мост крейсера. Но это был единственный успех большевиков. Под тяжестью огня армады они оставили свои орудия и, возможно, в первой в мире полностью комбинированной операции, корабли, гидросамолеты Fairey Campania из *Найраны*, британские и французские солдаты объединились, чтобы расчистить остров от большевиков. Единственными жертвами стали двое раненых французских солдат.

Затем флот плыл по каналу с одним из гидросамолетов *Найраны* для обнаружения очагов сопротивления. По утверждению Янга, когда этот самолет пролетел над Архангельском, началась паника среди лидеров большевиков. По словам Пула из последующей депеши в военное министерство: «В течение ночи большевистское правительство решило покинуть город, приказав потопить два ледокола на фарватере, чтобы перекрыть проход по каналу. 2 августа революция, запланированная нашими сторонниками, вспыхнула в 4 часа утра и оказалась полностью успешной. Правительство большевиков было свергнуто. Новое правительство сердечно пригласило нас на помощь и объявило себя сторонником союзников и противником немцев, решительно настроенным не признавать Брест-Литовский договор. После некоторой задержки, вызванной исследованием прохода между затонувшими ледоколами, нам посчастливилось обнаружить, что места для кораблей было достаточно. Затем мы совершили триумфальное шествие по каналу к Архангельску, и нас повсюду встречали с огромным энтузиазмом».

Не все оказались также довольны, как и Пул. Было отмечено, что толпы ликующих людей целиком состояли из буржуазии, и не одного рабочего. И Янг, и Линдли указали с своей оппозиционной точки зрения, что переворот Чаплина не состоялся до тех пор, пока демонстрация силы Пула не отпугнула большевиков. Янг, который так яростно выступал против интервенции, через две недели

вернулся в Англию, его здоровье и карьера были в разрушены. Линдли стал британским верховным комиссаром в Архангельске. Чаплин получил звание командующего Вооруженными силами Верховного правительства Северного края. Политическая власть была отдана правому эсеровскому правительству под руководством Николая Чайковского, уважаемого бывшего члена Учредительного Собрания. Пул провозгласил военное положение, вновь ввел военные суды и смертную казнь за подстрекательство к мятежу, отменил различные большевистские указы, дающие власть рабочим, и продолжил управлять Архангельском как оккупированным городом.

Пока все это происходило в самом Архангельске, полковник С. Дж. М. Торнхилл, бегло говорящий по-русски, который был начальником британской военной разведки в царской России под видом помощника военного атташе, руководил рейдом из Кеми с целью перекрыть Архангельско-Вологодскую железную дорогу на Обозерской и захватить главных большевиков, бегущих из Архангельска.

Он собрал восемьдесят девять офицеров и солдат, среди которых сорок семь вездесущих сербов, шесть царских офицеров, служивших в качестве рядовых в Славянско-Британском легионе, двух крестьян, которые присоединились к ним в качестве новобранцев, и нескольких британских офицеров и сержантов. Как раз в тот момент, когда диверсионная группа собиралась выдвигаться, появился оборванец. Это был капитан Денис Гарстин из 10-го гусарского полка, который в марте, когда все еще считалось, что новая Россия будет сражаться вместе с союзниками, был представителем Великобритании в комитете офицеров союзников, консультируя Троцкого по вопросам подготовки новой Красной армии. Затем он работал с Робертом Брюсом Локхартом, британским представителем и агентом в Москве, на различных гнусных мероприятиях, а затем получил приказ присоединиться к генералу Пулу. Локхарт писал о нем: «Он должен был уйти тайно из-за трудностей с получением большевистского пропуска для него. Он ушел с грустным сердцем. . .»

Гарстин прошел большую часть пути в Кемь из Петрограда и прибыл туда голодный, с обмундированием, разорванным в клочья. Но он настоял на присоединении к рейду. Специальный корреспондент «Таймс», описывая последующие события, писал:

Группа погрузилась на *Архангела Михаила*, судно, принадлежавшее соловецким монахам, и сопровождалась траулером Сарпедон. В бухте был снят обычный флаг и поднят красный флаг революции. На борту судна монахов было подозрение на российского пилота. Полковник Торнхилл,

который говорил по-русски, как местный, никогда не оставлял солдат; если должно было случиться предательство, пилот поплатился бы первым.

Они приплыли в Онегу, и тут началась настоящая драма. Город был в руках большевиков. Судно быстро добралось до пристани; на берегу его поджидал большевистский конвой из трех или четырех человек. Полковник, замаскированный под русского солдата, приказал всему своему отряду оставаться в трюме, небрежно облокотившись на перила, ответил на вопросы конвоя. Была ли это судно монахов, доставляющее провизию? Да. Они смеялись и шутили, полковник отступил в коридор, сбросил маскировку и в форме британского офицера штаба спрыгнул на берег. Атака была настолько внезапной, что конвой растерялся. Один бросился на Торнхилла со своим штыком, но полковник парировал удар рукой и выстрелил солдату в голову.

Взбурдаженный стрельбой отряд в трюме нарушил приказы и вышел наружу. Полковник в одиночку сражался с тремя большевиками. Один из них поднял винтовку и выстрелил, но бывший российский офицер, Олучаков проскочил между Торнхиллом и винтовкой; пуля попала ему в руку. Доблестный маленький отряд быстро сформировал свой план кампании; один или два охранника сбежали, чтобы подать тревогу, и к шести часам утра начались уличные бои, гремели пулеметы. Торнхилл выбрал четыре кардинальных точки, и к 11 часам утра сопротивление прекратилось. В городе действовало 90 большевиков под предводительством Попова, бывшего моряка. Наши потери составляли одного убитого и одного раненого; большевики потеряли одного убитого и двух раненых. Отряд Торнхилла взял 60 заключенных, три пулемета, 300 винтовок и большое количество боеприпасов. Попов сбежал.

В городе многие жители ликовали. Семнадцать поляков были освобождены из тюрьмы, где они находились в ожидании казни. Они сразу присоединились к экспедиции. В 2 часа дня жители собрались на площади, и полковник Торнхилл объяснил ситуацию и успокоил их.

Именно так сообщала «Таймс» в те дни.

Отряд торопился. Присоединились еще десять поляков. Они подняли шестьдесят лошадей и повозок с крестьянками в качестве водителей. Они застрелили большевика, который признался в убийстве польского лейтенанта, направлявшегося к Пулу. На Корельской им удалось позвонить в Архангельск и

узнать, что экспедиция еще не высадилась. Они пробивались из засады в лесу, затем, пройдя всю ночь, столкнулись с 350 большевиками и сражались с ними шесть часов. Они убили десятерых и потеряли пятерых своих. Вскоре после этого боя разведчики узнали, что силы, состоящие из примерно 2000 большевиков с полевой артиллерией, закрепились на пути отряда. Торнхилл решил, что нужно довольствоваться малым. Теперь у них не было возможности перерезать железнодорожную линию, но им удалось отвлечь основные силы большевистских солдат от обороны Архангельска. Таким образом, они вернулись в Онегу, сжигая за собой мосты, поднялись на борт корабля «Коло» и благополучно вернулись в Кемь.

Экспедиция Торнхилла длилась двадцать дней, и с 1 августа по 6 августа они прошли около 140 миль. Торнхилл получил планку для своего ордена «За боевые заслуги», а Гарстин был награжден Военным крестом. Но он так и не дождался его получения. Он добрался до Архангельска и 20 августа принял участие в другом бою, чтобы тут же быть убитым после захвата бронетранспортера в одиночку. На фотографиях он изображен крупным, смеющимся молодым человеком, сидящим на мохнатом пони. Он был одним из первых британских солдат, вовлеченных в интервенцию. Брюс Локхарт писал о нем: «Бедный Денис Гарстин, который со всем своим мальчишеским энтузиазмом добивался взаимопонимания с большевиками, был взят у меня военным министерством и отправлен в Архангельск, где он стал жертвой большевистской пули». Ирония смерти Гарстина заключается в том, что, работая с Брюсом Локхартом, именно он предложил Британии ввести войска в Архангельск, чтобы соединиться с другими силами, наступающими из Сибири, и сформировать новый Восточный фронт против немцев. Но его план предусматривал создание двух дивизий воинских частей, а не 1500 солдат сомнительного качества.

ГЛАВА 5

Сибирский сценарий

Владивосток, декабрь 1917 – июль 1918

Владивосток, «Владыка Востока», был основан в 1860 году, а статус города получил двадцать лет спустя, но в 1905 году потеря незамерзающего Порт-Артура в войне России с Японией и завершение строительства Транссибирской магистрали повлияли на преобразование этого города в главную военно-морскую базу России на Востоке. Итак, когда началась Первая мировая война, город стал естественным местом для поставок через Тихий океан из Ванкувера,

Сан-Франциско и Лос-Анджелеса. На этот раз русские и японцы были на одной стороне, и как только японцы зачистили немецкую базу в Циндао в Китае, а австралийский крейсер «Сидней» нанес серьезные повреждения немецкому крейсеру-рейдеру «Эмден», путь для кораблей снабжения был открыт. Как и Архангельск, а затем и Мурманск, Владивосток стал шлюзом для оружия и сырья, предназначенных для российских заводов и солдат.

Корабль за кораблем заходил в естественный амфитеатр его гавани на полуострове между Амурским заливом и бухтой Золотой Рог. Там они выстраивались в очередь, чтобы разгрузить свои грузы из орудий и боеприпасов, химикатов, металлов, продуктов питания и, самое главное, оборудования для обеспечения работы железных дорог.

Транссибирская магистраль, самая длинная железная дорога в мире, была важным достижением. Прошло десять лет с момента, как Николай, в то время Царевич, забил первый железнодорожный костыль во Владивостоке в 1891 году, пока не установилась связь между Востоком и Западом, связавшая таким образом Балтийское и Тихоокеанское побережья. Уже тогда на озере Байкал был участок, где приходилось использовать паромы, и эта проблема не была решена до 1905 года, когда вдоль южного берега озера была открыта новая линия.

Гением, стоящим за строительством железной дороги, был граф Сергей Витте, человек, который так много сделал для промышленной революции в России. Но его поразили интриги завистливых соперников, и он был вынужден построить свое великое предприятие на скудные средства. Он мог позволить себе построить только легкое дорожное полотно для пути, которое позволяло бы ходить только трем поездам в день. Сельскохозяйственные продукты гнили в подъездных путях, потому что железная дорога не могла их увезти - ситуация, до сих пор неизвестная в современной России.

Некоторые улучшения были сделаны после российских катастроф в войне с Японией в 1905 году, но царские чиновники, опасаясь боевых действий заказали огромное количество техники, а когда в начале лета 1916 года пошел поток грузовых судов, железная дорога просто не смогла справиться с трафиком. Склады в порту были заполнены. Пристани и пустые места в городе были взяты под контроль, и затем эти переполненные свалки были установлены на открытой местности вокруг Золотого Рога. Как и сельхозпродукция, портились, гнили и ржавели под открытым небом. Это не значит, что ничего не прошло. Были предприняты некоторые экстраординарные подвиги, включая перевозку двенадцати подводных лодок, каждая из которых весила 350 тонн, которые были

разобраны и перевезены на вагонах-платформах через Сибирь, пять на Балтику и семь на Черное море.

Но с развитием войны политическая ситуация в Сибири ухудшилась. Бродячие банды преступников и дезертиров сильно усложняли жизнь инженерам-железнодорожникам, железнодорожное полотно рушилось от интенсивного движения, а свалки материальных средств только увеличивались.

Не только Транссибирская железная дорога была в беде. Железные дороги по всей России застопорились. Даже в начале 1916 года, еще до того, как почувствовался полный вес военных поставок, было 150 000 железнодорожных платформ, заполненных припасами и застрявших на разных линиях. Так много платформ перекрыли линии, что некоторые из них оттащили на окраину дороги, чтобы освободить путь тем, кто еще прибыл. 575 железнодорожных станций, находившихся в таком плохом состоянии, что они больше не могли обрабатывать любые товары. В Архангельске, когда грузы прибыли и были сложены на свалках, ящики внизу погрузились в землю. И гниющие груды зерна, мяса и масла на станциях вдоль Транссиба теперь составляли тысячи тонн, а жители городов голодали.

1 января 1918 г. в телеграмме в посольство Великобритании в Вашингтон, лорд Роберт Сесил, британский министр блокады, приблизительно подсчитал, что на свалках во Владивостоке было 648 000 тонн грузов. Как и в случае с припасами в Мурманске и Архангельске, они были крайне необходимы союзникам, которые выкроили их, жертвуя собой. Более того, они опасались, что, если русские заключат сепаратный мир с немцами, немецкие и австро-венгерские военнопленные, содержащиеся в лагерях по всей Сибири – только под Владивостоком 250 000 - будут организованы, чтобы переместить запасы на запад для использования Германией.

Соединенные Штаты признали трудности в перемещении запасов и отправили Консультативную железнодорожную комиссию в Россию под председательством Джона Ф. Стивенса. Он остался после революции, чтобы помочь Временному Правительству разобраться с его железнодорожными проблемами. Американцы, которые **выделили новому правительству кредит в размере около 325 миллионов долларов**, договорились отправить 1500 железнодорожных двигателей и 30 000 вагонов различного типа для замены изношенного и поврежденного подвижного состава.

Стивенс также попросил отправить команды железнодорожников, механиков, бригадиров и стрелочников. На военное министерство США была возложена ответственность за вербовку этих людей, и вскоре сообщение было передано по железнодорожному телеграфу через Соединенные Штаты. Перспектива хорошей оплаты и приключений понравилась: откликнулись семьдесят четыре добровольца из Baldwin Locomotive Co., 215 от Великой Северной и Западной линий в Сент-Пол и другие от Железной дороги Святого Павла и Тихого океана. Осенью 1917 года они были объединены в Российский железнодорожный корпус под командованием главного руководителя Великой Северной железной дороги полковник Х. Эмерсон.

Добровольцы добрались, соответственно, на поездах особого назначения в Сан-Франциско, где они пересели на военно-транспортный корабль Томас. С добавлением некоторых переводчиков и русских механиков их стало 329. Если бы все шло по плану, они были бы первым организованным отрядом американских солдат, высадившимся в России. Возможно, это были гражданские лица в военной одежде, но они были частью американской армии, и [их послали в Россию не для того, чтобы свергнуть большевиков](#), а, чтобы помочь Временному правительству.

Однако, когда они вошли в гавань Владивостока 14 декабря 1917 года, подразделение обнаружило, что большевизм распространился на 7000 миль по Транссибу быстрее, чем военные поставки. Солдаты гарнизона и моряки Тихоокеанского флота были так же готовы к революции, как и их товарищи на Западе. Теперь город захлестнула анархия. В гавани образовывался лед, и никто не думал предоставлять жилье железнодорожникам-солдатам. Итак, Томас развернулся и уплыл в Японию. Тем не менее сам факт того, что им пришлось уплыть, не ступая на русскую землю, сыграл свою роль в осуществлении интервенции. Джон Стивенс сообщил в Вашингтон, что его комиссия не сможет выполнять какие-либо работы на железной дороге, если его команда не будет защищена регулярными подразделениями армии Соединенных Штатов.

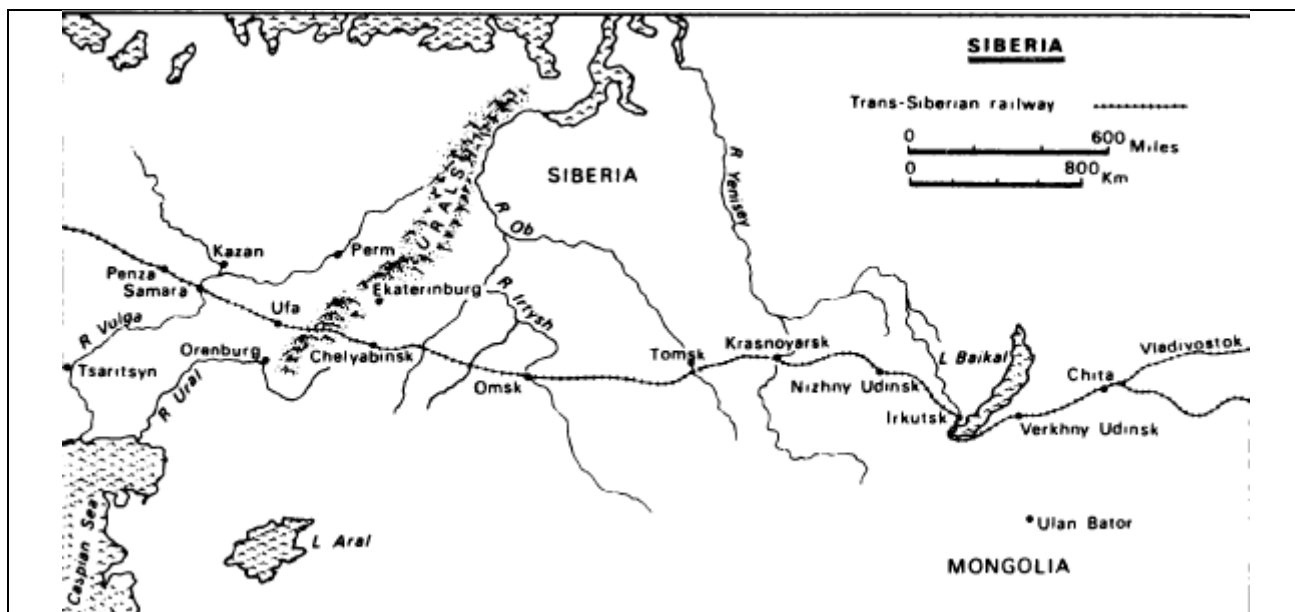
Стивенс был, несомненно, прав в своих оценках, поскольку Сибирь была в смятении на всем ее обширном пространстве. Место политического изгнания с начала семнадцатого века, у нее была своя революционная традиция, созданная многими интеллектуальными диссидентами среднего класса, которые жили своей жизнью и воспитывали семьи в суровом климате. Эсеры были особенно сильны в таких городах, как Иркутск, в которых кипела социальная, политическая и культурная жизнь, и он славился своими рыжеволосыми, зеленоглазыми

женщинами; потомками аристократических повстанцев, отправленных в изгнание царями.

Большевики, такие как Сталин и Ленин, также хорошо укрепили свои позиции в последние дни изгнания, распространяя свои убеждения во время вынужденного пребывания в деревнях, назначенных им как места ссылки. И были другие группы, каждая со своими целями, добавляющими беспорядок; казаки, которые завоевали Восток для царя и которые относились к сибирским народам в том же духе беспощадной колонизации, что и кавалерия США, к «двоюродным братьям» сибиряков, к племенам краснокожих индейцев; группы дезертиров и преступников; и сотни тысяч немецких и австро-венгерских военнопленных, содержащихся в лагерях вдоль железнодорожной линии, среди которых большевики занимались пропагандой. Казаки чувствовали независимость от русских; преступники собирались грабить, военнопленные хотели вернуться домой, большинство из них вернулись в свои семьи, но некоторые, что крайне важно, распространяли послание большевиков о восстании.

Джокером в этой колоде был чешский легион. Это было воплощением страны, которой не существовало, но людей, которые, тем не менее, никуда не делись. Чехи, управляемые ненавистными австро-венграми, были призваны служить на русском и итальянском фронтах. Тысячи воспользовались возможностью, чтобы дезертировать и предложить свои услуги для борьбы против австрийцев и немцев. К ним присоединились еще тысячи солдат, которые перешли на другую сторону после того, как их захватили. Их вдохновил [Томас Масарик](#), лидер чешского национального движения, который перешел на сторону союзников в 1914 году, чтобы работать на независимость Чехии.

Основой легиона была бригада, сформированная из чехов и словаков, бежавших в Россию от австро-венгерского правления до войны. Их включили в состав российской армии, и они были эффективны, при этом сохранили дисциплину, когда армия начала разрушаться. Царские генералы не хотели увеличивать численность своих сил, и только после революции Временное правительство позволило военнопленным, большинство из которых были захвачены на австрийском фронте в 1915 году, сформировать Легион.

Вскоре в Легионе служило около 60 000 человек; стойкие, опытные солдаты, решительно настроенные завоевать свою независимость на поле боя. Они хорошо сражались вместе с русскими и одержали блестящую победу при Зборове в Галиции в июле 1917 года. Как мы увидим, именно забота о судьбе Чешского легиона в итоге заставила президента Вудро Вильсона согласиться на интервенцию союзников в Сибирь.

Союзники обсудили интервенцию весной 1917 года, как только стало ясно, что русские сделали все возможное и больше не могут вносить эффективный вклад в войну. Обсуждения были сосредоточены вокруг возможности отправки Японией во Владивосток экспедиционных сил для защиты складов. Было даже надуманное мнение, особенно во французском сознании, о том, что японскую армию можно каким-то образом переправить через семь тысяч миль - через всю Россию, чтобы открыть новый фронт против немцев в Карпатах.

Только Япония среди союзников могла предпринять сибирскую экспедицию. Помимо уничтожения немецких колоний в Тихом океане, ее большие и хорошо обученные армии не были задействованы. Англия и Франция нуждались в каждом из своих солдат на Западном фронте, и неподготовленная, плохо оснащенная новая армия Америки была предназначена для Франции. Но были серьезные возражения против того, чтобы японцы получили свободу действий в Сибири, и не в последнюю очередь от русских.

Все стороны помнили унижение 1905 года, когда Императорский русский флот проплыл вокруг света, чтобы быть потопленным японцами в битве при Цусиме, и

они боялись экспансионистских амбиций Японии. Среди союзников чувствовалось, что российское недоверие к самим мотивам Японии было настолько велико, что высадка японцев привела бы к тому, что большевики попросят помощи Германии, чтобы изгнать их, что имело бы катастрофические последствия для дела союзников. Америка тоже с подозрением относилась к намерениям Японии в отношении морских провинций Сибири и Маньчжурии, в то время как сама Япония отказывалась предпринимать какие-либо действия, не получив сначала полную свободу действий.

Именно французы, цепляясь за любую соломинку, которая помогла бы победить Германию, сделали первое официальное предложение о многонациональной интервенции в Сибирь. Это ни к чему не привело. Японцы хотели сделать это сами, в то время как американцы полагали, что это принесет больше вреда, чем пользы. Тем временем британцы не раскрывали свои карты.

В конце концов британцы прибегли к операции, которая так хорошо помогала им на протяжении всей их истории; они послали военный корабль. Шестидюймовый Оружейный крейсер с шестидюймовыми пушками *HMS Suffolk* был отправлен из Гонконга во Владивосток для защиты складов и [граждан Великобритании](#) на все более погружающихся в хаос улицах порта. *Саффолк* прибыл 15 января 1918 года. Японцы не слишком любезно восприняли то, что британцы вторглись в их сферу влияния, и когда они услышали о миссии *Саффолка*, они послали два крейсера, *Ивами* и *Асахи*, *Ивами* прибыл 12 января, а *Асахи* шесть дней спустя. На каждом корабле был штатный состав морских пехотинцев, которые должны были высадиться в случае неприятностей. 13 февраля Соединенные Штаты отправили крейсер «*Бруклин*» из Иокогамы, главным образом в качестве предупреждения японскому правительству об участии американских интересов. Такова была ситуация на данный момент. Корабли остались в порту, а морские пехотинцы на борту.

Март принес важные событиями. *HMS Glory* высадила своих морских пехотинцев в Мурманске. Большевики подписали Брест-Литовский договор и отказались от войны. А Людендорф, поддержанный дивизиями, которые ему удалось вывести из России, начал атаковать Западный фронт. Но союзники все еще ссорились из-за Сибири.

Японцы теперь настаивали на одобрении, чтобы проводить самостоятельные действия. Британцы, французы и итальянцы были согласны с тем, что из-за опасностей, связанных с выходом России из войны, для союзников стало необходимым занять Транссибирскую магистраль по всей протяженности.

Теперь уже признали, что у немцев совсем мало шансов заполучить поставки во Владивостоке, но необходимо принять меры, чтобы предотвратить их продвижение через Украину и не допустить использование российских пшеничных полей и нефтяных скважин. Президент Вилсон колебался, собираясь санкционировать одностороннюю высадку японцев, но в последний момент передумал.

Тем временем британцы пробовали свои силы в односторонней интервенции, но не на прямую. Они согласились поддержать молодого капитана Григория Семенова, наполовину казака наполовину монгола, который во главе примерно 750 бандитов решил создать для себя независимую вотчину в Забайкальском крае на юго-востоке Сибири, выгнав большевиков. Поскольку британцы теперь рассматривали большевиков как предателей из-за Брест-Литовского договора, они согласились снабдить Семенова и его всадников оружием и деньгами в надежде, что он сможет собрать собственную армию и достичь целей интервенции без вторжения самих союзников.

Это была ошибка, последствия которой до сих пор чувствуются в англо-советских отношениях сегодня. Это был также пример нетрадиционной войны, уроки которой русские никогда не забывали.

Владивосток, благодаря четырем союзным крейсерам, качавшимся на якоре в бухте, оставался единственным крупным сибирским городом, не контролируемым на текущий момент большевиками. Но процесс постепенной подрывной деятельности вместо обычного вооруженного переворота предоставил им возможность одержать верх, когда они решат отважиться применить орудия военных кораблей. Кроме того, они вывозили военные запасы для собственного использования в больших количествах. В воздухе царил насилье: политические результаты сводились к тому, что револьвер и вооруженные люди забирали то, что хотели, под прицелом пистолета.

Развязка наступила 4 апреля, когда бандиты в униформе большевиков, размахивающих револьверами, ворвалась в японский магазин и потребовала денег. Лавочник отказался, после чего бандиты открыли огонь и расстреляли троих японцев.

На следующее утро японский командующий, адмирал Като отправил своих 500 морских пехотинцев на берег, чтобы «защитить японские жизни и имущество». Чтобы не отставать, капитан Пэйн с *Саффолка* организовал кордон из пятидесяти королевских морских пехотинцев для британского консульства. Адмирал А. Найт,

командующий Азиатским флотом США, был более осмотрительным; он держал свою морскую пехоту на борту, потому что он не видел никакой опасности для американских жизней или имущества.

Именно адмирал Найт сделал все правильно. Правительство большевиков предприняло пропагандистскую атаку на правительства Великобритании и Японии, и они, застигнутые врасплох при высадке и еще не готовые вмешаться, приказали своим морским пехотинцам вернуться на свои корабли. Сначала ушли англичане, а 25 апреля - японцы.

Эффект этого вывода, по-видимому, по воле Москвы, убедил местных большевиков, что теперь они могут захватить город без сопротивления со стороны союзников. А ко 2 мая Владивосток стал большевицким.

Именно в этот момент в игру вступила чешская козырная карта. Три фактора объединились, чтобы поставить чехов в положение, где они, невольно, должны были сыграть важную роль в сибирской игре. Во-первых, французы отчаянно боролись за солдат, чтобы пополнить свои истощенные и мятежные ряды. Во-вторых, чехи по-прежнему старались показать, что они достойны государственности. И, наконец, большевистское правительство не хотело иметь в России больших, хорошо вооруженных и дисциплинированных вооруженных сил, которые не должны были быть верны ни стране, ни большевизму, причем эта сила во многом возглавлялась бывшими царскими офицерами.

С большевиками была заключена сделка, по которой чехи поедут со своей базы в Киеве по Транссибирской Магистральной во Владивосток, где они сядут на британские и американские корабли и их перевезут вокруг света, чтобы сражаться с французской армией на Западном фронте. Их первой задачей было пробиться сквозь немцев, наступавших на Украину. Это они делали вместе с украинскими большевиками, но некоторые из них, пойманные австрийцами, были повешены как предатели. Известие о повешениях только укрепило решимость чехов идти на восток. Они отправились в Пензу по Транссибирской Магистральной, где стали садиться на любые доступные поезда. Это был трудоемкий процесс. Их было 60 000, и вскоре они были растянуты по всей линии, армия пробиралась через 6000 миль к государственности.

Однако их путешествие на восток едва успело начаться, как большевики стали переосмысливать здравый смысл разрешения, позволяющего такой грозной силе войти в нестабильную ситуацию, которая существовала в Сибири. Они начали выдвигать условия: чехам придется отказаться от своих царских офицеров, и им

будет позволено иметь только 168 винтовок и один пулемет для охраны каждого поезда. Большевики обосновали свои претензии к чехам сдать оружие, указав, что оно было поставлено русскими, которые теперь снова нуждались в нем. В то же время большевики пытались переманить некоторых чешских солдат на сторону коммунизма.

В этой атмосфере растущего недоверия чехи провели секретную встречу у Кирсанова и решили, что не могут поверить большевикам. Они спрятали значительное количество оружия в своих поездах и отправились в путь, решив не останавливаться.

Однако пока французы все еще желали, чтобы чехи добрались до Западного фронта как можно скорее, у англичан были другие идеи. Они утверждали, что, хотя чехов было достаточно много, чтобы серьезно напрячь британские морские ресурсы при доставке их до Франции, их было недостаточно, чтобы оказать какое-либо существенное влияние на боевые действия на Западном фронте. Вместо этого, по словам англичан, те, кто уже находится в самой Сибири, должны соединиться с Семеновым и создать основу новой российской армии, чтобы возобновить борьбу с немцами на Востоке, в то время как те, кто еще находится на западе от Урала, должны пробраться в Архангельск, где британская учебная миссия должна была подготовить и организовать их для защиты северных портов.

В то время как чешский лидер Эдуард Бенеш согласился с последним предложением, французы настаивали на том, что где бы чехи ни были в России, их конечным пунктом назначения должен быть Западный фронт. В конце концов, 2 мая, в день, когда большевики взяли под свой контроль Владивосток, Высший военный совет согласился с тем, что:

- a. британское правительство должно сделать все возможное, чтобы организовать транспортировку этих чешских солдат во Владивосток или помочь им добраться в этот порт;
- b. французское правительство должно взять на себя ответственность за этих солдат до погрузки на корабль;
- c. британскому правительству следует попытаться вступить в переговоры с Троцком, большевистским военным комиссаром, с целью сосредоточения в Мурманске и Архангельске тех чешских солдат, которые не принадлежат к армейскому корпусу, выехавшему из Омска во Владивосток.

Таким образом, французы считали, что они отстаивали свою точку зрения, и считали, что англичане решили отправить чехов во Францию. Но британцы полагали, что соглашение сформулировано достаточно свободно, чтобы они могли воплотить свои планы, и 23 мая они приказали отправить учебную миссию генерала Пула в Архангельск, чтобы вооружить, одеть и обучить чехов для их новой боевой задачи. Британцы надеялись, что около 60 000 чехов присоединятся к ним на севере.

Как это часто бывает на войне, незначительное событие, случившееся где-то далеко, разрушило хорошо продуманный план; ни один чех не доехал до Архангельска из-за скандала на железнодорожной ветке в Челябинске, южных воротах через Урал в Сибирь. Там 14 мая поезд с чехами, идущими на восток, столкнулся с поездом венгерских военнопленных, репатриированных по Брест-Литовскому соглашению. Исторически сложилось так, что чехи и венгры недолюбливали друг друга, и у них возник конфликт: венгры называли чехов предателями, чехи на солдатском жаргоне высказались о происхождении венгров. Один из военнопленных поднял кусок железа, бросил его и убил чешского солдата, после чего чехи, ревя от ярости, угрожали застрелить всех в поезде, если им не передадут убийцу. Убежденные в том, что чехи не шутят, венгры выдали его. Чешский перебежчик по имени Малик был казнен земляками на месте.

События начали выходить из-под контроля. Большевистские власти решили попытаться навести порядок и задержал нескольких чехов, чтобы они могли дать показания об инцидентах. Затем чехи взяли свои винтовки, разоружили местных красногвардейцев и освободили заключенных.

Как ни странно, тогда дело было урегулировано местными большевиками и чехами, которые не видели причин для ссоры. Но эта новость уже дошла до Москвы, и правительство большевиков отреагировало жестко. Двух ведущих членов Чешского национального совета арестовали в столице, и они были вынуждены подписать сообщение для Легиона, в котором им предписывалось сложить все свое оружие. Троцкий разослал приказы о разоружении чехов: они должны были быть остановлены по пути на восток, и из них следовало сформировать рабочие батальоны или включить в новую Красную армию.

Во время этих событий представители всех чешских подразделений встретились в Челябинске в качестве «Конгресса чехословацкой революционной армии» и решили, что, что бы ни планировали союзники или приказали большевики, они продолжат продвигаться во Владивосток, прибегая к оружию «в случае

необходимости». Они приняли решение в тот же день, когда британцы решили отправить свою учебную миссию в Архангельск. В ответ Троцкий телеграфировал советам вдоль Транссиба, сообщив им, что «каждый найденный на железной дороге вооруженный чехословак должен быть расстрелян на месте».

Сразу же вспыхнули боевые действия. Поскольку чехи были вытянуты как змея, когда голова была уже во Владивостоке, а хвост еще в Пензе, боевые действия были локализованы в городах, находящихся вдоль железной дороги. Вскоре чехи, более дисциплинированные, чем красногвардейцы и превосходящие их по численности в критических точках, получили контроль над большими участками Транссиба и несколькими крупнейшими городами.

29 июня они заняли Владивосток, арестовав большевистских лидеров, сняв красный флаг с советского штаба и подняв сине-белый флаг царя. Альберт Рис Уильямс, американский пресвитерианский священник с радикальным поворотом политики, который был корреспондентом *New York Evening Post* в России, записал происшествие: чехи двигались быстро и тихо. Первое, что Уильямс узнал о захвате, было, когда он встретил советского комиссара, чистящего обувь возле здания Красного флота. «Через несколько минут я могу висеть на фонарном столбе», - сказал комиссар, - «и я хочу, чтобы мой труп выглядел настолько хорошо, насколько это возможно. . . наши дни сочтены. Чехи захватывают город». Когда был снят красный флаг, кто-то закричал «Совет пал», и это разнеслось по городу. Люди выбегали на улицы, подбрасывая свои шляпы в воздух. Первая советская оккупация Владивостока длилась 58 дней.

Морские пехотинцы снова сошли на берег с британских и японских крейсеров и на этот раз к ним присоединились американцы. Британцы заняли железнодорожную станцию, японцы захватили арсенал, а американцы охраняли свое консульство. Спустя неделю в чешском и британском, американском, японском, французском и китайском представительствах в порту было объявлено, что район Владивостока взят под «временную протекцию союзных держав. . . для его защиты от опасностей как внешних, так и внутренних».

Однако чехи все еще не были в безопасности. Они еще не получили контроль над Иркутском, важным железнодорожным центром в 2570 милях (4136 км) от Владивостока, через который должны были пройти еще несколько тысяч их товарищей. Они боялись нападения не только большевиков, но также немецких и австро-венгерских военнопленных, которые были вооружены большевиками и завербованы в Красную армию. Позже стало очевидно, что этих вооруженных заключенных насчитывалось всего несколько тысяч, но в то время считалось, что

они представляют собой грозную боевую силу, которая, расположенная вдоль стратегического барьера озера Байкал, могла бы отрезать основную часть Легиона, прикованную, так сказать, к своим поездом и городам вдоль железной дороги.

Поэтому чехи во Владивостоке предложили развернуться и разобраться с Иркутском, но они нуждались в помощи со стороны союзников. Согласно сообщениям капитана Пэйна из *Саффолка*, они попросили сильную экспедиционную армию, численностью 100 000 солдат и достаточно оружия, чтобы вооружить их как настоящую армию.

«Спасите чехов» теперь стало лозунгом среди союзников, а англичане добавили «и держите их в России».

В своей биографии Уинстона Черчилля Мартин Гилберт пишет, что Черчилль, тогдашний министр военного снаряжения, написал премьер-министру Ллойд Джорджу 17 июня, утверждая, что «Перемещение чехословацкого корпуса из России во Францию, безусловно, противоречит вашей интуиции и убеждениям». Затем, 22 июня, он предупредил коллег по Кабинету:

Если мы не сможем воссоздать боевой фронт против Германии на Востоке, то война не закончится. Тщетны будут все наши жертвы народов и армий. Они будут только стремиться затянуть конфликт в глубины, которые невозможно измерить. Мы не должны принимать «Нет» за ответ из Америки или Японии. Мы должны вызывать события вместо того, чтобы мириться с их медленным течением. Конечно, теперь, когда чешские дивизии владеют большими участками Сибирской железной дороги и находятся под угрозой гибели предательскими большевиками, можно ли предпринять какие-то усилия для их спасения? Каждый человек должен каждый день спрашивать себя, не слишком ли легко он принимает отрицательные решения.

Ллойд Джордж не нуждался в убеждении. Не нуждался и французский лидер Жорж Клемансо. 2 июня они совместно обратились к президенту Вилсону с просьбой вмешаться в дела Сибири, потому что неспособность сделать это немедленно «должна неизбежно привести к последствиям, которые можно охарактеризовать только как катастрофические для дела союзников». Они также умоляли его прийти на помощь чехам, которые будут подвергнуты страшной опасности, если союзники не предпримут немедленных действий.

В Америке сильно симпатизировали чехам, и Вилсон, который так долго сопротивлялся интервенции, в конце концов уступил британскому и французскому давлению, потому что был убежден, что чехи в опасности. 6 июня он созвал собрание в Белом доме и объявил, что Америка идет им на помощь. Семь тысяч американских солдат будут отправлены вместе с таким же количеством японцев, чтобы охранять линии связи чехов, пока они доберутся до Иркутска. Так как Америка прилагает непомерные усилия, чтобы предоставить солдат для Западного фронта, не может передать такие вооруженные силы в течение некоторого времени, то японцы снабдят чехов оружием и боеприпасами, а американцы разделят расходы и отправят свои собственные запасы, когда они стали доступны. Все это, по словам Вилсона, предпринято исключительно для защиты чехов от немецких и австрийских военнопленных, и «не было цели вмешиваться во внутренние дела России» или посягать на территориальный суверенитет России.

Была критика, особенно со стороны Ллойда Джорджа, что американских военных обязательств будет недостаточно для достижения чего-либо полезного в Сибири, поэтому президент Вилсон направил своим союзникам официальную записку с разъяснением своей позиции. Военное вмешательство, настаивал он, «скорее усугубит нынешнюю печальную путаницу в России, чем излечит ее, ранит ее, а не поможет». Более того, он добавил, что вмешательство «бесполезно в войне против Германии». Поэтому Соединенные Штаты не могут «принять участие в таком вмешательстве или в принципе санкционировать его».

Он подтвердил, что Америка будет отправлять войска в Сибирь только для защиты чехов и предусматривал, что единственной законной целью, для которой могут быть использованы американские или союзные войска, является «охрана военных складов, которые впоследствии могут понадобиться российским силам, и оказание такой помощи, которая может быть приемлемой для русских в организации собственной самообороны». Это было совсем не то, что имели в виду союзники Вилсона. Но они утешались в других параграфах его меморандума, где он объяснил, что его выводы относятся только к американским силам и «не предназначены критики того, что другие правительства, объединенные против Германии, могут счесть целесообразным предпринять» . . . Правительство Соединенных Штатов желало «никоим образом не смущать их выбор политики» и «не желало, чтобы это понимали так, как будто ограничивая

свою собственную деятельность, оно стремится, даже косвенно, установить пределы для деятельности или определить политику своих партнеров».

В тот же день рано утром, 17 июля, Царь Николай и его семья были убиты ЧК (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем) в Екатеринбурге. Это не место, чтобы рассказать историю убийств в доме инженера Ипатьева или рассказать о последующем уничтожении тел на шахте Четырех братьев, но мы должны мимоходом зафиксировать нашу убежденность в том, что каждый член царской семьи умер той ужасной ночью. Те, кто хочет верить в обратное, должны прочитать доклад Николая Соколова, следователя, назначенного лидером Белой России, адмиралом Колчаком, чтобы выяснить обстоятельства смерти.

Во время годичной оккупации Екатеринбурга колчаковцами, после того, как в июле 1918 года он попал в руки чехов, Соколов взял показания свидетелей, собрал массу доказательств с шахтного ствола и убедительно доказал, что все ближайшие члены его семьи, включая великую княгиню Анастасию, были убиты. Отчеты о поведении Ленина во время заседания ЦИК, на котором было объявлено о смерти царя, позволяют предположить, что он знал, что убийства были заказаны. Он, конечно, никак не намекнул, что осуждает их. Телеграммы, оставленные местными большевиками, когда они бежали из Екатеринбурга, указывают на то, что близким соратником Ленина, Яков Свердлов, председатель исполкома, являлся человеком, отдавшим приказы. Должно быть, некто с мрачным чувством юмора в 1924 году дал древнему городу Екатеринбургу новое название Свердловск.

Остался один выживший после резни. Это был спаниель царевича по кличке Радость, чья история была рассказана покойным Павлом Чавчавадзе в качестве заметки в его романе *«Потому что ночь была темной»*. Он написал:

Через несколько дней после убийства в Екатеринбурге город был взят антибольшевистскими силами. Вместе с ними, в качестве офицера связи в британской военной миссии, появился один из братьев моей матери, полковник Павел Родзянко. На углу улицы, недалеко от Ипатьевского дома, он увидел спаниеля царевича, бегущего кругами. Узнав его, он позвал его по имени. Спаниель подошел, неуверенно помахивая хвостом, немного запинаясь, и наконец

натолкнулся на ногу Родзянко. Он был полностью слепым. В конце концов мой дядя взял его в Англию, где в течение нескольких лет Радость жил на ферме Родзянко под Виндзором. Там в начале двадцатых я часто видел маленького слепого пса царевича.

Царь был помечен смертью с момента прихода к власти большевиков - не только в отмщении за прошлое, но и в страхе за будущее, поскольку Ленин знал, что он был единственным человеком, вокруг которого могут объединиться враги большевиков. И чтобы никакой другой Романов не смог занять его место, вся семья была хладнокровно уничтожена. Это было первое из преднамеренных политических убийств со стороны большевистского правительства, которое в конечном итоге привело к сталинским чисткам.

В конечном счете, устранение царской семьи стало делом неотложным и тайным по причине быстрого продвижения чехов из Челябинска в Екатеринбург, которые по пути расчищали дорогу от большевиков и угрожали освободить царя.

Это были те самые чехи, над которыми нависла «ужасная угроза», которая заставила президента Вилсона, не смотря на все свои опасения, согласиться на вмешательство.

Британцы были недовольны политическими и военными ограничениями, которые Вилсон наложил на роль Соединенных Штатов, но решили больше не протестовать, будучи уверенными, что как только американцы прибудут в Сибирь, давление войны неизбежно приведет к расширению их роли и усилению их участия. Вилсон ограничил свое первоначальное участие произвольными 7000 солдат. Со своими обязательствами перед Западным фронтом Соединенным Штатам больше нечего было сэкономить, но Вилсон также надеялся, что, ограничив численность американских сил, он сможет заручиться согласием японцев ограничить их численность аналогичным числом.

На самом деле японское правительство мучительно разрывалось между либералами, которые хотели работать с Соединенными Штатами, и воинственными генералами, которые видели в отказе Вилсона «ограничивать действия или определять политику своих соратников» зеленый свет для своей собственной оккупации морских провинций России и Китая. Генералы хотели немедленно отправить 150 000 солдат, и это привело бы к тому, что президент Вилсон уклонился от экспедиции. Таким образом, японцы пошли на компромисс и представили предложение о том, что они должны отправить целую дивизию в 12 000 солдат, и пообещали, что не будет отправлено больше войск, чем

необходимо, чтобы «предотвратить бойню чехов». Неохотно Вилсон согласился, и его худшие опасения реализовались в течение нескольких недель, когда военные корабли пересекли Японское море, чтобы высадить 70 000 японских солдат, свежих, хорошо обученных и хорошо вооруженных; недостаточно, чтобы вести войну с Германией, но достаточно для оккупации восточного побережья России.

Великобритания уже предприняла шаги для обеспечения своего присутствия в Сибири. Это было только присутствие, поскольку в качестве военной силы это было смехотворно: один батальон гарнизонных солдат медицинского класса С3 из Гонконга, 25-й батальон полка Мидлсекс. Они отплыли во Владивосток 27 июля 1918 года на борту парохода «*Пинг Сьюи*» под командованием члена парламента подполковника Джона Уорда, известного как «депутат военно-морского флота», замечательного человека, начавшего свою трудовую жизнь в качестве штурмана в возрасте двенадцати лет. Уорд вступил в армию и в возрасте двадцати лет сражался для того, чтобы освободить Гордона в Хартуме. Он вернулся в Англию, занялся политикой и основал Союз военно-морских сил, прежде чем войти в парламент в состав лейбористской партии в 1906 году. Когда началась Первая Мировая Война, он собрал не менее пяти рабочих батальонов, а затем служил на Западном фронте вместе с полком Мидлсекс. Теперь он должен был стать командующим британскими войсками на поле в Сибири, которые составляли тысячу солдат.

Англичане также отправили во Владивосток военную миссию под командованием генерал-майора Альфреда Нокса. Ранее он был военным атташе в Петрограде. Он свободно говорил по-русски и играл важную роль в формировании политики Великобритании в отношении России. Французы также направили военную миссию - но не боевые части - во главе с генералом Морисом Янином, который до революции был представителем Франции в российском верховном командовании, командовал чешскими войсками, сражавшимися во Франции, и должен был взять на себя командование чешским легионом. Кроме того, 4186 не желающих воевать канадцев были отправлены в Сибирь только после интенсивного давления со стороны британского правительства. Их основной функцией было оснащение батальона Мидлсекс арктической одеждой и поддержание системы снабжения; они были вскоре отозваны. К миссии были присоединены небольшие контингенты итальянцев и поляков, поскольку они были союзниками.

Итак, сцена была подготовлена. Игроки собрались в огромном сибирском театре, прячась за неясностями линий сценария президента Вилсона. У каждой нации были свои мотивы присутствия, часто противоречивые. И неудивительно, что подозрительность и недоразумение процветали в разгар политических и военных опасностей, которые лишь смутно осознавали участники этого трагического фарса.

ГЛАВА 6

Нефть и двадцать шесть бакинских комиссаров

Баку, январь-сентябрь 1918

В Баку, нефтяном городе на Каспии, Первая Мировая Война столкнулась с «Большой Игрой». Во время первой британской интервенции было очень много ощущений, связанных с экспедицией на северо-западную границу - тысячи человек в тропических шлемах и шортах были отправлены из Персии, чтобы попытаться остановить турецко-германские силы, захватившие нефтяные скважины, и заблокировать их продвижение в направлении Афганистана и Индии.

Как и другие интервенционные порты, Архангельск, Мурманск и Владивосток, пыльные улицы Баку были заполнены необычайной смесью человечества: грузины, азербайджанцы, армяне, казаки, татары, евреи, персы и европейские русские – буйная куча людей, большинство из которых искали возможность перерезать глотки другим. Но в отличие от Архангельска, Мурманска и Владивостока, Баку может претендовать на древнюю историю, независимую от России. Впервые упомянутый в пятом веке до нашей эры, он стал местом почитания у зороастрийцев, которые поклонялись святыням, построенным там, где огонь спонтанно возникал из-под земли, когда нефть и газ вырывались из огромных подземных резервуаров.

Когда нефтяной бум начался в конце девятнадцатого века – чтобы удовлетворить потребности в лампах и смазке, до того, как был изобретен двигатель внутреннего сгорания - жители Баку возродили свое поклонение «Вечным огням», только теперь их святынями стали деревянные вышки. Баку превратился в богатый, заурядный, скандальный место, где в одночасье миллионеры построили безвкусные итальянские дворцы среди минаретов и импортировали гаремы красивых женщин со всего мира. Бедных крестьян привезли из Персии для работы на месторождениях. Но в то время как их хозяева играли в карты на

целые состояния, они спали в жалких бараках и были слишком бедны, чтобы позволить себе жен.

Смесь национальностей, религий, богатых и бедных сделала его беспокойным местом. Беспорядки, драки и убийства были обычным явлением. Каждый был вооружен ножом или пистолетом, а чаще всего и тем и другим. Миллионеры построили в своих дворцах индивидуальные бомбоубежища, подвалы были защищены стальными дверями и снабжены вином, едой и женщинами, где они могли пересидеть беспорядки, пока их телохранители, как правило, черкесские наемники или грузины с лицами, острыми, как и их длинные ножи, сражались с бунтовщиками.

Самый богатый из них, огромный армянин по фамилии Манташев, заработал свое состояние, заключив сделку с [Нобелями](#), которые разрабатывали месторождения, и [Ротшильдами](#), которые продавали нефть, и [построили железную дорогу из Баку в Батуми на Черном море](#), чтобы экспортировать ее.

В такой обстановке проблемы были неизбежны; могущественный капиталистический концерн в союзе с местными распутными предпринимателями, богатеющими на труде полуголодной рабочей силы посреди враждующих общинных и религиозных группировок. Вряд ли могла бы быть лучшая питательная среда для революции.

Не удивительно, что марксизм процветал. Одним из его подпольных агентов был «испорченный священник» по имени Джугашвили, сын тифлисского сапожника, который впоследствии принял псевдоним Сталина, «стального человека». Он возглавлял подпольную газету «*Пролетарский Баку*», и, по слухам, ограбил банк в Тифлисе, чтобы обеспечить партию средствами, и была пять раз арестован царской полицией перед отправкой в ссылку в Сибирь.

Неприятности начались с мини-революции 1905 года. Старые счета были улажены. Несколько тысяч погибло, и нефтяные месторождения были подожжены. Но к настоящему времени европейские отрасли промышленности зависели от бакинской нефти. Появился автомобиль. Королевский военно-морской флот стремился к принятию двигателей, работающих на нефти, чтобы противостоять угрозе перевооружения военно-морских сил Германии. Поэтому беспорядки 1905 года настолько встревожили иностранных инвесторов и европейские правительства, что они потребовали, чтобы Царь разместил в Баку военные силы для поддержания порядка и защиты своих инвестиций.

Двенадцать лет спустя Баку стал еще важнее. Когда русская армия прекратила боевые действия после ноябрьской революции, русский командующий на Кавказе заключил собственное перемирие с турками, которые, конечно, расценили перемирие как просто приглашение продолжать идти вперед. У них были две цели: захват нефтяных месторождений, тем самым давая возможность Германии сломить экономическое господство британского флота и собрать мусульман Кавказа, Закаспийской области и Туркестана в свою «армию ислама» и пойти на Индию. В то время Баку называли островом большевиков в антибольшевистском море. Именно для того, чтобы помешать этим планам, а не свергнуть большевизм, англичане отправили в Баку «Денстерфорс (вооруженные силы Денстера)».

Первоначально британские силы рассматривались не как боевая единица, а как миссия, состоящая из группы офицеров и группы бронированных машин из эскадрильи бронетранспортеров ВМС командующего Оливера Локера Лэмпсона. Через Архангельск их передали в армию, переоснастили бронемашинами Остин, а затем отправили обратно в Россию через Персидский залив.

Под командованием одного из «современных генерал-майоров» армии Л.С. Денстервиля миссия должна была сотрудничать с полковником Лазарем Бичераховым, царским офицером, который был полон решимости продолжать боевые действия, с целью «предотвратить проход через Кавказ турецких армий».

Он отправился из Багдада, который был захвачен англичанами в 1917 году, в колонне из 41 автомобиля Ford Model T в конце января 1918 года. Но из-за фактического бездорожья и целых районов, через которые проходил их маршрут, оказавшихся в руках разбойников, он не смог достичь Каспия раньше июня. Тем временем события стремительно развивались.

Турки потребовали от России большие куски Армении, включая стратегически укрепленный город Карс в соответствии с условиями Брест-Литовского договора. Армения, Грузия и Азербайджан, три государства к югу от гор Кавказа и за пределами самой России, образовали единое государство Закавказская Федерация. Несмотря на ненависть, которую они испытывали друг к другу, они пытались поддерживать единое, но независимое существование. Закавказская Федерация просуществовала всего несколько месяцев и распалась под давлением Германии, наступлением турецкой армии и собственными внутренними неурядицами. В конце мая армяне получили передышку, победив турок в битве за Сардараб, но в тот самый момент грузины отделились от Закавказской республики, объявили независимость и подписали договор с

немцами. Азербайджанцы быстро последовали их примеру и присоединились к туркам. 4 июня армяне были вынуждены заключить мир с турками, которые на протяжении многих лет совершали самые отвратительные злодеяния против армянских жителей Восточной Турции.

Затем турки устремились к Баку, его нефти и мечте о новой тюркской империи, простирающейся до Афганистана, которая подталкивает их вперед. В марте 1919 года в Баку уже имели место акты насилия, которые начались как борьба за власть между большевиками и их левыми союзниками и буржуазной партией «Мусават», но переросли в мятеж на расовой почве, когда армяне-христиане и мусульмане-азербайджанцы начали убивать друг друга, как ранее они делали веками.

Большевики при поддержке социалистических демократов удерживали власть под руководством Степана Шаумяна. Этот харизматичный человек, родившийся в Тифлисе в 1878 году, был отчислен из Рижского политехнического института в Латвии в 1900 году за революционную деятельность. Он работал по условиям договора в Германии и Франции, руководил нефтяной забастовкой в Баку в 1914 году, был сослан, а в декабре 1917 года был назначен Лениным Чрезвычайным Комиссаром по делам Кавказа. Он был преданным большевиком, преисполненным решимости выполнять приказы партии, несмотря на непрочное положение, в котором он оказался.

К настоящему времени стало очевидно, что военная миссия Денстервиля не будет достаточно сильной, чтобы удержать турок. Денстервиль попросил британских пехотинцев из Месопотамии в качестве подкрепления. Он планировал использовать эту дополненную силу как ядро, вокруг которого различные местные подразделения, включая большевиков, могли бы создать армию для удержания Баку.

Лондон, однако, считал, что у этого плана мало шансов на успех и это было бы пустой тратой людей, крайне необходимых для защиты северной Персии от угрозы совместного турецко-германского вторжения. Ллойд Джордж на заседании кабинета министров 24 июня зашел так далеко, что предположил, что туркам может быть лучше удерживать Баку, поскольку маловероятно, что они когда-либо будут опасны для британских интересов на Востоке. Однако, это не относится к России, если она восстановится в будущем.

В то же время Степан Шаумян рассказал британскому вице-консулу в Баку Рональду Макдонеллу, что он получил приказы из Москвы, в которых говорилось,

что он не должен позволять ни одному британскому солдату ступить на русскую землю. Денстервиль был заблокирован с обеих сторон и провел июнь и июль, ожидая у моря погоды, в пыли и неумолимой летней жаре северной Персии. А турки безостановочно все ближе и ближе продвигались к Баку. Армянское большинство в городе начало паниковать: у них не было иллюзий относительно своей судьбы, если турки захватят Баку.

Поддержка большевиков начала ускользать. Она была сильна не потому, что армяне верили в коммунизм, а потому, что большевики держали азербайджанцев более или менее под контролем, и армяне знали, что, как только этот контроль будет снят, азербайджанцы похитят их женщин, сожгут их дома и перережут им горло. Это был не вопрос политики, а вопрос выживания.

Поскольку большевистские силы имели тенденцию быть сильными только в дебатах, а не в боях с турками, армяне стали искать кого-то еще, кто бы смог спасти их. У них был только один выбор - англичане. В то же время, власти Лондона, встревоженные наступлением Турции и немецкой оккупацией Грузии, также изменили свое мнение, и Денстервилю было дано разрешение продолжить свою экспедицию, хотя и на строго ограниченной основе.

16 июля армяне и эсеры - члены Бакинского Совета предложили пригласить англичан для своей защиты, как это сделал Мурманский Совет четыре месяца назад. Но они были побеждены незначительным большинством голосов. Тем не менее, голосование было настолько близко к достижению цели, что Шаумян чувствовал себя обязанным пересмотреть свои приказы от большевистских лидеров. Он недвусмысленно получил их от Сталина, который имел свою штаб-квартиру в Царицыне, позже ставшим Сталинградом, и который отказался позволить Совету обратиться за помощью к «англо-французским империалистам». На следующий день Ленин телеграфировал из Москвы, приказывая Шаумяну следовать указаниям Сталина. Шаумян, однако, не мог этого сделать. У Сталина и Ленина, возможно, были свои проблемы, но они не были окружены армией турецких солдат, поддерживаемой кровожадными азербайджанцами.

Им также не приходилось иметь дело с пестрым по национальному составу, напуганным населением Баку. 27 июля Шаумян изложил все это Ленину в другой телеграмме, а затем четыре дня спустя, когда серые фигуры турок появились на холмах вокруг города, он и другие большевистские лидеры вышли из гавани Баку на корабле, направляясь к красной цитадели - Астрахани, которая господствовала над каспийской дельтой Волги. Они прошли всего несколько миль, когда их

вернули канонерские лодки с моряками, симпатизирующими меньшевикам. Между тем правительство Баку было захвачено армянами-эсерами и меньшевиками под именем Центрально-Каспийской Диктатуры.

«Диктаторы» сразу сделали две вещи. Они арестовали Шаумян и его комиссаров. И в акте, направленном вице-консулу МакДонеллу они пригласили англичан принять участие в обороне Баку. Сначала казалось, что приглашение пришло слишком поздно. Но армяне, сражаясь с мужеством, которое приходит от отчаяния, остановили продвижение турок жесткой контратакой. Это вынудило турок отказаться от своих планов просто идти в Баку, а вместо этого собирать припасы и готовить надлежащую осаду города.

Денстервиль, его силы, дополненные пехотой и орудиями от Военного министерства, теперь получил разрешение и нового правительства Баку, и правительства Великобритании на проведение экспедиции. Его задача, как было указано Военным министерством, заключалась не в том, чтобы попытаться оккупировать Баку на постоянной основе, а в том, чтобы закрыть доступ к Каспийскому морю для турок и саботировать нефтяные месторождения до такой степени, чтобы турки и немцы не получали нефти.

Для Денстервиля пробиться в Баку по суше было невозможно, так как турки уже достигли Каспия в Аляте, к югу от города. Вместо этого он организовал военно-морскую операцию, командуя тремя кораблями и перевозя свои силы, людей, лошадей, пушки, бронированные автомобили, свои Форды и несколько самолетов-разведчиков Martinsyde из порта Энзели в Северной Персии прямо на Бакинский полуостров. Его собственным кораблем был «Президент Крюгер», названный в честь лидера буров, чей портрет, в комплекте с цилиндром, занимал центральное место в столовой. *Крюгер*, который обычно торговал вдоль побережья Каспийского моря, стал «революционным кораблем» и плавал под Красным флагом. Денстервиль спустил его и заменил царским флагом: у него сразу возникли проблемы с корабельным революционным комитетом. Но после долгих споров они пришли к компромиссу: флаг поднимался вверх ногами. Таким образом, он напоминал флаг Сербии.

Затем Данстервиль отправился в Баку, отметив «славную путаницу всего этого. Британский генерал на Каспии, единственное море, которое до этого не бороздили британские корабли, на борту корабля, названного в честь южноафриканского президента голландского происхождения и бывшего врага, выходившего из персидского порта под сербским флагом, чтобы освободить от турок группу армян в революционном российском городе».

Высадка британских солдат 4 августа 1918 года на пристань, принадлежащую пароходной компании «Кавказ-Меркурий», вызвала большое волнение у 300 000 жителей города, которые наблюдали за тем, как они высаживаются и маршируют по улицам, идя на торжественный прием к новому правительству. Солдаты Мидлендской бригады оказались в любопытном месте, грязном и усеянном мусором с верблюдами, бродящими по улицам. Все было покрыто тонким слоем песчаной пыли, переносимой сильными северными ветрами. Конные трамваи служили основным средством передвижения, и когда недокормленные лошади не могли подняться на холмы, пассажирам самим приходилось толкать вагон. Там были мечети и минареты, и явно процветающий деловой квартал. И над всем этим висел запах нефти от буровых вышек на мелководье Каспия.

Сами солдаты с их длинными шортами и винтовками, делающими их похожими на опасных школьников, были в равной степени предметом любопытства для разных национальностей, которые наблюдали, как они проходят мимо. Они надеялись, что эти молодые люди собираются спасти их от турок, в то время как они продолжали свою вековую вражду, наложенную на новую, которая пронизывает старые противоречия - за или против большевизма.

Среди тех, кто проявляет большой и критический интерес к британским солдатам был маленький, загадочный, привлекательный армянин, двадцатитрехлетний Анастас Микоян. Бывший комиссар 3-й бригады Красной Армии, затем работавший в подполье в Баку, он позже стал одним из великих столпов сталинской России. Каковы были его реальные мысли, мы никогда не узнаем, но позже он написал цензурированный вариант событий:

В первый день прибыло около 200 военнослужащих. Но чтобы произвести впечатление на местных жителей, они дважды шли по одной и той же улице. В течение следующих нескольких дней прибыло больше, но ненамного. В конце концов, из 16 000, которых обещали антибольшевистские эсеры, было всего около 1000, чтобы сдерживать немцев и турок. И даже тогда англичане не отправили всех своих людей на передовую. Большое количество было задержано в самом Баку. Очевидно, что они хотели сохранить контроль над местными властями, а также избежать потерь на фронте.

Микоян был менее щедрым. Фактически, британские войска были срочно отправлены на линию фронта, когда они прибыли, а те, кто остался в городе, были необходимы для организационных целей и для того, чтобы местные недовольные не нанесли удар в спину. Тем не менее, он был прав насчет чисел - «Денстерфорс» насчитывал всего 900 человек. Это была та же история, что и с

Архангельском, но наоборот. Там большевики опасались крупного вторжения, которое могло бы их подавить, но не осуществилось. В Баку Центральная Каспийская Диктатура надеялась, что англичане отправят большие силы, и знала, что они будут обречены, когда Денстервиль прибыл только с двумя батальонами.

Ситуация не пошла на пользу большевистским агитаторам вроде Микоян, который распространил новостной бюллетень, атакующий прибытие англичан. Обращаясь к товарищам, рабочим, матросам, Красной армии и всем бакинцам, он сказал:

Агенты английских империалистов ведут контрреволюционную работу; они сеют раздор между вами, они намерены поднять моряков против рабочего, рабочего против революционного правительства.

Нам стало известно, что английские капиталисты заключили тесное соглашение с нашими местными контрреволюционерами. Они хотят уничтожить нашу власть и поставить на ее место власть англичан и буржуа.

Буржуа и его презренные иждивенцы выступают за англичан. Рабочие и матросы выступают за русскую революцию.

Буржуа и их иждивенцы выступают за отделение от России. Рабочие и матросы выступают за единство РСФСР. Буржуа, продавшиеся англичанам, жалкие трусы и всех контрреволюционеры, выступают за то, чтобы отделиться от России, ради Англии, ради новой войны с Германией. Они против независимости России:

Долой английских империалистов;

Долой их платных агентов;

Долой буржуазных контрреволюционеров;

Ура народным комитетам;

Ура независимой России;

Ура русской социальной революции;

Что могут дать вам англичане? Ничего;

Что они могут отобрать у вас? Все;

Долой английских империалистов;

Все на фронт; К оружию; Все для спасения Баку.

Денстервиль, прагматичный солдат, не был напуган пропагандой: он сказал, что никогда не предполагал, что местная реакция на британцев будет «полностью дружелюбной».

Гораздо более тревожными для него были признаки того, что турки готовили свое долгожданное наступление на город, и плохой моральный дух армянских и русских солдат, обеспечивавших основную часть его оборонительных сил. Он пытался укрепить их форменной одеждой, ружьями и быстрыми тренировочными курсами, но царский верноподданный полковник Бичерахов и его дисциплинированные солдаты отправились сражаться на север, а Денстервилю оставалось совсем ничего. У него быстро заканчивалось время. Вскоре после своего прибытия Денстервиль наблюдал нападение турок на холм за городом и видел, как русские солдаты уходили от боя. Британский отряд из семидесяти офицеров и солдат, оставшихся на позиции, требовал контратаки. Ничего не случилось.

Денстервиль и его штаб, расположившиеся в двух лучших отелях Баку, с темно-красными шторами и позолоченной мебелью, разработали план кампании с британскими подразделениями, удерживающими стратегические холмы, при поддержке полевых орудий, которые были отправлены из Энзели, и броневигов «Остин» с пулеметами в сдвоенных револьверных головах, которые служили мобильным резервом для устранения пробелов. Благополучие его людей вызывало у него большую обеспокоенность, потому что был самый разгар лета, и Баку страдал от болезней. Чтобы улучшить диету своих солдат, он купил партию свежей каспийской икры. Это не увенчалось успехом. Он пришел к выводу, что для икры требовалось «подготовленное нёбо», солдаты называли ее селедочной пастой, и не особо жаловали.»

Однако ни у кого из них не было времени тренировать свои вкусы. К концу первой недели сентября турки настроились на последний штурм города, обстреливали улицы, отбрасывали аванпосты и сеяли страх среди армян, которые теперь не проявляли большого интереса к борьбе. Внутри города «Диктатура», которая отказывалась отдавать своих людей под британское командование, отстаивала тактику на длинных беспорядочных встречах, которые ничего не добились. Денстервиль, возмущенный одной из таких встреч, сказал им, что его люди приехали в Баку, чтобы помочь сражаться с турками, а не «сражаться самим, имея ваших людей только в качестве наблюдателей. Я никогда не видел, чтобы ваши войска, когда им приказывали атаковать, делали что-то кроме отступления, и безнадежно продолжать сражаться вместе с такими людьми. Вам лучше всего

посылать противнику отряд сразу с флагом перемирия и посмотреть, о каких условиях вы с ними договоритесь. . . чтобы ваши женщины могли уйти. Прошу вас отказаться от вашей привычной болтовни и принятия решений».

Конец наступил 14 сентября, когда турки прорвали последнюю линию обороны города. Денстервиль подготовился к этому и ночью перевел своих людей на причалы, чтобы местное население, разъяренное тем, что они посчитали дезертирством британцев, не могло помешать погрузке британских войск на *Президента Крюгера*.

Это была дорогостоящая операция для Британии. Уцелевшие бронированные автомобили Остин и тридцать старых Фордов были выведены из строя и скинуты с причала - практика позже повторилась в Новороссийске и Архангельске. Два сбитых самолета были уничтожены. И не менее 180 человек из Денстерфорс были отмечены убитыми, ранеными или пропавшими без вести. Из них 71 был убит и 21 из 85 раненых скончался позже.

Это была высокая цена, но, по мнению Денстервиля, молодые люди из новых батальонов, Гемпшир, Норс Стаффс, Глостершир, Вустершир и несравненные гуркхи, покрыли себя славой. Они были на линии огня в течение шести недель и держали на расстоянии турецкую армию, в десять раз превосходящую их по силе, на двадцатимильном фронте. Турки позже признали, что они понесли потери равные 2000 человек.

Денстервиль сожалел, что смог обеспечить своих людей только хлебом, печеньем и чашками чая, когда они благополучно отправились в Энзели, потому что «каждый человек заслуживал банкета на уровне лорд-мэра. На самом деле, потеря Баку больше не имела значения для исхода войны. Немцы пережили свой «черный день» на Западном фронте и их поражение было теперь неизбежным. Но внутри Баку происходили ужасные вещи. Турки оставались за городом в течение трех дней, в то время как их азербайджанские ополчения грабили в средневековом стиле. Каждый армянский страх, рожденный многолетним опытом бойни, был претворен в жизнь. Их женщины были изнасилованы, их дома разрушены, а 9 000 мужчин были убиты. Зловоние мертвецов стирало обычно распространяющийся запах нефти.

Последствия бойни в Баку, как и многие другие инциденты в этой истории, отзываются эхом и сегодня. Это было одно из злодеяний, которое породило современные армянские террористические группы, убивающие турецких дипломатов во имя своих мертвых, требуя признания вины от турок и компенсации своей нации.

В то время как Денстервиль воевал на западном берегу Каспия, другой генерал-майор Великобритании, Уилфред Маллесон, воевал внутри страны от восточного побережья Каспия, в самой Центральной Азии. Под командованием индийской армии у него были смешанные силы британских и индийских солдат, задача которых состояла в том, чтобы помешать туркам и немцам высадить экспедицию на восточном побережье и проследовать по железнодорожной линии через Закаспийскую область из порта Красноводск в Мерв, а затем до афганской границы.

Маллесон, офицер разведки индийской армии, был первоначально отправлен в Мешхед в Северной Персии в июне 1918 года, чтобы следить за тем, что происходило через границу, где большевики почти полностью контролировали ситуацию. Ему также было приказано саботировать Транскаспийскую железную дорогу, если турки прорвутся, и убедиться, что они не захватят большие запасы хлопка, хранящегося на складах вдоль линии. Но, как и в большинстве военных дел, ситуация быстро изменилась. До того, как он начал свою работу в Мешхеде, недовольство большевистским правлением в Закаспийской области вышло из-под контроля, и к середине июля коалиция меньшевиков и эсеров учредила своеобразное правительство под названием Ашхабадский комитет.

Они оказались в опасном положении, потому что мстительные большевики вооружили некоторых немецких и австро-венгерских военнопленных и продвигались по железной дороге от реки Амударья до Мерва и Ашхабада. Они отбили первые атаки к востоку от Мерва, но сомневались, смогут ли они удерживать позицию намного дольше, и поэтому, как и их соотечественники в Мурманске и Баку, они обратились за помощью к англичанам, отправив делегацию к Маллесону в Мешхеде, чтобы попросить людей, деньги и оружие.

Маллесон, ожидая эту просьбу, запросил инструкции. Ответ ему пришел не из Лондона, а от генерала сэра С. Манро, главнокомандующего индийской армии, который дал Маллесону воинские совет – не тянуть, так как он был на месте и предположительно знал, что делает. Затем Маллесон заключил соглашение с Ашхабадским комитетом, в котором он взял на себя обязательство от имени британского правительства «гарантировать продолжение военной и финансовой помощи до тех пор, пока правительство Закаспийской области остается в силе и продолжает ставить во главу угла своей политической деятельности программу восстановления порядка и подавления большевистской и тюрко-германской интриги и планов вторжения».

Маллесон подкрепил свои слова действиями. Его индийские пулеметчики спасли положение в оживленной борьбе, когда большевистское подкрепление разгромило необстрелянные войска Ашхабадского комитета в мервском Оазисе. Затем он отправил 300 человек из 19-го пенджабского полка, которые 28 августа остановили наступающих большевиков в бою под Каахой. Позже, подкрепленный двумя эскадронами Седьмой легкой кавалерии (второй старейший полк в индийской армии), батареей британской полевой артиллерии и ротой пехоты с базы Денстервиля в Энзели, он смог собрать войско в несколько тысяч человек. Вряд ли это можно назвать главной силой интервенции, но, как следует из официальной истории Месопотамской Кампании, 1 ноября она смогла изгнать большевиков из Мерва, того древнего места исламского образования, когда-то завоеванного Александром Великим. Эта упорная победа и создание на Каспии флотилии из пяти небольших кораблей, вооруженных оружием, перетаскиваемым по суше через Персию, сочеталась с прогрессом войны на Западе для устранения угрозы Афганистану со стороны турецкой армии и, на время, большевистских сил.

Эти маленькие битвы происходили в далеких местах, больше похожие на киплинговские кампании против мятежных соплеменников, чем на часть самого важного политического переворота двадцатого века, в настоящее время в значительной степени забыты, но они включали в себя инцидент, который до сих пор окрашивает отношение Советского Союза к Британии: казнь двадцати шести бакинских комиссаров.

Когда Денстервиль отплыл из Баку, Шаумян и его большевистские коллеги все еще находились под арестом Диктатуры. По словам Микояна, их было тридцать пять, и он был одним из них. То, что произошло дальше, остается неопределенным, возможно, намеренно. Но Микоян утверждает, что благодаря его усилиям все они были освобождены. Затем они отправились в Астрахань, единственный каспийский порт, все еще находящийся в руках большевиков, на борту парохода «Туркмен». Версия Микояна гласит, что на борту находились два британских офицера, и они приказали «Туркмену» плыть на восток, а не на север, и завести его в Красноводск, который находился под контролем Ашхабадского комитета. Почти наверняка эта версия не соответствует действительности. Нет никаких записей о том, что на борту «Туркмена» присутствовали британские офицеры, и реальная версия, срезанная большевистской пропагандой, похоже, была описана Фирузом Каземзаде в его книге «Борьба за Закавказье».

По словам Каземзаде, именно команда «Туркмена» решила сменить курс на Красноводск по веской причине - они боялись ареста большевиками в Астрахани. 15 сентября они приплыли в Красноводск, где все тридцать пять комиссаров были немедленно арестованы и задержаны на другом судне казаком по имени Кун, назначенным комендантом Ашхабадского комитета. Осознавая важность своих пленников, он спросил Комитет в Ашхабаде, в 563 километрах от него, что ему делать с ними. Лишь через три дня Маллесону, все еще находящемуся в Мешхеде в Персии, сообщил об их захвате представитель Комитета в его штаб-квартире. В это время шли переговоры между британским правительством и советскими властями об обмене дипломатами и другими заложниками в обеих странах. Маллесон сразу понял, что захват комиссаров будет хорошим козырем в руках британцев, и попросил передать их ему, предлагая отправить отряд британских войск, чтобы сопровождать их в Индию, где позже сделали лагерь для содержания большевистских заключенных, захваченных в Средней Азии.

На протяжении всей этой истории ни один британский офицер не видел комиссаров. У Маллесона, который нуждался во всех своих людях для ведения боев дальше на востоке, в Красноводске никого не было, и единственного в этом районе британца, одного из офицеров Денстервиля, местные власти держали в неведении.

Однако один британский офицер, капитан Реджинальд Тиг-Джонс, офицер связи Маллесона с Комитетом в Ашхабаде, был в положении, в котором он мог повлиять на судьбу комиссаров. Маллесон обратился к Тиг-Джонсу, чтобы он призвал Комитет передать своих пленных англичанам. В тот же день, 18 сентября, Федор Фунтиков, президент Комитета социалистов-революционеров, попросил Тиг-Джонса, свободно говорящего на русском языке, пойти на заседание Комитета, чтобы решить, что ему делать. Драма этой встречи объясняется рассказом Тиг-Джонса в его объяснительном письме в министерство иностранных дел. Фунтиков был, как обычно, пьян. Комитет испугался, что сочувствующие большевикам в Красноводске освободят комиссаров. Комендант хотел, чтобы они исчезли с глаз долой; его тюрьмы были переполнены.

Тюрьмы в Ашхабаде также были переполнены. Фунтиков утверждал, что комиссаров следует расстрелять, и сообщил, что Маллесон отказался брать на себя ответственность за них. По какой-то причине Тиг-Джонс не сказал Комитету, что Маллесон не только желал, но и стремился взять на себя ответственность за комиссаров. Спор продолжался безрезультатно в ночи. Тиг-Джонс ушел,

испытывая отвращение к пьяной болтовне Фунтикова и, по-видимому, предполагая, что ничего не решится.

На следующий день он пошел навестить Фунтикова, который все еще был пьян и который, после того, как британцы на него надавили, сказал, что было решено расстрелять комиссаров. Потрясенный, Тиг-Джонс телеграфировал Маллесону, который вызвал представителя Комитета, и тот подтвердил, что двадцать шесть комиссаров были расстреляны из-за «серьезности ситуации» и трудностей, связанных с удовлетворением британской просьбы о том, чтобы они были переданы в качестве заложников. Затем Маллесон сделал полный отрицания комментарий, который, должно быть, произносился многими другими британцами во время интервенции: «На мой взгляд, вы все одинаковые. Неважно, красные или белые.»

Затем он попросил Тиг-Джонса подтвердить убийство, и ему сказали, что Фунтиков взял дело в свои руки. Он отдал распоряжение о казни Куну, и в ночь с 19 на 20 сентября обреченных людей посадили в поезд, который ушел на 120 километров в пустыню до места, которое сейчас известно, как «26 Бакинских Комиссаров», и расстреляли.

Микоянская версия произошедшего совершенно иная. По его словам, весь этот вопрос был на совести британских «интервентов». Комиссаров должны были предать суду в Баку, но этого не произошло из-за падения города. Затем людей по британским приказам доставили в Красноводск, а Фунтиков приказал убить их, «действуя под давлением британских боссов».

Микоян и еще восемь человек были освобождены, заявил он, поскольку их имена не были включены в список, который был отправлен из Баку в Красноводск. Они были освобождены, писал он, 19 сентября, в день, когда их товарищи встретили свою смерть. Эта часть истории имеет некоторое подтверждение, потому что 25 сентября, через два дня после того, как Маллесону сообщили о казнях, он доложил об этом в военное министерство в Лондоне. В своей телеграмме он сказал, что большевистские комиссары из Баку были расстреляны «за исключением пяти или шести маловажных». Маллесон, все еще находящийся в Мешхеде, также отправил яростную телеграмму в Ашхабадский комитет, протестуя против казни людей, которых нужны были британцам в качестве заложников.

Новости о казнях стали общеизвестными только в марте следующего года, когда бакинская газета напечатала рассказ журналиста социал-революционера Вадима Чайкина, который брал интервью у Фунтикова, находившегося тогда в тюрьме в

Ашхабаде. Фунтиков свалил вину за дело на англичан. Правительство большевиков приняло эту линию и выразило протест Лондону, в то время как Сталин написал статью, в которой утверждалось, что казни «кричали о беззаконии и диком разврате, с помощью которого английские агенты расправились с «уроженцами» Баку и Закаспийской области так же, как и с чернокожими из Центральной Африки».

С этого момента англичане стали главными злодеями, проходящими по данному делу. В первую годовщину смерти комиссаров их останки были кремированы в Баку, и на поминальной службе один из их товарищей сказал: «Эти стойкие, честные герои попали в руки англичан, выходцев из страны, которая рекламирует свой гуманизм - там лежит результат этого гуманизма - 26 гробов. Но приближается час возмездия». Местная газета восхваляла «наших 26 товарищей, которые были жестоко расстреляны британскими палачами и белогвардейцами».

На картинах казни всегда изображены два британских офицера, хотя ни один из таковых не находился в пределах ста миль от места происшествия. Микоян обошел эту проблему, настаивая на том, что два офицера, которые, по его утверждению, приказали «Туркмену» сменить курс, сошли на берег в Красноводске, где их встретили две колонны британских солдат, батарея британской артиллерии и группа местных чиновников. Мог ли он иметь в виду подкрепление Маллесона, которое позже должно было сражаться при Мерве?

Другим известным героем британского преступления был сам Фунтиков. Так как на суде он боролся за свою жизнь, то он пытался возложить всю вину на Тиг-Джонса, который, по его словам, приказал ему расстрелять комиссаров, выразил удовлетворение, что его приказы были выполнены, и пообещал помочь прикрыть преступление.

Мертвецы вошли в пантеон большевистских героев. Улицы и фабрики по всему Советскому Союзу названы в их честь. Их статуи стоят в Баку и других городах. Встречи и митинги ознаменовывают годовщину их смерти. И, по мнению Микояна, во всем виноваты «британские империалисты. Они никогда не смогут смыть позор за сопричастность к гибели двадцати шести бакинских комиссаров».

Но Микоян, великий выживший, не остался в стороне от этого дела. Спустя годы его враги в Политбюро развернули клеветническую кампанию против него, распространяя ложь о том, что он был освобожден, когда другие пошли на смерть, потому что он предал их.

Аналогичные обвинения в работе на британцев в Баку были выдвинуты против Берии, чудовищного руководителя советской тайной полиции, который пытался сменить Сталина, и они помогли оправдать позор и казнь Берии. Так что Микоян может быть счастлив, что умер в 1978 году в своей постели.

Другой жертвой был капитан Тиг-Джонс. Мог ли он предотвратить казнь комиссаров? Он мог попытаться остановить пьяного Фунтикова, угрожая прекратить финансовую и военную помощь Великобритании. Но была ли у него власть? Или, более уместно спросить, считал ли он, что это было необходимо? Теперь кажется вероятным, что Тиг-Джонс не предпринял никаких действий, потому что, как он полагал, эсеры начали дискуссию, которая, как правило, длилась несколько дней и заканчивалась безрезультатно.

Тот факт, что все закончилось вскоре после того, как он покинул собрание и казни были совершены настолько быстро, потряс молодого британского офицера. Вернувшись в Британию, он погрузился в безмолвную анонимность, отказываясь обсуждать дело. По странному стечению обстоятельств мы узнали немного больше о Тиг-Джонсе от Вика Клоу, который, демонстрируя свою внушительную память, рассказывал нам о первом этапе своего путешествия домой на борту турецкого корабля беженцев *«Капул Тала»* из Новороссийска в Константинополь. Клоу никогда не слышал о Тиг-Джонсе или бакинских комиссарах, но, говоря о других людях на борту, он упомянул встречу с русской женщиной, путешествующей под фамилией Миллер. Это была не ее настоящая фамилия, объяснила она; она была замужем за британским майором по имени Тиг-Джонс, которому пришлось сменить фамилию, потому что он опасался большевиков и все еще работал под прикрытием на юге России.

Удивительно, что так много миллионов людей погибло во время гражданской войны, сталинских погромов и гитлеровской войны, а дело бакинских комиссаров сохранило эмоциональное влияние на советских людей; но так оно и есть, и по сей день оно предоставляет пропагандистское оружие Советам, чтобы ругать Запад, доказательство того, что интервенты, в том числе Соединенные Штаты, были безжалостными убийцами советских героев.

ГЛАВА 7

Клуб ликвидации большевиков

Москва и Петроград, декабрь 1917 – август 1918

В то время как британская армия занималась своими делами в разных краях России, еще одна кампания велась группой британских авантюристов в

политических центрах Москвы и Петрограда. Ведущие участники этой группы были Роберт Брюс Локхарт, Фрэнсис Кроми, Сидни Рейли, Джордж Хилл, Стивен Элли, Эрнест Бойс, Денис Гарстин и В. Л. Хикс. Каждый из них был опытным агентом, и каждый из них мог бы выйти со страниц истории Джона Бьюкена.

Показатели того, какими людьми они были, могут быть получены из числа тех, кто пережил эту кампанию, в эксклюзивном клубе для завтраков, сформированном Элли, главой Британской секретной службы в России до апреля 1918 года. Этот клуб, который встречался в лондонском Королевском Кафе был ограничен сотрудниками Секретной разведывательной службы и МИ-5, Службы безопасности, которые участвовали в борьбе с большевиками. И с этим чувством юмора школьника, к которому склонна Секретная служба, они назвали это «Клуб ликвидации большевиков»

Школьники или нет, участники приняли надлежащие меры предосторожности, потому что некоторые из них были приговорены к смертной казни большевиками, и они уважали длинную и безжалостную руку ЧК, предшественника КГБ. В обеденные дни они останавливали свои такси за две-три улицы и осторожно шли к Королевскому Кафе. Но было еще далеко до тех отчаянных дней в Москве и Петрограде, когда каждый момент и каждое действие несли риск ареста и казни.

История рассказывает о Брюсе Локхарте, «шотландце из шотландцев», который поступил на консульскую службу Его Британского Величества в 1911 году после посадки каучука в Малайе, где он вызвал скандал, взяв подопечную султана в качестве своей любовницы.

Год спустя, отправленный в консульство в Москве, он увлекся сверкающей общественной жизнью России с энтузиазмом мальчика, выпущенного в кондитерской. Ночи в балете и опере, сопровождаемые вечеринками в модных ресторанах и домах богатых русских друзей на диете с шампанским, водкой и икрой, заложили основу для бледности от ночного клуба, которая должна была остаться с ним до конца его дней. Но он был далеко не простым плейбоем. Он свободно говорил по-русски и дружил с целым рядом влиятельных русских, особенно среди умеренной оппозиции царю. Князь Львов и Александр Керенский, сменявшие друг друга лидеры Временного правительства до того, как большевики захватили власть, были среди его друзей. Он много работал и поднялся с низшего ранга вице-консула, чтобы стать исполняющим обязанности генерального консула в 1915 году, занимаясь всеми сложностями консульской работы, вызванными войной. Однако он не ограничился тем, что справился с этой

работой. Поскольку посольство находилось в Петрограде, у него была возможность рассказать о политических событиях в Москве, и его дружба с князем Львовым и Александром Керенским принесла солидные дивиденды. Его информативные послания с нетерпением читали в правительственных учреждениях в Уайтхолле, где все политики, чиновники и солдаты жаждали новостей из России, особенно об отношении нового правительства к продолжению войны против Германии.

Однако, как выяснилось ранее в Малайе, он был несколько неосторожен в выборе женщин. Он завел роман с французской еврейкой, о чем послу сэру Джорджу Бьюкенену доложил его коллега, писатель Хью Уолпол. Поскольку у Локхарта была жена, его роман был бы осужден по трем причинам: его брак и тот факт, что его любовница была еврейкой из Франции. То, что казалось блестящей карьерой в процессе становления, теперь оказалось под угрозой, и сэр Джордж, который восхищался молодым шотландцем, отправил его домой по «состоянию здоровья».

Таким образом, чуть более чем за месяц до того, как Ленин пришел к власти, Локхарт, несколько огорченный, обнаружил, что торчит в Лондоне, пока в России назревают большие события.

Как и любое другое крупное предприятие, министерство иностранных дел - отличный магазин сплетен, и новости о его грешках распространились через службу. Но его спас случай – проблемы со здоровьем сэра Джорджа – по иронии судьбы, как оказалось, поскольку сэр Джордж сам должен был быть доставлен домой во действительно по причине ухудшения здоровья - и интересом, проявленным к нему лордом Милнером, членом военного кабинета. Была и другая фигура, управляющая судьбой Локхарта, командир Мэнсфилд Смит-Камминг, начальник секретной службы. Яркий персонаж с, как у Локхарта и Рейли, пристрастием к женщинам, он стал известен как «С», и глава Секретной службы MI6 с тех пор называется «С». Степень его причастности к Локхарту, который всегда интересовался этой стороной своей работы, станет известна только тогда, когда - если вообще - будут опубликованы соответствующие документы. Но нет никаких сомнений в том, что, когда Локхарт вернулся в Москву, он перешел под контроль Секретной службы, а также Министерства иностранных дел.

19 декабря 1917 года Локхарт был вызван на обед к лорду Милнеру, который вскоре должен был стать военным министром. Два дня спустя Милнер отвез его на Даунинг-стрит № 10, где он представил молодого дипломата премьер-

министру - Ллойд Джордж уже был проинформирован о взглядах Локхарта на ситуацию в России. Он посмотрел на Локхарта с головы до ног и сказал: «Мистер Локхарт, по мудрости, отражающейся в ваших депешах, я ожидал увидеть пожилого джентльмена с седой бородой». Он задал несколько вопросов о Ленине и Троцком, кратко упомянув о хаотических условиях в России. Он подчеркнул необходимость такта, знаний и понимания и, обращаясь к коллегам из своего кабинета, которые слушали разговор, сказал, что Локхарт был человеком, чье место, очевидно, было в Петрограде, а не в Лондоне.

И так все было устроено. Локхарт должен был вернуться в Россию, чтобы «неофициально поддерживать связь» с большевиками. С тремя помощниками, капитаном Хиксом, свободно говорящим по-русски, ранее работавшим в Британской военной миссии в России, Эдвардом Бирсе, гражданским лицом, которое несколько лет занималось бизнесом в Москве, и Эдвардом Феланом, молодым человеком из Министерства Труда, он будет действовать под прикрытием коммерческого представительства. Его зарплата будет 2000 фунтов стерлингов в год, и он сможет потратить до 5000 фунтов стерлингов, не обращаясь к Лондону - но ему нужно будет вести тщательный учет. Не было упоминаний о его внебрачной деятельности. И записи его инструктажа Каммингом закрыты, вероятно, навсегда - даже если предположить, что они избежали внимания британских секретных служб.

Перед тем как отправиться в путь, он несколько раз беседовал с русским эмигрантом Максимом Литвиновым за чашкой чая в Угловом доме Лайонса в Странде. Литвинов поселился в Лондоне, вошел в британскую литературную семью и работал в закупочном комитете царской делегации, закупая оружие и снаряжение для российских войск. В то же время он был лидером большевиков в Лондоне и в январе 1918 года его назначили советским представителем в Лондоне. Министерство иностранных дел отказалось принять его назначение официально, но было решено, что он и Локхарт будут приняты в качестве неофициальных представителей с определенными дипломатическими привилегиями, и не в последнюю очередь будет разрешено отправлять сообщения в зашифрованном виде. (Эти диспозиции были важны для обеих стран, потому что обычные дипломатические договоренности рушились под воздействием большевистской революции и растущей угрозы интервенции.)

Локхарт прибыл в Петроград в начале февраля. Сэр Джордж Бьюкенен уже отправился домой. Сэр Джордж был дипломатом старой школы и, хотя он выступал против абсолютной монархии царя, он создал личную дружбу и

доверительные отношения с русской царской семьей. Он даже взял на себя обязанность предупредить царя о том, что, если он не сделает радикальных изменений в своем правительстве, чтобы привлечь людей, которые понимают надежды и чаяния людей, революция неизбежна. Царь выслушал его вежливо, но не предпринял никаких действий. Бьюкенен продолжал усердно работать с Временным правительством, но как только большевики пришли к власти, он обнаружил, что имеет дело с людьми, которых он не знал и не понимал. Он вернулся в Лондон, потеряв здоровье на службе у своей страны, после заключительного празднования Рождественской ночи в большом зале посольства, дворца, построенного Екатериной Великой для одного из ее фаворитов. Дипломаты, солдаты, моряки и шпионы пели свои рождественские колядки о мире и надежде, но у каждого был револьвер в кармане. Бьюкенен покинул посольство, передав полномочия советнику Фрэнсису Линдли, но между посольствами союзников и большевиками больше не было никаких полезных контактов.

Шесть недель спустя, 18 февраля, немецкая армия возобновила свой марш на Россию, чтобы заставить русских капитулировать перед суровыми условиями Брест-Литовского договора. При опасности захвата Петрограда посольства союзников бежали в направлении Финляндии. Как мы уже видели, Линдли смог провести свою группу через финскую границу в безопасное место, в то время как представители других государств оказались в Вологде. Двое из помощников Локхарта, Фелан и Бирс, быстро ушли с дипломатами, но третий, капитан Хикс, остался, и Локхарт принял на работу Гарстина из военной миссии. Они не въехали в посольство, которое теперь находилось под защитой голландцев, но заняли элегантную квартиру на Дворцовой набережной.

Локхарт оказался в любопытном положении. У него не было реального дипломатического статуса, и, хотя британские консулы все еще действовали в Москве, Петрограде и ряд других крупных городов, он оставался ответственным за ряд британских офицеров и чиновников, чья деятельность не проходила слишком тщательную проверку. Позже он жаловался, что он был полностью в неведении относительно работы этих людей, «для чьего присутствия в России и для чьей защиты мои отношения с большевиками были единственной гарантией».

Были, конечно, и профессионалы, которые не нуждались в защите Локхарта. Одним из них был майор Стивен Элли (награжденный Военным крестом), глава Секретной разведслужбы в России. Он оставался там до апреля 1918 года, но, как

и его преемник, командующий Эрнест Бойс, он был больше озабочен разведывательными операциями против Германии, чем шпионажем за большевиками. Их целью в то время было поражение Германии, а не свержение большевизма.

Там был также капитан Фрэнсис Кроми, потрясающе красивый подводник, который, вопреки его воле, стал военно-морским атташе и оставался в Петрограде в качестве высокопоставленного британского чиновника там, когда дипломаты покинули город. Он был настоящим все-британским героем. В сентябре 1915 г. он снял германскую военную блокаду с Петрограда и его военно-морской базы Кронштадта, проплыв на подлодке E19 через минные поля и патрули эсминцев Балтики. Он потопил немецкий эсминец в том же месяце, а в ноябре торпедировал и сильно повредил легкий крейсер *Ундина*. Затем, в декабре, он заставил немцев прекратить торговлю со Швецией, потопив или захватив десять пароходов, плавающих под немецким флагом. В мае 1916 г. он был награжден орденом за боевые заслуги, за которым последовало множество русских и французских наград, и он принял командование объединенным российским и британским подводным флотом. Существовало семь британских подводных лодок, некоторые из которых были перевезены из Архангельска на зерновых баржах по внутренним водным путям и работали на Балтике со своими экипажами, опираясь на плавучую базу *Двина*. Этот корабль под именем *Память Азова* сыграл кровавую роль в восстании 1905 года, и его экипаж всегда составляли моряки, находящиеся на грани мятежа.

В письме адмиралу Филлимору, известному как Филти Фил, который был офицером связи в военно-морском штабе царя, прежде чем командовать кораблем британских ВМС «Арк Ройял» (Королевским ковчегом) в Эгейском море, Кроми описал, что произошло, когда царя свергли. Все иностранные офицеры собрались в вестибюле «Астории» (до сих пор лучшая гостиница Ленинграда), которая тогда была военным отелем, в котором генерал в отставке отвечал за каждый этаж. Генерал Пул, начальник британской артиллерийской миссии при русской армии, который вскоре станет командующим британскими экспедиционными силами в Архангельске, принял командование и отослал русских офицеров наверх, чтобы -

когда кричащая толпа вошла, ее совершенно смутило то, что ее спокойно встречали улыбающиеся лица. Я думаю, что эти люди были очень разочарованы и настолько удивлены, что выслушали причину и, обыскав одну или две комнаты, вернулись мирно. Результатом этого было поставить

нас на один уровень с толпой и (русскими) офицерами. Дамы стояли в очереди по семь возле каждого англичанина, требуя защиты. Ни Гилберт, ни Салливан не мечтали о таких ситуациях.

Но легкая оперная атмосфера вскоре исчезла. Далее Кромби описал судьбу адмирала Вирена, сурового главнокомандующего, которого схватили мятежные моряки, «разрезали на мелкие кусочки и сожгли в деревянном ящике на площади». Других непопулярных офицеров утопили, протолкнув сквозь дыры во льду.

Это не может пройти бесследно для солдат [его британские команды]. Ссора способствует появлению международного скандала ... Я думаю, что, косвенно находясь под командованием мятежных иностранных моряков невыносимо для любой части английского флота ... Русские отказываются помогать в работе склада и требуют ограничения некоторых наших привилегий. Если им удастся остановить выдачу спиртных напитков, я не могу нести ответственность за столкновения между английским и русским командами.

Первые месяцы Революции он пытался поддерживать свою флотилию в рабочем состоянии и готовится к новой кампании против немецкого судоходства, как только тронется лед. Существовали всевозможные проблемы, кроме кровожадности русских моряков на борту плавучей базы. Не было запасных частей для неисправных двигателей, и британские экипажи должны были выполнить все их обслуживание. Постоянно не хватало еды - «наши моряки получали удовольствие от десяти кусочков сахара». И были постоянные попытки большевиков подорвать мораль британских моряков.

Тем не менее, когда лед тронулся весной 1917 года, он смог установить несколько патрулей, которым сопутствовал некоторый успех. Но это были британские успехи, а не русские, поскольку, как он записал, «восемь из семнадцати русских подводных лодок готовы к выходу в море, но они обычно ломаются, когда их просят выйти». Он перебросил свои лодки в Гельсингфорс (Хельсинки) в попытке уйти от революционного очага Кронштадта, но к октябрю 1917 года и большевистскому захвату он писал серию мрачных писем адмиралу Филлимору и, что особенно важно, адмиралу сэру Реджинальду «Блинкер» Холлу, директору военно-морской разведки. 10 октября он написал Холлу: «Рассматривали ли вы возможность освободить меня от должности? Я не просил о назначении, но я готов работать ...» И позже, «все это немыслимо, и все наши усилия

парализованы. Мне это надоело, и я жажду удобного случая вместо того, чтобы сражаться в этой грязи. Пожалуйста, простите такой тон речи.

Его просьба была удовлетворена в декабре, но пока он ждал поезд, чтобы отправиться домой, ему пришла телеграмма, в которой говорилось, что его назначили временным военно-морским атташе. Он написал саркастическое письмо Холлу: «Это то самое назначение, от которого я просил вас меня оградить . . . положение, которое я не могу себе позволить, когда мне приходится содержать семью и свою мать за свой счет. Поэтому я искренне прошу вас не оставлять меня навсегда на задворках дипломатии . . . Пожалуйста, не забывайте, что я все еще офицер-подводник.

По иронии судьбы, он вскоре раздал тысячи рублей российским агентам, пытаясь не допустить попадание российского флота в руки немцев и задержать поставки, особенно мин и огнестрельного оружия, красногвардейцам, выступающим против британских интервенционных сил на севере. **В то время, когда в британском посольстве было спрятано 1 500 000 фунтов стерлингов, чтобы заплатить за уничтожение русских кораблей,** у него в Портсмутском банке было всего 720 фунтов. Вероятно, что его назначение в «дипломатические задворки» ознаменовало его переход от «офицера-подводника» к тому, чтобы стать одним из агентов Блинкер Холла.

Его первой главной задачей было уничтожить свои собственные подводные лодки. Написав в Холлу, он сообщал: «Я подготовил две системы уничтожения лодок. Один взрывной, срабатывающий от будильника, чтобы все вместе взорвалось, а другой - просто испортить все и взорвать 130 торпед с помощью кислоты «1840»».

В марте 1918 года дивизия немецких крейсеров захватила Ревель (Таллинн), столицу Эстонии, напротив которой, через Финский залив, находилась база Кроми. Затем, в первую неделю апреля, немцы начали высадку в Южной Финляндии и не встретили противодействия со стороны русских. Лодки Кроми, скованные льдом, должны были быть уничтожены прежде чем их захватят немцы. Это было отчаянное дело, продолжавшееся три дня. Каждую из семи лодок экипажу нужно было на морозе постепенно освободить от толстого льда, чтобы добраться до глубины, куда были сброшены торпеды и припасы, а подводные лодки затоплены. По настоянию Кроми русские также потопили четыре своих подводных лодки. На протяжении всей операции Кроми страдал от мародеров. «Однажды ночью я вышел из себя и провел вечеринку для пятидесяти мародеров с игрушечным пистолетом . . . Я сказал им, что убью

первого вооруженного человека, ступившего на борт, подкрепив мои слова нелепым пистолетом двадцать второго калибра».

После этого он написал Холлу: «Короткая заметка, чтобы вы знали, что наше дело, наконец, здесь закончено . . . Боюсь, варвары получат много ценного материала, но черта с два им перепадет что-то от нас».

Однако Кроми ошибся, думая, что его работа была закончена. Ему была поставлена еще одна гораздо более амбициозная задача - уничтожение русского Балтийского флота в Кронштадте, чтобы предотвратить его попадание в руки немцев, которые теперь угрожали захватить Петроград. В то время флот состоял из двух линейных кораблей, нескольких крейсеров, минного крейсера, плавучей базы подводных лодок и ряда эсминцев. Хотя некоторые корабли были старыми и в плохом состоянии, они тем не менее оказались бы помехой для Королевского флота, если бы их перевели в Военно-морской флот Германии.

В апреле Кроми писал Холлу: «Я считаю, что флот в Кронштадте далеко не в безопасности, но об уничтожении не может быть и речи, если только Развозов не займет свой пост снова». Вице-адмирал Развозов вступил в должность командующего Балтийским флотом после убийства Вирена, но вскоре ушел в отставку, и, хотя большевики несколько раз просили его вернуться к службе чтобы реорганизовать флот, он всегда отказывался. Он заплатил цену за свою непримиримость, будучи убитым в Гельсингфорсе в сентябре 1918 года (в Википедии говорится, что он умер в сентябре 1919 года в тюремной больнице «Крестов» в Петрограде, от последствий плохо проведенной операции. – прим. пер). Кажется, Кроми полагался на этого старого царского офицера, который мог помочь ему в уничтожении флота.

Лучшее, что он мог сделать без Развозова, это подкупить нескольких диверсантов. 23 апреля он написал Холлу: «Я надеюсь (надежды довольно слабые) что смогу организовать несколько опасных инцидентов в Кронштадте». Следует упомянуть, что русские сами затопили корабли Черноморского флота в июне 1918 года, чтобы они не стали трофеями немцев.

Именно в это время в Россию прибыл красавец-альфонс Сидни Рейли, прибыл в страну своего рождения и места предыдущего эпизода своей жизни: он работал на британскую разведку, получая секретную информацию о новых кораблях, создаваемых немецкими военно-морскими инженерами-кораблестроителями, на замену российскому флоту, проигравшему Японии в 1905 году. Его прибытие оказалось несколько менее удачным. Он был нанят «Си» («Си» или «С» - так называли главу британской разведки. – прим. пер) и вооружен пропуском от

Литвинова. Он отправился в Мурманск по морю, чтобы связаться с Локхартом. Однако, поскольку его имя в пропуске было написано с ошибкой и в настороженных глазах Королевского флота он не выглядел ирландцем - неудивительно, потому что он был русским евреем из Одессы - военно-морской флот арестовал его и упрятал его в камеру на корабле британских ВМС «Глори».

К счастью для Рейли, майор Стивен Элли также проезжал через Мурманск, возвращаясь домой со своей работы в качестве главы британской секретной разведывательной службы в Москве. Адмирал Кемп попросил Элли расспросить Рейли, и, как только Рейли сам убедился в том, что Элли был таким же шпионом, он достал бутылку аспирина, вынул пробку и извлек крошечный листок бумаги, на котором было сообщение Локхарту, написанное в коде SIS (SIS – секретная разведывательная служба. – прим. пер). Со всех сторон последовали полные раскаяния извинения и смех - Элли и Рейли позже стали близкими друзьями - и Рейли отправился напрямик в Петроград, где остановился лишь на достаточно долгое время, чтобы дать отчет седовласому командиру Бойсу, прежде чем отбыть в Москву и встретиться с Локхартом.

Работая под кодовым обозначением ST1 (ST означал станцию SIS в Стокгольме, и он был первым из агентов), он начал пять месяцев захватывающих приключений. Вполне возможно, что жизнь Рейли как шпиона была чрезмерно драматизирована, но мало что могло быть более драматичным, чем события тех пяти месяцев. Его первым действием по приезде в Москву было облачение в форму Королевского летного корпуса и поход к Кремлю, где он требовал встречи с Лениным. Не удивительно, что его прогнали.

Но даже враги Рейли в ЧК восхищались им. Следующий отрывок взят не из романа в мягкой обложке, а из отчета в архиве советской секретной полиции, выпущенного для советской книги о ЧК:

Я поднял голову после того, как выпил чашку кофе, и перевел взгляд через всю комнату на его карие глаза. На мгновение он посмотрел мне в глаза, и я почувствовал приятную дрожь. Он был хорошо одет и хорошо сложен. Его худое загорелое лицо говорило о сильной воле и решительности. Его глаза были тихими и добрыми, и в них было немного грусти. Тем не менее, его выражение лица предполагало, что он часто сталкивался со смертью.

Автор, который написал это, был не кем иным, как женщиной-агентом ЧК. Ее отчет о Рейли был передан Артуру Артузову, главе контрразведки ЧК, который написал на полях: «Опытный любовник, которому могут противостоять лишь

немногие волевые женщины. Поэтому он может положиться на женщин. Используйте их квартиры как тайные схроны.

В отчете не приводятся подробности каких-либо дальнейших контактов между Рейли и женщиной-чекистом, но нет никаких сомнений в его способности очаровывать женщин и затаскивать к себе в постель, или втягивать в свои интриги. Он трижды женился, и два из его браков были заключены бигамным образом (то есть, у него одновременно было две жены. – прим. пер) - с полной осведомленностью о спецслужбах - в то время как по крайней мере еще семь женщин думали, что они были за ним замужем. У него было много любовниц - среди них несколько проституток, которые влюбились в него - и, как и предсказывал Артузов, использовались, чтобы обеспечить его конспиративными квартирами.

Не попав в Кремль, он вернулся в Петроград, якобы, чтобы помочь Кроми с его планами по уничтожению русский флот. Но у Рейли были другие идеи. В советском досье говорится, что он жил с «куртизанкой» по имени Елена Михайловна Боюжовская. Наряду с проведением времени в лучших городских ресторанах с красивыми женщинами, он покровительствовал маленькому, прокуренному кафе Байкова, которое являлось притоном антибольшевиков как левых, так и правых. Там он был известен как месье Массино, турецкий купец, и вел деловые беседы шепотом с загадочными мужчинами и женщинами. Рейли подключался к оппозиции, у которой были свои планы свергнуть Ленина и его товарищей, и вскоре он играл ведущую роль в их советах. Он стал особенно связан с Борисом Савинковым, социалистическим революционером, который был военным министром во временном правительстве и стал лидером воинствующей группы, называемой «Союз защиты отечества и свободы». Многие из её членов были офицерами в царской армии, и теперь она поддерживала контакты с другими левыми и центральными группами, выступавшими против большевиков.

У социал-революционеров была веская причина ненавидеть большевиков: 18 января 1918 года Ленин цинично завершил Учредительное собрание, единственно подлинно демократически избранный орган, когда-либо существовавший в России, в котором эсеры получили подавляющее большинство на выборах, состоявшихся сразу после того, как большевики захватили власть. Учредительное собрание созывалось только один раз и попыталась продемонстрировать свою независимость. Однако Ленин послал своих латышских стрелков угрожать делегатам, и оно был немедленно распущено.

Позднее Троцкий писал: «Простой, открытый и жестокий роспуск Учредительного собрания нанес формальной демократии завершающий удар, от которого она так и не оправилась».

Рейли и Савинков стали близкими друзьями – их объединяла ненависть к большевизму. Но Савинков принес разрушал все, к чему прикасался, и в конце концов именно из-за него погиб Рейли.

Однако Савинков не «принадлежал» Рейли. Почти каждая страна, вовлеченная в Первую мировую войну, имела агентов, действующих внутри России. Французы были особенно активны. Они дали Савинкову деньги для его движения, а их главный агент, полковник де Вертемо, был глубоко вовлечен в восстание чехов в Сибири. Немцы, которые после подписания Брест-Литовского договора послали своего упрямого посла графа Вильгельма фон Мирбаха в Москву, имели эффективную и агрессивную агентурную сеть. Его возглавлял полковник Рудольф Бауэр, чьи люди проводили личную вендетту против британских агентов и оказывали большое влияние на правые оппозиционные группы. Американцы сильно отстали в шпионском деле, получая большую часть своей информации от богатого и эксцентричного **Рэймонда Робинса**, который командовал американской миссией **Красного Креста** в Москве. Он был единственным американцем, имевшим доступ к большевистским лидерам, и **он неистово работал, чтобы добиться взаимопонимания между Соединенными Штатами и большевистским правительством**. Фактическим руководителем американского шпионажа в Москве был американец греческого происхождения **Ксенофонт Каламатиано**.

Японцы имели давнюю сеть агентов в Сибири, и, как мы видели, англичане были заняты на Кавказе и в Центральной Азии. Большая часть нынешних подозрений России в отношении иностранцев и паранойи в отношении шпионов проистекала из тех первых дней 1918 года, когда Россия была ничейной землей для агентов, занимающихся всеми видами деятельности - все они наносили ущерб большевикам.

Возможно, самым опытным из всех этих шпионов был человек, чья репутация была омрачена дурной славой Рейли, но он был гораздо более профессионален в своем деле, чем более гламурный бабник. Это был Джордж Хилл, кодовый номер «L.K. 8», который руководил собственной организацией, подчиняющейся директору военной разведки в военном министерстве, и который видел свою роль в ведении собственной частной войны против немцев.

Отец Хилла был британским бизнесменом в России, и он вырос там. Хилл много путешествовал, прекрасно говорил по-русски и хорошо знал страну. В конце концов он занялся бизнесом в Москве, но, когда началась Первая мировая война, он ловил рыбу в Британской Колумбии. Он сразу же присоединился к Канадской легкой пехоте и оказался на разведывательной работе во Франции – в нейтральной зоне подслушивал разговоры немецких фронтовых войск, что в случае обнаружения подвергало его большой опасности. В конце концов Хилл был ранен гранатой и доставлен обратно в военное министерство в Лондоне. К 1916 году он был в Салониках, сообщая о передвижении вражеских войск. Затем он добровольно вызвался в Королевский летный корпус и стал одним из первых пилотов, которые высадили агентов в тылу врага; однажды его даже преследовал кавалерийский патруль, когда он снова взлетел. Ему удалось ускользнуть, но не раньше, чем кавалерия изрешетила его примитивный бомбардировщик BE2.

В июле 1917 года Хиллу было приказано присоединиться к миссии Летного королевского корпуса в России, но по прибытии выяснилось, что миссия перебазировалась в Москву и война на Восточном фронте стала затихать. Он направился в Могилев, административный центр, расположенный примерно в 400 милях (644 км) к юго-западу от Петрограда, где находился Генеральный штаб российской армии. Здесь были британцы, французы, американцы, сербы, японцы, бельгийцы, итальянцы и румыны, которые советовали Белым генералам Временного правительства, как вести войну с войском, которое больше не хотело воевать, а также сообщать о ходе событий своим собственным правительствам. Была также немецкая секретная служба, двое из агентов которой устроили засаду Хиллу, но, как он описал инцидент в своих мемуарах, «Go Spy the Land (Занятие шпионажем)»:

Как только они собирались сблизиться со мной, я обернулся и замахнулся своей тростью. Как я и ожидал, один из моих нападающих схватил ее. Это была трость с клинком, которую специально разработала компания Уилкинсона, изготавливающая клинки в Пэл Мэл, и в тот момент, когда у моего злоумышленника ножны оказались в кулаке, я оттянул лезвие, похожее на рапиру, с рывком и выпадом вперед пронзил джентльмена. Он вскрикнул и рухнул на тротуар. Его товарищ, видя, что я устроил драку и не был безоружен, пустился наутек, пока я отступая нащупал свой револьвер. Тем временем человек, которого я заколол, шелохнулся, выронив мои ножны на асфальт, и я вернулся и забрал их. С тех пор эта трость с клинком имела ценность в моих глазах ...

Хилл, официально находящийся под командованием генерала Пула, получил приказ работать с канадским инженером полковником Джо «Клондайком Биллом» Бойлем, чтобы снова запустить российские железные дороги. С разрешения большевистских властей они захватили железнодорожный вагон № 451, принадлежавший матери царя, императрице Марии Федоровне. Это было какое-то богатое средство передвижения, состоящее из смотрово-обеденного салона, объединенной спальни и гостиной, пяти купе с двухместными спальными местами, кладовой с печью и системой обогрева вагона и туалета. Он также мог генерировать свой собственный электрический свет и был оснащен громоотводом.

Вагон № 451 стал домом Хилла на следующие семь месяцев. Он и Клондайк Билл с комфортом отправились в Петроград, где стали первыми офицерами союзников, прошедшими через ворота Смольного института, штаба большевиков. Они получили разрешение самого Ленина на продолжение своих операций на том основании, что англичане были готовы прекратить поддержку свергнутого Временного правительства и вместо этого поддержать большевиков.

Вооружившись пропусками от Ленина, они с головой окунулись в приключения. Заполучив бригаду инженеров, они шли по перегруженным железным дорогам, расчищая путь, опрокидывая целые поезда на закраины дорог. Позднее Хилл утверждал, что в результате очистки линий еда достигла голодных жителей Петрограда и, в другом направлении, продовольствия и корма дошли до юго-западной армии, которая все еще пыталась остановить немецкое наступление через Украину.

Они были свидетелями убийства российского главнокомандующего генерала Духонина его собственными людьми: «Это было похоже на наблюдение за стаей диких волков...» Их также убедили взять на себя задачу вернуть в Румынию золотые слитки, драгоценности короны, архивы Министерства иностранных дел и запасы бумажных денег, которые были перевезены в Кремль для безопасного хранения после развала румынской армии. Спустя некоторое время наши герои в вагоне № 451 направились в Яссы, временную столицу Румынии. Дорога заняла у них девять дней, в течение которых они не имели возможности сменить одежду. Во время путешествия они заполучили вагоны, заполненные пассажирами, которые остановили поезд, чтобы разграбить горящий водочный завод; они угнали поезд и сами загнали его в Румынию, и их обстреляли. Но они доставили свой драгоценный груз и взамен были награждены орденом Звезды Румынии.

В промежутках между своими актами безрассудства Хилл также завоевал доверие Троцкого, который был тогда военным министром большевиков. Следует помнить, что союзническая интервенция еще не началась, и большевики во главе с Троцким отчаянно нуждались в квалифицированной военной помощи, и более, чем кто-либо другой, были готовы принять такую помощь от Запада.

Хилл писал: «Троцкий знал все о работе, которую я делал и принял меня хорошо ... После нашего первого разговора он назначил меня инспектором по авиации, и я получил широкие полномочия в этом отделе. Это привело меня к тесному контакту с авиационным персоналом, дало мне доступ ко всем аэродромам, а также связало меня с Комитетом по эвакуации (созданным для того, чтобы убрать все, что может иметь ценность для наступающих немцев). Я должен был дать Троцкому совет по формированию новой авиации. Два или три раза в неделю я проводил с ним полчаса, обсуждая авиацию. Он обладал удивительной способностью концентрироваться и ловко прикладывает палец к слабому месту чего-либо и чуют, когда информация не передавалась «непринуждённо»».

Благодаря своей связи с Троцким Хиллу удалось создать сеть большевиков, докладывающих о продвижении немецких частей. Таким образом, он смог предупредить Лондон о том, что некоторые немецкие дивизии были выведены с Восточного фронта, чтобы принять участие в великом весеннем наступлении Людендорфа в 1918-м году. Троцкий позже создал «Третий отдел» своей новой Красной армии, чтобы объединить сеть Хилла. В 1920 году оно было переименовано в Регистрационное управление, а затем стало Главным управлением разведки, ГРУ, которое сегодня работает во всех странах мира, занимаясь тем же, что и его предшественник: добыванием военной информации.

Пока Хилл, Рейли и Кроми занимались своим гнусным делом, Брюс Локхарт пытался справиться с огромной задачей, которой он был обременен. Реальная проблема, с которой он столкнулся, заключалась в том, что никто в Уайтхолле не знал, что происходит, и не понимал природу людей, которые теперь управляли Россией. В столицах Запада предполагалось, что Ленин, Троцкий и их последователи скоро будут смыты течением истории, и на самом деле не имело значения, кто был ответственным в данный момент, пока они соглашались продолжать сражаться с немцами.

Локхарт, который переехал с правительством в Москву, имел бурную первую встречу с Троцким 15 февраля. Троцкий напал на Великобританию за ее поддержку антибольшевистских группировок, в то время как Локхарт осудил большевистскую агитацию в Британии. В обоих аргументах было оправдание.

Британия давала деньги националистическим и царистским группировкам, особенно на юге, в то время как в Англии Литвинов был занят проповедью большевизма и убеждением рабочих требовать прекращения войны.

Несмотря на громкие слова, Локхарт был впечатлен Троцким и телеграфировал в министерство иностранных дел, что «Троцкий будет сотрудничать с нами, пока это ему подходит. Наше отношение должно быть таким же». Артур Бальфур ответил Локхарту словами, которые подытожили отношение Британии к большевикам. «Внутренние дела в России не касаются нас. Мы рассматриваем их только в той мере, в какой они влияют на войну». По словам Бальфура, там, где на самом деле были большевики, Британия не хотела вмешиваться. Однако он подчеркнул, что Британия не намерена оставлять «наших друзей и союзников в тех частях России, где большевизм не может рассматриваться как правительство де-факто».

Это было заявление о политическом курсе, которое поставило Локхарта в чрезвычайно трудное положение. Хотя это могло показаться совершенно логичным в Лондоне, в Москве это не имело особого смысла. Если бы англичане поддерживали врагов большевиков, тогда большевики считали бы англичан врагами. Более того, в значительной части России было невозможно сориентироваться, было ли правительство де-факто или нет, и даже если бы оно было, будет ли оно руководить на следующей неделе. Были тонкости, которые Лондон не понимал вообще.

В то время как Брест-Литовский договор был выработан, и Ленин проталкивал его принятие упрямой партией большевиков, Локхарт умолял министерство иностранных дел не разрешать японцам осуществлять свою угрожающую интервенцию в Сибирь, а вместо этого оказывать поддержку большевикам в борьбе с немцами. «Это наш последний шанс. Пользуясь им, мы сможем получить все, что возможно получить, и не потеряем ничего из того, что мы еще не потеряли». Конечно, «последнего шанса» не было. Ленин был полон решимости заключить мир с немцами, чтобы спасти большевизм в России. Следует подумать о том, что Локхарт и его друг Рэймонд Робинс из Американского Красного Креста в этот период шли на поводу у большевиков, защищая их дело.

Конечно, просьбы Локхарта о сотрудничестве завоевали ему мало друзей в Уайтхолле. Генерал-майор Альфред Нокс, бывший военный атташе, который отправился домой с послом Бьюкененом и вскоре был назначен главой военной миссии в Сибирь, являлся самым грозным из его противников. В документе,

призывающем к немедленному вмешательству в Сибирь, он обвинил Локхарта в отправке донесений, которые были политически необоснованными и «в военном смысле вводящими в заблуждение». Нокс напоминал Локхарту: «Я убежден, что наше дело в России больше пострадает от общения британского чиновника с большевиками, чем от вмешательства Японии, как бы глупо оно ни было организовано. Политика флирта с большевиками неправильна как с точки зрения политики, так и морали».

Локхарт ответил тем же: «Я должен указать, что со времени революции его полное непонимание ситуации стало одной из главных причин нашей неудачи в этой стране ...»

Типичным примером отсутствия доверия между Уайтхоллом и Локхартом был случай с капитаном Хиксом и мифическими немецкими армиями Сибири. Сообщения, поступавшие в Лондон из Иркутска и Владивостока, свидетельствовали о том, что большевики освобождали и вооружали тысячи немецких и австро-венгерских военнопленных, находящихся там. Локхарт отверг эти истории как чепуху и незамедлительно получил упрек от Лондона. Затем он пошел к Троцкому и спросил его, действительно ли тот вооружает немцев. Троцкий отрицал это, но предложил, чтобы союзники поехали в Сибирь, чтобы убедиться в лично. Локхарт послал Хикса, а Рэймонд Робинс послал капитана В. Б. Вебстера из Американской миссии Красного Креста.

Хикс, любопытно отметить, эксперт по отравляющему газу, и Вебстер провели следующие шесть недель, посещая лагеря для военнопленных. Они пришли к выводу, что несколько тысяч военнопленных были вооружены в Иркутске, чтобы защитить себя от Семенова, лидера Забайкальского казачества, в то время как другая тысяча венгров была сформирована в подразделение Красной гвардии в Омске. Их отчет об этом привел в бешенство военное министерство, и Хикс был отозван за то, что он будто бы не выполнял приказы. Но Локхарт проявил упрямство и сказал, что, если Хикс вернется в Лондон, он вернется вместе с ним. На этом инцидент был исчерпан, но у Локхарта прибавилось врагов.

Хотя Хикс и Вебстер были на самом деле правы, отвергая историю о формировании немецких и австрийских армий в Сибири, они были совершенно неправы в отношении количества военнопленных, вооруженных для службы в Красной армии. Отчаянно нуждаясь в обученных мужчинах, большевики искали в лагерях для военнопленных вероятных новобранцев. В январе 1918 г. в Самаре состоялся Конгресс военнопленных (ныне Куйбышев) с просьбой разрешить создавать подразделения Красной армии, что привело к созданию

«международных батальонов». Среди них были чехословацкие, венгерские, румынские и южнославянские батальоны, которых в итоге насчитывалось около 50 000 человек. Был также китайский батальон, набранный из примерно 10000 человек, служащих в трудовых отрядах.

До этого момента трудно разглядеть руку секретной службы в работе Локхарта. Все, что он делал, указывало на искреннее желание сотрудничать с большевиками, даже ставя под угрозу свою карьеру. Но, так как развивались события весны и лета 1918 года ... Брест-Литовский договор ... высадка в Мурманске ... убийство комиссаров в Кеми ... восстание чешского легиона ... убийство царя ... то Локхарт передумал, наконец обратился в сторону защиты интервенции и начал налаживать контакты среди антибольшевистских группировок.

К началу июля он втянулся в планы людей, на которых он жаловался, когда приехал в Россию шесть месяцев назад. Нет никаких доказательств того, чтобы показать, была ли это естественная эволюция или это было частью его инструктажа от «Си», который только сейчас начала появляться информация.

6 июля Борис Савинков возглавил свой Союз Защиты Отечества и Свободы в полномасштабном восстании против большевиков в Ярославле, имеющим стратегическое расположение к северу от Москвы на железнодорожной линии в Архангельск. Это была жестокая битва с людьми Савинкова, которая продержалась две недели в ожидании помощи союзников, которая должна была прибыть по железной дороге из северного порта. Однако они были окончательно разбиты большевистскими полевыми орудиями, привезенными из Москвы за неделю до высадки союзников в Архангельске.

Так совпало, что покушение Савинкова на свержение большевиков имело место в тот же день, когда посол Германии граф Вильгельм фон Мирбах был убит группой левых социал-революционеров. Убийство ознаменовало начало попытки левых эсеров захватить Москву. Им удалось захватить Лубянку, штаб секретной полиции, вместе с Феликсом Дзержинским, главой ЧК, которого так боялись. Они также заняли Центральное телеграфное бюро и отправили телеграммы в несколько городов, объявив, что эсеры пришли к власти и что все приказы, подписанные Лениным и Свердловым, были недействительными. Но их успех не продлился долго. Большевики сплотились и со своей преторианской гвардией латышских стрелков, одной из немногих дисциплинированных частей в России, вытеснили эсеров с Лубянки. Артиллерия и пулеметы были затем применены к оставшейся цитадели эсеров, особняку, где содержались

Дзержинский и некоторые другие лидеры. Казалось, не имело значения, что их огонь мог уничтожить почти все руководство ЧК. Все закончилось быстро. Дзержинского освободили. И начались казни.

Англичане и французы были немедленно обвинены большевиками в организации восстаний Савинкова и левых эсеров. Конечно, французы финансировали Савинкова и обнадеживали его историями о немедленной высадке в Архангельске крупных союзных войск; и правда, что Яков Блюмкин, убивший фон Мирбаха, несколько месяцев жил в соседней с Локхартом комнате в отеле «Элит». Но Бальфур специально запретил Локхарту иметь какое-либо отношение к планам Савинкова, в то время как позднее оказалось, что Блюмкин работал двойным агентом в ЧК, которая сама была пронизана левыми эсерами.

Сами левые эсеры отрицали, что в их заговоре принимали участие союзники, либо чекисты. Имея за плечами продолжительную историю терроризма, они были вполне способны совершать свои собственные убийства, и их заинтересованность в убийстве фон Мирбаха была связана с провокацией немцев на возобновление войны, чтобы тем самым образом уничтожить большевиков.

Остается вопрос о связи британцев с Савинковым. Рейли, конечно же, знал о его планах, и Хилл позже писал, что он «постоянно связывался» с группой Савинкова и «был в курсе» планов восстания в Ярославле. Учитывая причастность Рейли и Хилла, вполне возможно, что приказ Бальфура Локхарту не иметь ничего общего с Савинковым и был ширмой, чтобы предотвратить вмешательство Локхарта в дело, уже находящееся под контролем британских агентов. Сам Локхарт позже возложил вину за провал восстания Савинкова на французского посла Жозефа Ноуленса, потому что он побудил Савинкова нанести удар, сказав ему, что крупная высадка союзников должна была произойти в Архангельске.

Без дальнейших доказательств единственное заключение относительно участия Британии в обоих этих инцидентах, к которому мы можем прийти, это отсутствие доказательств ее участия. Не вызывает сомнений то, что сейчас британцам, работающим в Петрограде и Москве, стало чрезвычайно трудно жить. Они больше не имели легкого доступа к большевистским лидерам. Сам Троцкий разорвал пропуска Хилла, комментируя это так: «Теперь все кончено». Они больше не могли путешествовать по стране в британской форме. Рейли ушел в подполье, используя различные удостоверения личности, в том числе на имя товарища Рилинского из ЧК, и у него были документы, чтобы доказать это. Кроме демонстрировал растущие признаки напряжения в Петрограде, посылая

нескромные сообщения открытым текстом. В одной из своих телеграмм он сообщил, что большевики теряют власть в Петрограде и готовятся к эвакуации из города. В другом он сказал, что Ленин прибыл в Петергоф - царский дворец к востоку от Петрограда, и готовился покинуть страну на шведской яхте.

Локхарт, отрезанный от лидеров большевиков и больше не способный выполнить свою инструкцию от Ллойд Джорджа о том, чтобы «неофициально поддерживать с ними связь», признал, что его миссия подходит к концу. Интервенция была неизбежной, и большевики выступили бы против нее. Врагом для союзников отныне будет коммунистическое правительство России, и, как мы увидим из секретного доклада Джорджа Хилла совместно с директором военной разведки, теперь был введен в действие заговор по свержению этого правительства и замене его еще одним, подотчетным союзникам.

На этот раз не могло быть никаких сомнений по поводу участия Британии. Это был британский заговор, спланированный и возглавляемый Рейли, финансируемый Локхартом и Кроми, с Бойсом - начальником станции секретной разведывательной службы, исполняющим обязанности оперативного сотрудника, а Хилл предоставлял конспиративные квартиры и курьеров. Но, прежде чем мог возникнуть заговор, британцы, французы и американцы наконец-то высадились в Архангельске и на следующий день, 3 августа, 25-ый мидлсекский полк на борту «*Пинг Суей*» был сопровожден японским эсминцем во Владивосток и направился в казармы Старой Сибири за отрядом Чешского легиона.

ГЛАВА 8

Больше солдат, больше денег, больше оружия

Мурманск, Август – Декабрь 1918

2 августа, в день, когда генерал Пул захватил Архангельск, Лейтенант Питер Кроуфорд отправился из Мурманска со своим отрядом из семи опытных бойцов, чтобы установить контроль над своим «Королевством Рестикент» в дебрях Лапландии. Он взял двухмесячный паек, сел на буксир, проплыл мимо *Аскольда* и пошел вверх по реке сквозь тучи комаров. Крутые холмы поднимались с обеих сторон, река становилась уже, и в конце концов им пришлось покинуть буксир и пересесть на небольшую моторную лодку с экипажем местных сплавщиков и лодку в форме каноэ, единственную, способную преодолеть пороги. Он был вынужден разделить свои небольшие силы и отправить двух человек назад, чтобы дождаться возвращения моторной лодки через десять дней.

На одной серии порогов реки они почти потеряли и челнок, и боеприпасы. Они должны были нести свои контейнеры с мясными консервами через пороги и затем перетаскать челноки по скалам. «У нас ушло два часа», - написал он в своем дневнике. «Раздал ром всем крестьянам, которые работали великолепно, продолжили путешествие после того, как попили чай. Сделали огромный дровяной камин для сушки одежды». Они прибыли в гостиницу для путешественников в четыре часа утра, где обнаружили, что –

отряд крестьян, лишь недавно прошедший перед нами, стоял у огромного огня, суша свою одежду. Мужчины и женщины, которые все были почти обнажены, казалось, не обращали особого внимания на наших солдат, когда они прибыли, которые, в свою очередь, сняли с себя всю свою мокрую одежду и присоединились. У них была другая еда - творог, данный владельцем дома. Около двадцати человек спали в доме. Перебор. Решил поспать несколько часов на берегу реки, как и солдаты. Проснулся в 6 часов утра, намереваясь отправиться в путь. Пошел посмотреть, как поживают обитатели дома. Атмосфера была ужасная, все мирно храпели. Проснулись солдаты. Был чай. Не удалось заставить капитана моторного катера отправиться в путь до 12 часов дня. Он имел преимущество передо мной. Если бы я знал, что нас ждало впереди, я бы, безусловно, согласился с ним и воспользовался бы возможностью еще поспать несколько часов. Прекрасно сидеть на берегу за завтраком, в то время как начинается восход солнца ... роса блестит ... река спокойная ... красивые тени на воде.

5 августа небольшие силы достигли Рестикента, и были тепло приняты деревенским старостой, Поченковым. Кроуфорд организовал из наиболее подходящих местных жителей патрули, чтобы провести разведку в районе рек Лотта и Нота, единственный путь через финскую границу. Если на позиции Мейнарда в Мурманске произойдет нападение с юго-запада, оно должно пройти по этим рекам. Британская оккупация Печенги уже перекрыла северный путь. Что нужно было сделать Кроуфорду, так это выжить, получить заблаговременное предупреждение о любом финско-германском нападении и отослать новость Мейнард в Мурманск до того, как с его войсками случиться неизбежное и их уничтожат.

Имела место небольшая паника, сообщения о появлении финнов, проходящих через его сеть патрулей и разведчиков в лесу. Но в целом он провел очень приятное лето, плавал каждое утро, стрелял уток и учился восхищаться саамами и их образом жизни. Главная опасность для его маленького вооруженного отряда

исходила от капризов погоды, пока они были на воде. Трагедия произошла, когда один из его людей утонул, пытаясь спасти коллегу, когда они выпали из лодки во время рыбалки - почти каждая часть на севере потеряла по крайней мере одного человека утонувшим. «Очень печальный день», - записал Кроуфорд. «Бедная миссис Маклауд, что бы она ни делала. Остались трое детишек, за которыми нужно присматривать. Более смелый поступок, чем совершил Маклауд, очень трудно представить ... какая грустная задача написать миссис Маклауд и рассказать ей об этом событии. "

С течением времени погода стала холоднее, и озеро замерзло. Красочно одетые саамы собрали свои олени стада и переехали в свою зимнюю деревню. Кроуфорд и его солдаты построили сруб на случай, если финны придут на лыжах по суше. Затем 27 ноября - через две недели после происшествия - дружелюбный финн принес слух о том, что на Западном фронте было подписано перемирие. Через несколько дней прибыл исследователь Антарктики, командир Виктор Кэмпбелл, пройдя на лыжах всю дорогу от Мурманска. На следующий день за ним последовала колонна оленей с зимней одеждой и продуктами. С конвоем были три участника экспедиции известного исследователя сэра Эрнеста Шеклтона в Антарктику.

Шеклтон отправился в Мурманск для изучения проблемы сражения в условиях сильного холода и снега и разработал полный набор арктического обмундирования, который включал «4 комплекта нижнего белья Wolsely (так в оригинале), один костюм из непромокаемой ткани, одна утепленная шапка, одна пара очков, защищающих от метели, одна пара лыж и палок, одна шерстяная шинель, одна пара ботинок Шеклтона».

Все служило прекрасно, кроме ботинок Шеклтона. Немного предметов военной одежды могли когда-либо так ненавидеть. Ботинок был сделан из холста на деревянной подошве до 14-го размера, писала одна жертва этого ужаса, «и вам нужно было взять на четыре-пять размеров больше вашего нормального размера, чтобы вы могли надеть носки, чулки (очень толстые), мокасины, а затем в ботинок совать тряпки или сено в свободное место и затем завязывать». Они были, конечно, теплыми, но они были такими громоздкими, что мужчины едва могли ходить в них и, конечно, не могли воевать в них.

Набор «оказался превосходным», говорится в одном официальном сообщении, «за исключением так называемого ботинка Шеклтона, который оказался катастрофически неудачным». И много лет спустя Ричард Дж. Зэнк из 338 американского пехотного полка вспоминает: «У меня очень яркие воспоминания

о том, как я пережил русскую зиму, очень скудный рацион, тяжелую одежду и незабываемые ботинки Шеклтона».

Но гости Кроуфорда принесли не только зимнюю одежду.

Среди запасов было тридцать два галлона рома.

Командующий Кэмпбелл предложил, чтобы, поскольку мы не праздновали перемирие, мы должны сделать это и пригласить в деревню на ром и кофе. Старый повар Брэдли приготовил три лагерных чайника кофе, добавив больше разумного запаса рома, в результате чего мужчины (русские) очень быстро оказались в великолепном состоянии опьянения. Без сомнения, это было подчеркнуто энергичными танцами, которые тем временем шли под аккомпанемент балалайки. Затем гости из Мурманска пошли на ужин с Поченковым, взяв небольшую банку рома военно-морского флота, которая оказалась роковой для Поченкова, пившего много и долго, пока не соскользнул со стула на пол, чтобы остаться там на всю ночь.

Кроуфорд выполнил свой долг за северным полярным кругом среди сосен, волков и саамов, ведя тяжелую, но бодрящую жизнь, совершенно отличную от его долгой службы в Индии и той другой войны, которую он вел на Сомме. Но в Мурманске и Архангельске происходили события, которые вскоре положили конец его идиллии. В течение всего лета генерал Мейнард двигался на юг по железнодорожной линии от Мурманска к Петрограду.

В первые месяцы интервенции врагами британских сил были немцы и их союзники, финны. Мейнард боялся, что они пересекут финскую границу, в некоторых местах менее чем за сотню миль, отрежут железнодорожную линию в Кандалакше, тем самым, не давая кораблям Королевского флота на Белом море прийти ему на помощь, а затем проведут наступление на Мурманск с юга. Первоначально он смотрел на большевиков как на нечто второстепенное. Он не любил болос (большевики на жаргоне) и всегда был готов сразиться с ними, но, как он позже настаивал, «нашу ссору с большевистской Россией следует рассматривать как нечто обособленное». Хотя большевики не считали его продвижение по железной дороге в сторону Петрограда «чем-то обособленным». Им казалось, что его вооруженные силы направлены на захват города и его военно-морской базы Кронштадта, а также свержение большевизма. Поэтому, разумеется, когда он двинулся на юг, он встретил растущее сопротивление большевиков, и, как обнаружили все британские командиры в России, это сопротивление исходило не только от солдат на местах, но и от большевистского подполья в городах и на линиях связи.

По его оценкам, чтобы справиться с 55 000 немцев, которые, как полагают, находятся в Финляндии в союзе с равным числом белых финнов, и какие бы большевики ни выступали против него, у него была эффективная сила, составляющая всего около 2500 человек. Наряду с ротой 29-го лондонского полка, 253-й пулеметной ротой и двумя подразделениями 384-й саперной роты инженерных Войск в их состав входили французская артиллерийская группа, сербский батальон, находящийся в зачаточном состоянии легион красных финнов и начало Славянско-британского легиона, сформированного из местных русских, а также карельский полк из людей, живущих в районе, который лежал между Мурманской железной дорогой и финской границей и желавших независимости как от русских, так и от финнов. Эти недавно сформированные подразделения должны были обеспечить Мейнарда столь необходимой живой силой и огромным количеством головных болей. В дополнение к этим силам у него было несколько агентов, которыми руководил вездесущий полковник Торнхилл, офицер разведки, который организовал последнюю рождественскую вечеринку в британском посольстве и возглавлял набег за пределами коммуникаций большевиков в поддержку высадки в Архангельске. Генерал Мейнард командовал этой смесью солдат, многие из которых были поражены гриппом и цингой, сначала из вагона на подъездных путях в Мурманске, а затем из недавно построенного крепкого бревенчатого дома. Его ранние экспедиции вдоль железной дороги имели некоторые неудобства, но вскоре сменились роскошью, когда, как и Джордж Хилл, он приобрел дворец на колесах, принадлежащий одной из свергнутых королевских семей. Вагон Мейнарда принадлежала великому князю Николаю. Великий князь больше не нуждался в нем. Уволенный с должности главнокомандующего Временным правительством, он бежал в Крым и оттуда навсегда покинул Россию в последний раз.

Мейнард считал, что настолько испытывает недостаток в солдатах, что пошел в Печенгу, чтобы посмотреть, сможет ли он вывести часть гарнизона и, решив, что неглубокую гавань никогда не получится использовать в качестве базы для подводных лодок, даже если ее захватят немцы, он предложил вывести весь гарнизон и передислоцировать войска. Адмиралтейство, однако, пришло в ужас и отказалось. Это был один из первых законов военной жизни, гласящий, что, как только генерал получает командование войсками, он немедленно просит больше, и Мейнард теперь следует этому закону до предела. Он использовал отказ Адмиралтейства о предоставлении войск из Печенги, чтобы шантажировать Военное министерство, для направления ему пехотной бригады, трех батарей полевой артиллерии, две пулеметные роты и минометной батареи.

Он также получил войска от итальянцев, которые отправили экспедиционные силы в 1200 человек, от канадцев, которые отправили роту, и французов, которые отправили бесценную роту лыжников. Но эти подкрепления начали поступать только в сентябре, и тем временем агенты Торнхилла сообщили о скоплении вдоль границы белых финнов с несколькими немецкими офицерами. Мейнард решил, что он должен раздавить эту потенциальную угрозу железнодорожной линии. Сначала он отослал небольшие силы, состоящие из взвода британской пехоты и 120 сербов, чтобы занять железнодорожную линию и установить численность большевиков к югу от Сумского Посада для того, чтобы не дать им вмешаться в свои планируемые операции. Во главе с капитаном Шеппардом это предприятие, которое проводилось сильной диверсионной группой, имело большой успех. Он встретил войска большевиков, состоящие из пехотного батальона и двухсот кавалеристов, нанёс тяжелые потери и прогнал их примерно на тридцать миль вниз по железнодорожной линии.

Мейнард также отослал две колонны, чтобы сразиться с белыми финнами и немцами, одну из Кеми, состоящую из карелов, а другую из Кандалакши, взятую из финского легиона. Мейнард описал их как «две маленькие колонны полуварварских помощников». Держать колонну в запасе было трудно даже при наличии транспортных средств, но при этом не хватало вьючных животных. Все должно было быть перенесено на спине, или, если позволяют реки, доставлено на лодке. Карельские женщины были наняты для управления лодками. Две из них, безоружные и одинокие на одном из больших челноков, были замечены группой белых финнов, которые открыли огонь, но промахнулись. Трое финнов прыгнули в лодку и начали погоню. Но женщины, разбирающиеся в навигации на воде, развернули свою лодку и протаранили финнов, а затем побили их своими веслами. Они вывели из строя всех троих преследователей и выбросили двоих за борт. Мэйнард с большим удовольствием наградил их Военной медалью.

Обе колонны встретили обычное крепкое сопротивление финнов, но 11 сентября карелы под командованием подполковника Вудса, который занимался их обучением, обошли финских белогвардейцев и одержали небольшую, но решительную победу в Ухтинской на северном берегу реки Кемь. Было захвачено много военной добычи, а среди поверженных врагов нашли несколько немецких офицеров и сержантов. Красные финны во главе с канадским офицером майором Бертоном добились аналогичных успехов, и к началу октября вся Карелия была очищена до финской границы.

Эта небольшая оживленная кампания фактически сигнализировала об окончании угрозы для Мурманска, но Мэйнард, тревожный человек, смотрел на нее в другом свете. Он предполагал, что, поскольку финны потерпели поражение, **барон Рудигер фон дер Гольц**, немецкий командующий в Финляндии, отомстит, введя регулярные немецкие войска для нападения на Мурманск. Таким образом он готовился к зимней войне. Были построены срубы, выпущен зимний комплект Шеклтон, итальянские и французские лыжные войска были радушно приняты и предпринимались попытки научить британские войска кататься на лыжах.

Все это изменилось 11 ноября. Но к тому времени роль немцев как врага перешла к большевикам. **Никогда не было четкого приказа о том, что с сегодняшнего дня мы находимся в состоянии войны с большевиками.** Это произошло как бы постепенно.

Беспокойство Мейнарда осталось прежним: не хватило солдат - хотя на самом деле у него их было более чем достаточно - и ограниченность в финансовых средствах. К этому добавилось растущее противодействие большевиков в Мурманске и в городах вдоль железнодорожной линии и растущее недовольство среди его набранных на местах солдат. Бойцы его финского легиона не хотели сражаться против своих большевистских друзей. Карелы требовали независимости, и это означало, что любое российское правительство, не только большевики, и, кроме того, славяно-русские части, состоявшие из множества призывников, бунтовали.

Временами грубоватый генерал Пул также казался врагом, поскольку он намеревался захватить более 5000 подкреплений, которые Мейнард получил в военном министерстве. Пул отказался вернуть 100 королевских морских пехотинцев, которые Мейнард одолжил ему для высадки в Архангельск. И, как писал Мейнард с некоторой горечью, генералу П. де Б. Рэдклифф, директору по военным операциям военного министерства, когда он был вынужден отправить батальон Ливерпульского полка по морю в Кемь, потому что диверсанты перерезали железнодорожную линию, Пул захватил весь батальон, когда корабль зашел в Архангельск, чтобы доставить батарею гаубиц.

Пул, вероятно, был оправдан. Он столкнулся с большим сопротивлением, имея в распоряжении меньшее количество солдат, чем Мейнард, под началом которого теперь было около **15 000 солдат: 7400 англичан, 1350 итальянцев, 1200 сербов, 1000 французов и более 4000 русских, карелов и финнов.** Даже учитывая неопределенную лояльность местных войск, у Мейнарда было достаточно людей, чтобы справиться со своими военными проблемами.

Корабли прибывали в Мурманск почти каждый день, неся с собой припасы, оружие и солдат. Среди них были артиллеристы, пулеметчики, саперы и пехотинцы из Королевского полка Сассекс, Королевского стрелкового корпуса, Полка Мидлсекс а также 6-го и 13-го батальонов Йоркширского полка.

Йоркширцы особенно долго добирались до Мурманска. Их путешествие началось практически с мятежа. Рядовой Ф. Херст из 6-го Йорка записал, что произошло в своей тетради «Глобус». Они отправились поездом из Олдершота в Гримсби, где 15 октября 1918 года они сели на дряхлый бывший немецкий корабль, *Traz-os-Montes*, плавание которого было задержано из-за механических неисправностей. Предполагалось, что войскам разрешат отправиться на берег, и когда было отказано в разрешении, около 150 солдат направились к воротам дока, где их остановила военная полиция и часовые с неподвижно закрепленными штыками. Затем они вернулись на корабль, где с пламенными речами обратились к своим товарищам, оставшимся на борту, и призвали «быть мужчинами и прорваться через ворота». Полковник вытащил свой револьвер и пригрозил, что следующий человек, перебравшийся через борт, будет застрелен, после чего ему сказали, что «если он это сделает, в дело пойдут винтовки. Поэтому он должен убрать свой револьвер. В другом месте вокруг бригадного генерала собирается толпа, и парни рассказывают ему, что они о нем думают ».

Проблема была решена, когда буксир отбуксировал судно в середину акватории, где не было никаких шансов на то, что солдаты сойдут на берег. Затем они отправились в Россию с Херстом, предчувствуя, что корабль плывет с ярко выраженным креном. Они направлялись в сторону Норвегии, сопровождаемые двумя эсминцами, когда двигатели вышли из строя, и они стали дрейфовать на минное поле, «легкой цели для подводных лодок старого Джерри». Один из эсминцев кинул буксирный трос, но тот порвался. В конце концов прибыл буксир и отбуксировал их в безопасное место на Шетландских островах. 4 ноября они снова вышли в море - и снова сломались. 6-го они попробовали снова, на этот раз плывя в шторм. Все были больны, и корабль получил еще больший крен. На следующий день они искали убежища на якоре в бухте на Оркнейских островах.

8-го Херста разбудил необычный резкий звук. Море "было ужасно", и корабль тащил свой якорь и дрейфовал на пляж. В небе вспыхнули сигнальные ракеты и подан сигнал бедствия. Некоторые люди совершили опасное путешествие на пляж на лодках корабля. Было замечено, что один солдат в лодке сорвал полковой значок со своего головного убора. Когда сержант спросил его, почему он ответил: «Я не хочу, чтобы Китченер знал, к какому сборищу я принадлежу».

(Китченер утонул в этом районе двумя годами ранее, когда крейсер *Гемпшир*, перевозя его в Россию, натолкнулся на мину и затонул.)

Однако все они выжили с небольшими травмами и отметили День перемирия среди гостеприимных людей Оркнейских островов. Но им все равно пришлось ехать в Россию, и, в конце концов, 3 декабря, через семь недель после того, как они впервые ступили на *Traz-os-Montes*, они высадились в Мурманске с комментариями Херста: «Я считаю, что мы - самые счастливые 2500 человек, которые когда-либо ступали на борт судна».

Их отправили на работу в суровую тьму арктической зимы в качестве служебного батальона, помогая инженерным Войскам строить казармы. Оглядываясь назад, и учитывая историю болезненного путешествия, не было сомнений, что с этими людьми будут проблемы. Мы не знаем, предвидел ли Мейнард проблемы в складе. В любом случае он мало что мог с этим поделать. В конце концов, как мы увидим, ему либо повезло – либо он оказался достаточно умен и перебросил Йоркширцев до того, как начались неприятности.

Traz-os-Montes прибыл, когда он находился в Лондоне в поисках решения денежных проблем своего командования. В начале своего предприятия он отправился в казначейство, чтобы попросить «скромную сумму в честной английской валюте», чтобы заплатить за потребности своих вооруженных сил. Ему было отказано. Вместо этого Казначейство придумало необычную схему, что он должен взять с собой огромное количество засоленной сельди, которая была закуплена Великобританией и хранилась в Вардо в Норвегии и использовать ее вместо наличных денег.

Мейнард указал, что у него нет возможности доставить сельдь в Мурманск. Он понятия не имел о ее состоянии и сомневался, что длительная диета из соленой сельди понравится русскому рабочему больше заработной платы. Мейнард добавил, что у него было "сильное возражение против добавления в мои обязанности управление шикарным рыбным магазином". В конце концов ему выдали небольшое количество британской валюты, но вскоре она была потрачена на размещение войск, транспорт, корма и заработную плату.

Проблема Мейнарда была еще более усложнена самим успехом британской кампании по переманиванию Мурманского Совета от большевиков и растущим количеством территории, которая оказалась под его контролем после оккупации городов, расположенных вдоль железной дороги. Он стал ответственным за защиту и обеспечение пропитанием около 100 000 человек на захваченной им территории. А поскольку [железнодорожники](#) и [докеры](#) теперь работали

исключительно на британские войска, они ожидали, что им заплатят англичане. Но Мейнарду прислали мало еды и вообще никаких денег. В конце августа железнодорожники объявили забастовку. Его связи с югом и его гарнизонами в Кандалакше и Кеми были поставлены под угрозу, и местные большевистские сторонники начали выказывать недовольство. Мейнард был вынужден искать через британские войска в Мурманске людей, которые могли управлять паровозами, и в конечном итоге нашли пятерых. Их он отправил на юг на автомобиле «Форд», который был оборудован железнодорожными колесами в военно-морской мастерской и управлял им авиационных механик. Они благополучно прибыли после ужасной езды через лес. Двое военных вышли в Кандалакше, а остальные отправились в Кемь. Теперь Мейнард был уверен, что в чрезвычайной ситуации он сможет вывести свои войска из обоих городов на поезде, если они подвергнутся нападению. Было унижительно, но он одолжил достаточно денег у французского посла, который тогда находился в Архангельске, чтобы расплатиться с забастовщиками.

Осенью произошел ряд событий: генерал Пул, чье отсутствие политической проницательности стало досадным, отправился домой в Лондон для консультаций и не вернулся, его место занял грозный генерал-майор Эдмунд Айронсайд, который станет фельдмаршалом лордом Айронсайдом во Второй мировой войне. Два военных командования в Архангельске были поделены с Мейнардом, получившим свою независимость от Архангельска. Но в то же время Мурманск подчинился политической власти нового российского правительства, созданного в Архангельске. Мурманский Совет, который пригласил британцев вмешаться, был распущен, а власть перешла к заместителю губернатора Ермолову, который мудро отказывался вступить в должность, пока ему не дали достаточно денег, чтобы заплатить хотя бы часть заработной платы, причитающейся государственным служащим.

Проблемы Мейнарда с деньгами обострились. Ему обещали 150 000 фунтов стерлингов, но затем казначейство отказалось позволить ему потратить эту сумму без специального разрешения. Эсминец *HMS Dublin*, доставивший английские банкноты, также привез первую партию новых российских банкнот, напечатанных в Англии. К сожалению, на них был запечатлен герб убитого царя и его монограмма N.II. Хотя эти банкноты никогда не вводились в обращение в Мурманске, их использовали в Архангельске после того, как на каждую банкноту был нанесен штамп поверх царского герба. Ситуация стала настолько плохой, что поезда больше не обслуживались из-за забастовок, и в декабре Мейнард сел на эсминец *Дублин*, когда тот возвращался в Турсо. В Лондоне у него было одно из

тех ледяных вежливых обсуждений с Казначейством, которые более смертоносны, чем любой скандал. Но в конце концов он отстаивал свою точку зрения. Он получил разрешение потратить 150 000 фунтов стерлингов и был уверен, что новый выпуск бумажных денег не заставит себя ждать.

В один из тех странных переломных моментов, которыми изобилует война, одним из людей, с которыми он разговаривал в Лондоне, был предводитель белых финнов генерал Маннергейм, с которым он сражался всю эту весну и осень. Вероятно, именно на этой встрече Мейнард наконец осознал, что угроза со стороны Финляндии прекратилась и что теперь его единственными врагами были большевики. Однако, разговор с Маннергеймом не был полностью успешным, поскольку Мейнард хотел, чтобы тот забрал солдат из Легиона Красных Финнов, которые требовали амнистии и права вернуться в свои дома. Но Маннергейм после того, как освободил свою страну от русских, не хотел принимать солдат, боровшихся за восстановление нового типа российского правления.

Когда его дела в Лондоне закончились, Мейнард снова оказался на палубе эсминца *Dublin*, находящимся в Инвергордоне на Рождество, которое он отпраздновал вместе с исследователем Шеклтоном, также возвращающимся в Мурманск - без сомнения, чтобы выслушать еще больше жалоб на его ужасные ботинки. Игра полностью изменилась для Мейнарда. Он уехал в Мурманск, чтобы защитить его от немцев. Теперь, спустя шесть месяцев, его задача состояла в том, чтобы помочь зачаточному «правительству Северной России» утвердиться до того, как войска союзников неизбежно будут выведены. И если он сможет нанести сильный удар по большевикам, тем лучше. Мейнард не стеснялся своей роли. «Российские лидеры, - утверждал он, - не были выбраны людьми. Их правление было ненавистным, и они были обязаны удерживать власть исключительно с помощью террора, наполненного систематическим кровопролитием и резней ...»

Когда Мейнард проплывал через узкие ледяные стены Кольского залива через несколько дней, он чувствовал себя вполне удовлетворенным. Теперь у него было достаточно солдат и достаточно денег. Его войска поселились в уютных, утепленных срубах. Угроза со стороны немцев и финнов была снята. Он обеспечил свою военную независимость, и в лице Ермолова у него был гражданский администратор, которого он уважал. В лице Айронсайда у него был военный коллега, которому он доверял.

Однако, он не смог предвидеть десять месяцев напряженной борьбы со все более усиливающейся и опытной Красной Армией. В течение этого периода первоначальные мелкие боевые действия превратились в войну, включающую сражения между флотилиями вооруженных кораблей, бомбардировки рейдов С

ГЛАВА 9

Генерал Айронсайд и Сержант Перриш отправляются на войну

Архангельск, август-декабрь 1918

Архангельск отзывался эхом на британские голоса с момента своего основания за более чем триста лет до того, как *HMS Attentive* (корабль ВМС Великобритании «Внимательный») бросил там якорь. Древесина, фактически единственный продукт Архангельска, экспортировалась в основном в Великобританию. Британские корабли доставляли еду и уголь. Британцы пришли, чтобы управлять лесопильными заводами, и в 1899 году [Ленин жаловался, что «данный регион европейской России служил в этом отношении как внешний рынок для Британии, не будучи внутренним рынком для России»](#). Действительно, до тех пор, пока граф Витте в 1897 году не построил железную дорогу до Вологды, архангелогородцам проще было сесть на корабль, идущий в Великобританию, чем ехать в Москву. Консул Дуглас Янг описал это так: «Человеческая глухомань ... никто не жил в Архангельске, если только там случайно не родился, был туда сослан, или прибыл по делам; и сосланные включали чиновников, а также политических изгнанников с незначительными правонарушениями. «Никто не хотел бы там жить по доброй воле, но в то же время оно не было достаточно неприятным быть местом настоящего изгнания».

В Архангельске были широкие улицы, выложенные досками. Там были трамваи и электричество, но отсутствовала канализационная система и вода должна была добываться с помощью насосов. Жизнь сосредоточена вокруг великолепного собора Михаила Архангела с его четырьмя куполами синего и белого цвета, увенчанными золотыми шпилями, и верфей, где гниют обломки 300-летней морской торговли. Война изменила Архангельск до такой степени, что он стал намного более оживленным, так как до завершения Мурманска оставался единственным европейским портом России, который не блокировали немцы или турки: на его пристанях были сложены припасы и вооружения, купленные за границей царскими властями на военные кредиты от союзников, особенно от Великобритании. Так много было заказано и доставлено, что, как и во Владивостоке, железная дорога не справилась. Оружие, снаряды, заводские

самолеты все еще лежали в своих ящиках, и целые грузы сырья ожидали грузовых поездов на юг: 14 000 тонн меди, 5000 тонн свинца, более 2000 тонн алюминия, еще 2 000 тонн сурьмы и 250 000 тонн. угля.

В остальном война принесла городу немного радикальных изменений. Город был буржуазным, и остался таковым после мартовской революции, с меньшевиками и эсерами, формирующими правительство, при этом не совершаются действия сколь-нибудь насильственного характера. Некоторых непопулярных офицеров окружили, но вместо того, чтобы убить, их отправили в Петроград. И когда большевики захватили власть не было никаких крайностей. Большевизм не спешил приходить на север. Банки все еще работали, священники все еще учили в школах, модные рестораны процветали. Дела шли своим чередом до прихода в мае 1918 года Михаила Кедрова в качестве главы «ревизионной миссии».

Кедров имел буржуазное происхождение и изучал право в Московском университете, но был отчислен за революционную деятельность. Он провел несколько периодов ссылки в Сибири, прежде чем эмигрировать в Швейцарию, где встретил Ленина. Опытный пианист, Кедров играл Бетховена своему вождю. Он вернулся в Россию в 1916 году, принял участие в революции и отвечал демобилизацию царских сил и, следовательно, расширение Красной Армии. Когда королевские морская пехота Великобритании высадились на берег в Мурманске, и стала вырисовываться угроза интервенции, Кедров и его «ревизионная миссия» были отправлены в Архангельск, чтобы должным образом подчинить город большевикам.

Его прибытие на бронепоезде, кишашем оружием в сопровождении свиты из сорока большевистских чиновников и личной охраны из тридцати трех латышских стрелков, было впечатляющим. По советским данным, его задачей было подавить восстания, «дисциплинировать» местных жителей и «убедить» мужчин вступить в Красную Армию. В то время как Кедров занимался политической дисциплиной в Архангельске, оборона города была поручена генералу Александру Самойло, одному из ряда царских офицеров, которые переходили к большевикам либо по убеждению, либо потому, что их семьям угрожали смертью в случае отказа.

Самойло был одним из тех, кто перешел на сторону большевиков добровольно, и верно служил своим новым хозяевам. В конце июня он стал командующим сухопутными и военно-морскими силами в Беломорском военном округе. Его военным комиссаром был Р. Куликов, а командующим флотом - контр-адмирал Николай Эммануилович Викорст.

Кедрова не было в Архангельске, когда британские гидросамолеты пролетели над городом и обратили большевиков в бегство. Он был в Москве с отчетом о ситуации на севере. Но вскоре он вернулся, **останавливая свой бронепоезд в деревнях вдоль железнодорожного пути, чтобы расстрелять любых «предателей», которых он вычислял и поразглагольствовать перед жителями деревни.**

Англичанам, французам и американцам бедные нужны в качестве пушечного мяса [с его слов], им нужно подкрепление для своих полков. У них есть все остальное, оружие, боеприпасы, но у них нет солдат. Итак, они пришли в Советскую Россию за солдатами - страна, которая не хочет больше войны и хочет жить в мире со всеми, кроме богатых и кулаков (богатых крестьян). Поэтому они будут пытаться подкупить вас деньгами. Они отправят вас воевать против немцев и турок и против ваших собственных братьев. Мы временно отступаем перед их крейсерами и их оружием. Но мы вернемся. Нет силы, способной сокрушить власть миллионов рабочих и крестьян.

[Он закончил свою пламенную речь такими словами:] Наступил решающий час. Каждый, чья душа еще не успокоилась и чье сердце еще не ожесточилось, должен сокрушить злоумышленников. Вступайте в наши ряды. Формируйте партизанские отряды. Свяжитесь с Красной Армией. Объединяйтесь. Ловите и убивайте шпионов. Блокируйте вражеские дороги. Сжигайте их мосты. Разрушайте железнодорожные пути, которые они используют. Мешайте им все время. Пусть тысячи наших глаз наблюдают за каждым их движением. Устанавливайте ловушки, сейте смерть на каждом шагу, который они предпринимают. Станьте беспощадными мстителями. Не щадите их.

В сентябре Кедров вернулся в Москву, чтобы продемонстрировать что такое беспощадность. Ему был предоставлен контроль над специальным отделом ЧК, задачей которого было уничтожение «контрреволюционеров» в Красной Армии. Позже он имел дело с тем, что считали «саботажем» врачей, которые отказались присоединиться к Красной армии, и в мае 1919 года его отправили в Петроград, чтобы очистить город от «контрреволюционеров».

Двадцать лет спустя он и его сын, также секретный агент, столкнулись с Берией, начальником тайной полиции. Его сын был расстрелян. Кедров пытали, а позднее умер в трудовом лагере.

В то время как Кедров собирал гражданское население, Самойло организовывал оборону только на двух маршрутах, которые могли захватить силы вторжения:

река Двина и железная дорога до Вологды. Контр-адмирал Викорст собрал флотилию речных лодок с малой осадкой и вооружил их полевыми орудиями, чтобы блокировать реку, в то время как Самойло остановил бегущих красных гвардейцев, которые, хотя и были плохо обучены, и вооружены, намного превосходили численность вооруженных сил Пула. Большевики опасались, что союзники высадятся в большом количестве и что их революция будет разбита. Именно этот страх превратился в панику, когда гидросамолеты *HMS Nairana* пролетели над Архангельском, что заставило красногвардейцев бежать через леса и болота. Как мы видели, около двух тысяч из них уже были отправлены со своей артиллерией для встречи с диверсионной группой полковника Торнхилла, и их отсутствие также повлияло на моральный дух красных сил в Архангельске. Самойло собрал своих разбросанных людей, вызвал подкрепление из Петрограда и стал ждать наступление Пула.

Тем временем Пул захватил Архангельск, поселил свою миссию в домах в городе - он удивил Янга, запросив 600 квартир, прежде чем экспедиция отплыла в Архангельск, - и направил патрули вверх по реке Двина в Котлас и вдоль железнодорожной линии в направлении Вологды. Но у него не было людей, чтобы предпринять какой-либо серьезный военный шаг вглубь. Он также обнаружил, что одна из целей его предприятия была упущена. Почти все боеприпасы были увезены большевиками в безопасное место под Вологдой.

Он оставался в Архангельске, создавая оккупационную администрацию. Для видимости Николай Чайковский управлял делами города. Родственник композитора, он был либеральным, цивилизованным человеком, который провел двадцать шесть лет в изгнании в Англии и еще шесть в Америке, а после государственного переворота Чаплина 1 августа он сформировал правительство, состоящее из шести эсеров. Но это было правительство без реальной власти. Пул назначил французского офицера полковника Донопа военным губернатором Архангельска. Между ними Пул и Доноп управляли городом, и они делали это с бесчувственным пренебрежением к пожеланиям его граждан.

У белогвардейцев солдат было так мало, и они находились в таком жалком состоянии, что они боялись восстания большевиков, которое не смогли бы подавить. Их делу не помогло то, что и британский консул Дуглас Янг, и американский консул Феликс Коул были полностью против интервенции. Поэтому Пул настаивал на введении строгого военного правления в Архангельске. Его отношение к чувствам русских было таким, что, когда у Мейнарда были проблемы с железнодорожниками, бастовавшими из-за зарплаты,

Пул предложил Мейнардну применить силу, чтобы вернуть их к работе. Вместо этого Мейнард мудро занял денег. Несмотря на свой грубоватый юмор, не было шансов на то, что Пул, говоря современным языком, покорит сердца и умы жителей Архангельска.

Он разместил свою штаб-квартиру в большом каменном здании в центре города. В письме домой майор Амброс Старди из Лестерширского полка, который работал в отделе шифрования штаб-квартиры писал: «Это похоже на маленькое военное ведомство; у нас есть прекрасная большая комната для отдела шифрования, оснащенная телефоном и т. д. Очень удобный дом. Как и большинство домов здесь, это одноэтажное и деревянное, но очень красивое и роскошное». Дело в том, что прибытие армии в маленький город, особенно такой переполненный, как Архангельск всегда будет вызывать проблемы, казалось, ускользнувшие от, по общему признанию, скептического взгляда консула Янга. В отчете министерству иностранных дел он жаловался:

Одним из первых действий генерала Пула было реквизирование для себя и своего личного штаба самого большого и лучшего дома в городе, принадлежащего владельцу лесопилки, который был подданным России. Даже большевики разрешили владельцам занимать часть этого дома, но только после того, как жена владельца сказала генералу Пулу, что он «хуже большевиков», англичане позволили ей оставить в своем распоряжении четыре комнаты. То же самое было очевидно в бесчисленных отделениях военной организации союзников. Все школьные здания были реквизированы, и в больших комнатах, способных вместить четыре или пять человек, можно было увидеть одного офицера и один стол.

Янг, казалось бы, был совершенно не осведомлен о том, как военные ведут свои дела, но, несомненно, его доклад отражает мнение граждан Архангельска.

Письма Амброса Старди к его семье дают некоторое представление о том, каково это быть в штате Пула. Своему отцу он написал: «Моя жизнь полностью состоит из работы, тяжелой работы, жареной баранины, некомпетентного персонала и около 200 ярдов скользкого деревянного покрытия. Если я не получу хотя бы Орден Британской Империи за это, то перейду на сторону Большевиков ...»

Как и любой другой солдат, который оставил запись о своем пребывании на севере России, Старди также с горечью жаловался на неспособность властей наладить почтовое сообщение. «Почта здесь отвратительно ужасна». И у него были другие жалобы. Своей сестре он написал: «Я решил, что русские девушки

на самом деле совсем несимпатичны. Лишь в начале я думал иначе, после того как мы пришли из мрачного места, такого как Мурманск». И еще раз к его сестре: «Я пришел к выводу, что все русские - неприятные дикари, их глаза близко посажены, у них нет носов и ведут себя как свиньи. Они почти так же плохи, как арабы. Наш английский солдат-слуга бесполезный и бессмысленный деревенский невежа. Мы были слишком заняты, чтобы сходить в баню в течение 4 недель (12 рублей стоимость оплаты в бане), но мы надеемся сделать это завтра». Однако это была не вся тяжелая работа. Стерди пошел на вечеринку в доме англичанина - владельца лесопилки ... «чрезвычайно буржуазный с двумя невзрачными дочерьями-подростками ...» И он посетил «грандиозный концерт и бал, которые дали все военные союзники - билеты 40 рублей, выручка от которых пошла в фонд Славяно-британского союзного легиона».

Позже он смягчился. Накануне выхода на фронт он снова написал своей сестре: «Я полюбил Архангельск; в последнее время у нас были очень приличные танцы, и здесь есть несколько очень прелестных (для русских) девушек...»

Возможно, что, если бы Пул смог высадить многочисленные вооруженные силы, у него бы получилось продвинуться достаточно далеко вверх по Двине, чтобы захватить Котлас. Но только 26 августа его первое значительное воинское формирование британской пехоты – 2/10-ый Королевский шотландский полк, высадился. Но даже военные этого полка принадлежали к медицинской категории В2, и многие были старыми солдатами, с многочисленными ранениями и усталостью от войны. Тем не менее, их сразу же посадили на баржи и отправили вверх по Двине с поляками, в то время как французская колониальная пехота двигалась вдоль железнодорожной линии. Железная дорога шла на юг, а река текла на юго-восток, так что две военные группировки сражались на расстоянии около восьмидесяти миль друг от друга. Они проводили неудобную, тяжелую, маленькую военную кампанию. Самуоло сплотил своих людей и получил партию красногвардейцев, вооруженных фабричных рабочих, из Петрограда. Он создал блокирующие группы в деревнях, которых было удивительно много, спрятанных в лесах вдоль реки и ее притоков. Баржи, находившиеся в постоянной опасности оказаться на песчаной отмели в мелкой реке и быть взорванными минами, плывущими по реке, обстреливались с берегов, в то время как вагоны с французами обстреливались из густого леса, через который пролегла железнодорожная линия. Линия часто оказывалась перерезанной, это было легко сделать, когда она проходила через множество мостов, красиво построенных из дерева, но уязвимых для диверсантов, вооруженных тюком сена и галлоном парафина.

Прогресс был медленным. Выйдя из лодки, солдаты должны были справиться с приводящим в замешательство лесом и глубокими болотами, в которых бесследно пропадали люди. И вокруг каждого человека жужжало свое личное облако крайне враждебных комаров. Один человек написал в дневнике: "Я купил анти-москитный крем у Бутс. Казалось, что он притягивает к себе огромные рои отовсюду, которые слетаются, чтобы пообедать им и мной". Местные мужчины, некоторые из которых сражались за большевиков, а другие выступали в роли проводников для союзников, казалось, привыкли к комарам и прокладывали тропы через лес, помечая деревья, чтобы иметь возможность двигаться, как по улицам. Но петроградским красногвардейцам, жителям города, было еще хуже, чем англичанам и французам, которые, по крайней мере, были профессиональными солдатами, привыкшими к тяжелой жизни под открытым небом.

Несмотря на все трудности, 3 сентября королевские шотландцы взяли Березник – город на реке, расположенный примерно в 125 милях от Архангельска. Именно здесь Пул планировал создать свою зимнюю базу. На железнодорожном фронте союзники добрались до Обозерской примерно в 75 милях вниз по железнодорожной линии.

На следующий день после захвата Березника американцы высадились в Архангельске; 4477 солдат 339-го пехотного полка, 310-го инженерного батальона, 337-го полевого госпиталя и 337-й автосанитарной роты под командованием полковника Джорджа Стюарта, уроженца Австралии.

Они тренировались в лагере Кастер в Баттл-Крик, штат Мичиган, чтобы сражаться во Франции, когда их по морю доставили в Англию и сказали, что они отправятся на север России. Они высадились в Ливерпуле 4 августа и промаршировали через город под звон церковных колоколов и людей, выстроившихся вдоль улиц, чтобы посмотреть, как янки проходят мимо.

Затем они сели на поезд, идущий на юг, в лагерь Каушот в графстве Суррей, где прошли строевую подготовку и получили русские винтовки и термобелье, но ни то, ни другое не встретило их одобрения.

Они также получили пропуска в Лондон: гораздо более приятная перспектива. Как писал в своем дневнике капрал Фрэнк Дума, впоследствии ставший инспектором школ в Оттамуа, штат Айова:

12 августа. Сегодня вечером мы отправились в Лондон. Там был самый лучший салун, все бармены были девушками. Женщины пьют в салунах так же, как и мужчины, и тоже много курят ...

17 августа. Получил еще один пропуск в Лондон ... Посетил Лондонский Тауэр, здание парламента и Собор Святого Павла, который был очень красив и внушал благоговейный трепет. Побывал еще в нескольких шикарных салунах и вдоволь выпил. Мы поужинали в "Орлиной хижине", а вечером отправились в театр "Стрэнд". Мужчины и женщины курят во время представления, а между выступлениями подают спиртное.

26 августа они отплыли из Ньюкасла с конвоем из четырех транспортных судов, сопровождаемых маленькими эсминцами, которые шли за ними, чтобы защитить от опасности.

Морской рейс прошел замечательно, и они были в восторге от необычных картин Северного моря, китов, белых медведей и полуночного солнца. Но они заразились гриппом, и к тому времени, как они добрались до Архангельска, пятьсот человек заболели. Остальные спустились по трапу - первые американские солдаты в России. Они должны были пройти по городу, но шел дождь, и парад отменили. 7 сентября один батальон погрузили в товарные вагоны и отправили вниз по железной дороге, чтобы оказать поддержку в Обозерской, примерно в семидесяти пяти милях к югу (120 км), в то время как другой батальон погрузили на грязные угольные баржи и отправили вверх по Двине в Березник, где королевские шотландцы и поляки продвигались к Котласу и где, как надеялись, они присоединятся к чехам.

Американцы потеряли своего первого солдата через четыре дня после прибытия. Он умер от гриппа и простуды на угольной барже и был похоронен в маленькой деревушке у реки под звуки горна, исполняемые горнистом при погребении.

Такое использование американцев Пулом совершенно противоречило условиям президента Вильсона, в которых говорилось, что они могут использоваться только для охраны складов и оказания "такой помощи, которая может быть приемлема для русских в организации их самообороны".

Вильсон совершенно ясно дал понять, что солдаты армии США не должны "принимать участия в организованном вмешательстве"... ни из Владивостока, ни из Мурманска или Архангельска. - И все же их бросили на передовую.

Причина была проста. Американцы, которые вместе с моряками и морскими пехотинцами "Олимпиа" насчитывали 4800 человек, теперь составляли основную часть союзных сил. Британцы насчитывали всего 2420 человек, многие из которых были военнослужащими базы, а большая часть воюющих войск официально классифицировалась как непригодная для действительной службы. Там было 900 французов, большинство из которых были колониальными пехотинцами, непригодными для сражений в северных широтах, 350 сербов, измученных боями и цингой, горстка отличных польских солдат и лишь остатки Славяно-британского легиона. Если бы пришлось удерживать фронты против реорганизованных и многочисленных сил большевиков, американцам пришлось бы вступить в бой, что бы ни говорил президент Вильсон.

Вскоре они оказались в самой гуще сражения. Сержант Сильвер Пэрриш из роты "Б" записал в своем дневнике, что первый бой они провели 16 сентября. Пэрриш был слаб в грамматике и правописании, но у него был прекрасный стиль изложения, и его дневник дает яркий отчет о роли, которую сыграла американская пехота в интервенции на севере. Его рота прошла около двадцати миль вверх по реке, к югу от Березника, на пароходе и "пешком" и готовила завтрак у костров, когда в поле зрения появилась большевистская канонерская лодка, обстреляла их и высадила несколько стрелков.

"Они увидели нас и открыли огонь", - писал Пэрриш. "Почти каждый солдат был напуган, пока я не спустился по открытому полю, крича (так в оригинале) нашим людям следовать, и я сформировал линию перестрелки, и с помощью нескольких русских солдат и одного отряда шотландцев мы загнали их обратно на их лодку, а затем наша канонерская лодка появилась в поле зрения и потопила вражескую лодку. (Вероятно, это был маленький британский монитор (класс корабля) M252.)

19-го Пэрриш был в Тулгасе, деревне на Двине, которая должна была стать ареной ожесточенных боев, несколько раз переходивших из рук в руки во время оккупации союзниками:

В два часа пополудни вражеские полевые орудия и канонерские лодки открыли по нам огонь и устроили настоящий ад. В то время мы были на кладбище (хорошее место, чтобы умереть). В семь часов вечера капитан послал меня обратно в город посмотреть, там ли наши пулеметы и артиллеристы. Я вошел в город около восьми вечера, и вражеские канонерки и полевые орудия взрывали все подряд, но я переходил с места на место, пока не собрал всех людей и орудия. Я арестовал шпиона, который посылал сигналы с чердака канонерским лодкам, а затем

отправился на долгую охоту за ротой, потому что они продвинулись в лес ближе к врагу. У меня было четырнадцать солдат и восемь пулеметов Льюиса, и мы были в адском дожде из шрапнели и фугасов в течение двух часов, и было темно, как смоль, и шел дождь, и мы были голодны, так как у нас не было еды.

Мы нашли роту солдат в овраге, прижавшихся друг к другу, чтобы согреться. Но мы должны беспокоиться. Теперь у нас были пулеметы Льюиса, а у противника только канонерские лодки, многоствольные зенитные автоматы, пулеметы, винтовки, полевые орудия и траншеи. Но приказ был сохранять полное походное снаряжение, и мы сохраняли около 52 часов. 21 сентября в 10 часов утра мы образовали стрелковую цепь. Рота «Б» на правом фланге, рота «С» слева и «Д» в резерве. Мы шли в бой в полной выкладке и водой по колени. Враг окопался, а мы были на открытом месте. Мы двинулись к их пулеметным позициям и траншеям, я командовал правым флангом нашей роты, где я взял 2 пулеметных расчета и еще около десяти человек. Мы попытались совершить марш для выхода во фланг противнику, что заставило его отступить, и когда я расставил своих солдат и отправился сообщить командирам о своем успехе, к моему удивлению, я увидел, что наши солдаты отступают, а враг идет в другую сторону. Итак, я вернулся, чтобы забрать своих солдат, а потом мы нашли роту и окопались и в 5 часов вечера русская артиллерия в составе двух трехдюймовых орудий открыла огонь, и после часового заградительного огня роты «А» и «С» образовали стрелковую цепь и заняли город Сельцо *(по факту деревня Сельцо - деревня в Виноградовском муниципальном районе Архангельской области. Входит в состав Заостровского сельского поселения. – прим. пер)* Мы потеряли четверых убитыми и пятерых ранеными. Все они были в моей маленькой команде... На следующее утро меня вызвали к командиру и сообщили, что я рекомендован в комиссию для того, чтобы сделать что-то хорошее из этой неразберихи.

Фрэнк Дума, служивший в роте «Д», также был вовлечен в эту потасовку 21 сентября:

Начали марш в пешем строю в 9 часов утра, весь наш батальон пошел в одно время, наша рота была впереди. Весь день я был посыльным между капитаном и майором. Это была чрезвычайно тяжелая работа - бегать по глубокой грязи. Мы наткнулись на большевиков в Сельце в 2 часа дня. Я разговаривал с капитаном, и они открыли по нам огонь из пулеметов и

многоствольных зенитных автоматов. Нам пришлось окопаться прямо там, где мы были. В ту ночь мы вернулись к забору, за которым выкопали целую систему траншей. Всю ночь мы проспали в окопах. Дождь лил постоянно, и к утру мы промокли до нитки. Сегодня рано утром нас обстреляла канонерская лодка большевиков. Наши пайки были крайне скудными, и я вскрыл свою последнюю банку мясных консервов в 2 часа дня. Наша артиллерия подошла и спасла наше положение.

Нам было приказано наступать в 5 часов вечера. Мы выгнали большевиков из их окопов и захватили несколько пленных. Большевики отступили, оставив значительное количество боеприпасов и оружия. Мы взяли три деревни и установили свои посты. У нас нет пайков и сегодня мы ели только репу и хлеб.

Такова была схема боев в болотах и лесах к югу от Архангельска, когда небольшие силы сталкивались в лесу, пробираясь через болото, чтобы атаковать деревни, а канонерские лодки совершали налеты вдоль Двины и ее притоков. Это была тяжелая, кровавая работа, когда присутствует задымленность боевых позиций, еще более запутанная из-за плохой связи и невозможности узнать, что происходит всего в нескольких сотнях ярдов от того места, где сражение может быть полностью скрыто лесом и отрезано непроходимыми болотами. В таких боях инженеры становились бесценными. Королевские инженеры и 310-й инженерный полк США хорошо работали вместе над строительством мостов и блокгаузов, а также над обеспечением жилья, которое было жизненно необходимо, когда зима лютовала на поле боя. Джей Х. Боннелл из 310-го инженерного полка позже вспоминал, как прошел вверх по Двине около ста миль: «затем я остался на лодке с десятью другими солдатами, двое из которых были сержантом и капралом. Проследовали к линии фронта примерно в двадцати милях отсюда. Построили мост за тридцать шесть часов с помощью 18 русских рабочих. Он провел два месяца на фронте, строил мосты и ремонтировал дороги. Это был тяжкий труд, однажды вознагражденный тем, что его поставили во главе продовольственной баржи. «Парни хорошо повеселились и на время забыли о своих трудностях, потому что ворвались в комнату и напились, все, кроме Дэна и меня.»

Пока шла эта маленькая война, практически неизвестная внешнему миру, Пул попал в беду в Архангельске. Еды не хватало, а черный рынок процветал. YMCA («Юношеская христианская ассоциация») прекратила продавать шоколад, потому что его перепродавали по заоблачным ценам. Набор местных русских в

Северную правительственную армию был настолько плохим, что была введена воинская повинность.

Пул обнаружил, что ему отказано в подкреплении, в котором он так сильно нуждался, и действительно, за два дня до того, как американцы сделали свои первые выстрелы, Соединенные Штаты объявили, что больше не будут посылать американских солдат в Архангельск или Мурманск. Поскольку, казалось, не было никаких шансов создать эффективные русские силы для противостояния большевикам, Америка настаивала на том, «чтобы все военные действия на севере России были прекращены, за исключением охраны самих портов и той части территории вокруг них, которая может создать угрожающие условия ...»

А еще была вина самого Пула. Он ввел американцев в заблуждение, приняв слишком буквально соглашение о том, что англичане должны отвечать за операции, и поэтому настаивал на том, чтобы британские офицеры командовали всеми аспектами экспедиции. Американцы были особенно раздражены тем, что они считали британской тактикой продвижения офицеров и даже сержантов в полевые звания, чтобы гарантировать их старшинство над американскими офицерами. Возможно, в этом обвинении и была доля правды, но в то же время не хватало хороших британских офицеров, чтобы заменить тех, кто умирал от старых ран, гриппа и бутылки виски.

Однако главные проблемы Пула были связаны с правительством Чайковского. Отношения между этими двумя людьми становились все более сложными: Пул пытался управлять оккупационной армией, а Чайковский пытался управлять русским правительством на русской земле. Не помогало и то, что его социалистическое правительство резко выступало против буржуазии Архангельска и царских офицеров, таких как Георгий Чаплин, которые смотрели на министров Чайковского не лучше, чем на большевиков. Было очевидно, что дальше так продолжаться не может. Чаплин был тем человеком, который довел ситуацию до крайности. В ночь на 5 сентября он вместе с группой других бывших царских офицеров похитил Чайковского и пятерых его министров и отправил их на Соловецкий остров в Белом море, остров с историей британской интервенции. В то время еще были видны последствия, оставшиеся от английских снарядов, выпущенных по одной из башен большого монастыря острова во время Крымской войны. В фольклоре монастырь знаменит своими чайками, которые покинули стены монастыря, когда британские военные корабли открыли огонь, подлетели к британским кораблям и так загадили их своим пометом, что английские моряки прекратили стрельбу и отступили.

Беспорядок, который они устроили, не шел ни в какое сравнение с тем, в котором сейчас находился Пул. Он воспринял новость о перевороте спокойно, настолько спокойно, что возникало подозрение, что если он и не замешан в этом деле, то по крайней мере причастен к нему. Но когда послы союзников узнали об этом, они пришли в ярость, особенно американский посол Дэвид Фрэнсис, и в результате его протеста Вашингтону, президент Вильсон сообщил британскому правительству, что если Пул не изменит своего отношения к русским, то американские войска будут выведены из-под его командования. В то же время в Архангельске была объявлена всеобщая забастовка, и на улицах появились отряды вооруженных крестьян, требовавших возвращения Чайковского и его министров. Тем временем союзные дипломаты телеграфировали в Кемь, ближайший порт к Соловкам, и приказали британскому военному кораблю забрать изгнанников и вернуть их в Архангельск. По возвращении Чайковский согласился избавиться от некоторых своих более социалистически настроенных коллег и умерить свою политику. Пул тогда согласился упразднить должность военного губернатора полковника Донопа и разрешить Чайковскому назначить русского генерал-губернатора. Таким образом, было установлено временное соглашение. Но для Пула было уже слишком поздно. 14 октября его отозвали в Англию «для консультаций» и она так и не вернулся.

Его место занял генерал-майор Эдмунд Айронсайд, который 6 октября сошел с корабля «Царица» и стал начальником штаба Пула. Огромный мужчина, ростом под два метра и весом более 120 килограмм, он затмевал всех вокруг и, конечно же, получил прозвище «крохотуля». В тридцать семь лет он был одним из самых молодых генерал-майоров в британской армии. У него были врожденные способности к языкам и, когда молодой лейтенант работал под прикрытием в немецкой Юго-Западной Африке, где он замаскировался под бурского погонщика быков и присоединился к немецкой карательной экспедиции против коренных Гереро в тогдашней немецкой колонии. Немцы наградили его за хорошую работу медалью. Будучи в Южной Африке, он познакомился с Джоном Бакеном, который работал на Лорда Милнера, тогдашнего Верховного комиссара по делам Южной Африки. Подвиги Айронсайда произвели на Бакена такое сильное впечатление, что он сделал его образцом для Ричарда Ханнея, героя *«Тридцати девяти шагов»*.

Айронсайд оправдал свою репутацию в России. В отличие от Пула он не остался в Архангельске, а отправился в бой, быстро передвигаясь на запряженных лошадьми санях и внезапно появляясь из леса, чтобы напугать союзных командиров больше, чем большевики. Он не уважал людей и, по-видимому,

недолюбливал большевиков, евреев, французов и немцев - в таком порядке. Американцы тоже не получили его одобрения. Одним из первых его действий в Архангельске было воззвание, в котором говорилось:

Кажется, в войсках существует очень смутное представление о том, с чем мы воюем здесь, на севере России. Это можно объяснить в нескольких словах. Мы выступаем против большевизма, который означает анархию в чистом виде. Любой из вас может понять, что никакое государство не может существовать, когда его собственные внутренние дела, такие как работа, железные дороги, отношения с иностранными державами и т. д., настолько дезорганизованы, что делают жизнь невозможной для всех. **Посмотрите на Россию в настоящий момент. Власть находится в руках немногих людей, в основном евреев, которым удалось привести страну к такому состоянию, что порядка не существует, почта и железная дорога не работают должным образом,** каждый человек, который хочет что-то, что есть у кого-то другого, просто убивает своего противника, только чтобы быть убитым самому, когда появится следующий человек. Человеческой жизни не гарантируется безопасность, вы можете купить справедливость по такой цене (цене жизни – прим. пер) за каждый предмет. Цены на предметы первой необходимости поднялись так, что уже ничего нельзя купить... На самом деле человек с ружьем является «хозяином положения» при условии, что он не встречает другого человека, который является лучшим стрелком. В результате страна в целом страдает и становится жертвой любых авантюристов, которые встречаются на ее пути. Большевизм — это болезнь, которая, как и чахотка, убивает свою жертву и никому не приносит пользы. Несомненно, после войны все изменится, но не в результате анархии и массовых убийств. Большевизм появился с одобрения Германии, чтобы избавить ее от опасного врага. Теперь большевизм вырос на необразованных массах до такой степени, что Россия распалась и беспомощна, и поэтому мы пришли, чтобы помочь ей избавиться от болезни, которая ее съедает. Мы здесь не для того, чтобы завоевывать Россию, и никто из нас не хочет здесь оставаться, но мы хотим помочь ей и видеть в ней великую державу, так как в настоящее время она беспомощно лежит в руках авантюристов, которые просто эксплуатируют ее в своих целях и которые для достижения своих целей убивают своих противников от самых великих до самых незначительных, включая тех, у кого лучшие мозги в стране и чьи силы могут быть использованы для восстановления ее престижа и места среди

народов. Когда здесь восстановится порядок, мы уйдем, но только тогда, когда достигнем своей цели, а именно - восстановления России.

Лондонская *«Еврейская Хроника»* узнала об этом воззвании после того, как оно появилось в архангельской газете. После переписки между редактором *«Еврейской Хроники»* и Министерством иностранных дел, меморандум Министерства иностранных дел согласился с тем, что замечания Айронсайда о евреях были «неудачными», и предложил военному министерству сказать Айронсайду, чтобы он издал новое воззвание, ясно давая понять, что по отношению к евреям не задумывался. Айронсайду было велено впредь направлять свои воззвания в Лондон. Тем временем *«Еврейскую хронику»* попросили не делать никаких ссылок на это воззвание.

Но хотя Айронсайда, возможно, публично заставили замолчать, карандашные наброски его докладов, сделанные для него майором Стерди на обороте старых карт, показывают, что он не изменил своего отношения. Ссылаясь на плохое моральное состояние войск под его командованием, он частично возлагал вину на «коварную большевистскую пропаганду... которую вещают евреи-полиглоты и журналисты-предатели по ту сторону.»

Американцы и французы также подверглись яростной критике. Он обвинил французов в отказе воевать и в «общей недисциплинированности и разгильдяйстве», в то время как американские офицеры были «некомпетентны», а их люди «бесполезны». Американцы, утверждал он, «никогда не были хорошими бойцами».

Однако его отчет о большевистском наступлении вдоль Двины, которое продолжалось с 4 октября по 5 ноября, показал, что его британские войска не были безупречны. Наступление началось, когда британские канонерские лодки и баржи отошли вниз по реке, опасаясь вмерзнуть в лед. Это означало, что солдаты были лишены транспорта, связи и, самое главное, артиллерии, которая была установлена на лодках. Когда английские катера отошли, большевистские катера снова появились и 4 октября «открыли бомбардировку наших позиций со скоростью около 1000 выстрелов в день».

Он отметил, что подкрепление из трех офицеров и 200 других чинов Королевских шотландцев прибыло на фронт в ночь с 12 на 13 октября после недельного путешествия из Архангельска. Само путешествие, должно быть, было достаточно ужасным, и они были брошены в заслон сразу по прибытии. «Непрерывный обстрел, - писал он, - сильно подорвал моральный дух Королевских шотландцев,

которые все были низшей категории [В2 и большинство из них ранее были ранены] и их энергичность была значительно снижена предыдущими нагрузками и чрезвычайно тяжелыми условиями, в которых они сражались.»

20 октября он доложил, что нужны свежие войска, но их посылают еще больше ... позиция была значительно расширена для имеющихся войск ... Бригадный генерал Финлейсон доложил, что он прилагает огромные усилия при возведении земляных оборонительных сооружений...

Финлейсон также сказал, что он может удерживать свою позицию только до тех пор, пока орудие (одиночная 130-мм пушка, установленная на барже) оказывает поддержку. Позже в тот же день Финлейсон сообщил, что вражеская 4,8-дюймовая пушка в Троицком потопила баржу, и орудие было потеряно.

23 октября, как записал Айронсайд, вражеская атака была отбита капитаном Бойдом из 339-го пехотного полка США. Это была битва, в которой Сильвер Пэрриш, как обычно, принимал самое активное участие. Своими каракулями он записал: «23 октября. Вражеский обстрел весь день с канонерских лодок. Мы не отвечаем, потому что нам нечего ответить. В 6 часов вечера противник по нашим открытым позициям штыковую атаку, мы два часа вели ожесточенный бой и отбросили их.»

Через четыре дня Королевские шотландцы со взводом литовцев и отрядом поляков совершили нападение на Кулику (возможно, имелась в виду деревня Куликовская, в 143 км. от Шенкурска – прим. пер) на правом берегу реки. Но красные войска пронюхали об атаке и были хорошо подготовлены. Они открыли пулеметный и ружейный огонь и разбили атаку. Айронсайд отметил:

Литовцы тут же бросились врассыпную. Взводные офицеры Королевских шотландцев понесли потери, а затем противник предпринял контратаку. Королевские шотландцы повернулись и побежали, бросая оружие и снаряжение в состоянии абсолютной паники и деморализации.

Поляки на левом фланге были единственными солдатами, которые вели себя достойно и не поддавались панике. Они прикрыли отступление и принесли обратно всех своих раненых. Четверо канадских артиллеристов и четверо морских пехотинцев, сопровождавших Королевских шотландцев в атаке, вели себя очень галантно и были выведены последними после того, как их присутствие очень сильно сказалось на противнике.

Канадцы были отправлены в Россию - на Крайний Север, а также на Дальний Восток, о которых подробнее в главе 10 - с большой неохотой после интенсивного давления со стороны британского правительства. В Архангельске было шестнадцать человек всех чинов, исполнявших административные обязанности, на Мурманском фронте было девятью два инструктора и 16 Бригада канадской полевой артиллерии численностью 497 человек (все чины), принимавших участие в боевых действиях. Они выступили очень хорошо и заслужили похвалу от Айронсайда.

Большевики продолжали свои атаки, с небольшими, но кровопролитными столкновениями в лесах и атаками на открытой местности, поддерживаемыми огнем с их канонерских лодок. Комары исчезли, пошел снег, холод стал настоящим врагом для обеих сторон. 10 ноября Сильвер Пэрриш записал, что он был в патруле каждый день с 23 октября. 11 ноября, в день окончания Первой мировой войны, около 2500 большевиков атаковали позиции союзников вокруг Тулгаса, на которых было около 400 человек. Бои продолжались четыре дня, и, по словам Пэрриша: «мы хорошо и упорно сражались с большевиками, но потеряли 7 убитыми и 14 ранеными, канадцы потеряли довольно много, а королевские шотландцы потеряли 36 человек убитыми и у них было много раненых. Большевики потеряли около 475 человек.»

Наступление большевиков подошло к концу 15 ноября, когда, по словам Айронсайда: «противник был вынужден из-за замерзания реки отвести все свои корабли обратно в Котлас на зиму. Он потерял очень много людей, и многие из его войск были рассеяны и потеряны в лесу, в то время как остальные находились в состоянии полной деморализации. Пять главных вражеских командиров были убиты, и противник окончательно убедился, что эти попытки отбросить нас вниз по реке безнадежны.»

В тот же день Пэрриш, теперь уже взводный сержант, принял участие в контратаке, «и получил приказ сжечь небольшую деревню, где противник мог вести эффективный снайперский огонь. Женщины начали в нас стрелять, и нам пришлось наступать, не стреляя в них. Но мы взяли 14 вражеских пленных и убили двоих. Потом мы сожгли деревню, и мое сердце обливалось кровью, когда женщины падали к моим стопам, хватали меня за ноги, целовали мне руки и умоляли не делать этого. Но приказ есть приказ, и я командовал пятнадцатью солдатами, которые прошли через это поле. Итак, я исполнил свой долг.»

В то время как Пэрриш выполнял свой долг, другие этого не делали. Среди русских новобранцев, многие из которых симпатизировали большевикам, уже

начинались волнения. 29 августа часть Славяно-британского легиона, сформированного из местных русских и офицерского состава британцев, открыла огонь по своим офицерам и дезертировала, а 29 октября призывники в казармах Александра Невского отказались идти на парад. Они привели четыре причины: 1. Их русские офицеры все еще носили свои царские знаки отличия. 2. Они не станут сражаться за английского короля. 3. Они не станут отдавать честь. 4. Им нужны увеличенные продовольственные пайки.

3 декабря произошло более серьезное событие, когда 1-й Архангельский полк взбунтовался. Оно завершилось, когда британские офицеры обстреляли казармы мятежников из миномета Стокса, разработанного для окопных боев на Западном фронте, и вынудили их сдаться. Айронсайд, верный обычаю Западного фронта, где около 300 британских солдат были расстреляны за дезертирство, трусость и подобные преступления в ходе войны, расстрелял тринадцать мятежников.

Недовольны были не только русские. Как только в войсках распространилась весть о перемирии, мало кто захотел продолжать сражаться на этой чужой земле, в войне, которую они не понимали. Насколько им казалось, война была окончена.

Пора было возвращаться домой. Французы ясно дали понять, что оставят военную службу, и американцы, республиканцы до мозга костей, не желали восстанавливать царский режим. Многие из них были выходцами из русских и польских семей - один даже встретил свою мать в Архангельске, которая бежала от жестокости и нищеты царского правления. Многие из них сочувствовали большевикам. И хотя мало кто из британских солдат симпатизировал большевикам, большинство из них считали, что их война окончена. Единственным отрядом войск, который проявил хоть какой-то энтузиазм к борьбе, были поляки, которые, как и чехи, сражались, чтобы доказать, что они заслуживают своей независимости. И вообще они ненавидели всех русских.

Среди недовольных было одно или два исключения. Канадцы, которых отправили скрепя сердце, чтобы создать образ единой империи для интервенции, все как один хорошо сражались. Были также профессиональные британские солдаты, как офицеры, так и рядовые, которые несмотря на то, что воевали почти пять лет, страдая от ран, отравления газом и травм окопной войны, все еще гордились своей способностью выполнять свои обязанности как настоящие профессионалы.

Были и выдающиеся белогвардейцы, люди со страниц *«Войны и мира»*, которые сражались за честь и любовь к своей стране. Одним из таких людей был летчик-

истребитель Александр Казаков. Он получил свой самолет в феврале 1915 года и в следующем месяце сбил своего первого немца. Прimitивные машины того времени еще не были оснащены пулеметами, и поэтому Казаков изобрел свое собственное воздушное оружие – утяжеленный крюк, подвешенный на проволочном тросе. Вооружившись им, он пустился в погоню за двухместным «Альбатросом», который корректировал огонь немецких орудий. Он занял позицию над Альбатросом и начал разматывать крюк, в то время как немецкий наблюдатель стрелял в него из винтовки. Но ему удалось размотать только несколько футов проволоки, когда лебедку заклинило. Казаков невозмутимо спикировал на немца и протаранил его своим шасси, отправив его за линию русских, а сам приземлился «на брюхо».

Хотя интенсивность воздушных боев была далеко не такой, как на Западном фронте, Казаков продолжал успешно действовать. У него был пулемет Максим, приспособленный для стрельбы вверх из своего самолета Ньюпор «Бебе» («Малютка»). Но чтобы использовать это оружие, он должен был атаковать снизу, позиционируя свой самолет, а не направляя неподвижную пушку. В 1917 году он получил под командование истребительную группу № 1 из четырех эскадрилий, летавших на французских монопланах Morane Saulnier и превосходном Ньюпор 17. Они были известны как «Парни славы или убийцы» из-за черепа и скрещенных костей, нарисованных на их хвостах. К тому времени, как русские прекратили боевые действия, Казаков сбил 17 немецких самолетов.

Он был религиозным человеком, к приборной доске его самолета была привинчена икона Святого Николая, и он всегда старался присутствовать на похоронах людей, которых он сбил. Его описывали как «обладающего строгим и властным взглядом», будучи по своей натуре «скромным и простодушным».

Когда произошла большевистская революция, он, как и большинство пилотов императорской воздушной службы, находился в крайне незавидном положении. Многие были убиты, другие заключены в тюрьму, а когда их механики попытались управлять своими самолетами от имени нового режима и потерпели крушение, их под угрозой смерти заставили служить большевикам.

Казаков был одним из немногих, кому удалось спастись, в основном благодаря усилиям Джорджа Хилла, который в своей недолгой роли инспектора авиации Троцкого организовал маршрут побега для пилотов. В своем секретном донесении, когда все было кончено, Хилл говорил: «я гарантировал 10 000 рублей пилоту каждого самолета, приземлившегося со всеми принадлежностями на чехословацком фронте: 2500 рублей каждому корректировщику огня при

условии, что они перелетят отрядами (самолетов) или эскадрильями.» Причина этого состояла в том, что, когда летчики бежали поодиночке, другие члены их эскадрильи жестоко избивались большевиками.

В конце концов Казаков прибыл в Архангельск с тридцатью семью пилотами и наземным экипажем из имперских ВВС вместе с небольшим контингентом Королевских ВВС и восемью бомбардировщиками DH4. Они реквизировали несколько «Сопвич 1½-Страттери» и «Ньюпор-17 С», которые нашли все еще находящимися в упаковочных ящиках, в том же состоянии, в котором они были выгружены в Бакарице много месяцев назад, и которые большевики проглядели, когда вывозили склады союзников из Архангельска.

Казаков и его люди почти сразу же вступили в бой, вылетев с передового поля на Двинском фронте. Противник, как было известно, имел истребитель Ньюпор 28 и разведывательный самолет Caudron G3 A2 в этом районе, но они редко появлялись, и большая часть деятельности Казакова состояла из обстрела позиций и обнаружения орудий на Британских речных катерах.

Когда большевики начали свое октябрьское наступление на Двину, его эскадрилья была отрезана. Они разобрали свои самолеты, погрузили их на сани и отправились в безопасное место, пробиваясь мимо патрулей сквозь все более увеличивающийся снежный покров. Укрывшись в Антониево-Сийском монастыре, они отбивались от нападений в течение недели, прежде чем ускользнуть на позиции союзников под покровом темноты все еще волоча за собой свои самолеты. Оказавшись в безопасности, они собрали самолеты и почти сразу же поднялись в воздух, расстреливая из пулеметов красногвардейцев, атаковавших канадские орудийные окопы.

Казаков был произведен в майоры британской армии и награжден Орденом «За выдающиеся заслуги» за свой подвиг.

Зима теперь сжимала на поле боя свои сильные костлявые ледяные пальцы. Лететь было почти некуда, солдаты по очереди возились с пулеметами и топили печи. 26 ноября температура воздуха была зафиксирована на отметке 60 градусов ниже нуля. Были патрули, сигналы тревоги и вылазки, но военная деятельность диктовалась не генералом Айронсайдом или товарищем Самуоло, а генералом Льдом и товарищем Снегом. Наступило Рождество, и Айронсайд провел его как какой-то огромный неправдоподобный Санта-Клаус, закутанный в меха, в своих маленьких санях навещающая войска на передовой.

Сильвер Пэрриш держался молодцом. Он провел Рождество в Шусуге и съел «на ужин фазана и выпил немного рома». Взвод Фрэнка Дума, находившийся на отдыхе, но все еще бывший в пределах досягаемости патруля противника, получил по дикой индейке. Затем, в канун Рождества, «у нас была программа в И [ИМКА]. Капитан Бойд играл нам на мандолине. Это лучшая музыка, которую я слышал за долгое время. Каждый из нас получил по носку, наполненному конфетами, изюмом, финиками и сигаретами, а также дополнительную пару носков. Это так отличается от прошлого Рождества. Лейтенант Миллс подарил каждому из нас по еще одной птице.»

На Рождество «русские дети приходили все утро, распевая колядки, ожидая от нас сладостей. Лейтенант Миллс позвал нас к себе и угостил ромом и коньяком. Мы поужинали в «И» в 12.00, но это был ужас. Мясо было гнилое, и от этого многих ребят тошнило.»

Таковы реалии войны.

ГЛАВА 10

Скотовоз в Омск

Сибирь, август -декабрь 1918 года

Рядовой Риардон из 25-го (гарнизонного) батальона Мидлсекского полка отсиживался в Гонконге. Он и его товарищи, недостаточно подготовленные, чтобы сражаться во Франции, даже когда Британия так отчаянно нуждалась в людях, чтобы поместить их в окопы, что квалифицированных мастеров призывали с авиа- и танковых заводов, с нетерпением ждали окончания войны, быстрой демобилизации и радостей гражданской жизни, когда им приказали отправляться в Сибирь.

Не будучи батальоном, который источал ярость и жаждал вступить в бой, этот шаг вряд ли был встречен искренним одобрением солдат. Они покинули Гонконг и множество удовольствий, которые он мог предложить иностранным солдатам, и 27 июля 1918 года отплыли на пароходе «Пин Суэй» во Владивосток, место, о котором они не знали, но совершенно справедливо подозревали, что оно будет неудобным, холодным и опасным.

Тем не менее, все началось достаточно хорошо, когда японский эсминец вежливо вышел, чтобы сопроводить их во Владивосток 3 августа, на следующий день после того, как Пул высадился в Архангельске. Затем они прошли маршем по улицам в сопровождении почетного караула, предоставленного кораблем ВМС

Великобритании «*Suffolk*», и оркестра чешского легиона, играющего зажигательную военную музыку, к своим помещениям в старых сибирских казармах.

Будучи первыми пехотинцами союзников, достигшими Сибири, им следовало поднять флаг, в каком бы состоянии они не находились, и поэтому было решено, что половина из них вместе с сорока тремя пулеметчиками отправится на фронт на реке Уссури, где чехи и их союзники-белогвардейцы удерживали красных, в то время как другие чешские части пытались пробиться через Иркутск с запада. Однако было решено, что Мидлсекский полк будет действовать только в качестве войск второго эшелона. Поэтому, когда 10 августа они двинулись к Уссури, им предстояло занять позиции казачьего отряда, который собирался наступать. Но ни на одном поле боя нет безопасного места, и три дня спустя Риардон записал в своем дневнике: «первый вражеский снаряд.» Далее в его дневнике:

15 августа: начали рыть траншеи среди болот. Донимали москиты. Работали всю ночь, испытывая ужасные трудности.

18 августа: сильный артиллерийский огонь из вражеских орудий и бронепоездов.

20 августа: рытье траншей для укрытия от снарядов.

21 августа: отступили в полдень через четыре часа после чешских и французских войск. Очень сильный артиллерийский огонь.

22 августа: прибывает первая дивизия японских войск.

24 августа: приказано наступать с японцами в 2 часа ночи, чехами и французами в качестве линии поддержки. Японцы одерживают блестящую победу.

Вновь прибывшие японцы, хорошо обученные, хорошо вооруженные и готовые к бою, полностью разгромили Красную Армию, состоящую из всякого сброда, и через несколько дней чехи прорвались через Иркутск без какой-либо помощи союзников, пришедших «выручать» их. Теперь чехи удерживали Транссибирскую магистраль к западу от Урала и до Владивостока на расстоянии около четырех тысяч миль. Их западные соратники обосновались в [Казани и Самаре, где они захватили поезд, перевозивший российские золотые и платиновые запасы](#). Эти успехи на мгновение возродили в Британии надежду на то, что союзные войска, двигавшиеся вниз по Двине от Архангельска, и чехи, обосновавшиеся в Казани,

смогут соединиться в Котласе и заложить основу нового Восточного фронта - даже несмотря на то, что он находился в сотнях миль от ближайших немцев.

Это было просто принятие желаемого за действительное. План был обречен на провал с самого начала. Японцы не собирались продвигаться западнее Иркутска. Американцы получили строгий приказ ничего не делать, кроме как помогать чехам покинуть Россию и охранять военные склады. А чехи, хотя и были готовы защищаться, не имели ни малейшего желания оставаться в России.

Первое поражение они потерпели 5 сентября, когда Троцкий выступил со своей реорганизованной Красной Армией и выбил их из Казани. С этого момента мечтатели о новом Восточном фронте очнулись от мечтаний. Восточного фронта не будет. На самом деле в нем больше не было необходимости. Немцы выдохлись.

Тем не менее полковник Уорд погрузил своих «неустрасимых бойцов» на Транссиб и отправился в Омск, расположенный в 3500 милях к западу от Владивостока. Это заняло у них месяц, и там они оставались, как писал Риардон, в течение «шести месяцев ужасной сибирской зимы», которую они пережили с помощью зимней одежды, поставляемой канадцами. Они не видели больше никаких действий, хотя, когда их группа посетила передовую позицию, их игра так разъярила большевиков, что они начали бомбардировку.

К настоящему времени в тихоокеанских провинциях России и Китая базировалось около 70 000 японских солдат под командованием генерала Отани, претендовавшего на звание Верховного Главнокомандующего союзниками в Сибири. Японцы играли в циничную игру из собственных интересов. Что касается их самих, то они намеревались здесь остаться, и не были слишком разборчивы в своих методах. Одним из их главных союзников был Семенов, злобный и неприятный человек, которому англичане первоначально дали оружие и деньги, ошибочно полагая, что он наведет порядок в анархической ситуации в Восточной Сибири. Британцы бросили его, когда стало очевидно, что он не только не наводит порядок, но и является старомодным военачальником, в то время как его монгольские и казацкие всадники были убежденными сторонниками древних военных обычаев насилия и грабежа. Однако это не остановило японцев. Они снабжали Семенова оружием, деньгами, артиллеристами и «советниками». Он, благодарный своим благодетелям, проводил для них операции, которые они не хотели признавать. Одна из причуд истории состоит в том, что, хотя англичане быстро отреклись от него и американцы действительно имели с ним кровавую встречу, именно союзников русские обвиняют в царстве

террора, которое распространилось по всей Сибири и в Маньчжурии, где он обосновался в 1921 году. Большевики в конце концов настигли его. Красная Армия арестовала его в Маньчжурии в 1945 году, и в следующем году он был казнен.

Первый контингент американских экспедиционных сил прибыл во Владивосток 2 сентября, всего через двадцать четыре часа после того, как чехи, которых они пришли спасать, прорвались в Иркутск, что сделало путешествие американцев ненужным. В конце концов, в Сибири было почти 9000 американских солдат. Из них 5000 солдат были из восьмого дивизиона. Остальной контингент включал в себя 27-й и 31-й пехотные полки, переброшенные с Филиппин вместе с полевым госпиталем, автосанитарной ротой и телеграфной ротой. Командовал ими, хотя и неохотно, генерал-майор Уильям С. Грейвс, получивший свое назначение в ходе десятиминутной беседы с военным министром США Ньютоном Бейкером на железнодорожном вокзале Канзас-Сити. Бейкер передал ему копию заявления президента Вильсона от 17 июля и сказал: «Здесь изложена политика Соединенных Штатов в отношении России, которой вы должны придерживаться. Будьте осторожны – действуйте так, чтобы комар носа не подточил. Да благословит Вас Бог и прощайте.»

Неудивительно, что Грейвс прибыл в Сибирь с твердым намерением не делать ничего, кроме того, что ему указано. Но это было в высшей степени двусмысленно. Он должен был защищать чешские войска, но они показали, что не нуждаются в защите. Он также должен был охранять военные склады, «которые впоследствии могут понадобиться русским войскам ... «В памятной записке Вильсона не было сказано: какие русские войска? Как позже ворчал Грейвс: «я не мог дать русскому рубашку, не подвергаясь обвинению в попытке помочь той стороне, к которой принадлежал получатель рубашки.»

Президент Вильсон также настаивал в своей записке, что, среди прочего, «представители Красного Креста и агенты Юношеской христианской ассоциации» должны быть направлены для оказания помощи населению Сибири. Так оно и было. В конце концов, [Красный крест имел там более 2500 сотрудников, пятьсот из которых были американцами. ИМКА \(«Юношеская христианская ассоциация»\)](#) послала команды, так же, как и [Рыцари Колумба](#). Их присутствие, возможно, подчеркивало непреодолимые цели и политику так называемых союзников в Сибири. Они олицетворяли смутную надежду президента Вильсона на то, что плохая ситуация закончится хорошо.

У других наций были иные причины находится там. Англичане послали своих измотанных «неустрашимых бойцов» чтобы сохранить свое влияние на ведение дел: французы отправили колониальный батальон численностью 1000 солдат по сходным причинам; итальянцы - 1700 солдат, чтобы доказать, что они действительно являются членами Альянса. Кроме того, англичане и французы направили сильные военные миссии для подготовки новой белогвардейской армии.

Канадцы, поддавшись давлению Лондона, прислали 4186 солдат, причем многих из них незаконно, так как они были призваны на военную службу в соответствии с законом «О военной службе», который предусматривал, что их можно задействовать только для обороны Канады. В отличие от своих товарищей в Архангельске, они не участвовали в боевых действиях, а обеспечивали работу тыла для мидлсекского, а затем и хэмпширского батальонов. Румынский, сербский и польский контингенты были там по той же причине, что и чехи: их яростная решимость доказать свое право управлять своими собственными государствами. И японцы были там, преследуя свои захватнические амбиции, которые должны были достичь своего зенита после Перл Харбора двадцать три года спустя.

Раздробленность и недоброжелательность этого «союза» были сопоставимы только с соперничеством, интригами и предательством между различными группами русских, которые составляли белогвардейские силы, сражающиеся с большевиками.

На одном этапе почти два десятка различных органов претендовали на то, чтобы быть настоящим правительством Сибири, и каждый из них надеялся прийти к власти, как только большевики будут побеждены. Мелкие военачальники процветали, и небольшие группы людей с оружием и продовольствием претендовали на право управлять огромными территориями. Следует помнить, что в то время, кроме городов и земель, граничащих с железными дорогами, которые текли подобно великим цивилизованным рекам через Сибирь, страна к востоку от Урала была еще дикой и её внутренние районы принадлежали племенам, управляемым шаманами (колдунами). Это было похоже на американский Запад до того, как 7-я кавалерия США усмирила племена.

Наиболее влиятельными из ранних противников коммунистического правления были социалисты-революционеры, многие из которых были сосланы при царском правлении в Сибирь вместе с коммунистами. Когда все закончилось, выжившие эсеры заявили, что именно они начали борьбу с большевиками в

Сибири, а не чешский легион. Но это утверждение трудно обосновать. Может быть, эсеры и замыслили заговор против большевиков, но именно решимость чехов пробиться во Владивосток ускорила гражданскую войну в Сибири и вызвала там интервенцию союзников.

Однако бесспорно, что эсеры сотрудничали с чехами в борьбе с большевиками на так называемом Волжском фронте от Казани до Самары. Эсеры во главе с бывшими членами Учредительного собрания, бежавшими из Петрограда, создали в Самаре правительство, которое, по их утверждению, было настоящим правительством России, и собрали армию численностью около 10 000 солдат, чтобы сражаться бок о бок с Чешским Легионом. В то же время консервативная группа создала временное правительство из пяти человек в Омске по ту сторону Урала. Эта хунта, претендовавшая на суверенитет над Сибирью, но не над остальной Россией, приступила к уничтожению всех остатков коммунизма. Бывшие царские офицеры и кулаки - богатые крестьяне - стекались под её знамена, хотя они друг друга недолюбливали. Однако под давлением событий - чехи были изгнаны из Самары большевиками 8 октября - они собрались вместе, чтобы сформировать Всероссийское временное правительство в Омске 5 ноября.

Оно просуществовало всего двенадцать дней. В ночь на 17 ноября в результате переворота, напоминающего действия Чаплина против Чайковского и его министров в Архангельске, группа белых офицеров похитила четырех членов омского правительства, которые были социалистами. У них причина была та же, что и у Чаплина: они хотели заменить то, что они считали слабым правительством, чрезмерно находящимся под влиянием своих левых членов, сильным военным режимом. Но там, где эта уловка не удалась в Архангельске, она удалась в Омске.

На следующий день правительство было распущено, и вся власть, гражданская и военная, была передана в руки «Верховного правителя», адмирала Александра Колчака, Военного Министра омского правительства.

Колчак, крымский татарин по происхождению, был импозантным человеком. Согласно чрезмерно громогласному сообщению корреспондента "Таймс" в Сибири: «Его смуглые, гладко выбритые, орлиные черты лица, черные волосы и черные пронзительные глаза, а также длинная голова, как у Норманна, составляют портрет, напоминающий скорее британский кварталдек, чем родную казачью степь.» Он был известным исследователем Арктики и океанографом, играл ведущую роль в обороне Порт-Артура в 1905 году и был успешным командующим Черноморским флотом в операциях против германо-турецкого флота 1916-1917 годов. Он стал экспертом по минам, которые использовались

обеими сторонами в Русско-Японской войне с разрушительными последствиями, и в апреле 1917 года он отправился в Америку, чтобы проконсультировать военно-морской флот США по их использованию. Таким образом, он был вне опасности, когда имперский флот взбунтовался и обратился против своих офицеров.

Когда большевики захватили власть у Временного правительства в Петрограде, он фактически находился в Токио на обратном пути в Россию. Он немедленно сделал самоотверженный жест, вызвав британского посла и предложив ему свои услуги. Он попросил разрешения служить в армии, а не в Королевском флоте на том основании, что флот будет смущен необходимостью принимать офицера его высокого ранга. Его предложение было принято. Его должны были отправить в Месопотамию, но прежде, чем он приступил к своим новым обязанностям, ему предложили лучше послужить своей стране, вернувшись в Сибирь, чтобы помочь сформировать новую русскую армию, противостоящую большевикам.

Так и вышло, что в конце концов он приехал в Омск. Это был храбрый, умный, но серьезный и деспотичный человек, проникнутый дисциплиной старого Императорского флота, который стал считать себя законным преемником царя. Он был также активен и честен и произвел хорошее впечатление на британских офицеров военной миссии, которые начали отчаиваться найти старшего офицера, который не был бы ни некомпетентным, ни коррумпированным. Генерал Нокс был особенно впечатлен. Ему нужен был сильный человек в Омске, способный создать условия для воспитания и обучения новой русской армии. **Колчак был человеком Нокса**, и он приветствовал вступление адмирала в должность Верховного правителя. Позже генерал Морис Жанен, глава французской военной миссии, обвинил Нокса в организации колчаковского переворота по коварным британским мотивам. Но, как мы увидим, у Жанена, вероятно, была веская причина, чтобы попытаться очернить историю Колчака.

Нокс, которого позже хитрый редактор попросил просмотреть часть мемуаров Жанена, писал, что переворот был «осуществлен Сибирским правительством без предварительного ведома и без какого-либо попустительства Великобритании». Полковник Уорд, обосновавшийся со своим батальоном в Омске с приказом поддерживать мир в городе, был еще одним поклонником Колчака. Он записал в своей книге «С неустрашимыми бойцами в Сибири», как, услышав о похищениях людей, он развернул своих солдат и установил пулеметные посты, чтобы прикрыть улицы на случай, если вокруг его казарм возникнут беспорядки. Так уж получилось, что казармы находились по соседству со зданием, где заседал Совет министров, чтобы принять решение о собственном роспуске. Как он не без

иронии писал: «я не сомневаюсь, что эти договоренности придали министрам большую уверенность в том, что они будут продолжать свою политику. Это было одним из неизбежных последствий подготовки к нашей собственной обороне ... это действительно стабилизировало ситуацию.»

Одним из противников адмирала Колчака был генерал Грейвс, американский командующий, который был категорически против восстановления царского режима в Сибири. Несмотря на все уговоры Нокса сотрудничать, он прикрывался памятной запиской Вильсона, как бронепластиной, и отказался выйти за ее пределы.

Эдит Фолстич пишет о том, что он сказал про данную дилемму в своей книге «Временное пребывание в Сибири»: «я часто думал, что мне очень жаль, что я не знал больше об условиях в Сибири, чем когда был втянут в потасовку во Владивостоке. Иной раз я думал, что неведение было не только блаженством в такой ситуации, но и было желательно.»

Через десять дней после захвата власти Колчаком к англичанам прибыло подкрепление. 1/9-ая хэмпширского батальона, первоначально батальон велосипедистов ополчения, прибыл во Владивосток на борту парохода «*Dunera*» из Индии. В отличие от миддлсекского батальона, все они были оценены по шкале А1. Они состояли из тридцати двух офицеров и 945 других чинов и находились под командованием полковника Роберта Джонсона, госслужащий в мирное время. Среди его военнослужащих некомандного состава был капрал Артур Уэйд, который вспоминает, что вступил в ополчение, когда ему было всего шестнадцать лет, потому что «я был фанатичным велосипедистом.» Вместе со старшим братом Уолтером он был призван на службу в береговой патруль в начале войны, но в 1915 году, когда Западный фронт поглотил людей, хэмпширцев отправили в Индию, чтобы заменить регулярные войска, переброшенные во Францию. В течение трех лет, наслаждаясь гарнизонной жизнью Индии, они принимали участие в небольшой кампании в Вазиристане и уже начали с нетерпением ждать окончания войны. Капрал Уэйд был в отпуске в Симле, сидел в театре и ждал, когда поднимется занавес, когда на сцену вышел сержант-майор и объявил: «пусть кто-нибудь из хэмпширцев явится ко мне в фойе.» Это было началом одиссеи, которая привела Уэйда и его товарищей из их лагеря в Амбале в Восточном Пенджабе в Бомбей, Коломбо, Сингапур, Гонконг, Владивосток и Омск.

Уэйд был рад, что они отправились морем; кто-то в казармах предположил, что они собираются идти через Гималаи в Сибирь. Они были в море, когда узнали о

перемирии. «Кое-кто из умных ребят сказал, что после этого мы никуда не поедem. Но мы поехали.»

Шестнадцатого августа полковник Джонсон написал своей матери довольно унылое письмо, в котором сообщал, что надеется уехать из Амбалы «на две недели или около того после охоты на горных фазанов на чакратской дороге. Пережив этот утомительный лагерь и подготовку к маневрам, которая начинается вместе с холодной погодой, - я должен позаботиться о том, чтобы на этот раз не переусердствовать. Это была одна из худших жарких погод в истории, всегда на 10 градусов выше нормы для этого времени года ... Еще ни капли дождя - уже на протяжении 6 недель ...»

Позже в письме он пишет о своей ненависти к войне и страстном желании вернуться домой к жене и семье: «О Господи, как бы я хотел, чтобы эта ужасная оргия закончилась ... И как бы мне хотелось после этой войны пойти в парламент и помочь в демобилизации всех солдат!»

«Даже когда придет демобилизация,» - жаловался он, - «будут корабли для янки, австралийцев, канадцев, ирландцев, валлийцев, шотландцев, китайцев, японцев, индийцев, готтентотов ... но не для англичан, и уж тем более, если они ополченцы.» Вскоре он оказался на корабле, направлявшемся к гораздо более холодному климату и новой войне.

5 декабря Джонсон писал своему отцу: «Вот мы во Владивостоке, ждем, чтобы укомплектовать одежду и снаряжение, которое, как ожидается, придет из Канады на этой неделе, после чего мы начнем наше долгое путешествие в Омск.»

Он рассказал отцу о крайней неразберихе в России – «этом бурлящем котле убийств и безумия» - разногласиях между союзниками. «Вы можете себе представить нежелание всех союзников брать на себя новые обязательства теперь, когда война закончилась, особенно с войсками, завербованными только для войны.» Но, настаивал он, «хотя бы они того или нет, они поймут, что задача восстановления надежного правительства в России неизбежна.»

О масштабах задачи и о том, сколько времени это займет, мнения расходятся, но британская точка зрения (которая также является точкой зрения русских, не являющихся большевиками) заключается в том, что это легкое дело, если взяться за него твердо и решительно, и что очень немногочисленные опытные войска, действующие решительно, скоро восстановят порядок ... Идея состоит в том, чтобы сформировать новые русские армии, обученные и вначале управляемые англичанами и

французами, и передать их, когда они наберутся опыта. До сих пор в Сибири вся работа была проделана чехословаками - великолепными ребятами. Но они, естественно, хотели вернуться домой, чтобы построить свое новое маленькое государство в Богемии, и вопрос в том, кто займет их место. В настоящее время единственные люди, которые могут сделать это, — это 9-й хэмпширский полк и несколько старых гарнизонных солдат [батальона], которые уже находятся на фронте - но даже 9-й хэмпширский полк вряд ли является достаточной заменой для канадцев или для нескольких тысяч чехов.

Именно с таким настроем Джонсон отправил своих людей в месячное железнодорожное путешествие в Омск. Они ехали со скоростью 15 миль в час в вагонах для перевозки скота, которые были снабжены крышей, печкой и досками для сна. Капрал Уэйд был одним из первых. Полностью экипированные канадскими тулупами, они вышли из Владивостока 5 декабря и направились в Харбин, Читу и Иркутск. Уэйд проводил большую часть времени на подножке, вооруженный револьвером, чтобы убедиться, что водитель и кочегар ведут себя как следует. К Рождеству они были уже в нескольких сотнях миль от Омска. Температура в их вагоне была - 40° по Цельсию, и во время путешествия они отпраздновали Рождество с дополнительной порцией рома.

Десять дней спустя Джонсон вместе с основной группой провел Рождество в Чите. Будучи религиозным человеком, он был рад возможности организовать рождественское причастие в греческой православной церкви, прежде чем собрать своих 250 солдат вместе и провести рождественскую службу в зале рядом со станцией. Он зачитал отрывок из Библии, солдаты пели рождественские гимны, и греческий православный священник благословлял их всех. Затем они совершили марш вокруг Читы, чтобы показать флаг, писал Джонсон: «горны дули (пока не замерзли) и барабаны били, большой барабанщик очень умный в своей шкуре Индийского тигра.»

Джонсон повел своих людей к дому атамана Семенова, который, как заметил полковник, «правит Читой и округой железной рукой.»

«Он», - писал Джонсон в письме к матери, - «интересная личность и одна из самых больших трудностей в здешней ситуации. Он решительно настроен против большевиков ... но у него есть личные разногласия с адмиралом Колчаком, главой Сибирского правительства в Омске, и поэтому он не признает правительство ... Поскольку он контролирует железную дорогу в этих краях, то складывается затруднительное положение, он удерживает

часть поставок, идущих к Колчаку и фронту, перехватывает телеграммы, и поскольку Колчак теперь объявил его предателем России, ситуация очень напряженная.

За три дня до нашего приезда он попал под бомбежку, но отделался лишь легкими ранениями и теперь лежит раненый в постели. Я остановил свой отряд перед его дверью и вошел, чтобы узнать, как он поживает. Я скорее должен был догадаться, соответствует ли это правилам пребывания, но он был удовлетворен тем, что это так; хотя и в опале за отказ сотрудничать, он, тем не менее, не ссорится с англичанами и разделяет общую антибольшевистскую точку зрения, которая признает нашу незаинтересованность и приветствует нас как освободителей. Этот официальный визит английского командующего Омском, последовавший сразу же после нападения на него, которое, как он заявляет (совершенно безосновательно), было спровоцировано партией Колчака, был для него огромной радостью и, очевидно, чрезвычайно, что он польщен.

Добрый полковник, очевидно, понятия не имел, на какую опасную почву ступает. Грабежи Семенова уже привели в ужас британское и американское правительства, и, если бы Джонсон знал о списке преступлений человека, принявшего его в своем доме, он, несомненно, не был бы так вежлив.

Но он был непреклонен ... «Однако после того, как меня ввели в его спальню, я через своего переводчика прочел ему лекцию, которая, как я знал, соответствовала правилам приличия.» Это была действительно очень напыщенная лекция о необходимости сплотиться для борьбы с большевиками. «Недопустимо, чтобы восстановление надежного правительства в России задерживалось из-за личной ссоры между двумя великими людьми, такими как Семенов и Колчак.»

Представьте себе эту сцену: кровожадный военачальник лежит в постели, залечивая раны после покушения, и слушает лекцию о своем поведении бывшего президента Оксфордского союза - государственного служащего, ставшего солдатом, который только что вернулся с празднования Рождественского причастия.

«Он был явно впечатлен,» - писал Джонсон, - «и сказал, что отношения между англичанами и русскими идеальны и что он не собирается их нарушать.» Я ответил, что в таком случае отношения между всеми порядочными русскими должны быть одинаково хорошими. Мы

расстались под тосты с шампанским и речью его начальника штаба перед моими растерянными людьми.»

Джонсон присоединился к своим людям за рождественским обедом, состоявшем «главным образом из фазанов, которых я купил для них в Харбине.» К ним примкнули штабные офицеры Семенова, которые «порядком напились нашего рома». Затем хэмпширцы отправились в баню, а затем снова сели в поезд, который вышел из Читы под «королевские овации» людей Семенова.

Экстраординарный эпизод. Но тогда, в Рождество 1918 года, в Сибири все было необыкновенно. Встреча Джонсона с Семеновым просто отражала царящую неразбериху и постоянное отсутствие согласованной союзнической политики.

ГЛАВА 11

Заговоры Локкарта

Москва и Петроград, август – декабрь 1918

Август 1918 года был тяжелым месяцем для Ленина и его последователей. Немцы, нарушив Брест-Литовское перемирие, захватили Крым, Область войска донского и Украину и двинулись в Прибалтику. Союзники высадились в Архангельске и Владивостоке. Чехи обосновались вдоль Транссиба. Генерал Деникин и его Белая армия продвигались на юге и захватили Екатеринодар (Краснодар). Другие силы белогвардейцев собирались на севере и востоке, в то время как оппозиционные партии, разбитые в Москве и Ярославле, оставались угрозой.

Большевистская перспектива мира из Москвы, где Ленин установил свое правительство в Кремле, была шаткой и ограниченной: окруженная врагами, стремящимися разрушить их новый порядок. Эта перспектива, по существу, остается той же самой и сегодня, как и советская реакция на нее: жестокие репрессии.

Подозрения вполне обоснованно пали на английских, французских и в меньшей степени американских представителей в Москве и Петрограде. У капитана Кроми изъяли оборудование для монтажа кабеля, и ему не разрешили путешествовать. Британцы, проживавшие в этих двух городах, были задержаны, допрошены и после освобождения фактически помещены под домашний арест. Преследуемое ЧК и зажатое советскими ограничениями министерства иностранных дел,

официальное присутствие в России превратилось в неразбериху. В Москве в офисах Локкарта прошли обыски. Теперь между союзными миссиями и русским правительством не было никакой официальной связи.

Агенты Джорджа Хилла сообщили ему, что большевики расходятся во мнениях относительно того, что делать с офицерами союзников. Одни хотели арестовать их всех до их высылки из России, а другие хотели «публичных казней в качестве возмездия за предполагаемый расстрел некоторых советских комиссаров в городе Кемь...»

Поэтому он не удивился, когда 5 августа произошла облава на офицеров союзников. Получив наводку, он покинул свое жилье и сбежал в квартиру Рейли. По словам Хилла, Рейли «ничего не знал о событиях в городе, но сразу же собрался покинуть свою квартиру, собрал несколько оставшихся у него вещей, уничтожил свои бумаги и отчет, который он писал, в моем присутствии и вместе со мной, послав предупреждение в американское консульство, покинул свою квартиру, направившись в наши конспиративные квартиры.»

Во время одного из самых крупных налетов, 15 августа, британский генеральный консул Оливер Уордроп сжег все документы, которые смог найти, в камине своей спальни, как раз перед тем, как ворвались чекисты. Дыма было так много, что им пришлось прикрыть лица мокрыми тряпками, и в конце концов они отказались проводить налет. Уордроп размельчил обгоревшие останки и связался с Министерством иностранных дел - ему, как генеральному консулу, все еще разрешалось телеграфировать, - заявив, что «сейчас в здании нет ни одного клочка бумаги строго конфиденциального характера» и что нет больше никакого смысла посылать или получать такие телеграммы.

Тем не менее, несмотря на пристальное внимание чекистов и угрозу их жизни, Локкарт, Хилл и Рейли были полны решимости попытаться свергнуть большевистское правительство. Локкарт оставался на виду, по-прежнему исполняя обязанности главы британской миссии, но Рейли, согласно секретному отчету Хилла, «получил работу в техническом отделе, в то время как я получил документы, в которых говорилось, что я киноактер, имеющий интерес к антикварному и галантерейному магазину».

Хилл был занят созданием своей курьерской службы для доставки информации «командующим союзными войсками, действующими от севера до юга».

Он также создавал группы для того, чтобы –

выяснить, где лучшие дороги, знать обо всех ловушках, подвести итоги расположения советских войск, орудий, продовольственных складов, полевых складов и морального состояния армии, и отправлять эти донесения на словах союзным передовым отрядам и разведчикам, а также выполнять, при желании, разведывательную работу, требуемую этими передовыми частями. В случае необходимости они должны были заняться тихим саботажем. Они также должны знать всех тех, кто был за или против союзников, надежных и ненадежных, для нашего использования во время последующей оккупации нами деревень.

Они были сформированы из людей, «которые пострадали и потеряли все, что имели из-за большевиков». Девять из них тоже погибли, пойманные и расстрелянные чекистами в Вологодском районе.

Тем временем Локкарт и Рейли пошли по другому пути. Их внимание было сосредоточено на латышских солдатах, которые уступили свою страну немцам, но оставались сплоченной, хорошо дисциплинированной и хорошо обученной силой. Ничего не потеряв, они связали свою судьбу с большевиками во время Революции и стали военным краеугольным камнем, на котором покоилось правительство Ленина. Им были предоставлены особые условия, хорошее питание и зарплата. По словам Хилла, «они охраняли Кремль, золотой запас и боеприпасы. Во главе чрезвычайных комиссий, тюрем, банков и железных дорог стояли латыши. Основной костяк сил на фронтах составляли латыши, и где бы ни велись боевые действия, их направляли туда. Русские войска могли действовать только при поддержке и принуждении латышей».

Если бы их удалось выманить из союза с большевиками, то Ленин и его товарищи оказались бы в очень тяжелом положении. Была надежда, что это удастся сделать. Латыши, относящиеся к гражданскому населению, бежавшие от немцев, становились все более беспокойными при коммунизме, и их недовольство начинало сказываться на латышских солдатах, все больше пугавшихся навязанной им роли палача и возможности того, что им придется противостоять полномасштабному вторжению союзников.

По крайней мере, так считали в британской и французской миссиях в Москве. Была назначена встреча Локкарта, Рейли с генеральным консулом Франции М. Гренаром и полковником Берзиным, командиром артиллерийского батальона латышских стрелков. До сих пор неясно, исходила ли инициатива этой встречи от Берзина или представителей союзников, но мы знаем, что Рейли сообщил Хиллу после встречи, что, вероятно, латышей можно будет переменить на сторону

союзников, поскольку некоторые из них теперь полагали, что это будет в их интересах.

Здесь стоит довольно подробно процитировать доклад Хилла, потому что он точно изложил, что союзники надеялись получить от латышей и как должен был быть организован заговор:

[Берзину] были обещаны определенные суммы денег на пропаганду и работу, и было условлено, что если при отъезде дипломатического корпуса все деньги не будут переданы, то они останутся у лейтенанта Рейли, чтобы дать нам возможность осуществить задуманное.

План, который разрабатывали дипломатические представители союзников, состоял в следующем: определенная помощь на нашем северном и чехословацком фронтах, которая должна была быть вызвана переходом некоторых латышских частей на нашу сторону и тем самым ослабить главные силы, противостоящие нашим войскам.

Союзники, чехословацкие и белогвардейские войска изо всех сил старались соединиться друг с другом и образовать единый фронт. Инсценированное Ярославское дело обернулось катастрофическим провалом; доверие белогвардейской организации к союзникам пошатнулось, и нельзя было рассчитывать на поддержку союзных войск какой-либо их толпой ...

Единственным разумным решением было поддержать латышей. Большинство людей, знавших условия жизни в России, признавали это вполне обоснованным, но некоторые сомневались в праве на внутреннюю революцию в Москве и Петрограде.

Предполагаемый переход латышских солдат на нашу сторону на фронтах не мог быть осуществлен без серьезного воздействия на московский и петроградский центры. Одновременная перемена на фронтах, в Москве и Петрограде уничтожила бы советское правительство, и автоматически к власти пришли бы белогвардейцы, а боеприпасы, оружие и снабжение оказались бы в распоряжении этих новых сил.

Организованные нами банды уничтожения на некоторое время предотвратили бы любую возможную попытку вмешательства со стороны немцев, пока союзные войска не соединились бы и не была бы сформирована национальная белогвардейская армия.

Припасы с севера, хлеб с востока и продукты с Волги, с белогвардейскими войсками, и не было бы никакого страха перед неприятностями, исходящими от народа. Это была возможность успеха. В случае неудачи и обнаружения нас в любом заговоре, лейтенант Рейли и я должны были быть просто частными лицами и ни перед кем не нести ответственности. Так как мы ежечасно ожидали отъезда союзных представителей, то весь удар пришёлся бы на нас.

Из этого рассказа о взаимоотношениях Локкарта с Берзиным видно, что британский представитель, который всего за несколько недель до этого призывал правительство к сотрудничеству с большевиками, теперь пытался свергнуть их. Надо полагать, что он не стал бы участвовать в таком заговоре без прямого приказа правительства, работающего через «Си» в МИБ.

Однако Локкарт не принимал участия в детальном планировании. Это было предоставлено Рейли. Хилл тоже не принимал участия в планировании, но Рейли докладывал ему после каждой встречи, чтобы, если что-то случится с Рейли, Хилл мог взять на себя руководство.

Сначала Рейли встретился с полковником Берзиным в кафе «Трамбл» на Тверском бульваре (ныне улица Горького), чтобы обсудить детали. Позднее местом их проведения стала квартира, принадлежащая члену Комитета латышей, образованного из друзей Берзина. Они предложили использовать гражданских латышских беженцев для распространения пропаганды и подсчитали, что заговор будет готов через пять-шесть недель. Хилл говорит, что генералу Пулу в Архангельск были посланы телеграммы с указанием того, что они делают, но мы не смогли проследить никаких записей этих сообщений.

К третьей неделе августа Рейли уже действовал решительно. Он сказал Хиллу, что Берзин хотел убить Троцкого и Ленина, а не арестовать их, потому что их чудесные ораторские способности так подействовали бы на психологию людей, посланных за ними, что было бы нецелесообразно рисковать арестовывая их; кроме того, их убийство вызвало бы панику среди большевиков, и поэтому не было бы никакого сопротивления перевороту. Рейли сказал, что он очень настойчиво отговаривал Берзина от такого курса и что он внушил латышам, что политика должна состоять в том, чтобы «не делать мучеников из вождей, а выставлять их на посмешище перед всем миром».

План Рейли состоял в том, чтобы арестовать большевистских лидеров 28 августа на заседании Центрального исполнительного комитета Советского Союза в

Большом театре, где латышские стрелки будут нести караул. Затем он снимал с них штаны и трусы и проводил строем по Москве под насмешки народа. К этому времени англичане взяли верх над французами как финансисты контрреволюции. Локкарт раздавал большие суммы денег людям, которые обещали свою помощь, когда придет время. Одним из таких получателей был патриарх Тихон, глава Русской церкви. Рейли и Хилл пришли к нему с двумя большими чемоданами, набитыми деньгами. В обмен на пять миллионов рублей, которые тогда примерно соответствовали 143 тысячам фунтов стерлингов, Тихон пообещал, что в московских храмах пройдут торжественные богослужения в ознаменование освобождения России от большевистского ига.

С таким количеством денег в обращении и с таким количеством людей, вовлеченных в заговор, было неизбежно, что большевики услышат об этом через свою высокоразвитую систему информаторов. Однако вопрос не в том, знали ли они об этом, а в том, подстроили ли они все это, чтобы заманить союзников в ловушку.

Согласно советской версии дела, они знали о каждом шаге Локкарта, потому что Берзин был агентом-провокатором, лояльным большевизму. Контрзаговор, добавляют они, был организован Моисеем Урицким, главой ЧК в Петрограде.

Эта версия утверждает, что Урицкий подсунул молодого человека по имени Смедчен капитану Кроми, который использовал его для передачи сообщений Локкарту в Москве. Смедчен был загадочной фигурой, и только в 1966 году одна из российских газет опубликовала отчет о его подвигах. Эта советская версия гласила, что на самом деле он был Яном Буйкисом, латышом, работающим на ЧК, и что человек, которому он докладывал, был полковник Берзин. Смедчен был у Берзина 15 августа, когда он встретился с Локкартом в квартире британского дипломата в Хлебном переулке.

По скромной версии Локкарта латыши заявили, что они не готовы сражаться за большевиков против союзников и что им нужны пропуска, чтобы добраться до британских войск в Архангельске. Он дал им пропуска и связал с Рейли. Советская версия подтверждает, что Локкарт сделал пропуска, но утверждает, что он также предложил им около шести миллионов рублей для подкупа латышских солдат. Всего, говорят русские, англичане фактически передали один миллион двести тысяч рублей, которые полковник передал своему начальству в ЧК.

Локкарт мог приобрести необходимые ему рубли в Москве, заключая сделки с богатыми русскими, которые хотели уехать из страны. Локкарт освободил их от

бесполезной валюты и дал им расписки, которые должны были быть погашены британским правительством. Пожинать плоды пришлось несколько лет спустя, когда расписки были представлены с угрозой длительного судебного разбирательства, если их не оплатят. Дело было замято; по-видимому, держателям расписок заплатили, потому что британское правительство опасалось того, какие разоблачения могут быть сделаны в суде.

Как много было известно ЧК, остается неясным, но они определенно знали достаточно, чтобы отложить заседание Центрального Исполнительного комитета на неделю. В то же время большевистское правительство подписало торговое соглашение с Германией, которое, казалось, еще больше стимулировало союзников к свержению большевиков. Соглашение давало немцам то, о чем они давно мечтали: нефть из Баку, использование Черноморского флота и крупную контрибуцию. В свою очередь, немецкие войска будут использованы для помощи Красной Гвардии в борьбе с интервенцией союзников на севере, а Берлин будет воздерживаться от поддержки донских казаков, объявивших о своей независимости.

Рейли выехал из Москвы в Петроград 28 августа, чтобы встретиться там с латышской организацией и посоветоваться с Кроми и Бойсом, начальником отделения МИБ. Берзин опередил Рейли, чтобы договориться о встрече раньше. Советские документы свидетельствуют, что Берзин рассказал ЧК о том, что он делал, и в документах особо указывается, что мужество и находчивость Берзина сыграли большую роль в срыве «Заговора Локкарта».

Эта версия подтверждается тем фактом, что ЧК провела обыски в двух убежищах Рейли в Петрограде, когда он еще находился в городе. Как ему удалось избежать ареста, остается загадкой, но по одной из версий он отправился в штаб - квартиру ЧК на Гороховой, где друзья посоветовали ему забыть все псевдонимы, кроме одного - что он чекистский комиссар по фамилии Рилинский.

Но все эти заговоры и контрзаговоры привели к внезапному и кровавому финалу 30 августа. Урицкий, глава Петроградской ЧК, был застрелен Леонидом Канегиссером, двадцатидвухлетним студентом-евреем, и в ту же ночь Ленин был тяжело ранен тремя выстрелами в упор. Предполагаемым убийцей оказалась некая Фанни Каплан, симпатичная двадцативосьмилетняя еврейка-революционерка, приговоренная к смертной казни 12 годами ранее за попытку взорвать царского губернатора Киева. Царские судьи не казнили ее, но отправили в Сибирь на пожизненное заключение, от которого она была освобождена революцией.

По иронии судьбы, Урицкий был одним из немногих людей в руководстве ЧК, кто был против расстрелов; он утверждал, что они порождают ненависть и страх и являются контрпродуктивными. Поскольку он был также членом Центрального комитета, его взгляды имели вес. Однако он имел несчастье раскрыть заговор среди некоторых артиллерийских офицеров. Его открытие привело к казни двадцати одного офицера, и он подписал им смертный приговор. С тех пор о нем говорят как о безжалостном мяснике, а за две недели до его смерти телеграмма из Генерального консульства в Министерство иностранных дел в Лондоне называла его «злым евреем», который угрожал убить британских дипломатов.

К несчастью для него, один из людей, чей смертный приговор он подписал, был другом Канегиссера, который принадлежал к небольшой группе, связанной с правыми эсерами. Молодой студент отомстил, как в личном, так и в политическом плане, вскоре после одиннадцати утра, когда Урицкий вошел в здание бывшего царского Министерства иностранных дел.

Он бежал на велосипеде, но был выслежен и пойман в английском клубе, которым пользовались британские дипломаты - совпадение, которое должно было поддержать обвинения большевиков в том, что за убийством стояли англичане. Бедный Канегиссер. Когда Феликсу Дзержинскому, начальнику тайной полиции, сообщили об убийстве в штаб-квартире ЧК в Москве, он вызвал бронепоезд и направился в Петроград. Канегиссера пытал, а затем допрашивал сам Дзержинский. Он настаивал, что действовал в одиночку. Но шеф ЧК был уверен, что виноваты англичане. Затем, в тот же вечер, он получил телеграмму о покушении на Ленина. Судя по тому, что он знал о заговоре Рейли, убийство Урицкого и ранение Ленина должны были казаться этому преданному, хладнокровному человеку сигналом к началу контрреволюции.

Он решил нанести ответный удар. На следующее утро он приказал канонерским лодкам занять позицию на Неве напротив британского посольства, а затем послал в здание своих самых сильных людей. Пока чекисты колотили в тяжелые деревянные двери прикладами пистолетов и винтовок, Бойс принялся уничтожать свои сверхсекретные документы, особенно шифровальную книгу и входящие телеграммы, а Кромби стоял на страже со служебным револьвером в руке на верхней площадке широкой лестницы, которая видела так много грандиозных дипломатических мероприятий. Представьте себе эту сцену: теплый субботний день, солнце, сверкающее на Неве, канонерские лодки с пушками, нацеленными на посольство, группа из 20 кричащих мужчин, срывающих двери с

петель и стоящая перед ними, классическая фигура британского героя, красивого и мужественного, снова бросающего вызов толпе, в то время как все важные документы уничтожаются.

Казалось, жизнь Кроми была подготовкой к этому моменту. Как мы уже видели, он отпугивал банды мародеров своим пистолетом, когда четыре месяца назад топил свои подводные лодки. Но людей, ворвавшихся в посольство, было не так-то легко напугать; это были чекисты, которые при нормальном ходе событий мало заботились о человеческой жизни и в этот день были взбешены убийством Урицкого и ранением Ленина.

Кроми крикнул им, чтобы они немедленно убирались с британской территории. Чекисты не обратили на это никакого внимания и стали подниматься по лестнице, крича: «Руки вверх, руки вверх!» Затем Кроми открыл огонь по толпе, и люди падали замертво и умирали. Но кто-то из русских, должно быть, зашел ему за спину на первом этаже, потому что он был убит выстрелом в спину, когда спускался по лестнице. Миссис Натали Бакнолл, одна из секретарей посольства, позже дала показания под присягой о том, что произошло.

Она заявила, что находилась в паспортном столе посольства, разговаривая с клерком, когда услышала выстрелы и «ужасные крики». Войдя в холл, она увидела, как несколько красногвардейцев бегут вниз по лестнице вслед за капитаном Кроми, который упал на нижнюю ступеньку. Было очень много беспорядочной стрельбы, и наверху раздавались крики: «выходите из комнаты, выходите из комнаты, или мы расстреляем вас из пулеметов». После того, как несколько раз пнули смертельно раненного Кроми, красногвардейцы вернулись наверх, а миссис Бакнолл и еще одна женщина вышли в холл и поговорили с Кроми. Его веки шевельнулись, и он заговорил, но так тихо, что они не могли слышать его слов. Затем появились красные гвардейцы, наставили на женщин пистолеты и закричали: «поднимайтесь наверх, или мы вас расстреляем».

В канцелярии стояли несколько дипломатов с поднятыми руками. Одним из них был Бойс, который испытывал некоторые сомнения в выборе профессии. Главный чекист сообщил им, что посольство было захвачено во имя закона и советской власти. Когда миссис Бакнолл сказала ему, что Кроми, вероятно, умирает внизу, он ответил: «У нас нет времени присматривать за ним».

- В комнате было полно солдат и матросов, которые вели себя очень жестоко, - сказала миссис Бакнолл. - Был отдан приказ обыскать посольство сверху донизу, и швейцара ввели в комнату с револьвером, приставленным к его шее. Его

охранник угрожал застрелить его, если он не подчинится ему и не откроет все двери. Нас повели вниз по лестнице по четыре человека, и внизу я увидела тело капитана Кроми, лежащее под окном холла. Он был уже мертв».

Британцев доставили в тюрьму ЧК на Гороховой. Женщин поместили в маленькую комнату, в которой уже находилось 35 человек. Миссис Бакнолл допрашивал чекист, который спросил ее, знает ли она что-нибудь о политических взглядах Кроми и к какой политической партии принадлежит ее муж. Она ответила, что ни один член посольства не принадлежит ни к одной политической партии, ни к английской, ни к русской. Ей сказали, что пятеро англичан, одним из которых был Бойс, находятся в списке на казнь, и вскоре должно быть принято решение о их судьбе. «Человек, которого я видела, был очень груб и сказал, что все англичане будут убиты, потому что Мурманская экспедиция продвигается вперед».

Советская версия, естественно, несколько иная. Дзержинский, как утверждается, располагал неоспоримыми доказательствами преступной деятельности английских дипломатов и решил обыскать посольство в поисках улик, указывающих на причастность британцев к смерти Урицкого. Он отобрал шестерых чекистов, в том числе своего секретаря Бронислава Бортновского, который впоследствии занимал ответственные посты в советской военной разведке и Коминтерне. Команду возглавлял Иосиф Стандолин, ветеран большевистской партии, много лет проживший за границей и свободно говоривший по-английски. Они вошли через парадную дверь и обнаружили дым и пепел от горящих бумаг, витавших по зданию, когда дипломаты приступили к «поспешному уничтожению доказательств своего преступления». Когда они начали подниматься по лестнице, раздался выстрел. Стандолин крикнул по-английски: «немедленно прекратите стрельбу». Но в него попала пуля, и он упал, истекая кровью, на белый ковер лестницы. Позади него были тяжело ранены другие люди, один из них Бортновский. Затем, по советской версии, чекисты открыли ответный огонь по Кроми и убили «главу британской разведывательной сети в России, потому что он потерял самообладание».

От большевиков не ускользнуло, что они нарушили все законы дипломатического поведения. Их версия событий настаивает на том, что они никогда бы не обыскали посольство при нормальных обстоятельствах, но они не могли оставаться бездействующими, «когда посольство превращается в штаб-квартиру заговорщиков и убийц, когда чиновники на нашей территории плетут интриги ... сеть кровавых интриг и чудовищных преступлений».

Люди Дзержинского тщательно обыскали посольство, пока дипломаты находились в штаб-квартире ЧК. 2 сентября датский министр в Петрограде направил своему правительству телеграмму: «архивы разграблены, все уничтожено. С трупом капитана Кроми обошлись самым ужасным образом. Крест Святого Георгия был снят с тела и впоследствии его носил один из убийц. Английским священнослужителям было отказано в разрешении повторять молитвы над телом».

4 сентября голландский министр У. Й. Аудендейк, который после отъезда Фрэнсиса Линдли следил за британскими интересами в Петрограде, вернулся из Москвы, где вел переговоры об обмене английскими и русскими чиновниками, которых обе страны держали почти в заложниках. Он был возмущен, обнаружив изуродованный труп Кроми все еще лежащим в английской церкви.

Похороны не были организованы, потому что некоторые дипломаты - в том числе британцы - боялись вызвать враждебность толпы. Аудендейк не согласился с этим и настоял на том, чтобы Кроми устроили фактически государственные похороны, а все нейтральные дипломаты следовали за кортежем, который двигался по городу. Никакой враждебности не было. Даже недисциплинированные большевистские матросы на ржавых миноносцах, стоявших на якоре на Неве, вытянулись по стойке смирно, когда процессия медленно прошла по Николаевскому мосту.

Смерть Кроми при защите посольства больше, чем любой другой акт, убедила англичан в том, что большевики действительно были варварами. В прессе поднялся шум. Когда Уинстон Черчилль узнал о смерти Кроми, он написал записку для Военного кабинета. В ней он полемизировал:

Я искренне надеюсь, что правительство, несмотря на свою сильную занятость, будет преследовать виновных в этом преступлении с неустанной настойчивостью. Репрессии против различных большевистских ничтожеств, оказавшихся в наших руках, не имеют реальной пользы, хотя их ни в коем случае нельзя исключать. Единственная политика, которая может быть эффективной как в прошлом, так и в будущем, состоит в том, чтобы обозначить личности большевистского правительства как объекты, над которыми осуществится правосудие, сколько бы времени это ни заняло ...

Правительство действительно приняло меры против «большевистских ничтожеств», находившихся в руках англичан. Максим Литвинов, коллега Локкарта в Лондоне, и его сотрудники были взяты в Брикстонскую тюрьму в

качестве заложников, а 25 русским (русским евреям – прим. пер), отобранным Литвиновым для репатриации в качестве жеста доброй воли англичан, выезд был запрещен.

4 сентября министр иностранных дел Артур Бальфур подхватил мотив Черчилля и направил телеграмму российскому министру иностранных дел Георгию Чичерину, требуя немедленного наказания всех, кто связан с «этим отвратительным поступком». Бальфур не оставил сомнений в ярости британского правительства. Его телеграмма продолжалась угрожающим тоном:

Если Российское Советское правительство не даст полного удовлетворения или если будут совершены какие-либо дальнейшие акты насилия в отношении британского подданного, Правительство Его Величества будет считать членов советского правительства лично ответственными и приложит все усилия к тому, чтобы правительства всех цивилизованных наций обращались с ними как с преступниками и чтобы им не было предоставлено никакого убежища.

Все это, конечно, не помогало ни Райли, ни Локхарту, которые оба чувствовали горячее дыхание ЧК на своих затылках. Согласно официальной чекистской версии событий, Рейли договорился встретиться с Кроми за ланчем в кафе «Балков» в ту роковую субботу. Он прождал там девяносто минут в задней комнате и, когда Кроми не появился, решил прогуляться до посольства. Когда он добрался туда, все было кончено. На земле лежали три трупа. Двое были чекисты Шенкаман и Янсон. Третьим был Кроми.

Чекистский отчет гласит, что один красноармеец узнал Рейли, но так как он знал английского агента только как товарища Рилинского из ЧК, то сказал: «Ах, товарищ! Видите, как все плохо обернулось. Собака выстрелила в ответ. Это он, вон там».

Рейли уже связался со своим другом и главным связным, богатым адвокатом Александром Грамматиковым, который нервно сказал ему: «Идиоты. Они действовали слишком быстро. Они должны были координировать работу. Урицкого убили. Ты должен уйти».

Несмотря на шум и крики, поднявшиеся вокруг него, он сделал именно это. Рейли провел ночь в доме эсеровского агента, а затем, воспользовавшись своим чекистским пропуском, с помощью обмана добрался поездом до Москвы.

По официальной версии Хилла, Рейли отправился в свою собственную квартиру в Петрограде, где встретился с Бойсом и изложил ему латышский план. Бойс сомневался, говоря, что это дело слишком рискованное, но согласился, что попробовать стоит. Он считал, что для Рейли очень важно встретиться с Кроми, так как Кроми часто контактировал с латышами. По словам Хилла,

он оставил Рейли в его квартире, чтобы отправиться в Британское посольство с намерением вернуться к трем часам вместе с Кроми. Рейли прождал в своей квартире до шести вечера, но никто не появился. Впоследствии он узнал о смерти капитана Кроми, но никак не связывал ее с латышами. В понедельник Рейли заказал спальный вагон до Москвы. Он воспользовался теми же пропусками, что и во время своего путешествия на север, и прибыл в Москву ... и только тогда получил первые известия о катастрофе.

В Москве Рейли обнаружил полный хаос. Британская миссия была закрыта. Джордж Хилл залег на дно. В московских газетах появились зловещие статьи о «заговоре Локкарта». Локкарт, говорили они, был организатором, а Рейли делал грязную работу. Фотография и описание Рейли появились на рекламных щитах, а за его голову была назначена цена в 100 000 рублей.

ЧК подобрала шесть - некоторые говорят, восемь - русских женщин разных возрастов, форм и размеров, все они утверждали, что были замужем за Рейли. Что с ними случилось, неизвестно. Рейли спасла другая его любовница, Дагмара, балерина, племянница Грамматикова. Она связала Рейли с Хиллом и дала ему тайник с двумя миллионами рублей, которые она прятала. Позже Дагмару арестовали и расстреляли, но не за то, что она работала на Рейли, а потому, что ЧК установила, что она знала сообщницу Фанни Каплан. И этого было достаточно, чтобы осудить ее.

Теперь у Рейли не было причин оставаться в России. Его великий заговор рухнул. За ним охотились. Его контакты и друзья были уничтожены. Рейли спал, где мог, и однажды ночью затаился в борделе. Позже он рассказал историю о том, как проститутка провела ночь в его комнате, издавая стоны на последней стадии сифилиса. В конце концов Хилл выдал ему фальшивые документы и билет на поезд до Петрограда. Он прибыл туда девятого сентября, разделив купе с немецкими дипломатами и представившись одним из них. Позже он писал: «моей целью тогда было как можно скорее выбраться из России. Порученная мне миссия закончилась полным провалом». Он подкупом пробрался на борт

голландского судна и уже в первую неделю ноября вернулся в Лондон, где завтракал в «Савое».

Локкарт попал в еще большую беду, чем Рейли. Он был официальным представителем британского правительства в Москве и не мог уйти в подполье. В ночь после покушения на убийство Ленина его арестовал Павел Малков, который до революции служил матросом на Балтийском флоте, а теперь был комендантом Кремля и одним из самых преданных палачей ЧК. В это же время забрали и капитана Хикса.

Еще одним человеком, попавшим в беду, был комендант де Вертемо, глава французской секретной службы в Москве - под кодовым именем Анри, - чья квартира подверглась обыску и ограблению. Лица, производившие обыск, нашли взрывчатку, но де Вертемо удалось скрыться. «Анри» был убежден, что его предал Рене Маршан, московский корреспондент «Фигаро», который 22 августа присутствовал на конференции в американском консульстве, на которой присутствовали Рейли, де Вертемо и Ксенофонт Каламатиано, американский агент. Высказывалось предположение, что в результате услышанного Маршан разоблачил весь заговор перед ЧК. Но когда Хилл и де Вертем встретились в безопасной Финляндии и проанализировали случившееся, они решили, что хотя Маршан, вероятно, предал де Вертемо и одну из девушек Рейли, чье имя упоминалось на конференции, он вряд ли раскрыл весь план.

Маршан был, конечно, неосторожен - когда его самого арестовали, он оставил на столе весьма компрометирующее письмо президенту Франции Пуанкаре. Это письмо содержало полное описание встречи секретных сотрудников в американском консульстве и было с восторгом воспринято большевиками. Как и многие другие аспекты этой запутанной истории, правда, вероятно, никогда не будет известна. Мы знаем только, что Маршан, вернувшись во Францию, вступил во Французскую коммунистическую партию.

Малков отвел Локкарта в комнату в штаб - квартире ЧК на Лубянке - бывшую контору страховой компании, - где он столкнулся с человеком, которого знал и имел все основания опасаться - Яков Петерс, заместитель Дзержинского, убийца, которого следовало повесить за убийство трех лондонских полицейских во время ограбления, приведшего к печально известной осаде Сидней-стрит в 1911 году. Петерс, сын латышского батрака, переехал в Ригу, когда ему было восемнадцать лет, и вступил в нелегальную латышскую Социал-Демократическую Рабочую партию. Он агитировал среди матросов Балтийского флота против войны с Японией и в ходе репрессий, последовавших за восстанием 1905 года, был

арестован, избит и ему вырвали ногти. В конце концов, освобожденный в 1909 году, Петерс бежал в Англию и присоединился к бурлящей иммигрантской общине в лондонском Ист-Энде, где он научился говорить по-английски с акцентом кокни и стал членом нескольких групп, которые замыслили анархию и мировую революцию в убогих домах лондонских трущоб.

Хотя их непосредственные планы были направлены против царской России, а не против Англии, анархисты тем не менее считали себя вправе проводить «экспроприации» - проще говоря, грабежи - в Лондоне для финансирования своей революционной деятельности. Именно во время такой «экспроприации» 16 декабря 1910 года в ювелирном магазине на улице Хаундсдитч банда левых революционеров была застигнута врасплох группой безоружных полицейских. Латыши открыли огонь. Трое полицейских были убиты, двое остались калеками на всю жизнь, а один из членов банды был смертельно ранен пулей, выпущенной одним из его товарищей.

Именно Яков Петерс убил полицейских, всаживая в них пули, даже когда они уже были ранены. Его поймали спустя некоторое время после того, как двое из банды погибли при осаде Сидней-стрит, во время которой Черчилль, тогда министр внутренних дел, вывел шотландских гвардейцев. Но когда Петерс предстал перед судом, он был признан невиновным из-за неумелого обвинения и слабого судьи, который позволил Петерсу, совершившему убийство, буквально уйти от наказания. После освобождения он остался в Лондоне и женился на англичанке Мэй Фримен, но оставил ее в 1917 году, когда вернулся в Латвию проповедовать большевизм латышским солдатам. Его продвижение было быстрым. Назначенный в ЧК, он беспощадно расправлялся со всеми оппозиционерами.

Когда Локкарт впервые приехал в Москву, Петерс старался поддерживать с ним дружеские отношения. В апреле 1918 года, после того как Троцкий решил разгромить анархистов, которые были незначительными, но полезными союзниками Ленина, Петерс позвонил Локкарту и пригласил его «прокатиться» на машине ЧК. Он и полковник Робинс из Американского Красного Креста были доставлены в район, который когда-то был одним из самых стильных в Москве, но был захвачен анархистскими «черными гвардейцами». Его только что штурмовали чекисты и латышские стрелки - опять в самой гуще событий, - и сорок анархистов были убиты, а 500 взяты в плен. Локкарт дал знаменитый отчет о том, что он видел в тот день:

Зрелище было неопишваемое. Разбитые бутылки валялись на полу, великолепные потолки были испещрены пулевыми отверстиями. Винные

пятна и человеческие экскременты покрывали Обюссонские ковры. Бесценные картины были разрезаны на мелкие кусочки. Мертвецы все еще лежали там, где были убиты. Среди них были офицеры в гвардейской форме, студенты - молодые парни лет двадцати - и мужчины, принадлежавшие, очевидно, к преступному классу и освобожденные революцией из тюрем. В роскошной гостиной Дома Грачевой анархисты были застигнуты врасплох в разгар оргии. Длинный стол, на котором было устроено пиршество, был опрокинут, а разбитые тарелки, бокалы, бутылки из-под шампанского превратились в неприглядные островки в луже крови и пролитого вина. На полу лицом вниз лежала молодая женщина. Петерс перевернул ее на спину. Ее волосы были растрепаны. Ей прострелили шею, и кровь застыла в зловещем багровом сгустке. Ей было не больше двадцати. Петерс пожал плечами. – «Проститутка», - сказал он. – «Может быть, это и к лучшему».

Теперь Локкарт был пленником Петерса. Последний пытался допросить его, обвинить в покушении на Ленина. Но Локкарт заявил о дипломатическом иммунитете и отказался отвечать на любые вопросы. Его и Хикса посадили в камеру и на следующее утро к нему явился посетитель:

Она была одета во все черное. Волосы у нее были черные, а под неподвижно посаженными глазами залегли большие черные круги. Ее лицо было тусклым и явно еврейские его черты были непривлекательны. Ей могло быть от 20 до 35 лет. Мы догадались, что это Каплан. Несомненно, большевики надеялись, что она узнает нас. С неестественным спокойствием она подошла к окну и, подперев рукой подбородок, выглянула на улицу. И вот она осталась здесь, неподвижная, безмолвная, по-видимому, смирившаяся со своей судьбой. Пока наконец не пришел конвой и не забрал ее. Она была расстреляна прежде, чем поняла, провалилась или удалась ее попытка изменить историю.

Позже выяснилось, что попытка Фанни Каплан убить Ленина была частью плана социал-революционеров по устранению руководства большевистской партии, но она ничего не выдала на допросе на Лубянке. Именно Малкову было поручено убить ее. Позже он писал, что отвез ее, связанную по рукам и ногам, в лес на окраине Москвы и застрелил из револьвера в упор. На ее тело вылили бензин и бросили спичку. Ее останки были похоронены в безымянной могиле. Петерс отпустил Локкарта, вероятно, по настоянию Чичерина. Его выпустили в пугающий мир: ЧК ловила и убивала «контрреволюционеров» еще со времен июльских

восстаний эсеров. Теперь, с убийством Урицкого и ранением Ленина, всякая сдержанность исчезла. Начался «красный террор».

Через несколько часов после того, как пули Фанни Каплан попали в Ленина, Центральный Исполнительный комитет распространил заявление, подписанное Свердловым, человеком, организовавшим убийство царя, в котором говорилось: «Каждая капля крови Ленина должна быть оплачена буржуазией и белогвардейцами сотнями смертей. Этого требуют интересы революции. У буржуазии нет жалости, как уже нет ее и у нас».

Так Дзержинский приступил к своей мрачной работе - безжалостный, беспощадный, полный решимости очистить Россию от врагов большевизма. Еще до покушения на Ленина он ясно дал понять свои намерения. Он сказал на пресс-конференции: «Мы существуем на основе организованного террора ... мы боремся с врагами советской власти террором и уничтожаем преступников на месте ... ЧК обязана защищать революцию и сокрушать врага, даже если ее меч иногда имеет шансы поразить головы невинных».

Его поддерживал Ленин, нападавший на «узколобую интеллигенцию в партии, которая рыдает и суетится» из-за ошибок Дзержинского и его коллегии. Эта коллегия включала в себя некоторое количество озверевших мужчин и женщин, которые не только считали своим долгом убивать, но и положительно наслаждались пытками и кровопролитием. После убийства Урицкого в Петрограде было расстреляно около 500 человек, а в Москве было расстреляно свыше 300 заключенных, хотя сомнительно, чтобы в заговорах участвовало больше горстки людей. Их расстреляли «за Ленина». Такова была логика красного террора. Сам Петерс проводил допросы на Лубянке, подписывая десятки смертных приговоров и жалуясь, что ему надоело приговаривать людей к расстрелу. Но он никогда не расслаблялся.

Московские газеты жаждали крови Локкарта. Письмо в Вестник ВЧК с жалобой:

«ЧК все еще не отошла от мелкобуржуазной идеологии, проклятого наследия дореволюционного прошлого. Скажите, почему вы не подвергли Локкарта самым изощренным пыткам, чтобы получить сведения и адреса, которых у такой птицы должно было быть очень много? Скажите, почему вы позволили ему покинуть здание ЧК «в полной неразберихе», вместо того чтобы подвергнуть его пыткам, само описание которых наполнило бы контрреволюционеров холодным ужасом?.. Хватит быть мягкотелыми, откажитесь от этой недостойной игры в

дипломатию. Пойман опасный негодяй. Вытяните из него все, что сможете, и отправьте на тот свет.

Локхарт решил идти напролом и обратился в российское Министерство иностранных дел с жалобой, что все рассказы о нем - ложь. Затем, 4 сентября, он вернулся на Лубянку, чтобы выразить протест по поводу ареста [Муры Будберг](#), последнего экспоната в его большой коллекции любовниц; но она была чем-то большим, чем просто любовница. Высокоинтеллектуальная и обаятельная, она прожила с [Максимом Горьким](#) двенадцать лет, а затем эмигрировала на Запад и завела бурный роман с [Гербертом Уэллсом](#). Она также, вероятно, была советским агентом - Гай Берджесс, британский дипломат, перебежавший в Россию в 1951 году, был одним из ее друзей - и вполне вероятно, что ее «подсунули» Локкарту. ЧК, конечно, освободило ее, и это не было вызвано протестами Локкарта, потому что, когда он прибыл на Лубянку, его отвели к Петерсу, который живенько арестовал его снова.

- Вы избавили меня от некоторых хлопот, - сказал Петерс. - Мои люди искали вас в течение последнего часа. У меня есть ордер на ваш арест. На этот раз Локкарт был задержан на месяц, допрашиваемый по ночам Петерсом, который убеждал его рассказать всю правду о «заговоре Локкарта» в его собственных интересах. Но тюремщик, должно быть, понимал, что ничего не добьется, потому что внезапно менял тему разговора и начинал болтать об Англии.

Через некоторое время Локкарта перевели в кремлевский номер, куда Мура приносила ему газеты - большинство из которых требовали его казни, еду и книги. 19 сентября он записал в своем дневнике: «Ленину лучше и разрешили снова работать - чудесное спасение». Это было чудо как для Локкарта, так и для Ленина, так как нет никаких сомнений в том, что, если бы Ленин умер, Локкарт был бы расстрелян.

1 октября его отвели в квартиру и велели собирать вещи. Его обмен на Литвинова был согласован. На следующий день его посадили в поезд, идущий в Финляндию.

Среди примерно тридцати английских чиновников в поезде был Джордж Хилл, который в своей книге рассказал несколько романтическую историю о том, как он и его помощницы бежали из ЧК: «Я слышал, как колотится не только мое собственное сердце, но и необычно бьется сердце Эвелин. - Я рада, что ты позволил мне сделать эту работу, - прошептала она мне. — Это был замечательный опыт. Мы оказались полезными, и что бы ни случилось сейчас, оно того стоило. Помни об этом и ни о чем не жалея».

Его секретный доклад, однако, был несколько прозаичнее: «ввиду видимой нехватки средств в ближайшем будущем, а так как наши расходы росли с каждым днем, мы чувствовали, что работа не может быть продолжена и пока меня ни в чем не подозревают, то лучше всего было бы прийти в себя и попытаться выбраться из России в качестве чиновника».

Однако он встретил сопротивление в лице генерального консула Уордропа, который считал невозможным включить меня в свой официальный штат, так как он сказал, что не осмеливается рисковать моим именем на бумаге и тем самым подвергать опасности всю свою партию. Это было после того, как я объяснил ему, что, насколько мне известно, я ни в коей мере не под подозрением, что ни одно из моих деяний не может быть прослежено до меня. Капитан Хикс, однако, взялся за это дело, и именно благодаря ему, после консультаций с американскими коллегами, я был включен в список Мистера Локхарта в качестве официального члена (Локхарт был на Лубянке). Я снял свою маскировку в пятницу днем (6 сентября) и снова появился под своим именем и документами.

Однако он встретил сопротивление в лице генерального консула Уордропа, который

считал невозможным включить меня в свой официальный штат, так как он сказал, что не осмеливается рисковать добавлением моего имени в документы и тем самым подвергать опасности всю свою группу. Это было после того, как я объяснил ему, что, насколько мне известно, я ни в коей мере не под подозрением, что ни одно из моих деяний не может быть прослежено до меня. Капитан Хикс, однако, взялся за это дело, и именно благодаря ему, после консультаций с американскими коллегами, я был включен в список Мистера Локхарта в качестве официального члена (Локхарт был на Лубянке). Я перестал маскироваться в пятницу днем (6 сентября) и снова появился под своим именем и документами.

Хилл продолжал заниматься своими делами, отправляя Рейли в Петроград, отправляя женщину-агента «Н-1» в Швецию, «поскольку я считал, что ей больше небезопасно оставаться там», и ликвидируя свою московскую курьерскую сеть.

Он также отметил, что Каламатиано, глава американской Секретной службы, был арестован:

Все его документы были найдены. Последняя квартира лейтенанта Рейли была обыскана, а его агент «С» арестован в Кремле.

С 3 сентября все британские офицеры, за исключением одного или двух охваченных паникой консулов, были либо заключены в тюрьму, либо осаждены в американском консульстве, так что невозможно было получить какой-либо совет или вступить в контакт с кем-либо. Я следовал общим принципам.

Я дал указание диверсионным бандам в Саратове начать боевые действия. **За неделю** сошли с рельсов около **четырёх грузовых поездов**. Здесь велась подготовка к уничтожению запасов горючего и нефти, а также отделение было направлено для работы на Воронежской линии.

Позже он узнал, что двенадцать его курьеров были расстреляны, «как и один или два моих независимых агента».

Большая заслуга [писал он] принадлежит этой группе людей и тем расстрелянным, которые могли бы спасти свою жизнь, сообщив адрес штаб-квартиры в Москве.

Этот адрес никогда не выдавался, и каждый расстрелянный человек демонстрировал дух русских офицеров 1914 года. Я нанял их коллективно на одну или две работы в Москве. Так как двое из них прибыли из прибалтийских губерний, то их отправили туда, а остальным, наконец, выплатили двухмесячное жалование и отправили на Восток, где я надеюсь снова забрать их и возобновить работу.

Хилл, которому неохотно позволили присоединиться к официальной группе, добрался до Финляндии, где ему было приказано вернуться назад. Цель этой миссии никогда не раскрывалась, но, вероятно, она заключалась в том, чтобы продолжать взрывать мосты и железнодорожные пути. В конце концов он добрался до Лондона утром 11 ноября 1918 года, в день перемирия. Получив Крест «За выдающиеся заслуги» за свои подвиги, он был переведен из военной разведки в МИ-6. В декабре он и Рейли, который был награжден (но тайно) Военным крестом, вернулись на юг России, выдавая себя за британских бизнесменов с задачей оценить ситуацию генерала Деникина. Через три недели их привезли обратно в Лондон, и Деникин успел наградить Хилла орденом Святого Георгия царя Николая II. Его послали с последним заданием, и он был в Одессе как раз перед тем, как ее захватили большевики.

Хилл еще не закончил с Россией. По иронии судьбы его отправили обратно в Москву в 1941 году, когда Англия и Россия снова были союзниками против немецкой агрессии. К тому времени бригадный генерал, краснолицый,

кривоногий и лысый, «папаша» Хилл, человек, ненавидевший большевизм, получил задание поддерживать связь с НКВД, преемником ЧК. Находясь там, он заложил основу для открытия московского отделения МИ-6, первого с 1918 года.

Локкарт прибыл в Лондон на три недели раньше Хилла, 19 октября 1918 года. Он долго беседовал с Артуром Бальфуrom и представил доклад военному кабинету. Он долго и упорно спорил, указывая на то, что есть только две альтернативы: либо прийти к соглашению с большевиками, либо свергнуть их массированным применением силы. Он предпочел последнее, но правительство не выбрало ни то, ни другое, и Локкарт исчез в Шотландии, получив половинное жалование вице-консула. Его единственным утешением была аудиенция у короля, который проявил большое понимание ситуации в России. Позднее ему предстояла блестящая дипломатическая карьера, но он больше не принимал участия в русских делах, хотя знал о них больше, чем любой другой британский чиновник.

И он, и Рейли были заочно приговорены большевиками к смертной казни на одном из первых показательных процессов. В «Савое» мужчины выпили за шампанское за свой приговор. Один из их коллег не был столь удачлив. Ксенофонт Каламатиано, американский агент, должен был предстать перед судом в Москве. Его приговорили к смертной казни и увезли на Лубянку дожидаться расстрела. Отпрыск греческого торговца и дочери русской семьи, имевшей тесные связи с царской семьей, он воспитывался в Соединенных Штатах после смерти отца и повторного замужества матери. Когда началась революция, он продавал сельскохозяйственную технику в России в качестве представителя фирмы «Кейс». Правительство Соединенных Штатов попросило его предоставить информацию, и он согласился на то, что госсекретарь Роберт Лансинг позже назвал «мягкой вербовкой».

Большевики с ним не нянчились. Его дважды выводили из камеры, давали последнюю сигарету, завязывали глаза, и он слышал приказы: «Готовься ... Цельсь ... Пли!». Последовали только щелчки ударников, падающих на пустые гнезда барабана револьвера, и его отводили обратно в камеру для дальнейшего допроса. Считается, что он был спасен от смерти прямым вмешательством Ленина, который не хотел враждовать с Соединенными Штатами, когда американцы, вынужденные участники, пытались освободиться от интервенции.

Затем Каламатиано был практически забыт на Лубянке, где, однако, он продолжал собирать информацию, подслушивая разговоры заключенных и наблюдая за тюремным распорядком и методами своего тюремщика. Он был освобожден в 1921 году и вернулся в Америку, где написал длинный доклад для

Государственного департамента. Затем он ушел в академическую жизнь. Есть определенная ирония в том, что, пережив расстрел, он умер от заражения крови после несчастного случая со стрельбой.

Большевики не проявили милосердия к Рейли. В тщательно спланированном заговоре через старого друга Рейли – Бориса Савинкова, его заманили в Россию в 1924 году и расстреляли вскоре после того, как он пересек финскую границу.

Яков Петерс принял смерть, которую он так сильно заслуживал. В конце весны 1919 года он занял место Урицкого во главе Петроградской ЧК, затем отправился в Киев и далее в Туркестан и везде оправдывал свое прозвище «палач». После 1922 года он исчез из поля зрения, но теперь известно, что он сосредоточился на создании иностранного отдела ОГПУ, как в 1924⁴ году стала называться ЧК. Таким образом, его можно считать одним из основателей современного зарубежного подразделения КГБ. В последний раз он был замечен при создании террористической сети в Берлине с целью убийства русских эмигрантов. Затем последовали великие чистки, и Петерс, как и многие тысячи его коллег, был арестован по приказу Сталина и отправлен в тот «иной мир», в который он отправил так много мужчин и женщин чуть менее двух десятилетий назад.

Существовало много различных версий «заговора Локкарта». С одной стороны, есть пылкие обвинения со стороны русских в том, что англичане, французы и американцы сговорились убить Ленина и Троцкого - хотя имя Троцкого было удалено в сталинскую эпоху - и организовать «белогвардейские восстания в Ярославле, Рыбинске, Муроме и других городах, мятеж Чехословацкого корпуса в Поволжье и Сибири, мятеж левых эсеров в Москве и Самаре». А с другой стороны, существует версия Брюса Локкарта, которая утверждает, что все, что он сделал, — это встретился с полковником Берзиным и Смедченем и передал им записку с просьбой к британским войскам на линии фронта под Архангельском разрешить посыльному безопасный проход в британский штаб.

Секретный доклад Хилла противоречит обеим версиям. Бросается в глаза, что Локкарт совершенно сознательно связал полковника Берзина с Рейли, чтобы вызвать мятеж среди латышских войск и арест большевистских лидеров. Локкарт, возможно, и не вдавался в подробности, но он знал, о чем говорит Рейли. В докладе также прямо говорится, что Хилл организовал диверсантов для разрушения мостов и железнодорожных линий, чтобы помешать большевистским войскам и грузам добраться до районов боевых действий. Но

⁴ Организация прошла через множество изменений названия. Она стала ОГПУ в 1924 году, но к тому времени, когда Хилл вернулся в Москву, называлась НКВД.

нигде нет и намек на причастность англичан к убийству Урицкого или покушению на убийство Ленина. Вполне возможно, что Рейли мог знать о таком заговоре через свои связи с эсерами, но, учитывая его движения и действия в течение нескольких часов, охватывающих стрельбу, кажется маловероятным, что он был каким-либо образом вовлечен. Более того, если бы, как утверждали большевики, они знали все о его планах, то наверняка не допустили бы расстрела Урицкого и покушения на Ленина.

Что касается Берзина, то представляется вероятным, что он - и Смедчен - действительно работали на Дзержинского, хотя Рейли сказал Хиллу, что он считает Берзина невиновным в предательстве их. Но, как показал Рейли, когда его заманили обратно в Россию, он был настолько ослеплен своей ненавистью к большевизму, что стал легкой добычей для любого, кто исповедовал подобную ненависть. И это черта, которая, увы, сохранилась до самого последнего времени в рядах британских спецслужб.

Непосредственным практическим результатом этой неразберихи стало прекращение всех официальных контактов между Россией и Западом и уничтожение британских, французских и американских шпионских сетей в Москве. Отныне союзники не имели никаких «агентов» в Москве, и связь между большевистским правительством и союзниками поддерживалась только по радио.

Для большевиков было два главных преимущества. Противники применения террора со стороны чекистов, внутри партии, были вынуждены замолчать: Дзержинский и Петерс могли убивать, кого хотели, без помех. А истерия, расчетливо нагнетаемая вокруг этого дела, пробудила национализм, который у русских не слишком глубоко закопан, и убедила людей, которые не были сторонниками большевизма, что они должны теперь бороться против «внешней угрозы». Сочетание национализма и страха перед расстрелами ЧК эффективно консолидировало большевистскую власть, как ничто другое.

В то же время убийство капитана Кроми и эксцессы красного террора вызвали отвращение у многих людей на Западе, симпатизировавших большевикам, и укрепили других в их убеждении, что большевики действительно были варварами, способными на любую жестокость. Они согласились с Черчиллем, когда он сказал своим избирателям в Данди: «Цивилизация полностью уничтожается на гигантских территориях, в то время как большевики прыгают и скачут, как отряды свирепых бабуинов среди руин городов и трупов своих жертв».

И он несмотря на то, что приветствовал их участие в борьбе против Гитлера во Второй мировой войне, никогда не менял своего мнения о большевиках.

ГЛАВА 12

Слишком много от военачальника

Лондон, ноябрь 1918 – март 1919

Одиннадцатое ноября 1918 года было днем перемирия, днем окончания войны, войны, которая отравила поля Франции и Бельгии миллионами тонн фугасов и засыпала те же поля телами солдат, войны, которая навсегда изменила мир. Лондон, Париж и Нью-Йорк шумно сходили с ума от того возбуждения, которое приходит только при взрыве сдерживаемых эмоций; ошеломленные солдаты, ошеломленные тишиной, которая опустилась на Западный фронт, бродили, как любопытные туристы, по полю боя, на котором они были смертоносными профессионалами несколько часов назад. Первой скептической мыслью в их головах было: «я выжил». Вторая мысль: «я пойду домой». Военный корреспондент Филип Гиббс писал: «адское пламя было потушено».

Но только не в России. Как мы уже видели, солдаты Йоркширского полка праздновали день перемирия - и свое собственное спасение от кораблекрушения - на Оркнейских островах. Но им еще предстояло идти в Мурманск на борьбу с большевиками. Неужели теперь, когда война закончилась, союзники уйдут из России? В конце концов, они вмешались только для того, чтобы спасти склады с военным имуществом от немцев и восстановить Восточный фронт.

Да, но теперь все было по-другому. Англичане чувствовали, что не могут отвернуться от тех доблестных русских, которые присоединились к их делу в России, когда большевики так вероломно заключили мир с немцами, и которые будут обречены, если англичане откажутся от их поддержки. Британия также не бросит те государства на периферии России, которые после многих лет угнетения воспользовались возможностью, предоставленной распадом царской империи, чтобы провозгласить свою независимость. Если Британия откажется от их поддержки, они будут поглощены новой большевистской империей. И поэтому возник целый ряд новых причин для того, чтобы интервенция была продолжена.

Эта метаморфоза завершилась в марте 1919 года, когда фельдмаршал сэр Генри Вильсон, начальник Имперского Генерального штаба, написал в отчете военного министерства: «враг 12 месяцев назад на время прекратил свое существование и

был заменен более ощутимым и куда более коварным врагом в форме большевизма ...»

Сэр Генри, впоследствии убитый Ирландской республиканской армией, не получил большой поддержки от союзников. Как бы они ни соглашались с его доводами, никто из них не имел ни малейшего намерения еще глубже увязнуть в русской трясине с ее ужасающими политическими и военными опасностями. Американцы, которые так неохотно ввязывались в это дело, уже объявили, что больше не будут посылать людей на север России, и они остались в Сибири только для того, чтобы убедиться, что чехи благополучно ушли, и присматривать за японцами. Французы, потерявшие значительную сумму денег в ссудах царскому правительству, были бы счастливы видеть большевиков свергнутыми, хотя бы по разумным финансовым причинам, но их армия уже два года была на грани мятежа, и они понимали, что мало что могут сделать. Японцы, не обескровленные войной, занимались своими делами. У них никогда не было намерения создавать новый Восточный фронт - во всяком случае, с точки зрения логистики это было невозможно - и они не особенно заботились о том, чтобы избавиться от большевиков, пока им предоставлялась свобода действий в создании своих торговых колоний на тихоокеанском побережье. И канадцы, наконец, объявили об уходе.

Конечно, среди солдат и матросов союзных войск не было никакой поддержки новой войне. Они сражались в самой кровопролитной войне в истории мира, и все, чего они хотели, — это вернуться к гражданской жизни и получить достойную работу в «стране, пригодной для жизни героев». Даже этот самый терпеливый и преданный из людей, британский Томми, начал возмущаться медлительностью и несправедливостью процедуры демобилизации, и перспективой дальнейшей службы за границей в войне, которую он не понимал, против людей своего класса, свергнувших деспотическую тиранию. Любимая песня мюзик-холла того времени называлась «чего мы теперь ждем?» и ее с большим удовольствием пели солдаты, ожидавшие своего освобождения. Недовольство было настолько велико, что с начала 1919 года британские войска стали ненадежными. Стали проходить демонстрации и случаться мятежи в армии и на флоте.

В январе 10 тысяч солдат в Фолкстоне отказались от приказа вернуться во Францию. Еще 4 тысячи солдат вышли на демонстрацию в их поддержку в Дувре. Старшие офицеры были вынуждены встретиться с представителями солдат и фактически договориться об урегулировании. Затем не менее 20 тысяч солдат отказались подчиниться приказам в транзитном лагере под Кале, и дисциплина

не была восстановлена до тех пор, пока две дивизии не были отозваны из Германии и мятежники не были окружены пулеметами и штыками. Даже гвардейцы не были неуязвимы. В одном из сообщений говорится об инциденте, когда «пять батальонов гвардейцев выступили из Шорхэма, чтобы представить список жалоб мэру Брайтона». В Уайтхолле прошли демонстрации, и однажды недовольные солдаты осадили Кабинет Министров на Даунинг-стрит, 10. Только протесты старших офицеров помешали премьер-министру Ллойд Джорджу принять делегацию.

Не лучше обстояло дело и в Королевском флоте. 13 января 1919 года матросы на борту корабля «Килбрайд» в Милфорд-Хейвене подняли красный флаг на мачте и объявили: «половина флота бастует, а другая половина скоро будет бастовать».

Волнения в войсках были сопоставимы с волнениями в гражданской жизни. Крупные промышленные конфликты, отложенные началом войны в 1914 году, вспыхнули, когда профсоюзы, усиленные социальными и политическими изменениями, вызванными войной, выдвинули далеко идущие требования реформ. В августе 1918 года, еще до окончания войны, Лондонская столичная полиция объявила забастовку, и в течение всего 1919 года ежедневно бастовало в среднем 100 тысяч человек. Шахтеры и железнодорожники выдвинули требования, которые грозили привести к разрушительным конфликтам. В то же время Лейбористская партия вышла из войны более сильной, чем когда-либо прежде, и коммунизм набирал силу, особенно в Шотландии.

Легенда о красном Клайдсайте родилась в последнюю неделю января 1919 года, когда заканчивалась война и надвигался призрак массовой безработицы, рабочие бастовали за сокращение рабочей недели. 31 января на массовом митинге имели место хулиганские действия, и на следующий день в город были введены войска, а на скотном рынке были припаркованы танки. Правительство могло выделить только два батальона, поскольку забастовка совпала с мятежом в Кале. Но их было достаточно. Лидеры забастовки были арестованы по обвинению в подстрекательстве к беспорядкам. Мэнни Шинвелл, впоследствии ставший министром обороны и столетним членом Палаты лордов, был отправлен в тюрьму на пять месяцев; Вилли Галлахер, впоследствии лидер британской Коммунистической партии, получил срок в три месяца.

Естественно, что в этой бурной, революционной атмосфере усиливалось противодействие интервенции в Россию. Было мало возражений, пока это можно было представить как необходимое условие для победы в войне против Германии, но теперь раздался крик: «Руки прочь от России». Даже на этом

раннем этапе большевики сознательно пытались включить Великобританию в свою мечту о мировой революции. На рубеже веков между британскими социалистами и русскими эмигрантами установились тесные связи. Майский, Литвинов и их коллеги проповедовали революционное Евангелие в Лондоне. В то время как Англия вмешивалась с помощью солдат в России, большевики вмешивались с помощью пропаганды и агитаторов в Англии. Перспектива революции в Англии была пугающе реальной в 1919 году, настолько реальной, что военное министерство разослало конфиденциальный вопросник командирам всех частей, чтобы выяснить, останутся ли войска «лояльными в случае революции в Англии».

Среди задаваемых вопросов были следующие: будут ли войска в различных районах отвечать на приказы о помощи для сохранения общественного спокойствия? будут ли они содействовать прекращению забастовки? Будут ли они участвовать в параде за границей, особенно в России? Есть ли рост профсоюзного движения, были ли сформированы солдатские советы? влияет ли на них какая-либо агитация из внутренних или внешних источников? Существование вопросника и детали вопросов были раскрыты в «Дейли Геральд», а ирония ситуации заключается в том, что газета получила 75 тысяч фунтов стерлингов от большевистского правительства в 1920 году.

Именно в этом водовороте политических и социальных перемен и военных волнений британское правительство должно было решить, что делать с Россией. 3 января 1919 года газета «Дейли Экспресс» опубликовала сообщение о том, что появились признаки того, что правительство собирается начать «гигантскую кампанию» против России, и газета совершенно ясно изложила свою позицию:

Нам жаль русских, но они сами должны бороться между собой. **Великобритания уже является полицейским половины мира.** Он не будет и не может быть полицейским всей Европы. Мы хотим вернуться к промышленности и ликвидировать разрушительные последствия войны. Мы хотим видеть наших сыновей снова дома. На самом деле, мы хотим мира. Замерзшие равнины Восточной Европы не стоят и костей одного британского гренадера.

«Дейли Экспресс» к этому времени перешла под контроль Макса Эйткена, недавно ставшего лордом Бивербруком, и в то время поддерживала Ллойда Джорджа, который был переизбран премьер-министром 14 декабря 1918 года. Но Бивербрук выступил против интервенции и проявил симпатию к большевикам, которая вновь проявилась во Второй мировой войне. Тем не

менее, возможно, что Бивербрук в данном случае отражал собственные взгляды Ллойд Джорджа.

С другой стороны, были люди, выступавшие за сокрушение большевизма. Сэр Генри Уилсон не сомневался в том, что следует делать. В своем докладе военного министерства он подробно описал расположение союзников в России и продолжил:

Таким образом, в начале 1919 года мы имеем возможность совместных действий с востока и юго-востока против большевизма, в то время как оккупация союзниками северных портов, черноморских портов и Бессарабии вместе с их контролем над Балтикой закрывает большинство каналов, по которым поток инфекции может достичь Западной Европы.

Если полякам удастся установить и сохранить свою независимость, то остается только закрыть разрыв между этой южной границей и севером России, чтобы создать «санитарный кордон», который установит предел большевистской экспансии и, ограничив ее своими собственными опустошенными районами, приведет к ее окончательному краху.

Потом был сэр Джордж Бьюкенен, бывший посол в России и друг царя. Сначала он советовал правительству проводить политику примирения с большевиками, но, когда Ленин разгромил Учредительное собрание, а затем и царя убили, сэр Джордж стал ярким сторонником военной интервенции. На одной из встреч в Эдинбурге в марте 1919 года он утверждал, что если бы подобные преступления, в которых были повинны большевики, были совершены при империи, то по нашей стране прокатилась бы буря негодования; но нет, даже когда хладнокровно убивали невинных детей, таких как маленькие великие княгини, едва ли кто-нибудь поднимал голос, осуждая это преступление, тогда как в некоторых кругах находили скрытое сочувствие к их убийцам.

Ленин, утверждал он, стремился к мировому господству и открыто заявлял о своем намерении создать новую Европу, в которой большевизм будет господствовать безраздельно... Чтобы предотвратить распространение большевистского яда, предлагалось провести санитарный кордон вокруг России и полностью изолировать ее. Он лично считал, что такая политика в конечном итоге обойдется нам дороже и будет менее эффективной, чем если бы мы смело ударили в самое сердце болезни и уничтожили рак, который истощал жизненные силы России... Считалось, что не было ни малейшей надежды на спасение России одной лишь экономической помощью. Военная помощь и экономическая

помощь должны идти рука об руку, если мы хотим помочь русским освободиться от большевистской тирании. Задача была не столь грандиозной, как предполагалось, ибо взятия Москвы и Петрограда было бы достаточно, чтобы для большевизма прозвучал похоронный звон.

Из аргументации Вильсона и Бьюкенена видно, что причина интервенции теперь перешла от спасения военных складов и восстановления Восточного фронта через «Мы не должны бросать наших союзников» к «мы должны предотвратить распространение яда большевизма».

Что приводит нас к Уинстону Черчиллю. Его часто обвиняли в том, что он был архитектором интервенции, но, как совершенно верно указал его биограф Мартин Гилберт, в течение первых девяти месяцев интервенции Черчилль не имел к ней никакого отношения. Он был министром вооружения и до ноября 1918 года был полностью занят поддержанием потока снарядов на Западный фронт. Только 10 января 1919 года, когда он был назначен военным министром во вновь избранном правительстве Ллойд Джорджа, он стал официально участвовать в событиях в России.

Правда в том, что с этого момента он неустанно работал над уничтожением большевизма. В день своего назначения он предложил сообщить Германии, что союзники не станут возражать, если «она будет готова организовать свой Восточный фронт против вторжения большевизма». Позже он предложил, чтобы болгарам «дали шанс исправить свои прошлые злодеяния», отправив войска сражаться на стороне Деникина.

Он отправился в Париж, чтобы попытаться убедить союзников, что они должны принять «последовательную политику» в отношении России, и его идея последовательной политики была объединенными усилиями по поддержке антибольшевистских сил в России. Но он ничего не добился с «тигром» Клемансо или Вудро Вильсоном.

В Лондоне Ллойд Джордж сказал сэру Джорджу Ридделлу: «Уинстон в Париже. Он хочет вести войну против большевиков. Это вызовет революцию. Наш народ не допустит этого». Премьер-министр имел гораздо лучшее представление о том, что народ допустит или не допустит в то время, и Черчилль был подозреваем как организатор катастрофических военных предприятий. Бремя британского поражения в Дарданеллах все еще висел у него на шее, и Ллойд Джордж не хотел, чтобы русское бремя усугубляло его проблемы. Дебаты в Кабинете министров

затянулись до 4 марта 1919 года. В этот день было решено, что все британские войска должны быть эвакуированы из Северной России к концу июня.

По сути, от интервенции отказались. Но Черчилль еще не закончил. В Палате общин позднее в том же месяце он говорил о большевиках, которые «разрушают все там, где они есть», но в то же время, «продвигаясь вперед в плодородные области, подобно вампиру, который высасывает кровь из своих жертв, они получают средства для продления своего собственного позорного существования».

Позднее газета «Дейли Экспресс» «предупреждала»: несмотря на данное правительством обязательство поступать разумно, мы должны внимательно следить за мистером Черчиллем. В нем слишком много от военачальника.

Однако первой проблемой в начале 1919 года было то, как вывести войска из России без военной катастрофы. Солдаты союзников были одинаково недовольны, многие из них были мятежны и открыты для большевистской пропаганды, в то время как вновь организованная Красная армия, превосходящая численностью союзные войска, проявляла все признаки воинственности. Это было нелегко и, как мы увидим, породило новые обвинения в том, что Черчилль был полон решимости вступить в войну с Советской Россией.

ГЛАВА 13

Тайные приказы короля Георга

Мурманск – Архангельск, январь – март 1919

В то время как эти решения высокого уровня принимались в Лондоне и Париже в начале 1919 года, солдаты на севере России были озабочены более приземленными вопросами: как остаться в живых в тисках зимы настолько жестокой, что мало кто из них когда-либо представлял себе, что будет так холодно, и в то же время отбить все более дерзкие атаки большевиков. В Заметках Айронсайда об операциях, охватывающих этот период, говорится: «по мере развития боевых действий становилось все более и более очевидным, что боевые действия были одним из жилищных условий. Если ваше жилье разрушено до такой степени, что выбиты окна, вы должны были эвакуировать свою позицию».

Он был в ярости на воинствующих трезвенников в Британии, которые вели кампанию против снабжения войск ромовым пайком: «Я хотел бы, чтобы кто-нибудь из мирных сторонников запрета пробыл один час в караульной службе при 72 градусах мороза (по Фаренгейту. По Цельсию это примерно -57. Прим. пер), и они изменили бы свое мнение относительно того, следует ли его выдавать или нет».

Снаряжение Шеклтона для холодной погоды работало очень хорошо, за исключением ненавистных ботинок, но обморожение было обычным делом. Оно настигало за то время, которое было необходимо солдату, чтобы снять варежки и раскурить трубку. Генерал Мейнард страдал от этого, когда надевал медали на троих своих солдат. Его пальцы так онемели, что он даже не заметил, как глубоко воткнул булавку с медалью себе в палец. Солдаты, оказавшиеся снаружи без крова, теряли пальцы на руках и ногах, а те, кто засыпал под открытым небом, редко просыпались. Передвижения планировались короткими этапами от блокгауза к блокгаузу, и зимние сражения зависели от этих деревянных фортов. Они были построены группами по три, и каждый из них прикрывался пулеметами других. Каждый из них был оснащен автоматическим оружием и там же находились семь солдат с винтовками, и все они были окружены колючей проволокой. Большие блокгаузы с двумя пулеметами Виккерс и их орудийными расчетами поддерживали каждую группу из трех блокгаузов. Они быстро строились. Мох, набитый между бревнами, защищал их от арктического ветра, и они согревались большими печами, на которых спали солдаты, как русские крестьяне.

Не всем солдатам Мейнарда так повезло. Некоторые из присвоенных жилых помещений, были непригодны для такого рода войны, отапливаясь самодельными печами, которые часто загорались и разрушали здания. Оказалось, что корабль, который привез готовые части хижин Ниссена, имел на борту не все секции, другие прибыли только через месяц.

Больше всего пострадали слесари и механики королевских военно-воздушных сил. Двигатели их самолетов замерзали несмотря на то, что их днем и ночью обогревали беспламенными лампами и крышками. Пять галлонов горячей воды выливалось через систему охлаждения, чтобы снять холод с металла, но часто сливной кран замерзал после того, как через него проходили два галлона. Воздухозаборники замерзли. Масло замерзло в узлах дроссельной заслонки. Все попытки смазывания заканчивались неудачей, пока, наконец, узлы и оси вращения не были очищены и оставлены сухими. Стягивающие провода,

удерживающие крылья туго натянутыми, могли лопнуть, потому что сильный холод кристаллизовал металлическую проволоку. Солдаты не могли обращаться с металлом голыми руками, потому что он прилипал к коже и отрывал ее. Механизм сброса бомб замерзал во время полетов, и в большинстве случаев 20-фунтовые бомбы приходилось нести в кресле наблюдателя и сбрасывать за борт вручную.

Холод также оказал влияние на орудия и боеприпасы, значительно сократив дальность стрельбы снарядов. 18-фунтовые пушки, например, должны были быть пристреляны на дальности 3750 ярдов (3429 метров), чтобы получить дальность 2000 ярдов (1829 метров) при температуре -10°F (-23 по Цельсию). Французские 75-мм пушки, столь блестяще действовавшие на Западном фронте, в арктических условиях действовали совсем плохо. Винтовочные гранаты часто не взрывались в глубоком снегу, а движущиеся части пулеметов намертво замерзали. Майор Т. Барратт из Артиллерийского корпуса королевской армии с твердым языком за щекой сделал такой вот доклад: «мне сообщили, что смесь спирта (напр. Водка) изредка использовалась в русских пулеметах, но именно она часто исчезала. Смесь также, конечно, чрезвычайно летучая».

В этих условиях французские и итальянские лыжники, а также канадцы с опытом жизни в замерзших лесах были неоценимы. Делались попытки научить британские войска пользоваться лыжами и снегоступами, но результаты в войсковой группировке Мейнарда вызывали скорее отчаяние, чем надежду, а Айронсайд с некоторой горечью комментировал: «мы планировали выпустить сотни солдат на лыжах и снегоступах, но зимнее снаряжение прибыло не раньше, чем стало возможным его использовать ... Если бы мы противостояли отрядам хороших лыжников хотя бы в четверть нашего числа, нас бы выгнали из страны. Мобильность, проявленная любой из сторон, встретила мгновенный успех».

Именно в таких условиях Айронсайд незадолго до Рождества отправился на санях навестить свои рассеянные силы. В Селецкое, где находился штаб левого крыла железнодорожных войск, он послал сообщение с приказом для Стерди прибыть туда. Когда Стерди прибыл, он застал британского подполковника, командовавшего отрядом, «на грани белой горячки» и без каких-либо приготовлений к нападению, которое должно было произойти вдоль железной дороги через несколько дней.

Я быстро вызвал врача отряда, чтобы тот принял больного подполковника, оформил оперативный приказ и мобилизовал всех женщин и детей, чтобы они отвезли сани с боеприпасами и снарядами к двум флангам отряда. Атака в конце

концов провалилась, американские войска на правом фланге потеряли около 30 солдат, при этом не продвинувшись вперед. Штаб США позже жаловалась, что британский штаб всегда ставил американцев в самые опасные позиции. Командир отряда МО (сам американец) сообщил, что все ранения были нанесены им самим в руки и ноги.

По мнению Айронсайда, это наступление «полностью провалилось из-за пьянства главного командира колонны и последующей дезорганизации».

Союзные войска теперь испытывали дискомфорт от уязвимостей с обширными пробелами между опорными пунктами вдоль железной дороги и реки. Особенно уязвимы были белогвардейцы и американцы у Шенкурска на реке Ваге. Они находились в 180 милях от Архангельска, торчали в глуши, окруженные лесом и замерзшим болотом. Айронсайд позже признал, что они «слишком далеко продвинулись, но было решено по политическим причинам оставить их там в течение зимы».

19 января большевики, воспользовавшись этой ситуацией, предприняли мощное наступление на Шенкурск, вытеснив оттуда оборонявшихся и заставив их спешно отступить на семьдесят миль. Русские войска, сражавшиеся бок о бок с американцами, оказались бесполезными, так как одна рота отказалась подчиниться приказу атаковать наступающих большевиков. Фрэнк Дума сделал краткие записи в своем дневнике:

25 января - сегодня пал Шенкурск. Передовой отряд прибыл в полдень. У них было 50 пострадавших. Войска постоянно проходят здесь при отступлении, 8000 большевиков атакуют 2000 союзников. Союзники бросают все. 26 января - мы присоединились к отступлению. Отправились в час пополудни и прошли 7 верст [4 ½ мили] по направлению к большевикам. Действовали в качестве заслона, пока остальные эвакуировались. Мы встретили большевиков в 3 часа пополудни, несколько человек были тяжело ранены. Мы продолжали сражаться до 9.00 вечера, а затем двинулись обратно в Шеговары. Все покинули город. Все вещмешки и личные вещи были обчищены. Все сувениры, которые я собрал, были украдены. Все мои личные вещи, включая парадную форму, обувь, дополнительную бритву и 24 куска мыла. Мне будет не хватать мыла больше всего на свете. Мы начали отступать в 10.00 вечера, мы потеряли все, кроме одежды, которая была на нас. Нам пришлось идти пешком в одних чулках, потому что дорога была слишком скользкой для сапог Шеклтона. Казаки сожгли город после того, как мы его покинули. Мы шли пешком до 7.00 утра и прибыли в Кицу в полном составе.

Это была серьезная неудача для Айронсайда. Моральный дух союзников упал, и наступление большевиков угрожало обойти их позиции как на речном, так и на железнодорожном фронтах.

Айронсайд вновь обратился к Военному министерству с просьбой о подкреплении, на что оно отреагировало приказом Мейнард послать на помощь Айронсайду два пехотных батальона и пулеметную роту. Мейнард был не очень доволен этим приказом, так как его силы быстро сокращались. Но он ничего не мог с этим поделать, кроме как организовать переброску людей и их снаряжения в полном порядке со своей передовой базы в Соробе на Онегу, в 150 милях к востоку, где офицеры Айронсайда должны были взять на себя все приготовления.

Это была нелегкая задача. Белое море замерзло, не было дороги из Сороби в Онегу, мало ночлега и отсутствие корма на маршруте для оленей - лучшего вида транспорта. Мейнард удалось посадить 300 пехотинцев и половину пулеметной роты на ледокол, совершавший свой последний рейс в Архангельск из Мурманска до весны. Остальных, числом около 2000 солдат, сначала отвезли поездом в Соробу. Собачьи упряжки были запряжены в санитарные сани. Все свободные лошади были реквизированы для перевозки припасов, и солдаты отправились в путь через суровый ландшафт, белый мир, где замерзшие деревья трещали, как ружейные выстрелы. Они маршировали группами до 300 солдат по установленным этапам, и все движение тщательно контролировалось. Мужчины прибыли в Онегу лишь с несколькими случаями обморожения. Но это был не пикник, и особенно печально было то, что единственными пехотинцами, которых Мейнард должен был послать в Айронсайд, были те же самые солдаты Йоркширского полка, которые перенесли такие трудности во время путешествия в Мурманск, а затем были заняты на непосильной и разрушающей душу работе по прибытии туда.

Их бросили прямо на фронт, но они отказались сражаться, и Айронсайд, не имея подкрепления из свежих солдат, столкнулся с полномасштабным мятежом угрюмых, измученных людей. Позднее он объяснил их поведение, утверждая, что их недисциплинированность возникла главным образом «из-за долгого бездействия в Мурманске и внезапного перехода от мирных условий к военным». Какова бы ни была причина, он действовал со свойственной ему бойкой решительностью и предал зачинщиков суду. Два сержанта, которые «устроили бунт в казначейской службе», были приговорены к расстрелу. Но Айронсайд никогда не приводил приговор в исполнение, потому что, как он объяснил в своей книге «Архангельск в 1918-1919 годах», «король Георг издал

секретные приказы, предусматривающие, что после перемирия смертные приговоры не могут объявляться британскому персоналу. Поэтому приговоры были заменены пожизненным заключением»⁵.

Йоркширцы были не единственными союзными войсками, которые хотели «больше не быть солдатами». Сержант Сильвер Пэрриш и его взвод находились в самой гуще боя с тех пор, как высадились в Архангельске. Он получил ранение головы в январе, и его дневник показывает, что он участвовал в ближнем бою в январе и феврале. 4 марта он составил резолюцию, чтобы «спросить, почему мы сражаемся с большевиками, и почему у нас нет тяжелой артиллерии, и почему англичане управляют нами, и почему у нас недостаточно еды, и почему наши солдаты не могут получить надлежащую медицинскую помощь и почту».

Все во взводе расписались, но «кто-то донес», и Пэрриша привели к полковнику, который зачитал ему устав и указал, где его преступление карается смертью.

Однако четырнадцать дней спустя Пэрриш был награжден британской наградой за храбрость-Военной медалью. Цитата Айронсайда гласила: «Этот сержант проявил исключительную инициативу и здравый смысл в действии, и в качестве командующего патруля его мужество и личность были ценны для поддержания духа компании. Его чувство ответственности и способность оценивать ситуацию имели огромное значение для компании».

С тех пор Пэрриш вел несколько шизофреническую жизнь, гордясь тем, что он хороший и храбрый солдат, но в то же время записывая в дневник свое сочувствие к людям, с которыми он сражался ...

то, как эти дети и женщины одеваются, заставило бы вас смеяться, если бы вы увидели это на сцене. Но видеть его здесь только вызывает сочувствие (в сердце настоящего человека) и отвращение к клике кровопийц, властолюбцев, капиталистов, лживых, вороватых, убийц, царских армейских чиновников, которые держат свой народ в этом невежестве и нищете ... после того, как я стану здесь сражаться с этими людьми, мне будет стыдно смотреть в лицо члену профсоюза ... Большинство людей здесь симпатизируют большевикам, и я их не виню, на самом деле я сам большевик на 9/10, и все они называют меня предводителем большевиков, а мой взвод – большевистским взводом ...

Ясно, что это не те отношения, которые позволяют командиру спокойно спать.

⁵ В Королевских архивах Виндзорского замка нет никаких упоминаний об этих приказах.

Хуже всего было последовать за Айронсайдом. 16 марта большевики начали наступление на железнодорожный фронт, наступая по глубокому снегу на санях. Айронсайд резко критиковал выступление в Больших Озерках французского Иностранного легиона и 21-го колониального батальона, которые «не оказали большого сопротивления». Когда он отправился выяснять, что происходит, «я счел себя обязанным сменить французское командование в Обозерской, так как они не были на должной высоте, и принял командования на себя до прибытия бригадного генерала Тернера из Англии десять дней спустя».

Успех противника, по его словам, был полностью обусловлен состоянием французских войск, которые были совершенно нелояльны, и слабостью французского командования, которое никогда по-настоящему твердо не управляло людьми. Айронсайд не сомневался, что, если бы большевики продолжили свои атаки, они «могли бы обрушиться на всю нашу линию» с очень серьезными последствиями для сил, прикрывающих Архангельск.

Стерди, вызвавший недовольство одного из своих начальников излишней вольностью в критике ведения боевых действий, в наказание был отправлен на Онежский фронт, но теперь наслаждался свободой от канцелярской работы:

Я был абсолютно отрезан отовсюду. Архангельск кажется таким же далеким, как Англия ... Я живу, как дикарь, просто заворачиваюсь в одеяло на полу по ночам в любой старой деревне, где мне случается быть, иногда с мужиком и его женой в одной комнате, вместе с моим русским денщиком, всегда с бесчисленными клопами. Обычно они путешествуют на санях из деревни в деревню и бродят по снегу в полметра глубиной. Но я бы ни за что не пропустил эти месяцы в деревне. За это время я узнал о русских больше, чем можно было бы узнать за годы городской жизни. Я прекрасно держался в форме, и вы никогда не догадаетесь, что я не получил оценку А1 ...

Я был абсолютно отрезан отовсюду. Архангельск кажется таким же далеким, как Англия ... Я живу, как дикарь, просто заворачиваюсь в одеяло на полу по ночам в любой старой деревне, где мне случается быть, иногда с мужиком и его женой в одной комнате, вместе с моим русским денщиком, всегда с бесчисленными клопами. Обычно они путешествуют на санях из деревни в деревню и бродят по паре футов снега. Но я бы ни за что не пропустил эти месяцы в деревне. За это время я узнал о русских больше, чем можно было бы узнать за годы городской жизни. Я прекрасно держался в форме, и вы никогда не догадаетесь, что я не получил оценку А1 ...

Стерди участвовал в боях под Большими Озерками и был награжден русскими орденом Святой Анны 3-й степени – «они раздают их десятками...», но ему пришлось отказаться от деревенской жизни, когда Айронсайд потребовал его отозвать в штаб, где он помогал составлять генеральские депеши и донесения.

К этому времени для Айронсайда возникла новая проблема-активное большевистское подполье, действующее в самом Архангельске. Оно было небольшим, насчитывая всего около двадцати боевиков, но эффективным. Его главой был двадцатичетырехлетний Макар Боев, который некоторое время жил в Соединенных Штатах и говорил по-английски.

Используя этот жизненный опыт и выдавая себя за бизнесмена, готового работать с союзниками, он завязал знакомство с некоторыми американскими офицерами. Советские источники сообщают, что в январе 1919 года он хотел организовать кампанию террора против англичан, убивая офицеров и закладывая бомбы на военных объектах. Но другие члены подполья настаивали на том, что они должны ограничить свою деятельность пропагандой, вероятно, потому что это было безопаснее.

Главным помощником Боева была его подруга Анна Матисон, работавшая официанткой в британской офицерской столовой. Сирота, она выросла в Латвии, где выучила английский язык. Они распространяли листовки, адресованные местным рабочим, призывая их покинуть Архангельск и присоединиться к Красной армии в лесу. Они также выпускали брошюры, написанные на английском языке, направленные на то, чтобы вызвать недовольство среди войск. Одна из них была озаглавлена «почему бы вам не вернуться домой?» и гласила:

Американским и британским солдатам. Товарищи. Война закончилась, почему ты не возвращаешься домой? ... Разве вы не хотите снова общаться со своими близкими? Неужели вы действительно хотите истечь кровью и умереть, чтобы капитализм продолжил свое существование? ... Создайте солдатские советы в каждом полку и требуйте от вашего правительства, от ваших офицеров, чтобы вас отправили домой. Откажитесь от стрелять в наших товарищей по работе в России. Откажитесь сокрушить нашу рабочую революцию.

Группа англоговорящих коммунистов.

Эти листовки были наклеены на двери и заборы и переброшены через заводские стены. Некоторые из них распространялись в церквях. Солдаты иногда находили их под подушками. Другие были засунуты в пачки сигарет.

Боев и Матисон также передавали на английском языке сообщения об успехах Красной армии на других фронтах. Новости для этих сообщений они получали через коммуниста-радииста гидрографического судна «Таймыр», которое, как ни странно, все еще проводило исследования в Баренцевом море. Их усилия увенчались выпуском подпольной газеты «Зов». Работа Матисон заключалась в том, чтобы положить это в офицерские туалеты. Но, в конце концов, Боев попал в ловушку, расставленную для него британской контрразведкой. Его заманили в дом, где, как он полагал, он встретит британского агента, и он дрался в течение десяти минут, прежде чем застрелиться.

Несмотря на атаки на его позиции, недовольство значительного количества солдат в его войсках и подрывную кампанию, развернутую в Архангельске, Айронсайд смог, в основном благодаря своим собственным энергичным действиям, сдержать наступление большевиков, и оно прекратилось в середине апреля. Военные потери большевиков составили около 2000 красногвардейцев.

Пока Айронсайд переживал этот жаркий эпизод, Мейнард продвигался вдоль Мурманской железной дороги. Уже обосновавшись в Сороке, он планировал оттеснить большевиков вниз по линии Сегежи, обеспечив таким образом свои позиции и открыв около 3000 квадратных миль территории, на которой белогвардейцы могли бы рассчитывать на рекрутов. Он начал наступление 15 февраля, хотя всего с 600 солдатами это вряд ли можно было назвать наступлением. Состав этих сил вызвал бы у Айронсайда опасения, поскольку в их там было всего 50 британских солдат в составе пулеметных и минометных расчетов. Остальные были канадцы, французы, русские, карелы и сербы. Но Мейнард был лучшего мнения о своих союзниках, чем Айронсайд, и отправил их по своим делам с обычным оптимизмом. Ему нужно было быть оптимистом, потому что его люди, разделенные на четыре колонны, были немедленно атакованы не врагом, а ужасной погодой. Температура упала до минус сорока градусов по Фаренгейту, режущий как нож, ветер гнал снежные шквалы на людей, пробиравшихся по мягкому снегу на лыжах и снегоступах. Две колонны не достигли своих целей, но другая, используя сани, за шестнадцать часов преодолела около 100 миль и атаковала Сегежу под прикрытием пулеметного и траншейного минометного огня.

Город Сегежа был взят, а половина его гарнизона убита. Белогвардейские пулеметчики прорвали железнодорожную линию и устроили засаду на поезд, подвозивший большевистские подкрепления с юга. Они учинили ужасную бойню, и поезд, с одной парой колес, сошедших с рельсов и паровозом, изрешеченным пулями, медленно проехал, а с вагонов капала кровь.

Тем не менее, большевики вернулись в бой на следующий день, продвигая вперед пехоту, поддерживаемую пушечным огнем из бронепоезда, но атака сорвалась на фоне точного огня с позиций, подготовленных за ночь солдатами Мейнарда.

Представьте себе эту сцену: поезд, обвешанный броней, едва заметный среди снежных шквалов, изрыгающий снаряды, которые взрываются со вспышкой и ревом, когда люди бредут по глубокому снегу, высоко подняв винтовки, только чтобы быть скошенными стрекочущими пулеметами. Потом, когда все кончается и выжившие тащат своих раненых обратно к поезду, и он уходит в серую даль, снег снова падает, чтобы покрыть уже замерзших мертвецов, и вскоре поле боя становится белым и тихим, как будто там никогда ничего не происходило.

Для Мейнарда это была чистая маленькая победа. Но у него, как и у Айронсайда, были проблемы с войсками. Карелы, жившие вдоль финской границы, хотели создать свое собственное государство, а политические перипетии сделали красных финнов ненадежными. Они защищали Мурманск от белофиннов и немцев, но теперь их враг превратился в большевиков, чьи идеалы и амбиции они поддерживали. Им нельзя было не только доверять, но и следить за тем, чтобы они не разбежались и не напали на белых финнов на их родине.

Бесценные французские лыжные отряды, хорошо проявившие себя при взятии Сегежи, также были недовольны, утверждая, что их не воевать отправили в Россию. Мейнард был вынужден отозвать всю роту из 200 человек с линии фронта. Он указал в своих мемуарах, что это были не единственные союзные войска, с которыми не заладилось, но отказываясь «полоскать грязное белье даже перед ограниченной публикой, и еще меньше предоставлять ей подробный список белья

.. Поэтому я ограничусь общим заявлением о том, что до того, как это предприятие было завершено, существовали подразделения почти всех национальностей, на которые я не мог положиться с абсолютной уверенностью».

Мейнард отнюдь не принадлежал к тем бесчувственным офицерам, чье поведение провоцирует мятеж, и пытался объяснить, но не оправдать поведение своих людей в депеше в военное министерство.:

Из-за крайней нехватки вольнонаемных рабочих я был вынужден использовать значительную их часть (войска) в постоянных рабочих и строительных отрядах и при решении аналогичных задач неприятного характера; их жилье не всегда было таким удобным, как мне бы хотелось; климат суров даже для самых здоровых; выезды в Англию неизбежно редки; местные развлечения ограничиваются теми, которые мы в состоянии обеспечить; любое передвижение войск по железной дороге сопровождается большими неудобствами из-за нехватки подходящего подвижного состава. А зимой морские и автомобильные перевозки сопряжены с необычными трудностями. Более того, мои люди уже много месяцев окружены атмосферой беспорядка, недовольства и беззакония, что не может не сказаться отрицательно даже на самых дисциплинированных солдатах.

Мейнард, несомненно, был прав в своем диагнозе этой проблемы. Но он мало что мог с этим поделать, и мы увидим, насколько серьезно росло недовольство и насколько оно было близко к тому, чтобы стать причиной ужасной трагедии⁶.

Именно в этих бесперспективных военных условиях Айронсайд и Мейнард получили предупреждение готовиться к эвакуации из Северной России к концу лета 1919 года.

ГЛАВА 14

«Позорная, незаконная маленькая война»

Лондон – Архангельск, Апрель – Июнь 1919

Если смотреть со стороны Лондона, проблема была двоякой: как предотвратить превращение большевиками эвакуации в катастрофу и как дать поддерживаемому англичанами правительству Северной России время и пространство, необходимые ему для самоутверждения. Поэтому военное министерство предложило экспедиционным силам выполнить три задачи, прежде чем они будут выведены. Первая состояла в том, чтобы нанести резкие удары как по Мурманскому, так и по Архангельскому участкам, чтобы разубедить

⁶ У него также были проблемы с большевистскими агитаторами в Мурманске. Они оказались более жестокими, чем Боев и его друзья в Архангельске, и в январе они убили двух английских офицеров. Его растягивающиеся линии связи также давали диверсантам возможность сжигать мосты и пускать под откос поезда.

большевиков от вмешательства в подготовку эвакуации. Во-вторых, создать надлежащий союз между российскими войсками на севере и правым крылом Сибирской армии адмирала Колчака. Небольшие отряды установили контакт между двумя армиями, но для организации единого фронта требовалось захватить речной и железнодорожный узел в Котласе на Двине. Наконец, Военное министерство предложило сформировать добровольческий отряд из британских офицеров и сержантов для «организации, обучения и руководства русскими частями».

Этот план требовал огромных подкреплений. Но у армии не было ни одного лишнего солдата. Истощенная демобилизацией и необходимостью контролировать все более беспокойную империю, она едва могла найти достаточно войск, чтобы справиться с «бедами» в Ирландии. Поэтому было решено призвать добровольцев. Прежде всего привлекли «авторитетную» прессу, чтобы подчеркнуть опасности и трудности, с которыми сталкиваются наши люди в России. «Тайм» послушно заявляла: «поэтому нам понадобится больше солдат для Северной России, и, хотя эта потребность в подкреплении вызывает сожаление, мы надеемся, что она будет принята без сопротивления». Другие газеты были не так уверены, «Дейли Геральд» нападала на «Галлиполийского афериста Уинстона Черчилля» и его «новую войну в России, чтобы поддержать реакцию в лице Колчака и Деникина».

В Архангельске Стерди относился ко всему спокойнее. Он писал сестре с некоторым удивлением, потому что газеты говорили, что их положение было похоже на положение обреченных британских защитников Кут-эль-Амара на реке Тигр, которых благодаря голоду турки вынудили капитулировать в 1916 году. Чтобы доказать, что это не так, он отправил домой копию меню для офицерского состава от 2 мая:

Закуски:

Дичь с соус-кремом

Лосось

Соус из яичных желтков и масла с лимонным соком

Котлеты из телятины

Зеленый горошек

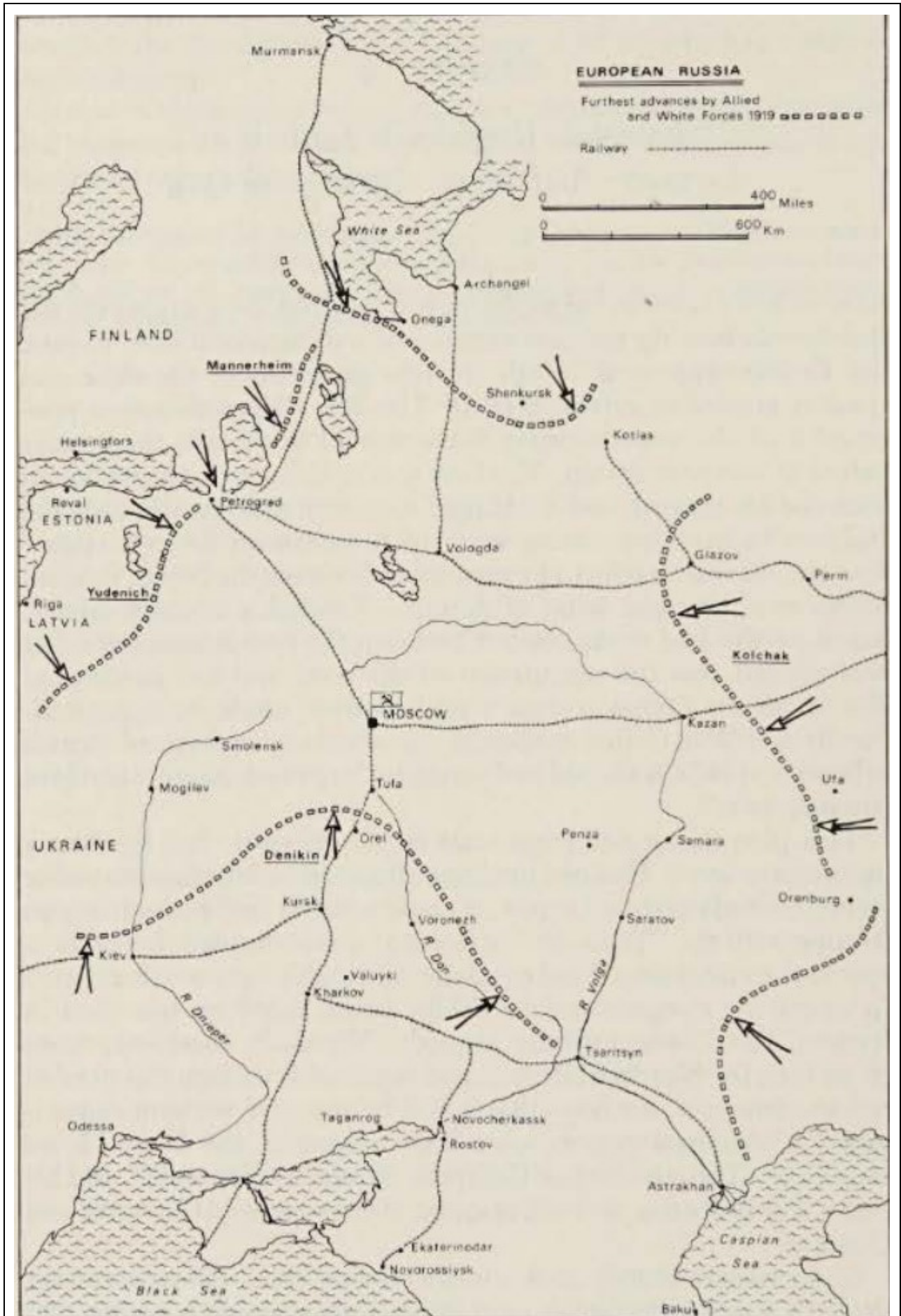
Яблоки

Мороженное ассорти

Кофе

И добавил: «У меня нет с собой музыкальной программы, но у нас также было отличное трио». Однако не «тыловики», как Стерди, переживавшие тяжелые времена, а пехотинцы, которые протянули долгую суровую зиму на основных пайках. Именно к ним Черчилль обратился с призывом: «Вы не забыты. Напротив, ваша безопасность и благополучие являются одной из главных забот военного министерства, и мы обязаны сделать все, что в наших силах, чтобы доставить вас в целостности и сохранности домой... Еще несколько месяцев решительной и верной службы против этого свирепого врага - и ваша задача будет выполнена. Ведите себя как британцы, сражающиеся за свою жизнь и честь, и подавайте пример в этих трудных обстоятельствах войскам любой другой страны. Подкрепление и помощь уже в пути ...»

Была подготовлена почва, развернуты призывные плакаты, и добровольцам было предложено присоединиться к русским силам поддержки, чтобы дать возможность находящимся в тяжелом положении солдатам северорусского экспедиционного корпуса благополучно вернуться домой. Было много витиеватых патриотических описаний сцен в военкоматах с солдатами, только недавно демобилизовавшихся из армии после опасностей и тягот Первой мировой войны, стоящими в очереди, чтобы пойти на помощь своим товарищам по оружию. Дейли Мейл сообщала: «боевой дух старой армии на высоте. Вчера сотни ветеранов Первой мировой войны толпились на улице большой Скотленд-Ярд, Уайтхолл, чтобы присоединиться к Северорусским силам поддержки». Бывшие полковники вступили в ряды армии, а некоторые из них со слезами на глазах получали отказ, потому что они больше не были пригодны для войны. Майор Олфри из королевских фузилеров записал сцену на станции Королевский Парк 5 мая 1919 года. «Рекруты все еще прибывают в штатском, с орденскими ленточками на жилетах и красными платками на шее. Все они прошли службу в армии и выглядят самым идеальным материалом, из которого можно сформировать батальон. Офицеры тоже превосходны, несколько полковников и заместителей командиров отказались от своих назначений в штабных ротах».

На самом деле было много людей, которые добровольно вызвались по патриотическим причинам, но было немало и других, в том числе офицеров, которые обнаружили, что послевоенная Англия не являлась «подходящей страной для героев». Они были безработными, без всякой перспективы получить работу и скорее вернулись бы в армию, чем страдали от тягот и унижения вследствие таких мрачных перспектив в гражданской жизни. И, как вскоре выяснил Олфри, они включали в себя ряд проблемных личностей и неудачников.

В конце концов было собрано восемь тысяч человек, как добровольцев, так и некоторых регулярных частей. Их разделили на две бригады под командованием двух пламенных молодых бригадиров: Г. В. Сент-Джорджа Грогана, награжденного Крестом Виктории, Орденом Бани, Орденом Святых Михаила и Георгия, Орденом за выдающиеся заслуги и Л. В. де В. Сэдлира-Джексона, награжденного Орденом Бани, Орденом Святых Михаила и Георгия, Орденом за выдающиеся заслуги. Два батальона Королевских фузилеров, 45-й и 46-й, должны были служить в бригаде Сэдлира-Джексона. Они поднялись на борт парохода «Порту» в Ньюкасле 27 мая, и сразу же начались неприятности, потому что, когда солдатам было отказано в разрешении сойти на берег «купить сигарет», около сорока из них бросились к сходному трапу. Их остановили, и Олфри испытывал к ним некоторое сочувствие: «как у Военного министерства хватило наглости поставить 1400 человек рядом с изумительным городком и приказать им не сходить на берег, черт меня побери, если я знаю».

Они отплыли на следующий день. По словам Олфри это было настоящее представление:

Отличные проводы. Люди аплодируют. Корабельные сирены и пьяные дезертиры, бегущие вдоль причала, когда корабль отчаливал. И тут началось. Один упал в море, и его пришлось спасать. Командир произвел сенсацию, лично сопроводив в караульное помещение трех сильно пьяных бойцов роты «Д». Время от времени он давал им хорошего подзатыльника. Один свесился за борт и сказал, что упадет, если его не отпустят. Его схватили и заковали в кандалы.

Путешествие было оживлено тем, что полковой сержант-майор сильно напился и попытался убить сержанта-майора орудийной роты Льюиса. «К счастью», писал Олфри, «попытка не увенчалась успехом, хотя он всадил пулю в подушку человека, которого пытался убить». Однако, не считая того, что бригада Сэдлира-Джексона села на мель в Двине, она благополучно достигла Архангельска 6 июня.

Солдаты Грогана уже достигли Архангельска, отплыв на пароходе «Стивен» из Тилбери 13 мая. Одной из их первых обязанностей было отпраздновать День рождения короля торжественной службой в храме и торжественным маршем. На следующий день 2-й Хэмпширский регулярный батальон, составлявший пару бригады Грогана, погрузили на баржи и отправили в Березник с эмблемой сил поддержки на рукавах: белая звезда на черном фоне.

Конвоем командовал подполковник Джон Шервуд Келли, награжденный Крестом Виктории, Орденом за выдающиеся заслуги, Орденом Святых Михаила и Георгия, человек с блестящим послужным боевого солдата. Позже «Дейли Экспресс» писала о нем:

«Он сражался в Матабелленде и Сомалиленде и так стремился попасть на фронт в недавней войне, что записался рядовым под вымышленным именем. Он получил повышение на поле боя во время Второй битвы при Ипре, отправился в Галлиполи в 1915 году и вернулся в битве при Сомме.

Он был награжден Крестом Виктории после битвы при Камбре в 1917 году благодаря своему мастерству и храбрости в прикрытии прохода канала своим батальоном Иннискиллингских фузилеров. Он повел первую роту батальона через канал, затем под сильным огнем разведкал позицию противника и, когда его левый фланг был задержан, вывел на позицию пулемет Льюиса, чтобы прикрыть продвижение через проволочные заграждения.

У него пять нашивок за ранения, и он семь раз был упомянут в депешах.

Баржи прибыли в Березник в полдень 5 июня, и ко времени вечернего чая Гемпширцы вместе с 238-й французской минометной батареей и половиной роты 8-го батальона пулеметного корпуса были отправлены дальше вверх по реке, чтобы сменить речную колонну на линии Кургомень и Тулгас. Ожесточенные бои за деревню Тулгас были выиграны американцами 18 мая после того, как 25 апреля ее передал большевикам второй батальон третьего северорусского полка, который взбунтовался и перешел на сторону красных.

Солдаты-пехотинцы из 339-го пехотного полка были в восторге от прибытия Хэмпширцев. Рота Сильвера Пэрриша уже поднялась вниз по реке до Архангельска, но села на мель и провела там три дня, играя в бейсбол на песчаной отмели. Но рота Фрэнка Дума действовала вплоть до 2 июня, когда она захватила большевистский патруль из двадцати пяти человек. Дума записал, что

хэмпширцы заняли свои позиции в 9:30 6 июня. Через два дня они вернулись в Архангельск и разбили палатки в Пойнт-Экономи.

«Вокруг миллионы комаров», - писал Дума. - Сегодня мы впервые за девять месяцев увидели автомобили, трамваи и поезда. Мы также впервые увидели цивилизованных девушек, обычные платья и шелковые чулки. Это, конечно, выглядело хорошо. Я собираюсь попытаться встретиться с некоторыми из них как можно скорее и получить немного любви. Мы наверняка уже на пути домой».

Так оно и было. 14 июня они поднялись на борт «Меномини» и отплыли сначала в Брест, а затем, 12 июля, прибыли в Бостон. «Белые медведи», как они себя называли, потеряли в России 244 человека убитыми и, несмотря на мнение Айронсайда об их боеспособности, сражались не хуже любой из союзных военных группировок и даже лучше, чем большинство. Как ни странно, только родной город дивизии Детройт оказал им хоть какой-то прием. Они не получили никаких медалей за кампанию, и по сей день большинство американцев не знают, что американский экспедиционный корпус сражался с большевиками на русской земле. Президент Никсон, казалось, не знал об этом эпизоде истории, когда в 1972 году, находясь с визитом в России, он выступил по телевидению и сказал русским: «самое главное, мы никогда не воевали друг с другом на войне», а двенадцать лет спустя президент Рейган испытал приступ той же исторической слепоты в своем Послании о положении в Союзе, когда, обращаясь к Соединенным Штатам и России, он сделал аналогичный комментарий: «наши сыновья и дочери никогда не воевали друг с другом на войне».

Казалось, что как только «белые медведи» вернулись домой, роль Америки в интервенции была вытеснена в национальное подсознание. Но люди, принимавшие в ней участие, пусть и неохотно, никогда этого не забывали. Джон Кудачи из висконсинской семьи, работающей на мясокомбинате, который, будучи лейтенантом, принимал участие в захвате Тулгаса, назвал свою дочь в честь этой деревни. Позже он был посланником президента Рузвельта в Ирландии и послом в Польше и Бельгии и опубликовал свой отчет об *Архангельске: война Америки против России в 1924 году*. Это была, по его словам, «безумная война» и «позорная, незаконная малая война».

Но все это было в будущем. С уходом канадцев и американцев Архангельск стал почти полностью британским «фарсом». Хэмпширцы расположились на позициях, освобожденных «Белыми медведями», и были благодарны, что они не прибыли зимой.

Ночи почти не было, река оттаяла, канонерские лодки поднялись вверх по течению, и королевские ВВС могли обеспечить солдатам практически круглосуточное прикрытие. Но пострадала, как обычно, пехота. Их преследовали тучи комаров и крошечных жалящих мошек, а болота, которые можно было пройти в замерзшем состоянии, теперь были смертельными ловушками из черного ила. Большинство подразделений потеряло солдат утонувшими.

К 12 июня казалось, что доблестный Шервуд Келли легко вернулся в свою боевую колею. В военном дневнике хэмпширцев за этот день записано: «командир выбрал взвод номер один роты Дабл Ю и наткнулся на патруль большевиков в нейтральной деревне. Двое из них были убиты и один ранен. Командир убил одного человека в ходе личного конфликта».

Далее, 16 июня: «командир 9-го взвода в течение всего дня вел разведку маршрута на Троицкое. Прошли 35 миль за 17 часов». Шервуд Келли получил от Грогана письмо следующего содержания:

Резерв высшего офицерского состава желает лично поблагодарить вас за то, как вы мужественно руководили патрулем 13 июня 1919 года, в результате чего вы убили трех врагов с большим личным риском для себя. Информация, полученная вами, была очень ценной, и результат вашей стычки не может не повысить моральный дух наших солдат [так в оригинале].

Айронсайд остро нуждался в агрессивной солдатской подготовке, чтобы поднять боевой дух солдат, поскольку завербованные на местах русские солдаты проявляли еще большую склонность к мятежам и убийствам своих офицеров.

14 мая 1-я рота 8-го северорусского полка на Пинежском фронте отказалась сесть на корабль, чтобы подняться вверх по реке, и убила двух своих офицеров. Айронсайд телеграфировал Черчиллю: «с сожалением сообщая, что мне пришлось расстрелять 15 человек, но роты вернулись на службу ... «Фактически 2-ю роту пришлось разоружить и превратить в рабочие подразделения».

Еще более серьезными были известия, пришедшие в Лондон 17 июня из Сибири. Чешский генерал Гайда, командовавший Западной армией Колчака, которая должна была соединиться с войсками Айронсайда в Котласе, был остановлен на своем пути уступающими в численности силами большевиков. Известие об этом поражении усилило в Лондоне растущее чувство, что из плана загнать британские войска еще глубже в русскую трясику ничего хорошего не выйдет. Ллойд Джордж, в частности, беспокоился о том, чтобы Айронсайд не ввязался в это дело настолько, что потребовалось бы еще больше войск, чтобы вытащить его из беды.

2 июля Олфри сделал интересную запись в своем дневнике:

Сегодня командир должен был встретиться с Айронсайдом ... Айронсайд сообщил командиру, что получил телеграмму из Англии с требованием немедленно прекратить здесь все военные действия. Эта телеграмма вызывает у Айронсайда лишь улыбку, поскольку у него намерение прекратить военные действия не больше, чем у человека на Луне, да и не может этого сделать, потому что британские войска здесь довольно глубоко вовлечены в операцию, и между большевиками и тысячами русских нет ничего, кроме нас, и они все будут убиты сразу, если мы уйдем. Неизвестно, зачем была послана телеграмма, но совершенно очевидно, что это, как обычно, просто слабое правительство, потворствующее трудовому народу.

Ходят слухи, что угольщики пригрозили, что если британские войска в России не вернуться домой в течение сорока дней, то все они объявят забастовку на том основании, что мы нарушаем права и свободы русского народа. Другими словами, они тоже большевики и хотят поддержать большевистское движение ...

Документы военного министерства на самом деле показывают, что Айронсайд телеграфировал 19 июня, чтобы сказать, что у него нет намерения «позволить британским силам попасть в такое положение, что им потребуется помощь или, что они не смогут уйти». Более того, он ясно дал понять, что считает Котласскую операцию невозможной, если «противник будет оказывать упорное сопротивление».

Тем не менее на следующий день он привел в действие первую часть своего Котласского плана. Кроме свежих войск, у него теперь было отличное снаряжение. Его флот на Двине был усилен мониторами и торпедными катерами. Его поддерживали с воздуха бомбардировщики DH9 и самые современные истребители – «Sorwith Snipe», преемник знаменитого «Кэмела». Именно тогда, когда он летал на одном из этих новых самолетов, Казаков, русский ас и гордый владелец «Ордена за выдающиеся заслуги», Военного креста и креста «за летные боевые заслуги» умер. Он блестяще летал в поддержку войск Айронсайда и, как утверждают, сбил пятнадцать вражеских самолетов. Это несколько сомнительно, потому что очень немногие большевистские самолеты отважились подняться в небо северной России, но он, безусловно, накидывался на тех из своих бывших коллег, которые пересекались с ним в небе и уже носили красную звезду, знак отличия зарождающихся большевистских ВВС. Он взлетел в один прекрасный день, вскоре после того, как услышал, что британцы собираются отступить,

новость, которая глубоко его взволновала, запустил низкоуровневую петлю, заглушил двигатель и ушел прямо в землю. Даже икона Святого Николая, которая всегда была у него на приборной панели, не могла спасти его.

Смерть Казакова мало повлияла на исход боевых действий, поскольку англичане полностью контролировали воздух и, используя тактику тесного сотрудничества, разработанную эскадрильями «Кэмел» в последние месяцы войны на Западном фронте, оказывали наземным и морским силам первоклассную поддержку. Но русский ас был вдохновляющим лидером солдат, офицером, в котором так отчаянно нуждались белогвардейцы, чтобы компенсировать поведение тех контрреволюционеров, которые думали только о возвращении к старому режиму. Отчужденный, суровый, глубоко религиозный, он был кем-то вроде Солженицына своего времени, и его смерть, особенно то, как она произошла, нанесла тяжелый удар по моральному духу белого движения.

Еще **одним оружием**, которое теперь стало доступно Айронсайду, был **отравляющий газ**. Это может показаться ужасным сегодня, но следует помнить, что с тех пор, как немцы впервые применили смертельную форму газа на Западном фронте 23 апреля 1915 года, он был принят обеими сторонами как часть их арсенала оружия. В своей «истории Первой мировой войны» Лидделл Харт писал: «первоначально применявшийся газообразный хлор был, бесспорно, ужасен, но не хуже частого воздействия снаряда или штыка, и когда на смену ему пришли усовершенствованные формы газа, опыт и тактика доказали, что это наименее бесчеловечное из современных видов оружия». И единственное, что беспокоило Военное министерство по поводу применения газа против большевиков, — это то, что развертывание нового типа, разработанного слишком поздно для использования на Западном фронте, может выдать его секреты потенциальным врагам.

Черчилль, который первоначально был против его использования исключительно по этой причине, в конце концов согласился, и когда 29 мая 1919 года член парламента от лейбористов спросил его об использовании в России, он ответил: «я не понимаю, почему, если они используют отравляющий газ, они должны возражать против его использования против них самих». Фактически нет никаких записей о том, что большевики когда-либо использовали отравляющий газ в этом конфликте, хотя было по крайней мере два сообщения о газовых снарядах, захваченных у Красной Армии, и русская армия, несомненно, приобрела опыт химической войны на Восточном фронте.

Военное министерство отправило Айронсайду телеграмму с предостережением: «изобретение является очень секретным, и, конечно, как только оно будет использовано, секрет будет раскрыт. Предполагается, что это оружие будет использоваться только в случае особой необходимости». И с этой оговоркой они послали девятнадцать офицеров химической службы, оснащенных новым газом в баллонах и «Дымогенератором № 1, Маркировка 1».

Из карандашного наброска доклада Стерди об операциях, охватывающего период от прибытия сил поддержки (27 мая 1919 года) до окончательной даты эвакуации (27 сентября 1919 года), следует, что Стерди считал их использование «особенно необходимым» сразу же после прибытия. Однако, экспертам по химическому оружию предстояло выяснить, что условия на севере России сильно отличаются от условий во Франции, поскольку, как сообщал Айронсайд, «оказалось невозможным распылить газ обычным ручным сбросом из-за отсутствия ветра в густом лесу. Целый месяц мы ждали северного ветра, и от этого способа распыления пришлось отказаться». Затем Айронсайд телеграфировал в военное министерство о газометах, но и они оказались бесполезными, потому что прибыли в непригодном состоянии. Как это часто бывает, солдаты на поле боя нашли свое собственное решение. Майор Т. Х. Дэвис из «Королевских инженеров» изобрел первые газовые бомбы для использования с самолетов. Эти бомбы были изготовлены артиллерийскими службами и военно-морскими мастерскими на борту ремонтного корабль ВМС Великобритании Циклоп и, согласно отчету Айронсайда, «газовые бомбардировки оказались весьма успешными и существенно помогли русской операции».

Новая попытка Айронсайда достичь Котласа 20 июня имела политические последствия в Лондоне, намного превосходящие ее военное значение.

По словам Олфри, план состоял в том, чтобы 3-й северорусский стрелковый полк предпринял фронтальную атаку на деревни Топса и Троицкое, в то время как Шервуд Келли повел две роты своих хэмпширцев в долгий поход через лес, чтобы появиться позади позиций большевиков. Олфри, который добрался до фронта на автомобиле «Форд», останавливаясь, чтобы покатаить жителей деревни, которые никогда раньше не видели автомобиля, прибыв в штаб-квартиру Келли в тылу, увидел, как деревня вспыхнула пламенем и Королевские морские мониторы преследовали большевистские канонерские лодки вверх по Двине. Он встретил около 150 большевистских заключенных, идущих к тюремным клеткам: «они выглядели мерзкими людьми, очень грязными и с самыми злодейскими нецивилизованными лицами, очень похожими на православные карикатуры».

Однако он записал, что «утренние бои прошли не слишком хорошо». На самом деле это было не так. Шервуд Келли, что было для него нехарактерно, не смог продолжить атаку и фактически вывел своих солдат, оставив своих русских союзников сражаться. Хэмпширский журнал боевых действий содержит голый отчет о работе того утра:

Атаковали 04:45. В 10.30, когда не было слышно и не было видно никаких известий о 3-й северорусской стрелковой дивизии справа от нас, которая атаковала Топсу, и противник, который сражался очень хорошо, почти окружил нас, командир решил отступить с позиции, которую мы заняли вокруг села Троицкое. Отойдя примерно на две мили, мы получили известие, что 3-й северорусская стрелковая дивизия захватил свои цели и Топсу, поэтому мы двинулись в Топсу через лес на юг.

Собственный отчет Шервуда Келли о провале его миссии был полон самооправданий и обвинений других

... было очень трудно пробраться через болото... предполагалось, что королевские инженеры сделают его проходимым, но во многих местах было сделано мало работы ... никакого телефонного кабеля, связывающего позиции ... кончились боеприпасы ... главной причиной, по которой мне пришлось отступить, было то, что я не располагал никакой информацией об успехе или о чем-либо другом в атаке на Топсу ...

Хэмпширцы провели следующие несколько недель довольно спокойно на речном фронте, прежде чем их перевели на железнодорожный фронт. Там через несколько дней после их прибытия Шервуду Келли было приказано под прикрытием газа совершить налет на несколько большевистских блокгаузов. Он быстро написал высокомерное письмо командующему фронтом бригадному генералу Тернеру, протестуя против того, что налет не будет иметь смысла, «если предлагаемая операция останется на мое усмотрение, я не буду ее проводить. Я продолжаю делать все приготовления на случай, если вы прикажете мне совершить налет.» Хотя позже он настаивал на том, что его оперативные приказы были одобрены Тернером, за исключением «задачи, которую я возложил на себя», тон его письма был неприемлемым. Это считалось неотъемлемой частью его высокомерного поведения в Троицком.

Но Шервуд Келли уже сделал шаг, который положит конец его военной роли в интервенции и катапультирует его в гораздо более опасную политическую игру. Он написал личное письмо другу на родину, в котором резко критиковал Северорусскую операцию. Позже он утверждал, что написал письмо, зная, что его

вскроет цензор и что он предстанет перед главнокомандующим, чтобы ответить за него. Он написал письмо, по его словам, потому, что его тошнит от пустой траты денег и людей на «бесполезную, бесцельную и плохо организованную кампанию», и он «полон решимости тем или иным способом вернуться в Англию».

Письмо было должным образом вскрыто цензурой, и колеса военной юстиции начали скрежетать. Бригадир Тернера попросили доложить о его поведении на севере России. Тернер был откровенен: «он вспыльчивый и раздражительный человек, который ссорится практически со всеми, с кем ему приходится общаться». Тернер добавил: «у него есть хорошо обученный батальон, и его солдаты любят его, но я не считаю, что он подходит для командования регулярным батальоном в нынешних условиях».

Шервуд Келли был в установленном порядке освобожден от командования, и 22 августа в дневнике хэмпширцев появилась запись без комментариев: «подполковник Д. М. Маклауд, награжденный Орденом «за выдающиеся заслуги», Военным крестом, Медалью за безупречную службу, 4-я Южноафриканская легкая пехота, присоединился к батальону и принял командование».

Его преступление, как он хорошо знал, требовало военного трибунала, но Айронсайд заступился за него перед главнокомандующим, генералом, сэром Генри Роулинсоном, который взял на себя общее руководство эвакуацией британских войск. Но, хотя Роулинсон был готов отправить Шервуда Келли домой без суда и следствия из-за его безупречного послужного списка, он не был готов утаить отрицательный отзыв Тернера.

Шервуд Келли (который думал, что заключил сделку с Айронсайдом, воздерживаясь от написания Роулинсону письма, «рассказывающего все», в обмен на отзыв донесения и рекомендацию дать ему шестимесячный отпуск и командование резервным батальоном на родине) пришел в ярость. Поэтому он написал еще одно письмо. На этот раз в «Дейли Экспресс». «Я прошу вас, сэр, опубликовать это письмо, чтобы люди в Англии знали правду о ситуации в Архангельске и могли предпринять шаги для ее исправления».

«Дейли Экспресс» с наслаждением проглотила его. В субботу, 6 сентября 1919 года, на первой полосе газеты появились заголовки:

«Архангельский скандал выявил двуличность политики Черчилля в России. Публично обманутый знаменитый лауреат Креста Виктории обращается к нации».

Письмо Шервуда Келли стало резким нападением как на британскую политику в Северной России, так и на то, как она проводилась. По его словам, он вызвался добровольцем в силы поддержки, искренне полагая, что помощь срочно необходима для того, чтобы сделать возможным вывод войск низкой категории на последней стадии истощения из-за ожесточенных боев среди суровых условий арктической зимы. Но он утверждал:

Я неохотно, но неизбежно пришел к следующему выводу: войска сил поддержки, которые, как нам сказали, были посланы для чисто оборонительных целей, использовались в наступательных целях в больших масштабах и далеко вглубь страны, в целях осуществления какого-то амбициозного плана кампании, о характере которого нам не было позволено знать. Мой личный опыт в этих операциях говорил о том, что они проводились довольно небрежно и не были рассчитаны на пользу в военном или любом другом смысле разумной и практической британской политики в России. Они только влекли за собой бесполезные потери и страдания в войсках, которые уже принесли большие жертвы в Первой мировой войне.

Далее он критиковал «хваленую» лояльную русскую армию», состоящую в основном из большевистских заключенных, одетых в хаки», и «марионеточное правительство, созданное нами в Архангельске».

Военное управление ответило заявлением, опровергающим это письмо, как «предвзятое и абсолютно необоснованное». В нем говорилось, что продвижение генерала Сэдлир-Джексона вперед составило десять миль и было «чисто местным делом». Это было сделано в соответствии с здравыми принципами обороны и не было проникновением «далеко во внутренние районы». И военное ведомство настаивало: «Нет и никогда не было ни малейшего намерения отклониться от устоявшейся политики эвакуации».

Все это было, конечно, лакомым куском для противников интервенции, проигнорировавших отрицание Военного министерства. «Дейли Экспресс», вооруженная еще двумя письмами от Шервуда Келли, развернула большую кампанию против Черчилля и его «частной войны». Шервуд Келли направил послание Конгрессу профсоюзов, который громко аплодировал ему. А сэр Бэзил Томсон, директор разведки Министерства внутренних дел, в одном из своих

еженедельных отчетов о «революционных организациях в Соединенном Королевстве» сказал, что письмо имело эффект в Ливерпуле, Ньюкасле, Ноттингеме и Глазго, где «был поразительный всплеск негодования».

Шервуда Келли неизбежно отдали под трибунал. 28 октября в Мидлсекском Гилдхолле он признал себя виновным в нарушении королевского устава, написав три письма в прессу. Его единственной защитой было оправдание его действий: «я прошу вас поверить, что мои действия были направлены на то, чтобы защитить жизни моих людей от ненужных жертв и спасти страну от растраты средств, которые она не могла себе позволить. Я оставляю это дело в ваших руках, надеясь, что вы вспомните мои прошлые заслуги перед моим королем и страной».

Суд действительно отнесся к нему с большой снисходительностью, приговорив только к строгому выговору. Тем не менее, его карьера в армии была закончена. Он ушел в отставку, и, хотя несколько раз пытался вернуться, ему всегда отказывали. Его жизнь печально завершилась в 1931 году, когда он умер в возрасте пятидесяти одного года, одиноким человеком в доме престарелых. Он был похоронен со всеми воинскими почестями, армия послала двух горнистов, для соблюдения похоронной церемонии при захоронении.

Были и такие, кто утверждал, что все дело в том, что он потерял самообладание в Триоцком, и все, что за этим последовало, было попыткой оправдания. Лейтенант И. Х. Боуэн с канонерской лодки «Мотылек», действовавшей на Двине, писал: «Мы сами читали одно из его интервью и думали, что большая его часть - ужасная чушь; пять лет боев, должно быть, нарушили умственные способности доблестного офицера».

Но даже если все, что он говорил, было правдой, разве это имело какое-то значение? Ответ - нет. Конечно, Айронсайд двинулся бы на Котлас, если бы путь был открыт. Конечно, Черчилль продолжал бы вести войну против большевиков, если бы ему позволили. Но Ллойд Джордж ясно выразил свою позицию: «сама идея сокрушить большевизм военной силой - чистое безумие». И, возможно, что более важно, к тому времени, когда было опубликовано первое письмо Шервуда Келли, Архангельская экспедиция уже собирала свои вещи, чтобы вернуться домой.

ГЛАВА 15

Мятеж и Крест Виктории

Архангельск, июнь – сентябрь 1919

К лету 1919 года генерал Александр Самойло, царский офицер, ставший большевиком, имел под своим командованием соответствующую военную организацию - Шестую Армию. Помимо стрелковых полков, полевых орудийных батарей, пулеметчиков и «минометного» подразделения, Самойло имел наблюдательные аэростаты и ряд самолетов, в том числе «Ньюпор», которым управлял С. Ф. Смирнов, известный, по его словам, англичанам как «Красный дьявол». Самойло также имел очень эффективный флот на Двине, который регулярно вступал в бой с английскими канонерскими лодками и поддерживал действия армии огнем из своих больших орудий.

Необычайно низкий уровень реки Двина в том году помог Самойло, так как в то время, когда он мог получать припасы вниз по реке из Котласа, британские баржи снабжения, идущие вверх по реке из Архангельска, обнаруживали, что миновать песчаные берега становится все труднее и труднее. Войска, которые должны были легко проходить вдоль реки на фронт, были вынуждены идти маршем, прибывая на линию фронта измотанными.

Но самым действенным оружием Самойло было мятежное состояние русских, зачисленных в Славяно-Британский легион и северорусские полки. Именно их недовольство больше, чем что-либо другое, заставило англичан отказаться от всех надежд, которые у них еще оставались, открыть путь к Котласу. Айронсайд был вынужден защищаться как от своих так называемых союзников, так и от врагов. В конце концов ему пришлось послать в Англию за танковым подразделением, но не для борьбы с большевиками - танки были бы бесполезны в лесах и болотах, - а для того, чтобы произвести впечатление на потенциальных мятежников в Архангельске, поскольку устрашающую мощь этого нового оружия быстро осознали.

Англичане были настолько озабочены усилением русских войск, что почти каждый был приемлемым кандидатом, и многие из них либо уже имели большевистские симпатии, либо легко попадали под влияние агитаторов, которые проникали в их ряды. Были и те, кто, прекрасно зная, какова будет их судьба после ухода союзников, предпочитали перейти к большевикам, нежели остаться с перерезанной глоткой.

Айронсайд также испытывал недостаток в боевых офицерах, поэтому нескольких сержантов и рядовых повысил в звании, чтобы укомплектовать новые полки офицерским составом.

Одним из тех, кого Айронсайд повысил в звании, был молодой канадский рядовой по фамилии Дайер, награжденный за храбрость медалью «За безупречную службу» и военной медалью. Дайеру дали «тысячу преступников» и приказали превратить их в батальон боевых солдат. Он выполнил задание. Его люди боготворили его; они стали 1-м батальоном, «батальоном Дайера» Славяно-британского легиона, и когда он умер, вероятно, от гриппа, они несли его большую фотографию, точно так же, как старые царские полки несли иконы, будучи на марше. Однако его влияние не продлилось долго после его смерти.

7 июля батальон, все еще известный как «батальон Дайера», хотя теперь им командовал полковник Уэллс, находился на резервных позициях в районе Топса - Троицкого, где потерпел поражение Шервуд Келли. В 2 часа ночи, во время короткого сумеречного периода, который в этих широтах считается ночью в середине лета, 3-я рота вместе с пулеметной ротой 4-го северорусского полка создали тщательно организованный заговор. Сначала они пытались ликвидировать своих офицеров, расстреливая их и закалывая штыками. Четыре британских и четыре русских офицера были убиты, а два британских и два русских офицера ранены, один из которых, несмотря на двадцать пять штыковых ранений, спасся доплыв до канонерской лодки.

Мятеж был подавлен артиллерийским огнем речной флотилии и находившимися поблизости британскими войсками, которые захватили в плен некоторых зачинщиков. Остальные, около 200 человек, бежали в лес, чтобы присоединиться к большевикам, которые воспользовались последующей дезорганизацией, чтобы захватить деревню Сельманга. 46-й батальон Королевских фузилеров был втянут в бой, и две роты 45-го поспешили поддержать их на барке главнокомандующего, имевшей достаточно мелкую осадку.

Рота «А» под командованием Олфри осталась позади. У него была другая задача: держать под охраной обезоруженные остатки батальона Дайера и организовать казнь зачинщиков. Первоначально было сорок человек, приговоренных к смерти, и их поставили во главе взвода, вооруженного пулеметами Льюиса и приказом открыть огонь, если возникнут какие-либо проблемы. Олфри познакомился с полковником Уэллсом: «он очень переутомился, бедняга, и к тому же у него сильно сдали нервы».

Те члены батальона, которые не взбунтовались, были расквартированы в лагере фузилеров. Я установил пулеметные посты по всему лагерю, который они должны занять, когда придут, и, если возникнет малейшая неприятность, я накачаю их свинцом быстрее самой быстрой пролетающей пули, которую им

когда-либо довелось видеть. Пулеметные гнезда расположены довольно аккуратно и скрыты, каждое из них находится в круглой палатке, который является довольно распространенным зрелищем в этих местах и не вызовет подозрений».

Одним из рядовых в батальоне была женщина, которая являлась командиром роты в женском батальоне, защищавшем Зимний дворец. Она не принимала участия в мятеже и была охвачена стыдом за поведение своих товарищей.

Олфри также обнаружил среди осужденных англоговорящего русского, который сказал, что живет в Шотландии, где его жена работает в угольной шахте. Олфри решил, что он, вероятно, невиновен в убийстве, и после некоторых споров добился его освобождения от полковника Уэллса.

12 и 13 июля проходил процесс над «осужденными», проводимый британским военным трибуналом. К большому недовольству Олфри, большинство из них избежали наказания: «я думаю, что можно было бы избавиться от многих неприятностей, если бы они позволили мне расстрелять группу людей, я несколько раз обращался к ним. Однако они не позволят мне этого сделать.» 14-го числа один из заключенных попытался бежать и был убит часовым.

К этому времени приготовления к казни были уже завершены. Двенадцать должны были погибнуть, расстрелянные своими же пулеметчиками. Пятьсот вновь мобилизованных русских должны были стать свидетелями казней, несомненно, чтобы отбить у них всякую мысль о подражании людям, которых они должны были видеть умирающими. «Судя по тем людям, которые спрашивали меня в последнее время, когда я собираюсь стрелять в людей Дайера,» - писал Олфри, - «я думаю, что было бы замечательно увеличить фонды компании, сделав небольшую стойку».

Казнь была произведена в восемь часов вечера 17 июля. Чтобы не было никаких неприятностей, русским пулеметчикам, по одному на каждого осужденного, выдали всего пять патронов, так что если бы они повернули свои пулеметы на англичан, то нанесли бы небольшой урон. Кроме того, Олфри прикрывал всю территорию пушками Льюиса и вывел своих людей на плац с заряженными ружьями и примкнутыми штыками.

Что-то вроде 1 200 человек прошли парадом, образуя три стороны квадрата. Двенадцать столбов для казни завершали площадь, и перед каждым из них был установлен пулемет. Пленников вывели, привязали к столбам и завязали глаза. Солдаты на параде молчали, но внезапно большая группа свободных от службы

британских солдат прибыла посмотреть шоу. «Мне показалось,» - сказал Олфри, «что это ужасная безвкусица».

Был угнетающе жаркий, тихий вечер. Солдат донимали назойливые комары. Отдали приказ стрелять, и пулеметы с грохотом выпустили пять очередей. Но только четверо из двенадцати были убиты сразу. Семеро остались ранеными, корчась от боли у столбов. Одного человека, сержанта, даже не поцарапало. Пулеметчик, должно быть, намеренно промахнулся. Затем расстрельный отряд был удвоен, и Олфри и офицеры из батальона Дайера «должны были пойти с нашими револьверами и добить заключенных».

Олфри также записал, что, когда сержант, «который вел себя как человек, хотя он и убийца», понял, что в него не попали, «снял повязку с глаз и крикнул: «Да здравствуют большевики». Я был рад, когда кто-то выстрелил в него и убил, потому что он был необычайно хладнокровен».

Еще шесть человек должны были быть казнены, но на следующий день Айронсайд получил яростную телеграмму из Военного министерства, критиковавшую его действия, и шесть человек были помилованы.

Всего через четыре дня после расстрелов 21 июля под Онегой, местом соединения мурманского и архангельского командований, произошел гораздо более серьезный мятеж, когда 5-й северорусский полк захватил своих офицеров и перешел к большевикам, оставив весь Онежский фронт в руках большевиков.

Мятеж возглавили солдаты 2-й роты полка, и в особенности один из ее сержантов, Виктор Щетинин, которому тогда было двадцать четыре года. В пятидесятилетнюю годовщину того, что Советский Союз называет «освобождением Севера», Щетинин вспоминал, что в его роту и другие части на линии фронта уже давно проникли большевики и уже были составлены планы мятежа, которые по разным причинам провалились.

Командиром полка был полковник Данилов, но Щетинин сказал, что командует полком полковник Лори, и военные операции планируются им и небольшой группой английских офицеров.

18 июля красные начали наступление и заняли две линии траншей белых. 2-я рота была поднята для защиты ключевого железнодорожного пути в линии наступления, и когда они достигли своих позиций в деревне и вокруг нее, им было приказано окопаться. Командир роты отправился в штаб полка в Чекуево, и Щетинин вместе с другими большевистскими агитаторами принялись за работу.

В ту же ночь они решили поднять бунт. Все прошло гладко. Горстка белых офицеров была арестована в своих постелях, боеприпасы погрузили в вагоны, и рота двинулась в Чекуево.

По версии Щетинина, не было сделано ни одного выстрела. Большая часть полка была разбросана по пяти деревням, и большевистские солдаты просто подошли к домам, где спали офицеры, и арестовали их. Не было никакого сопротивления со стороны простых белогвардейцев, «потому что они знали, что наше дело правое». Только после полудня мятежные войска решили взять штаб полка, и было очевидно, что никаких известий о восстании еще не просочилось.

Щетинин приписывает себе заслугу в аресте полковника Лори. Он вспоминал:

В британских офисах день шел своим обычным чередом. Все было спокойно. Не было ни суеты, ни шума. Полковник Лори сидел в своем хорошо освещенном кабинете, изучая настенную карту с белыми и синими флажками. Белые обозначали интервентов. Синие обозначали красных.

Мы ворвались внутрь, и нашего прибытия определенно не ожидали. Мы навели винтовки на полковника. Он был так удивлен, что просто сидел, словно пригвожденный к стулу, и отказывался двигаться. Наши парни знали, что делать, и они подошли, подняли его, все еще сидящего в кресле, и повели туда, где мы выстроили остальных британских офицеров. Все было кончено. У нас их было много. Теперь у нас было три стрелковые роты, пулеметная рота, учебная пулеметная рота, кавалерийская рота, а также подразделения снабжения и медицины. Кроме того, мы захватили боеприпасы, продовольствие и три лодки. Меня избрали новым командиром полка.

Щетинин рассказал, что полк затем соединился с расположенным неподалеку 154-м Красноармейским полком. Советские историки склонны утверждать, что этот мятеж был началом конца интервенции, но это было уже давно в прошлом. В нем безошибочно говорилось о том, что Временное правительство в Архангельске не сможет выстоять против большевиков после ухода союзников, поскольку, хотя и были отдельные лица, готовые отдать свою жизнь за антибольшевистское дело, едва ли нашлось бы подразделение, которое не было бы пронизано подрывной деятельностью.

С практической точки зрения Онежский мятеж был серьезным затруднением для союзных войск, перерезав сухопутную связь между Мейнардом и Айронсайдом и создав двустороннюю угрозу. Если большевики ударят на восток, они будут

угрожать людям Айронсайда, растянувшимся вдоль железной дороги, а если они повернут на запад, они будут угрожать Сороке, ключевому пункту на линии коммуникаций Мейнарда. Онега оставалась угрозой до 8 сентября, когда большевики, опасаясь нападения союзников, подожгли город и ушли.

Именно в этих обстоятельствах сэр Генри Роулинсон («Лис Роули», как его называли) был послан в Архангельск в качестве командующего Архангельском и Мурманском для координации вывода обеих сил. Его назначение было встречено чем-то вроде истерики газетой «Дейли Экспресс», которая утверждала, что «будет проведена комбинированная военно-морская операция, и выбор одного из самых опытных британских генералов для руководства ею предполагает, что она будет иметь большой масштаб. На самом деле мы находимся в опасности втянуться в новую войну», и в газете далее говорилось: «Это откроет глаза британской общественности на серьезные последствия авантюры мистера Черчилля в Северной России...»

Было ли назначение Роулинсона необходимым, сомнительно. Мейнард и Айронсайд вполне могли провести эвакуацию. Но ни один из них публично не возражал, и когда он прибыл в Архангельск 9 августа, Айронсайд встретил его на пристани.

Айронсайд уже предпринял серию решительных налетов на большевиков, призванных, по словам одного из покойных генералов, «нанести им поражение», убедить их не вмешиваться в эвакуацию и дать войскам Временного правительства передышку после ухода англичан.

Королевские фузилеры были в самой гуще, подгоняемые наступающим Сэдлором-Джексоном. Одним из офицеров 45-го Королевского Фузилерского полка был Эдвард Сутро, впоследствии прославившийся как британский чудак. После Второй мировой войны он разъезжал по Лондону в Белом «Роллс-Ройсе», брал с собой кофемолку и запас бобов, куда бы ни отправился, и, блистая в накидке, посетил около 6000 театральных премьер. Но в лесах вокруг Архангельска он жил совсем другой жизнью и был награжден Военным крестом. Вернувшись в Англию, он взял с собой маленькую собачку по кличке Двина и клялся, что она спасла ему жизнь. Его мать, однако, не любила собаку, и когда однажды она обнаружила лужу на кухонном полу, она выгнала Двину из дома, после чего Сутро, возражая, что лужа вышла из протекающего холодильника, хлопнув дверью ушел из дома со своей собакой и заказал им обоим билет в Новую Зеландию, где он пробыл шестнадцать лет. Вернувшись в Англию, он никогда не позволял охотиться на своей земле, потому что, по его словам, он

узнал, каково это, когда на тебя охотятся в России. Среди бумаг Сутро есть копия песни, спетой 45-м на мотив популярной песни мюзик-холла:

Сэдлир, Сэдлир, Сэдлир мальчик мой,
Куда ты нас сейчас ведешь?
Ты обещал после шоу отвезти нас домой
Да так все и застопорилось само собой.
Весь батальон
Узнает у меня,
Когда же? Когда?
Я не знаю, господа.
Сэдлир, Сэдлир, Сэдлир мальчик мой,
Куда ты нас сейчас ведешь?

Ответ на этот вопрос находился в болотах, лесах и комарах, которые должны были убить как можно больше большевиков.

10 августа, на следующий день после прибытия Роулинсона, Королевские фузилеры и белогвардейские части атаковали удерживаемую большевиками деревню Сельцо. План состоял в том, чтобы русские предприняли фронтальную атаку, в то время как многие фузилеры атаковали фланг, а роты А и Д отправились в долгий поход, чтобы атаковать деревни, расположенные за Сельцом. Это превратилось в запутанное и кровавое дело. Фузилеры, пробиравшиеся через лес за два дня до атаки, обнаружили, что их тяжелая техника не может пройти через болота. Все приходилось тащить на руках, горная батарея не могла продвинуться вперед, а ранцы приходилось бросать. Когда началась настоящая атака на Сельцо, она была прервана пулеметным огнем большевиков. Затем рота «Д» была атакована красногвардейцами, высадившимися с лодок, которые также открыли по ним огонь с расстояния в двести ярдов. Майор де Маттос был смертельно ранен, а майор Шеппард убит. Небольшие группы солдат вели отдельные сражения среди сосен. Рота Олфри штыковой атакой взяла деревню Пиповец, вытаскивая большевиков из труб и из-под матрасов.

Затем они отступили через лес, подобрав оставших из других частей, а также 400 большевистских пленных, несущих раненых. Измученные, голодные и почти без боеприпасов, они попали в засаду, когда пересекали единственный дощатый мостик через небольшую речку. Солдаты с мостика были сброшены в реку пулеметным огнем, а захваченные большевики бросили раненых и побежали.

На какое-то время воцарилась полная неразбериха, которую не встретишь нигде, кроме как на поле боя. Пули с глухим стуком врезались в сосны, люди ломались сквозь подлесок, а раненые кричали, когда их уносила река. Положение спас капитан Ирландской гвардии С. С. Харрисон, служивший в пулеметном корпусе. Он не терял головы, быстро установил свои пулеметы на берегу реки и отогнал сидящих в засаде. Он получил планку к своему Военному кресту за «отвагу и плодотворный труд».

В течение нескольких дней после этого леса были полны потерявшихся солдат, как большевиков, так и англичан, поскольку они изо всех сил пытались найти путь к безопасности, иногда встречаясь и сталкиваясь, прежде чем возобновить поиск своих собственных позициями. Британские самолеты летели низко над лесом, стреляя разноцветными огнями, чтобы вести отставших в нужном направлении, в то время как горнисты постоянно играли «сбор» на краю леса, чтобы вести потерявшихся солдат домой. В конце концов большинство из них, включая сурового австралийского командира фузилеров полковника Дэвиса, добрались до безопасного места. Но в ходе операции были убиты четыре офицера, один ротный старшина и еще двадцать рядовых. Одним из погибших офицеров был лорд Сеттрингтон, который, будь он жив, стал бы герцогом Ричмондским и Гордонским.

Несмотря на потери и неразбериху, операция была оценена англичанами как успешная: большевики потеряли гораздо больше людей и были настолько дезорганизованы атакой фузилеров на их тыл, что они бежали через лес, оставив Сельцо, которое теперь было занято белогвардейцами.

45-й был вовлечен в еще одно отчаянное дело две недели спустя в Емце на железной дороге. Деревня несколько раз переходила из рук в руки во время ожесточенных боев, прежде чем, наконец, была захвачена фузилерами. Именно там 29 августа сержант Сэмюэл Пирс погиб, и посмертно награжден Крестом Виктории. Это был единственный Крест Виктории, которым наградили солдата за все время интервенции, хотя, как мы увидим, три морских офицера также должны были получить медаль. Пирс родился в Уэльсе, но вырос в Австралии. Он вступил в австралийскую армию, как только достиг подходящего возраста в 1915 году, и стал пулеметчиком на Западном фронте, где получил военную медаль. Он записался добровольцем в отряд поддержки, переведенный в британскую армию 18 июля 1919 года, и отплыл, чтобы присоединиться к фузилерам. Он почти сразу попал в гущу событий и в Емце, согласно его цитате: «во время операции против вражеской огневой позиции батареи севернее Емца ... Сержант

Пирс прорубил себе путь через вражескую колючую проволоку под очень сильным пулеметным и ружейным огнем и расчистил путь для войск, чтобы они смогли зайти на позицию батареи. Видя, что блокада мешает нашему продвижению и наносит нам потери, он атаковал блокаду в одиночку, убивая находящихся внутри бомбами. Этот доблестный сержант встретил свою смерть через несколько минут, и именно благодаря ему позиция была взята с таким небольшим количеством потерь. Его великолепная храбрость и полное пренебрежение к собственной безопасности снискали ему восхищение всех солдат».

Ожесточенность боев за Емцу зафиксировал Самойло. Два британских батальона, писал он, «были брошены в атаку на нашем правом фланге и вышли на нас из леса. Они достигли наших артиллерийских позиций и заняли их после шести часов боев. Они попытались захватить бронепоезд № 20, но, хотя экипаж был убит, он был запущен и пошел на помощь 1-й батарее легкой артиллерии и вывез ее в безопасное место. Интервенты подожгли Емцу и разрушили водонапорную башню. К полуночи они захватили все наши передовые позиции, но 500 наших солдат плюс десять пулеметов и четыре миномета сумели вырваться. 155-му полку удалось продержаться на железнодорожной станции почти двое суток. Но никакие подкрепления не могли прорваться. Англичане атаковали снова и снова и подожгли станцию. Наши люди были измотаны и сдались».

Были, конечно, и другие полки, участвовавшие в боях вокруг Архангельска. Королевские шотландцы, пережившие самые тяжелые зимние бои, в июне отправились домой, чтобы демобилизоваться, но их место заняли несколько знаменитых полков. В бригаде Грогана к легкой пехоте «Оксфордшира и Бакингемшира» был прикреплен Королевский уорикширский полк. Среди уилтширцев находились солдаты, служившие вместе с хэмпширцами, которые вернулись на передовую и хорошо зарекомендовали себя под началом нового командира. Там были легкая пехота Хайленда, легкая пехота Дарема и Ливерпуля. Два йоркширских батальона были восстановлены и получили ряд наград за храбрость. Все вспомогательные вооружения были представлены, и Королевские морские пехотинцы служили как солдатами, так и моряками на борту речных канонерских лодок. И так как британская армия на собственном горьком опыте усвоила урок пулеметного боя на Западном фронте, пулеметные корпуса были повсюду. Отряд танкового корпуса прибыл с тремя тяжелыми танками Mark V и тремя Medium Mark B «Уиппетами», а также официальным талисманом «Нелл» - собакой-посылкой, раненной в бою во Франции.

Бригада Грогана, удерживая фронт на реке Пинега к востоку от Двины, следовала той же политике, что и бригада Сэдлира-Джексона, нанося серию резких ударов по большевикам, как боксер, пытающийся подорвать силы противника. Самолеты широко использовались в этих операциях, развивая систему взаимодействия с сухопутными войсками, которую, увы, пришлось заново изучать англичанам во Второй мировой войне. Широко использовался отравляющий газ и был издан список мер предосторожности для войск после газовой атаки с воздуха:

A. Ни один человек не должен входить в «область дымовой завесы» до полутора часов после того, как будет сброшена последняя бомба.

B. Погребов и углублений следует избегать.

C. Воду в этих деревнях не пить.

D. Земля загрязнена там, где падают бомбы. Контакт с кожей будет исключен.

За закрытыми домами будут специально следить, так как мягкие двери с мягкой обивкой могут не пропускать газ. Курение сигарет даст некоторое облегчение, если вдохнули газ.

Одна из таких газовых атак была назначена на 4 сентября: «Поча и Вехтово будут сильно бомбиться нашими самолетами. Сразу же после этого эти места будут разграблены и уничтожены».

В данном случае у нас есть редкая возможность ознакомиться с отчетами обеих сторон об одном и том же событии. В военном дневнике штаба Грогана записано: «самолеты сбросили на Почу 200 газовых бомб. Один самолет вынужден был приземлиться севернее Прилука и впоследствии был нами уничтожен. Применение газовых бомб имело лишь небольшой успех.»

Русский отчет был отправлен по телетайпу от начальника оперативного отдела Буренина и военкома 6-й армии Попова:

Район Северной Двины. Пинежская позиция (2-я бригада). 4 сентября противник из шестидюймовых орудий обстрелял позиции 481-го стрелкового полка в районе села Усть-Пога (Поча). Вражеские самолеты использовались в качестве корректировщиков для обстрела. Один из самолетов загорелся и упал в районе деревни Прилуцкой. В течение 4 сентября вражеская авиация сбросила на наши позиции до 100 бомб, большинство из которых были начинены отравляющими газами. Один

человек погиб. Один ранен. Несколько человек отравились газом. Две лошади убиты. Одна ранена...

Одной из причин неэффективности газа было то, что у большевиков имелись противогазы.

Пилоты были занятые молодые люди. Летая на различных самолетах и часто обмениваясь ими, они летали на задания почти каждый день. В бортовом журнале 2-го лейтенанта Л. У. Мейсона записано: «бомбардировка канонерских лодок на Двине ... Налет на аэропорт большевиков. Ньюпор в огне ... Бомбардировка флота большевиков... Подбил канонерку... Троицкое, обстрел окопов». Другой пилот, майор Карр, приземлился на большевистском аэродроме и кружа по нему обстрелял его, прежде чем снова взлететь. Одним из пилотов, летевших с аэродрома Березник, был капитан ас Первой мировой войны Ира «Таффи» Джонс, сбивший сорок немцев на Западном фронте.

Но это были лишь последние отблески угасающей битвы. Союзники отступили в Архангельск с королевскими фузилерами, обеспечивавшими аррьергард, что было несколько рискованно, поскольку Двина была настолько мелкой, что их транспортные баржи часто застревали на песчаных отмелях. Большевики, понесшие тяжелые потери в этих последних боях, отомстили, обстреляв застрявшие лодки и убив несколько человек. Некоторые лодки были уничтожены минами, уплывшими вниз по реке. «Светлячок», одна из канонерских лодок, была взорвана таким образом, и капитан погиб. Также был уничтожен тральщик «Танец с мечами».

Было решено, что два из вновь прибывших танков, один тяжелый и один Уиппет, будут переданы русским для формирования северорусского танкового корпуса, и была спешно создана танковая школа, чтобы научить новый корпус, которым командовал полковник Кеноткенич, как ими пользоваться. За два дня до эвакуации этот новенький корпус пригласил своих английских наставников на обед в Петроградский клуб «Сен-Жорж» и осыпал их почестями и наградами. Газета интервентов «Архангельский вестник», напечатала свой последний выпуск. Войска в последний момент заключили сделку, названную «Сколькеринг» от русского слова «сколько», большинство из них хотели забрать меха домой. ИМКА закрыла свои двери. Славяно-Британский легион столкнулся с неопределенным будущим. И те граждане, которые очень хорошо знали, каким будет их будущее при большевиках, обратились с просьбой о том, чтобы их вывезли в Англию.

Части, которые больше не были нужны, были отправлены обратно в конце августа и начале сентября. 9 сентября штаб «Северной России» закрылся, 23-го все британские войска отошли в город, а 27-го под прикрытием комендантского часа из Архангельска вышел конвой из сорока пяти кораблей. Арьергард с-роты 45-го Королевского Фузилерского полка и Пулеметная рота Льюиса прикрывали эвакуацию, в то время как гидросамолеты патрулировали в небе, а прибрежные моторные лодки блокировали реку. Корабль ВМС Британии «Фокс», с орудиями, направленными на город, стоял наготове, чтобы справиться с любым вмешательством. Роулинсон и Айронсайд сели на транспортный корабль «Царица». Ветер дул крепкий, с воем проносясь по пустынному, безмолвному городу. Фузилеры были взяты на морской буксир «Вар-карма» и доставлены вниз по реке на борт «Замка Килдонан». Поскольку ни на одном из кораблей не нашлось места для одной из прибрежных моторных лодок, которые так хорошо поработали на Двине, ее накачали трассирующими пулями, пока она не была уничтожена.

В ту ночь подопечные Сэдлир-Джексона на борту «Замка Килдонан» очень плотно сидели в курилке и спорили с некоторыми из своих коллег, которых они считали самонадеянными. Это был своеобразный британский способ оплакивать неудавшееся предприятие.

Когда 6 октября генерал Айронсайд прибыл в Ливерпуль, репортер спросил его, не желает ли он рассказать что-нибудь об экспедиции. Он ответил, что, по его мнению, об этом уже было сказано слишком много, но добавил, что, по его мнению, экспедиция выполнила свою работу и теперь русские монархисты смогут постоять за себя.

Но, неизбежно, как только англичане отплыли, Северорусская армия быстро уступила большевикам, хотя, конечно, были великие подвиги личной храбрости тех, кто остался сражаться. Майор Дж. Н. Л. Брайан, командовавший отрядом танкового корпуса, рассказал в журнале танкового корпуса, как он получил телеграмму от полковника Кеноткенича, который вступил в бой со своими двумя танками вскоре после эвакуации. Там было написано: «гордый хранитель традиций, английский танковый корпус. Взяли в славном бою пять укрепленных пунктов и станцию Плесецкую».

Но это не могло продолжаться долго. А тяжелый «Mark V» полковника Кеноткенича теперь стоит в Архангельске как советский памятник их победе над «силами капитализма и империализма».

ГЛАВА 16

Последние сражения

Мурманск, апрель – октябрь 1919

В течение всего лета 1919 года Мейнард, хотя ему и было приказано избегать боевых потерь, в Мурманске вел небольшую, но профессиональную войну, в которой, за исключением нескольких мелких неудач, он всегда выходил победителем. В апреле майор Андерсон, офицер, командовавший в Сегеже, узнав, что большевики собираются в Уросозево, примерно в двадцати милях вниз по железной дороге, чтобы напасть на него, предпринял упреждающую атаку и разгромил их. Они оставили пятьдесят убитых, а сорок пленных были отправлены обратно на некогда грозный линкор «Чесма», теперь превращенный в плавучую тюрьму. Люди Андерсона захватили, среди прочего, два полевых орудия с 7000 снарядами и двадцать два грузовых вагона вместе с большим количеством ценного железнодорожного оборудования для ремонта. Позднее Мейнард щедро воздал должное французскому экипажу бронепоезда: успех, по его словам, был во многом обусловлен их храбростью. Потери союзников состояли из одного убитого и пятерых раненых. В последующих операциях по наведению порядка на поле боя вновь обученные русские войска под командованием первоклассного офицера капитана Давыдова зачистили ряд позиций большевиков, что побудило белогвардейцев продвигаться дальше на юг.

Это поставило Мейнарда в затруднительное положение: хотя оккупация северной оконечности Онежского озера теперь казалась достижимой и стоящей целью, он был вынужден по приказу из Лондона придерживаться политики ненападения, а русские еще не были достаточно подготовлены, чтобы предпринять то, что по меркам Мурманска было крупным наступлением.

Мейнард, однако, считал, что стоит попросить у военного министерства разрешения на атаку. Он указал, что создание новой линии, идущей от Повенца на востоке до Медвежьей горы на Западе, поставит его в гораздо более сильную тактическую позицию. Он также чувствовал, что теперь у него есть войска для выполнения этой работы: он был усилен двумя специальными ротами, одной из Миддлсекского полка, а другой из Корпуса королевских стрелков, а также приобрел две роты американских железнодорожных войск, которые оказались неоценимыми. Они были не только опытными железнодорожниками, но еще их надо было сдерживать от вступления в битву. Более того, теперь у него было достаточно артиллерии.

К некоторому своему удивлению, он получил одобрение военного министерства на наступление и впоследствии приступил к подготовке с энтузиазмом, которая вызвала недовольство у его и без того перегруженного штаба. У него была пара 4, 5 дюймовых гаубиц, установленных на открытых железнодорожных вагонах, он послал ледакол и траулеры за полевой батареей из скованной льдами Печенги и собрал флотилию ветхих лодок, которые должны были стать флотом на Онежском озере. Флагманский корабль, вооруженный 37-миллиметровыми орудиями, был переименован в «Веселый Роджер», и весь флот погрузили на платформы, готовые к отправке на юг по железной дороге.

Единственным подразделением, с которым у Мейнарда теперь возникли некоторые трудности, была авиационная поддержка. Его шесть RE8 были в таком ужасном состоянии, что только три из них когда-либо летали, и их пилоты, в отличие от асов, которых посылали в другие части России, были неопытными юнцами.

Мейнард разделил свои 3000 солдат на колонны по трем линиям наступления: британские, французские, итальянские, сербские и русские войска были задействованы, в то время как американцы восстанавливали мосты, заново прокладывали пути и затем охраняли их работу. Наступление продолжалось с 1 по 21 мая, когда пала Медвежья Гора. Оно был задержан наступлением оттепели, которая заставила людей пробираться через болота и стремительные ручьи, но закончилось полным успехом.

Теперь Онежская флотилия двинулась на юг, и «Веселый Роджер» был спущен на воду 4 июня. Это оказался несчастливый корабль, так как его двигатели неоднократно выходили из строя, а 8 июня он загорелся и взорвался, убив пять человек. Но в данный момент данный корабль был бесценным, и возглавлял флотилию, включающую в себя несколько лодок, оставленных отступающими красными в тающих льдах, и насчитывал шесть моторных лодок и два паровых катера.

Мейнард, завершивший наступление всего лишь с одним из своих RE8 - и это было скорее проявлением веры пилота, чем полетопригодностью, - также приобрел новые воздушные силы, звено гидросамолетов Short и звено гидросамолетов Fairey IIIС, доставленных в Мурманск транспортом гидросамолетов Nairana, самолет с которого напугал большевиков из Архангельска в августе прошлого года.

Прибыв по железной дороге из Мурманска 4 июня, первый самолет вылетел с Медвежьей горы через два дня. Впервые они проявили себя 8 июня, когда появились четыре вооруженных большевистских парохода. Они были крупнее и тяжелее вооружены, чем флотилия Мейнарда, которая, тем не менее, вступила в бой. Это могло бы закончиться катастрофой, но гидросамолеты взлетели, застали врасплох большевистские корабли и обратили их в бегство под градом бомб и пулеметного огня, а моторные лодки наступали им на пятки. Капитан-лейтенант Дж. Матер, служивший майором в Королевских инженерных войсках, выиграл в этом бою орден «За выдающиеся заслуги» за то, что вывел свои четыре лодки для атаки большевистских канонерских лодок.

Одной из сильных сторон Мейнарда было то, что у него было несколько офицеров, которые с удовольствием принимали самостоятельные действия с небольшими группами местных «партизан». Один из них, капитан 5-го гвардейского драгунского полка М. Б. Берроуз, одержал победу в майских боях за высадку десанта с отрядом из десяти человек на полуострове Сунга на Онежском озере. По его словам, он «поднял партизан и своими энергичными действиями против большевиков прикрыл высадку русского батальона». Несколько недель спустя, став майором, Берроуз получил орден «За выдающиеся заслуги» за очередную миссию в тылу. «Взяв 120 человек через 15 верст Онежского озера, данная часть которого находилась в руках неприятеля, (он) высадил их близ Ват-Наволока, в 21 версте [14 миль] в тылу неприятельской линии фронта и захватил гарнизон этого места. Затем он повел свой отряд на железную дорогу к западу от Ват-Наволока и своими умелыми действиями оказал большую помощь колонне, действовавшей на железной дороге».

Еще одним молодым офицером, ставшим чем-то вроде легенды за свои смелые операции и, очевидно, ставшим бы прекрасным нынешним офицером элитного полка Специальной воздушной службы, был лейтенант Э. А. Смолл из общего списка. Он собрал группу, которая стала известна как «партизаны Смолла». О них говорили как об «охотнике и его гончих». Обычно Смолл одевался в непромокаемые брюки и крикетную рубашку цвета хаки.

Одним из его подвигов было возвращение предателя из тыла большевиков, протяженностью в шестьдесят миль. Этот человек предал агента союзников, которого убили, воткнув в него заостренный кол. Предателя повесили.

Его люди были преданы ему и, как с завистью писал один из его коллег, «следили за тем, чтобы он всегда получал яйца на завтрак».

В другой раз вместе с тридцатью семью своими людьми Смолл захватил в плен командира большевистской бригады, штаб бригады и пятьдесят других пленных, украл затворный механизм трехдюймовой пушки и привез их обратно в подарок Мейнард. Его самый смелый и ценный рейд в тылу уничтожил жизненно важный мост через реку Суна, по которому большевики доставляли из Петрограда все припасы. ВВС уже некоторое время пытались уничтожить этот мост, но безуспешно, так как он представлял собой небольшую цель и был хорошо защищен крупнокалиберными пулеметами. Однажды Мейнард в отчаянии сказал: «я хотел бы, чтобы кто-нибудь сжег этот несчастный мост». Смолл подслушал его, собрал своих партизан и 18 июля отправился в путь. На данную операцию у них ушло пять дней: днем они прятались, а ночью шли по пересеченной местности, постоянно рискуя быть преданным или наткнуться на большевистский патруль. Но они прибыли незамеченными, застали врасплох охрану на станции, захватили два пулемета, а затем подожгли мост, полностью уничтожив северный конец и сделав его непроходимым. Смолл за свои старания был награжден медалью «За выдающиеся заслуги».

Во время этих боев новые русские полки обучались с предельной быстротой. Мейнард нуждался в них на передовой, потому что многие из его первоначального отряда отправились по домам. Канадцы уехали; так же быстро уехали и американские железнодорожные войска. А замечательные сербы думали, что им пора возвращаться в свою страну.

Кроме того, русские должны были получить опыт в полевых условиях, прежде чем союзники окончательно уйдут.

Поэтому Мейнард был в восторге, когда из Архангельска, чтобы возглавить русские войска, прибыл генерал-белогвардеец Скобельцин,. Предполагалось наступление на 10-й Разъезд южнее Медвежьей горы, в котором вновь созданные русские полки будут использованы совместно с Олонецким полком, сформированным из русских и карелов с финской границы, уже доказавших свою состоятельность в ряде сражений. Атаку должна была поддержать британская артиллерия.

Олонецкий полк действовали превосходно, но новые русские формирования бежали, как только большевики открыли огонь, и атака сорвалась. Мейнард по моральным соображениям не мог допустить, чтобы это поражение осталось неотмщенным. Олонецкий полк снова вступили в бой при поддержке роты сербов, а к недовольным русским добавили костяк из сербов, и они получили относительно легкое задание, в то время как основная атака была предпринята

английскими пехотными и пулеметными отрядами. Нападение произошло 13 июня. Точный артиллерийский огонь деморализовал большевиков, и они бежали, позволив британским силам одержать легкую победу без единой потери.

Новые русские полки, однако, подверглись сильной контратаке при их продвижении вниз по берегу Онежского озера к деревне Федотово и именно здесь мы находим след капитана Кроуфорда, бывшего «короля Рестикента», чей дневник оборвался. Он был поставлен во главе всех русских пулеметчиков и повел их вперед. Он отбил большевиков, продвинулся еще на три мили и захватил двадцать четыре пленных и пулемет. Он был награжден Военным крестом, при вручении награды говорилось: «его доблестное руководство оказало большую услугу».

За этим успехом последовала хорошо организованная комбинированная операция против трех большевистских кораблей у Толвуя на полуострове Шунга, где их орудия срывали попытки белогвардейцев захватить порт. Мейнард получил подкрепление из Англии для своего флота: шесть 40-футовых противолодочных кораблей, вооруженных 3-фунтовыми пушками и пулеметами, и шесть 35-футовых моторных лодок с пулеметами. Эти лодки находились под командованием капитана Кертиса, который имел при себе 14 офицеров и 120 рядовых. Они были гораздо меньше большевистских пароходов, которые базировались в порту Петрозаводска на западном берегу озера. Но они обладали преимуществом в скорости и маневренности, и у них были гидросамолеты Королевских ВВС, которые не встречали сопротивления в воздухе.

Четыре гидросамолета «Фейри» открыли атаку на корабли красногвардейцев 3 августа, и их бомбы вызвали панику у русских экипажей. Два корабля шли на юг так быстро, как только позволяли их двигатели, а третий сел на мель и был брошен экипажем. Затем, в то время как гидросамолеты преследовали красные корабли, противолодочные корабли Кертиса окружили их как осы шмелей, жаля их 3-фунтовыми снарядами, пока они не сдались. Затем лодки союзников высадили десант на берег и вместе с белогвардейцами захватили Толвую.

Это было в высшей степени удовлетворительное мероприятие; добыча включала 300-тонный пароход и небольшой эсминец, вооруженный двумя 3-дюймовыми пушками, и это поставило всю северную часть озера под контроль союзников. Мейнард, после переговоров в Архангельске с Айронсайдом и генералом [Евгением Миллером](#) (который занял [пост главы северорусского правительства после Чайковского](#) и оказался первым эффективным русским лидером на севере),

вернулся, чтобы организовать последнюю серию атак, прежде чем союзники уйдут. Как и в Архангельском секторе, цель состояла в том, чтобы причинить большевикам как можно больше вреда и дать белогвардейцам время и пространство для обеспечения их выживания. Атаковать должны были около 9000 солдат, из которых 6000 составляли русские, организованные в три колонны. До возвращения союзников в Мурманск и отправления их кораблей домой оставалось так мало времени, что их солдаты были сосредоточены в двух центральных колоннах, чтобы облегчить обратный путь.

Именно здесь мы должны рассказать историю 6-го батальона Королевской легкой морской пехоты. Ранее ее никогда не рассказывали. Британское военное министерство и Адмиралтейство ввели строжайшую цензуру, и люди, вовлеченные в это дело, подвергались таким угрозам, что один старик, возможно, последний оставшийся в живых из этого несчастного батальона, был слишком напуган, чтобы рассказать свою историю.

Батальон был создан не для того, чтобы идти воевать на север России, а для выполнения в основном церемониальных обязанностей во время плебисцита, проходившего в Шлезвиг-Гольштейне, который определял, останется ли он частью Германии или вернется к Дании. По этой причине в батальон входили молодые люди, в основном новобранцы, а также люди, которые во время войны были отправлены в море после короткого периода обучения. Сюда же входили люди, вернувшиеся после душевных и физических тягот заключения в немецких лагерях для военнопленных и, как ни странно, не получившие отпуска перед повторной отправкой за границу.

По одной роте было предоставлено Чатемской, Портсмутской и Плимутской дивизиями Королевской морской пехоты вместе с ротой Королевской морской артиллерии. Они соединились в Беденхэме, недалеко от Госпорта, для обучения - но их обучение было скорее церемониальной тренировкой, чем военной в трудных условиях. Однако, пока они готовились к тому, что должно было быть приятной обязанностью в дружественной стране, Адмиралтейство попросили предоставить батальон морской пехоты, чтобы поддержать силы, имеющиеся в распоряжении у Роулинсона, чтобы прикрыть эвакуацию. 6-й батальон, казалось, превосходно подходил по счету. ибо не ожидалось, что ему придется вести какие-либо боевые действия. Так, под командованием подполковника А. де В. Киткета они были отправлены в Россию, высадившись в Мурманске 8 августа. В тот же вечер они отправились в Кемь, куда прибыли 10-го числа, чтобы оказаться далеко не солдатами тылового эшелона. Солдаты направлялись к линии фронта, чтобы

принять участие в последнем наступлении Мейнарда. И они были не очень этому рады.

Во-первых, им не дали возможности добровольно участвовать в русской миссии. Генерал-адъютант Королевской морской пехоты просто «поручился» за них в Военном министерстве. Во-вторых, Киткэт решил, что разумнее не платить им за день до отъезда из Беденхэма, чтобы не оставлять после себя пьяниц. И, в-третьих, с окончанием войны никто не хотел рисковать своей жизнью ради России. Если бы это была Англия, они бы воевали охотно, но Россия - другое дело.

Морпехи впервые вступили в бой 17 августа, когда рота «С» при поддержке бронепоезда оттеснила большевиков дальше по железной дороге. Затем в ночь с 29-го на 30-е рота с под командованием Киткэта атаковала деревню Коикори. Предполагалось, что это будет преддверие удара на юг, и ожидалось, что большевики убегут, когда артиллерия откроет огонь и гидросамолеты начнут сбрасывать бомбы. Но деревню обороняли крепкие и опытные красные финны, а морпехи были встречены сосредоточенным пулеметным огнем с заранее подготовленных позиций. Киткэт был ранен в ногу, три человека убиты, восемнадцать ранены, и морские пехотинцы отступили, в конце концов остановившись в Святнаволоке, примерно в десяти милях от места сражения, в девять вечера. Они не ели с полуночи вчерашнего дня и очень устали. Когда их сменил Восточно-Суррейский полк, они оставили свое снаряжение, продолжая двигаться дальше к Тивдии, переплыв десять миль через Лижмозеро. Это был ничем не примечательный поступок, предвещавший грядущую беду.

8 сентября рота «Б» возобновила наступление на Коикори, а рота «Д» атаковала Уссуну. Бойцы роты «Б» уже дали понять своим офицерам, что им не следует пытаться завоевать какие-либо медали. Они сразу же попали в беду. Когда русский проводник роты «Б» исчез, быстро стало ясно, что он большевистский агент, поскольку морские пехотинцы вскоре попали под сильный огонь с тыла. Многие из них были убиты выстрелами в спину. Одним из них был рядовой Дэйви, который, когда его застрелили, просто сказал: «меня убили» и умер. Рядовой Пайл, который был ранен и взят в плен во время этой операции, сказал позже, что видел проводника в русском лагере. Позже Пайл был награжден медалью «За безупречную службу» за его «храбрость, решимость и преданность», проявленные, когда он был в плену у большевиков в течение года.

Но в тот день морпехам было вручено мало медалей. Командир роты майор А. К. Барнби был ранен. Как и капитан Нойс. Капитан Уоттс, который должен был взять на себя командование, пал духом, и рота отступила в беспорядке. То же самое

произошло и с ротой «Д», и вскоре англичане, вместо того чтобы наступать, начали поспешно отступать перед контратакой красных финнов.

О пикантности ситуации можно судить по благодарностям за медали, которые были завоеваны в тот день. Лейтенант морской пехоты У. А. М. Лансон был награжден «Военным крестом», «когда, несмотря на ранение, он отказался покинуть линию обороны, тем самым укрепив свой взвод». Капитан У. Моррис из пулеметного корпуса был награжден «Военным крестом» за то, что «чрезвычайно умелое обращение со своими орудиями, и под сильным огнем успешно вступил в бой с противником, в то время как пехота отступила». Лейтенант В. Г. Ирвин-Форсеск из королевских инженеров получил планку к своему «Военному кресту» «за явно хорошее руководство в очень трудных обстоятельствах. 8-го числа, когда наступающие войска потерпели неудачу и утратили дисциплину, он занял свой участок с другими подкреплениями и успешно удержал линию».

Эти благодарности рассказывают историю храбрых людей, хладнокровно действующих перед лицом катастрофы.

Лейтенант П. Р. Смит-Хилл оказался теперь во главе роты «Б» и, как он позже сообщил,

Я реорганизовал роту и поставил посты на дороге Койкори-Святнаволок. По возвращении после разговора с майором Стровером (пулеметный корпус) я обнаружил роту, собравшуюся на дороге. На вопрос, почему они покинули свои позиции, они сообщили мне, что майор сказал им оставить свои пулеметы Льюиса и «убираться к черту», поскольку они не нужны, и что он найдет кого-то, «кто был бы полезен для этой позиции».

Мне сказали, что майор Стровер позвонил в штаб и сообщил, что высылает оттуда морских пехотинцев, так как они ему не нужны, и попросил, чтобы их не одевали и не кормили.

Солдатам было передано, что те, кто не желает сражаться, могут вернуться. Солдаты повиновались приказам.

Койкори и Уссунa так и не были взяты, но остальная часть атаки Мейнарда, начатая 14 сентября, блестяще удалась. Большевики понесли тяжелые потери, в том числе тысяча человек попала в плен. Их самый большой корабль на Онеге, четырехтрубный эсминец, был подбит и поврежден гидросамолетами, и весь фронт продвинулся примерно на двадцать миль, так что Мейнард смог передать

его генералу Скобельцину вдоль линии реки Нурмис." Генерал Роулинсон отдал приказ, чтобы Мейнард не выходил за пределы реки Нурмис на случай, если его люди окажутся слишком далеко, чтобы соблюсти график эвакуации.

К 25 сентября Скобельцину и его новой русской армии передали полномочия, и все союзные войска двинулись обратно в Мурманск. Для них война закончилась. Для генерала Мейнарда она так же закончилась, потому что после года непрерывной войны и штабной работы, проведенной в самых тяжелых условиях, его медицинская комиссия, наконец, доказала правильность своего мнения о его здоровье. Измученный физическими нагрузками, он сильно сдал, и ему было запрещено играть какую-либо дальнейшую роль в войне, которую он так умело вел.

Но для 6-го батальона Королевской морской пехоты все было еще далеко не кончено. Когда они вернулись в Мурманск, более сотни из них были отданы под трибунал. «Несколько дней спустя», - писал Смит-Хилл,

батальон был выстроен в каре с солдатами, которые были отданы под трибунал, лицом к открытой стороне площади. Командир зачитал им обвинение в трусости, признание вины и смертный приговор. Я был всего в нескольких ярдах от них и видел, что они просто застенчиво смотрят на всю эту шумиху, а не шокированы. Командир продолжал читать, что приговор был заменен на семь лет каторжных работ.

Судили и капитана Уоттса. Его обвинили в трусости и «использовании слов, рассчитанных на то, чтобы вызвать тревогу и уныние, в том, что он сказал «вся чертова рота погибла» или слова в этом роде».

Бедный Уоттс. Хотя было указано, что он получил ранение под Галлиполи и одна из его рук навсегда искалечена, что у него был список несчастных случаев и болезней, и в тот роковой день он израсходовал более шести полевых перевязок, перевязывая раненых, он был признан виновным и разжалован.

Ему дали гражданский костюм и отправили домой на угольщике. Позже он присоединился к «Блэк энд Тэнс» (английские карательные отряды в Ирландии – прим. пер.) и работал в тайном подразделении против ИРА, а это не работа для труса.

Когда приговор был вынесен, генерал Роулинсон обратился к офицерам батальона и сказал им, что плохих солдат нет, только плохие офицеры. После того, как он ушел, Киткэт сказал, что как командир он принял на себя основную

ответственность. Его карьера рухнула. Он был переведен на половинное жалованье, а затем на пенсию. Все остальные офицеры, за исключением одного капитана и одного лейтенанта, получили «выражение серьезного недовольствия их Светлостей».

Смит-Хилл пережил этот выговор, чтобы стать бригадиром и получить звание кавалера Ордена Британской империи. Позже он размышлял, что «другие чины страдали больше всех и заслуживали этого меньше всего. Их перевезли на две тысячи миль по морю и 450 миль по железной дороге; они провели небольшое сражение, длившееся 2 с половиной часа, и вернулись домой. Они ничего не добились. Они были похожи на недовольных детей в чужой стране, далеко от дома».

Несчастный 6-й батальон покинул Мурманск 8 октября на борту парохода «Святая Елена» и через три дня прибыл в Глазго, где роты разошлись по своим родным дивизиям, а осужденные были доставлены отбывать наказание в тюрьму ВМС Бодмин в Корнуолле. До британской общественности до сих пор не дошло ни малейшего намека на это дело, но в правительственных кругах начали распространяться слухи, и семьям осужденных пришлось сообщить, что они были заключены в тюрьму, хотя семьям не сообщили подробностей совершенных ими преступлений. Новостей просочилось достаточно, чтобы некоторые члены парламента начали задавать вопросы в Палате. Поначалу от них отмахивались, но 22 декабря депутат-консерватор, капитан-лейтенант Кенурти, спросил Первого Лорда Адмиралтейства, может ли он теперь объявить решения Адмиралтейства по делам Королевских морских пехотинцев в Бодминской тюрьме «касательно преступлений, якобы совершенные в России».

В тщательно сформулированном ответе мистер Уолтер Лонг, Первый Лорд Адмиралтейства, объявил о замечательной мере помилования для солдат, некоторые из которых были признаны виновными в преступлениях, заслуживающих смертного приговора.

Сначала он похвалил великолепную и преданную службу Королевской морской пехоты на протяжении всей Первой мировой войны, а затем сказал:

Мы самым тщательным образом рассмотрели эти случаи и решили разобраться с ними в соответствии с тем, что, по нашему мнению, палата сочтет проявлением милосердия.

Около девяноста человек Королевской морской пехоты на севере России были признаны виновными в неподчинении и отказе подчиняться

приказам во время активных операций. Они служили в армии в полевых условиях и были осуждены военными трибуналами.

При условии хорошего поведения в тюрьме мы приняли решение о следующих сокращениях сроков наказания:

Из тринадцати человек, приговоренных главнокомандующим к смертной казни, наказание всем было смягчено до пяти лет каторжных работ, двенадцать были освобождены через год, один - через два.

Двадцать человек были приговорены к пяти годам каторжных работ и освобождены через шесть месяцев.

Пятьдесят один человек приговорен к двум годам лишения свободы с каторжными работами и освобожден через шесть месяцев.

Особое внимание было уделено делам солдат, не достигших девятнадцати лет на момент совершения рассматриваемого преступления, в связи с армейской инструкцией о том, что молодые солдаты не должны, по возможности, использоваться в операциях на передовой. Двое из тех, кто продолжал отказываться от исполнения долга, когда другие повиновались, будут, ввиду их молодости, освобождены после отбытия наказания сроком в шесть месяцев. Остальные - шесть из восьми - были освобождены.

Масштаб, в котором можно было бы усмотреть плохое руководство со стороны офицеров, способствовавших этим инцидентам, был полностью рассмотрен, и там, где это оправдано, принимаются дисциплинарные меры.

Примечательно, что больше никаких вопросов не было задано, и ни одна газета не попыталась выяснить, что стоит за этим актом милосердия. Дело держалось в такой тайне, что ни один из генералов, участвовавших в нем, - Айронсайд, Мейнард и Роулинсон - не упоминал о нем в своих мемуарах. Конечно, было очень стыдно, что 6-й батальон вообще был отправлен в Россию, и еще более стыдно, что его несовершеннолетние солдаты и ветераны лагерей военнопленных были брошены в бой. Надо полагать, что заявление Лонга было не только актом милосердия, но и признанием ответственности правительства.

Когда последний десант из Мурманска ушел вечером 12 октября, еще один эпизод в британской военной истории подошел к концу. Общие потери британских войск в Архангельском и Мурманском секторах с начала кампании весной 1918 года до окончательной эвакуации в октябре 1919 года составили

убитыми: 41 офицер и 286 других чинов, 65 офицеров и 59 других чинов ранеными. Общая стоимость затрат была рассчитана армией и составила 18 219 860 фунтов стерлингов.

Русское правительство, за которое сражались и умирали британские солдаты, просуществовало недолго после отплытия транспортных кораблей. Мурманск был захвачен Красной Армией в марте 1920 года, и тысячи его жителей были убиты в результате страшной мести, которую большевики осуществили над теми, кто работал на союзников и Северорусское правительство. Их жажда мести была ненасытной, а рука - длинной. Генерал Миллер бежал из Архангельска на ледоколе в феврале 1920 года, как раз перед тем, как город захватили большевики. Он бежал в Париж, где стал лидером эмигрантской организации белых офицеров. В сентябре 1937 года его похитили советские агентами и с тех пор о нем ничего неизвестно.

Но это случится в будущем, а когда транспортные корабли Мейнарда отплыли из Мурманска, оставив Северорусское правительство на произвол судьбы, все еще оставался хороший шанс, что большевики будут разбиты армиями белогвардейцев, сражающимися с союзниками на трех других фронтах. Адмирал Колчак, несмотря на тяжелое положение, все еще командовал большими силами в Сибири, Северо-Западная армия генерала Николая Юденича, ударившая из Эстонии под прикрытием Королевского флота, находилась менее чем в сорока милях от Петрограда, и на следующий день после того, как последний британский солдат отплыл через Кольский залив, генерал Деникин приготовился к походу на Москву.

ГЛАВА 17

Поражение и предательство

Сибирь, декабрь 1918 – февраль 1920

Положение антибольшевистских сил было бы все же лучше, если бы среди союзников имелось какое-либо намерение сокрушить Красную Армию. Когда хэмпширцы прибыли во Владивосток в ноябре 1918 года, они увеличили общее количество союзных войск в Сибири почти до 180 000 хорошо вооруженных солдат, что было грозной боевой силой в российском контексте в то время. *Это была сила, которая при правильном использовании под единым командованием могла бы разгромить Красную Армию в Сибири, соединиться с Айронсайдом на севере и Деникиным на юге и дать возможность генералу Юденичу, бывшему*

царскому генералу, ныне командующему Северо-Западной армией белогвардейцев, нанести удар по Петрограду против ослабленной оппозиции.

О том, что могло бы быть достигнуто, можно судить по тому факту, что плохо обученные, дезорганизованные и в значительной степени не желавшие этого солдаты Колчака продвинулись по обширным просторам Сибири и находились в 500 милях (примерно 800 км.) от Москвы, вызвав панику среди большевиков. И сделали они это практически без помощи союзников.

Советы всегда представляли союзническую интервенцию в Сибири как объединенную попытку капиталистических держав уничтожить свою революцию, попытку, сорванную доблестной Красной Армией. По правде говоря, если не считать первоначального шквала действий на реке Уссури и действий орудийных команд, высаженных Королевским флотом, ни одна из союзных сил в Сибири не произвела ни одного выстрела, призванного привести к падению большевизма. Самое большее, что делали союзники, — это обеспечивали снабжение Колчака и защищались от большевистских партизан и мародерствующих бандитов. Англичане прислали две партии материальных средств, каждая из которых была достаточна для оснащения 100 000 солдат, а американцы из корпуса железнодорожной службы отремонтировали Транссибирскую магистраль и поддерживали снабжение.

Как мы видели, американский генерал Грейвс был послан в Сибирь только с двумя целями: обеспечить безопасный проход чехов во Владивосток и защитить склады снабжения. Грейвс, не любивший Колчака, истолковал его приказы буквально. Ни один американский солдат не участвовал в наступательных операциях против большевиков. А чехи, заключая с Красной Армией местные соглашения «не стреляйте в нас, и мы не будем стрелять в вас», были озабочены только возвращением домой. Задержанные на долгие месяцы на Транссибе из-за отсутствия подвижного состава и транспорта, они обосновались на растянутой территории, протянувшейся на тысячи миль, управляя собственными коммерческими предприятиями, включая банк и газету.

Японцы, хотя были и не прочь повоевать с большевиками, пошли бы на это только в том случае, если их собственные экспансионистские планы по захвату приморских провинций России и Маньчжурии оказались бы под угрозой. Они, конечно, не собирались продвигаться западнее Иркутска - примечательная ситуация, когда само их присутствие в Сибири было вызвано надеждой союзников на то, что их бросят на запад, чтобы сформировать новый фронт против немцев.

Таким образом, вместе с американцами, чехами и японцами из состава союзной армии было фактически выведено 151 000 человек. Более того, после подписания перемирия с Германией канадцы, сербы, поляки, румыны и итальянцы не видели смысла оставаться в Сибири. То, что на бумаге было мощной армией, на самом деле было фантомом.

Единственными союзными войсками в Сибири, обязанными поддерживать антибольшевистские силы, были два британских пехотных батальона и артиллерийские команды Королевского флота, французский колониальный батальон и военные миссии из Франции и Великобритании. Из них французский батальон, состоявший из «тонкинцев» из Юго-Восточной Азии, растерянных маленьких людей в чужом климате, был бесполезен; и британские пехотинцы, в основном с истекшим сроком службы, становились все более беспокоящими из-за того, что их держали в армии, в то время как все рабочие места были заняты дома людьми, уже демобилизованными с гораздо меньшей службой. Они не видели смысла находиться на другом конце света от своих домов и ничего не делать. Возможно, все было бы по-другому, если бы они действовали, но они ни разу не вышли на линию фронта.

Единственными британцами, которые приняли участие в боевых действиях после боевого крещения миддлсекского батальона вскоре после их прибытия, были несколько советников, прикрепленных к силам Колчака, и морской отряд из 29 человек с крейсеров «Саффолк» и «Кент». Они установили 6-дюймовую пушку и четыре двенадцатифунтовых орудия на бронепоезд и хорошо поработали вдоль железнодорожной линии между Омском и Уфой до конца ноября, когда цилиндр отдачи замерз на пушке. Однако, когда Колчак захватил Пермь в декабре, он также захватил несколько лодок, две из которых были переданы военно-морскому отряду и, переименованные в «Кент» и «Саффолк», были вооружены орудиями военно-морского отряда. Таким образом, британские моряки и Королевские морские пехотинцы оказались в сражениях между кораблями на реках в самом сердце Сибири. Этот отряд возглавлял офицер королевской морской пехоты по имени Том Джеймсон, который был награжден орденом «За выдающиеся заслуги». Позже он стал генерал-майором и получил звание кавалера ордена Британской империи за свою работу во время Второй мировой войны.

Удивительно, но именно американцы понесли наибольшие потери, несмотря на приказ избегать конфликта с большевиками. Ремонтируя и охраняя железную дорогу небольшими отрядами, они становились мишенями не только для красных партизан, действовавших в тылу, но и для различных групп бандитов и

отщепенцев, шедших по Сибири своим кровавым путем. В ряде быстрых, но небольших столкновений они потеряли 112 человек.

Когда хэмпширцы добрались до Омска в конце своего долгого путешествия по Транссибу, они переехали в женскую школу. Было ужасно холодно, чуть выше нуля внутри и 50 градусов мороза снаружи. Здесь не было ни одной ванны, только одна прокуренная кухня. Но они считали себя счастливыми, так как Омск был переполнен беженцами и солдатами, многие из которых не имели приюта. Полковник Роберт Джонсон из хэмпширского полка пришел в ужас, обнаружив, что девочкам, которых выселил его батальон, негде жить, и они в очень затруднительном положении. Он настоял на том, чтобы им выделили одно крыло здания, и написал жене: «если бы вы находились поближе, я попросил бы вас чтобы ваши друзья собрали белье и чулки для девочек и отправили их этим бедным созданиям; их состояние в этом отношении действительно плачевно».

Полковник Джонсон был воплощением поздневикторианской верхушки среднего класса, подозрительно относился к аристократии, снисходительно и в то же время ответственно относился к тем, кому было хуже, чем ему. Ревностный церковник, несомненно убежденный в том, что Бог - Англичанин, он, безусловно, верил, что английский солдат, особенно 9-й хэмпширский батальон, был лучшим в мире, и он считал, что его первым долгом было заботиться о благополучии своих людей. Он тоже был в некотором роде педантом и делал большое исключение, когда Колчак заводил любовницу и «выставлял ее напоказ».

Джонсон также боялся будущего: в 1911 году он принял командование хэмпширцами в качестве офицера ополчения и теперь, восемь лет спустя, не продвинулся ни на шаг, в то время как его современники сделали блестящую карьеру в политике и военной службе на фронтах. Его письма полны завистливого удивления, что «эти негодяи», Черчилль, Ллойд Джордж и Ф. Э. Смит, управляли страной. Он, так же, как и его солдаты, боялся, что к тому времени, как он вернется домой, все лучшие рабочие места исчезнут. В конце концов он стал сэром Робертом Джонсоном, заместителем директора и финансовым контролером Королевского монетного двора, постоянным гостем на ежегодном обеде хэмпширцев, где он всегда вызывал смех, говоря им, что они «замечательные люди».

Но все это было через много лет и за много тысяч миль от страшного города Омска, где обед на четверых в ресторане стоил 75 фунтов стерлингов - баснословная сумма по тем временам, - а бинтов, медикаментов и полевых госпиталей не хватало настолько, что мало кто из раненых на фронте выжил.

Белогвардейцам так не хватало одежды, что они раздевали всех пленных и отпускали их голыми замерзать до смерти.

Одна из главных проблем Джонсона состояла в том, чтобы занять своих людей. Погода означала, что подготовка была сведена к минимуму, и военное министерство отказалось позволить ему ввести свой батальон в бой, хотя он и послал небольшой отряд на санях, чтобы попытаться помочь в Оренбурге, который только что был захвачен большевиками. Он ввел хоккей – «последний писк» - каждую неделю устраивались танцевальные вечера, два для солдат и один для офицеров, и он даже обратился к любительским театрам, заставив своих людей дать концерт адмиралу Колчаку и его правительству.

Джонсон писал своей жене Кэтлин, что «это очень большой успех во всех отношениях и многое сделало для повышения популярности англичан в Омске ... Самой удачной была сцена из «Веселых жен Виндзора», очень прилично разыгранная, и елизаветинские платья, все сшитые из простого материала полковым портным». Двух женщин сыграли молодые люди из полка, «совсем как задумал Шекспир». Джонсон планировал поставить сцены из «Венецианского купца» на следующем концерте - вряд ли удачный выбор, учитывая яростный антисемитизм, процветавший в армиях белогвардейцев. Корреспондент «Таймс» из британской армии в Сибири сообщил, что они также провели выставку физической подготовки, которая «имела успех перед публикой», и что трехраундовая демонстрация бокса в легком весе, которую мало кто из русских когда-либо видел, вызвала ироническое замечание из местной газеты: «вроде как это чересчур для зрителей».

Корреспондент «Таймс» Роберт Уилтон был яростным сторонником интервенции и Колчака и использовал свои депеши не для освещения ситуации, а для пропаганды. После беседы с Колчаком, «Верховным правителем», Уилтон сообщил, что на него все больше произвели впечатление признаки «растущего доверия и авторитета [его] правительства». Кроме того, мне было известно, что Адмирал Колчак - центр событий и что люди смотрят только на него. Когда человек, который когда-либо играл скромную роль в делах, вырисовывается так широко в общественном сознании, мы можем предположить, что этот человек пришел в назначенный час».

Самая крайняя критика, на которую только был способен Уилтон, звучала так: «Очень жаль, что в Омске недоступны самые компетентные умы России».

Однако только благодаря таким прискорбно неадекватным и предвзятым репортажам мир узнал что-либо о том, что происходило в Сибири.

Джонсон проболтался в письме своему отцу от 8 января 1919 года: «когда вы читаете корреспондента «Таймс» из Омска, вы должны читать между строк - мы, конечно, находимся в тесном контакте - но считаем нецелесообразным даже намекать на то, что Колчак не уверен в себе, поскольку это дало бы толчок политике вывода войск, которая, по нашему убеждению, была бы фатальной».

Поэтому мы должны обратиться к письмам самого Джонсона, чтобы понять, что в действительности происходило в Сибири:

Я начинаю считать ситуацию здесь довольно безнадежной... их армия бесполезна... я никогда не видел таких неспособных... в армии нет дисциплины. Полковые офицеры бесполезны. Колчак, я думаю, решительный человек, но он совершенно один и может быть убит или выведен из игры в любой момент, и это будет конец. Действительно, если бы не наше собственное присутствие здесь, он бы уже ушел, но какая безнадежная ситуация, если глава правительства здесь опирается исключительно на 1000 британских штыков.

Джонсон пронюхал о заговоре недовольных белых офицеров с целью свержения Колчака. Он -

быстро и демонстративно приготовился к бою, дав понять, что я не потерплю ни нарушения мира, ни вооруженного нападения на Колчака, и это сорвало все планы. Колчак уехал теперь к своим генералам ... все взбунтовались, а с ним ушли капитан Бэринг, мой адъютант и гвардия 9-го хэмпширского полка ...

Солдаты 9-го хэмпширского полка, будучи в карауле, однажды днем нашли в вагоне мертвецки пьяного генерала, и так как он не хотел или не мог уйти, когда они его попросили, им пришлось поднять его и бросить в снег. На следующий день он явился на парад со своей дивизией для осмотра Колчаком. Он все еще был пьян.

Во всех отношениях русские безнадежны, непрактичны, непунктуальны, коррумпированы, интриганы и лишены какой бы то ни было внутренней дисциплины, что является результатом революции. Таким образом они страшно ленивы и ожидают, что союзники сделают всю работу за них, пока они сидят и развлекаются - или пытаются заработать деньги.

Я думаю, что [большевики] лучше организованы и имеют больше энтузиазма ... и я был бы удивлен, если бы они не дали этим людям хорошую взбучку ... Я боюсь, что русские совершенно безнадежны и что мы напрасно тратим время, энергию и деньги, пытаюсь им помочь.

Мнение Джонсона о его мнимом главнокомандующем, генерале французской армии Жанене, было едва ли намного выше:

Он сидит здесь в своем железнодорожном вагоне - одинокая, но величественная фигура ... номинально главнокомандующий союзников, включая чехов, отказывающихся воевать при любых обстоятельствах, и нас самих. Но он не отдает никаких приказов и не берет на себя никакой ответственности, ему до смерти надоело все это дело, и он тоскует по Франции. Кроме того, есть французская ревность к англичанам, поэтому ему нельзя доверять, тем более что он полностью за отступление... Смешная и жалкая фигура, с его личным эскортом из 20 человек - все французские солдаты, которые у него есть, за исключением батальона тонкинцев, которые бегут во всех возможных случаях.

Жанен на самом деле был главнокомандующим лишь номинально. Именно генерал Нокс осуществлял власть от имени союзников в Сибири.

К началу лета у Джонсона возникли проблемы с его любимыми хэмпширцами, не то чтобы они бежали, и не с его первоначальными «солдатами территориальной армии», а с призывниками, которые присоединились к батальону незадолго до того, как он покинул Индию. 30 марта он сказал матери, что они не являются частью семьи, а также что на восьмой год его командования он уже не новое начальство. «Полк привык ко мне, и я уже не та власть, которая была раньше. На прошлой неделе у меня было очень тревожное время. Воровство в государственных магазинах и мне пришлось принять решительные меры. В результате чуть было не вспыхнул мятеж, подстрекаемый призывниками. Какое-то время нам удавалось избежать чего-то действительно серьезного - около дюжины несчастных дураков, которые были жестоко наказаны».

Затем, в начале июня, он писал: «у нас было довольно неприятное время - попытка со стороны десяти призывников спровоцировать остальных на что-то вроде мятежа. Это был тревожный момент, но дисциплина держалась, и только дюжина солдат вырвалась из казарм, и даже они вскоре спокойно вернулись».

Дело было в том, что солдаты получали запоздалые письма - их нужно было окурить, потому что поезда были заражены тифом, - в которых говорилось, что

семейные предприятия терпят крах, потому что их родители становятся слишком старыми, чтобы продолжать работу, и что работодатели, которые держали свои рабочие места открытыми в течение пяти лет, больше не могут этого делать. Это была плохая награда за патриотизм и службу, и солдаты справедливо злились, что их держат в Сибири, не выполняя никакой полезной функции. - Мы много играли в карты, - сказал Артур Уэйд.

У Джонсона, набожного англиканца, была еще одна проблема, связанная с религией: «мой капеллан, будучи канадцем, был отозван. На его место прислали баптиста: я, как вы знаете, не узколобый сектант - и уж тем более не очень «заносчивый», - но я действительно терпеть не мог болтовни. И это сделало бы невозможным мое сотрудничество с Русской Церковью. Итак, я отправил его обратно и попросил представителя англиканской церкви».

Представьте себе, каково было бедному капеллану. Он проехал полмира, чтобы добраться до Владивостока, затем провел месяц в поезде, зараженном тифом, постоянно подвергаясь опасности нападения, чтобы заботиться о душах хэмпширского полка, только чтобы снова сесть в поезд и вернуться во Владивосток - потому что полковнику хэмпширцев не нравилась его разновидность религии.

Джонсон начал жизнь с чистого листа, когда направил своих солдат в Екатеринбург, «чтобы им на шею повесили 8000 русских, которых надо было превратить в русскую бригаду из 2 полков, каждый из 4 батальонов. Командовать бригадой будут исключительно британские офицеры и сержанты. Основная масса офицеров будет офицерами-инструкторами, направленными к Ноксу; сержанты из хэмпширцев». Офицеры-инструкторы были в основном кадровиками, ищущими продвижения по службе и приключений. Одним из них был капитан Брайан Хоррокс, который был тяжело ранен и взят в плен в октябре 1914 года и только что возобновил военную карьеру, которая так блестяще расцвела в Северной Африке во время Второй Мировой Войны и привела к тому, что он стал генерал-лейтенантом сэром Брайаном Хорроксом.

«Хэмпширская русская бригада, - писал Джонсон, - будет одета в британскую форму, вооружена британским оружием и обучена в британском стиле с британскими командами ... Мы надеемся войти в Москву как завоеватели. Хэмпширцы и русские хэмпширцы вместе».

В конце апреля он все еще писал оптимистично. «Трудно быть уверенным и глупо предсказывать, но мы все здесь думаем, что Москва вполне может быть взята

этой армией до осени и что большевизму нужен только один сильный толчок, чтобы рухнуть окончательно».

Через неделю его эйфория исчезла.:

Серьезные неудачи произошли на юге, слева от нашего растянувшегося фронта. Снова Оренбург, а также место между Самарой и Уфой, отвоеванное большевиками. Целая бригада украинских войск, перебив своих офицеров, перешла на сторону большевиков... И не слишком комфортно на линии до Владивостока, постоянные восстания, крушения поездов и т. д. Американцы вообще ничего не делают, а японцы и Семенов играют в свои грязные игры. Последнее - то, что Семенов провозгласил себя «монгольским князем», несомненно, по наущению японцев. Американцы не просто бесполезны, а вредны, так как симпатизируют большевикам будучи положительно большевистскими в симпатиях, а канадцы уехали из Владивостока домой.

Между тем это оргия кровопролития и страданий повсюду - отвратительные жестокости с обеих сторон.

Он яростно трудился, чтобы экипировать и обучить новую бригаду. «Мы все должны показать пример этим бедным беспомощным русским и показать, на что способна горстка англичан».

В середине мая он написал жене «Тутси»: «наши первые 750 русских придут завтра, а следующие 1000 - послезавтра. Первое, что мы должны сделать, это вымыть их - они совершенно грязные и кишат паразитами, - затем полностью переодеть с головы до ног и сжечь их личные лохмотья. Многие из них - мусульмане с монголоидными чертами лица, не говорящие ни слова по-русски.» (наверное, здесь под «русскими» имеются в виду киргизы – прим. пер.)

В то время как он жалел рекрутов и был готов помогать им по мере своих сил, этот очень правильный богобоязненный человек смотрел на мещан Екатеринбурга с чем-то близким к ненависти:

Буржуазия слишком труслива, чтобы бороться, хотя, конечно, она знает, что триумф большевиков означал бы пытки и убийство каждого из них, не исключая женщин. Действительно, буржуазия сама делает человека почти большевиком.

Вот богатый город, полный довольно богатых людей, обычному населению не хватает всего, в том числе и продовольствия, из - за страшных цен и

практического прекращения эксплуатации железной дороги в коммерческих целях, армии не хватает всего, буквально всего, что нужно армии, - госпиталь провонял тифом и забит ранеными, но почти ничего - ни кроватей, ни рубашек, ни матрасов, ни полотенец, ни бинтов, ни тампонов, ни хирургических инструментов, ни анестезии, ни лекарств, буквально без всего этого - ужасное положение вещей. Но ни одна женщина из буржуазии даже близко не подходит к госпиталю и не мечтает о том, чтобы уделить хотя бы час или хотя бы столько времени, чтобы встретить поезд с ранеными и предложить им чашку чая ... буржуазия каждый вечер ходит в оперу, а потом на танцы или еще что-нибудь, до четырех или пяти часов.

Почти в каждом письме к жене Джонсон убеждал ее связаться со своими старыми друзьями, ныне занимающими влиятельные посты, чтобы защитить себя и своих людей. В частности, он попросил ее «написать Джеку Сили и передать ему от меня, что я ожидаю, что он поедет к своему другу Уинстону [Черчиллю] и попросит его не забывать нас. Это он должен сделать не только как друг, который выразил мне свою благодарность, но и как лорд-лейтенант Хэмпшира ...»

«Скачущий Джек» Сили был замечательным человеком. Либеральный член парламента с 1900 по 1922 год, он был государственным секретарем по военным вопросам с 1912 по 1914 год, но ушел в отставку после инцидента в Керраг. К 1918 году он командовал канадской кавалерийской бригадой, и именно он повел их в эпическую атаку против немецкого пулеметного огня, чтобы вернуть хребет Морейль, один из ключевых пунктов в попытках Людендорфа сокрушить союзников весной 1918 года. Бригада потеряла 300 человек убитыми и ранеными и 800 лошадей менее чем за полчаса, но она спасла положение и остановила немцев. Сили был отравлен газом позже в том же году и вернулся в политику, чтобы служить заместителем государственного секретаря Черчилля.

Похоже, подход миссис Джонсон к нему сработал. В первую неделю июня Джонсон получил телеграмму от Сили, сообщавшую ему, что Министерство труда подало прошение о его освобождении, чтобы он мог занять должность в министерстве, и что Джонсону «настоятельно рекомендовалось» согласиться. Сначала он не хотел этого делать; ему надоело быть государственным служащим и работать на политиков, которых он презирал, и он не хотел оставлять своих любимых хэмпширцев в беде. Но, похоже, весь батальон хотел, чтобы он вернулся домой, чтобы отстаивать их дело.

Так началось необыкновенное путешествие, о котором, увы, мы имеем лишь отрывочные сведения. Вместо того чтобы сесть на поезд до Владивостока,

полковник Джонсон отправился в Архангельск с двенадцатью женатыми солдатами, демобилизованными из сострадания. Они выехали из Екатеринбурга 4 июня, сели на пароход из Перми вверх по Каме, притоку Волги, затем пересели на весельные лодки, чтобы двинуться на северо-запад вверх по притоку Камы. Затем они отправились в лес, чтобы пройти восемьдесят миль до истоков реки Печоры. Там они взяли еще одну весельную лодку, прежде чем пересесть на речной пароход на 460 миль, а затем, поскольку устья Печоры все еще были заблокированы льдом там, где они впадали в Баренцево море, они прошли еще 200 миль через лес, прежде чем наткнуться на реку, вдоль которой они гребли к морю. Там их подобрал флот и повез вдоль побережья в Архангельск.

Это было опасное путешествие. В письме с русского ледокола, который вез его в Леруик 1 июля, он сказал отцу: «я вовремя успел. Большевики уже прошли часть моего маршрута и скоро могут пройти весь».

Джонсону повезло больше, чем он думал. Именно в то время, когда он пробирался через северную глушь, генерал Гайда, продвигаясь к Вятке и Котласу, чтобы соединиться с архангельскими войсками, был решительно разбит, и последний шанс осуществить жизнеспособную военную связь с Айронсайдом был потерян. Через несколько недель Колчак отстранил от должности Гайду. Он был одним из выдающихся персонажей, созданных революцией и гражданской войной. Фармацевт по образованию, он был призван в чешскую армию и попал в плен к русским в 1917 году. Он стал одним из руководителей чешского восстания в Сибири, и Колчак повысил его до генерал-лейтенанта, командовавшего Северной армией. Разъяренный тем, что Колчак его отстранил, он попытался, но безуспешно, захватить власть во Владивостоке в ноябре 1919 года. Он вернулся в Чехословакию в 1920 году и был назначен начальником Генерального штаба шесть лет спустя, но был уволен и разжалован за участие в попытке переворота фашистами. Он сотрудничал с немцами во время войны и был казнен в 1945 году.

Нападение Гайды на Вятку было частью грандиозного плана Колчака по соединению с Айронсайдом на севере и Деникиным на юге для общего наступления на Москву. Колчак, добившийся большого успеха в декабре, захватив Пермь, начал наступление в марте с 130 000 солдатами, 210 орудиями и 1300 пулеметами, организованными в четыре армии. Поначалу все шло на удивление хорошо. Они двинулись на юг и север, а в центре захватили Казань и продолжали наступление, пока не оказались всего в 450 милях к востоку от Москвы. Именно это продвижение стало поводом для эйфорического письма Джонсона в апреле. Он был не единственным, кто в то время думал, что Колчак

может быть в Москве к осени. Черчилль был в восторге от успехов Колчака и оказал давление на Ллойд Джорджа, чтобы тот признал режим Колчака законным правительством России. Но в отношении Колчака существовали серьезные сомнения не только среди британской общественности, но и в Кабинете Министров. На британский вкус в нем было слишком много от царя, и все, чего Черчилль мог добиться для него, — это признания в качестве «Временного правительства Сибири».

Не в первый и уж точно не в последний раз Черчилль вел кампанию в одиночку. Большинство его коллег по кабинету, вся парламентская оппозиция и большинство общественности хотели покончить с интервенцией.

Черчилль, однако, боролся за свой угол с искусством, хитростью и напористыми словами, настолько напористыми, что в конце концов они повлекли за собой письменный ответ от Ллойд Джорджа, который должен был считаться одним из самых жестоких, которые любой Премьер-Министр когда-либо мог дать одному из своих старших коллег.

Интересно, - писал Ллойд Джордж о непрекращающемся стремлении Черчилля к тому, чтобы союзники изгнали большевизм из России, - стоит ли делать последнюю попытку побудить вас избавиться от этой навязчивой идеи, которая, простите меня за эти слова, нарушает ваше равновесие ... вы не найдете другого ответственного человека во всей стране, который примет вашу точку зрения, зачем тратить свою энергию и свою полезность на это тщетное беспокойство, которое полностью парализует вас для другой работы?

Надежды Черчилля постоянно возрастали по мере того, как тот или иной белогвардейский командир одерживал блестящие победы. Но они вводили в заблуждение только чтобы обмануть, и поражение следовало за победой с неотвратимостью и быстротой, которые постоянно разрушали надежды Черчилля и все больше отдаляли его от коллег.

Так было и с Колчаком. Его армии вымотались. Победа в апреле сменилась поражением в мае. Остановленные Красной Армией на пути к Нижнему Новгороду (ныне Горький), войска Колчака оказались под угрозой быть обойденными с фланга после падения Оренбурга. В начале июня он был вынужден отступить более чем на сто миль. Затем, 17 июня, произошло поражение Гайды. В первую неделю июля красноармейцы под командованием генерала Тухачевского, героя-большевика, расстрелянного Сталиным в ходе чисток 1937 года, прорвались через Урал и, застигнув врасплох армию

белогвардейцев, уничтожили ее 12-ю дивизию. Сибирская кампания шла катастрофически неправильно, и 25 июля военный кабинет решил, что Хэмпшир и Мидлсекс должны быть выведены как можно скорее. Отряд военно-морских сил потопил свои канонерки и, прихватив с собой пушки, вернулся во Владивосток.

Теперь Колчака оттесняли к востоку от Урала 3-я и 5-я красные армии. Он потерял Екатеринбург и Челябинск и отступил к Омску. Однако в сентябре ему удалось остановить наступление большевиков и за месяц отбросить Красную Армию на несколько сотен миль.

Но это не могло продолжаться долго. Его армия страдала теми же врожденными слабостями, что и все остальные армии белогвардейцев: отсутствием организации и мотивации. Эгоизм, который Джонсон отмечал среди Екатеринбургской буржуазии наряду с ужасающим обращением с рядовыми солдатами и интригами и неэффективностью генералов и политиков, не давал армии никакой мотивации для борьбы. Почему они должны сражаться за людей, которые оставят их умирать, даже не предложив им чашку чая?

Колчак покинул Омск 14 ноября в надежде создать новую линию сопротивления у Иркутска в 1 500 милях к востоку. Это было скорее бегство, чем организованное отступление, когда фронт битвы распался с тысячами беженцев - тех же самых людей, которые отвергли солдат, - все кричали в страхе от красного террора, который, как они были уверены, обрушится на них.

Ни хэмпширский ни миддлсекский полки не были задействованы. Оба были отозваны во Владивосток, и миддлсекский полк отплыл в Канаду и Англию 7 сентября, а хэмпширцы, потерявшие одного солдата убитым и трех ранеными в Сибири, последовали за ними 1 ноября. Когда их поезд пересекал Канаду, миддлсекский полк встретился с принцем Уэльским в Альберте. Его только что провозгласили вождем Утренней звезда его «верные соплеменники индейцы Стоуни», и вождь провел смотр миддлсекского полка.

Но не все англичане ушли. Кое - кто из офицеров - инструкторов, чья идея обучения неизменно вовлекала их в самую гущу боевых действий, остался. Одним из них был Брайан Хоррокс, который был захвачен при отступлении. Он был ранен во второй раз - третий раз, в Северной Африке в 1943 году, был почти смертельным - и захвачен 5-й Красной Армией в Красноярске, в 2000 милях к западу от Владивостока. Тиф усилил свою хватку в России, и Хоррокс записал в своей книге «Полная жизнь», что «только в Красноярске, по слухам, было 30 000

случаев заражения». Долгое время мы жили с мертвыми. Голые трупы, сложенные на железнодорожных платформах, сани, набитые замерзшими телами, - все это было обычным зрелищем». Сам Хоррокс подхватил тиф, но пережил второй период своего плена с невозмутимым юмором и бесконечным терпением, которые впоследствии снискали ему расположение людей, которых он привел к победе во Второй мировой войне.

По всей линии фронта царил паника, когда Красная армия, сама в лохмотьях и измученная болезнями, продвигалась вперед, увлекая за собой ЧК. Беженцы, тысячами собиравшиеся на железнодорожных станциях, захватили поезда, предназначенные для правительства и армии, и по обеим линиям шли поезда на восток, так что ни припасы, ни боеприпасы не могли добраться до тех белогвардейцев, которые все еще пытались вести оборонительные бои. Топливо не могло пройти, и как только деревья вдоль линии были израсходованы, поезда остановились. К этому времени наступила сибирская зима, и беженцы, пережившие тиф, замерзли насмерть, так что целые поезда стояли неподвижно и безмолвно в глуши, в которых находились только мертвые, потерявшие жизнь в неудачном путешествии. Поезда были также легкой мишенью для красных партизанских отрядов и семеновских разбойников, а также местных жителей, намеревавшихся насиловать и грабить.

Колчак прибыл в Иркутск поездом в конце своего долгого отступления 14 января 1920 года. На его личном вагоне развевались флаги Великобритании, Франции, Японии, Соединенных Штатов и Чехословакии, а запертый и охраняемый вагон содержал захваченные сокровища царя, стоившие тогда около 100 миллионов фунтов-стерлингов. И он, и сокровища находились под охраной чешского 6-го полка. Но он остался без друзей. Генерал Нокс, который так горячо поддерживал его, уже покинул город, отступая во Владивосток вместе с британской и французской военными миссиями, вынужденный принять защиту японцев, единственной жизнеспособной военной силы в этом районе. Перед отплытием из Владивостока 26 декабря Нокс пытался внушить генералу Яну Сыровы, бывшему банковскому клерку, ставшему командиром чешского легиона, важность обеспечения безопасности Колчака. Он уплыл, уверенный, что чехи защитят «Верховного правителя».

Но сами чехи оказались в трудном положении: поляки, которые должны были составить арьергард, кроме одного полка сложили оружие и сдались большевикам. И теперь чехи меньше всего хотели возобновлять военные действия с большевиками. Они почти достигли Владивостока после долгих и

мучительных скитаний и были полны решимости сесть на корабли, которые доставят их домой, в их новую страну, не потеряв ни одного человека. У них не было причин воевать с Красной Армией, и, хотя они держали в плену нескольких высокопоставленных большевиков, которые могли быть использованы в качестве заложников в сделке с большевиками от имени Колчака, они предпочли не ввязываться во все это.

Они не вмешивались, когда вооруженные члены Политического Центра - Союза эсеров и меньшевиков-окружили поезд Колчака и не подпускали к нему никого ближе пятидесяти метров. В 9:30 утра 15 января «Верховного правителя» перевели в Иркутскую тюрьму.

Чехов часто обвиняли в том, что они сдали Колчака большевикам. Возможно, так бы и было, но повода для этого не возникло - ведь именно Политический Центр, а не большевики контролировали территорию вокруг станции.

Только когда местный большевистский комитет захватил Иркутск и Политический Центр исчез (оставив Колчака в тюрьме), большевики прибрали к рукам его и царские сокровища. Красной Армии еще предстояло прибыть на место. 7 марта 1920 года уставшая и измученная тифом 26-я дивизия 5-й Красной Армии, разгромившая сопротивление белогвардейцев и пополнившая свои ряды местными партизанскими отрядами, наконец вошла в Иркутск.

К этому времени Колчак, покинутый всеми своими друзьями и союзниками - людьми, которые когда-то называли его спасителем России, - был судим и казнен большевистским Комитетом. Его вывели из камеры еще до рассвета 7 февраля 1920 года и расстреляли у реки Ушаковки. Затем его тело протолкнули через отверстие во льду, чтобы он исчез навсегда. По словам очевидца, он держался «как англичанин»: в те дни это было поистине похвально.

Колчак, безусловно, был диктатором. Человек довольно ограниченного интеллекта, он, тем не менее, был честен и благороден. Ему не было необходимости погибать. Чехи могли бы выторговать его жизнь, используя своих заключенных - высокопоставленных большевиков в качестве заложников, чтобы обеспечить Колчаку безопасность. Генерал Нокс, который отплыл из Владивостока, думая, что обеспечил безопасность Адмирала, мог бы за этим проследить: американцы могли бы взять его под свою опеку. И японцы, правящая военная сила в этом районе, могли бы защитить его. Но никто не двинулся с места, чтобы спасти человека, на которого союзники возлагали свои надежды и в чьи армии они посылали миллионы фунтов материальных средств.

Среди бумаг Адмирала Филимора есть донесение английского полковника, который возлагает вину на генерала Жанена: «когда положение ухудшилось, Жанену, несомненно, пришло время выйти из своего убежища в Иркутске и со всей властью, предоставленной ему союзниками, заставить Сыровы обеспечить безопасность Кочака». Далее в донесении говорилось: «для Жанена и Сыровы стоять в стороне и ничего не делать, опасаясь подвергнуть опасности эвакуацию, было преступлением».

Большевики не собирались вмешиваться в эвакуацию союзников. Поскольку силы Колчака были уничтожены, и угроза со стороны Сибири устранена, они были рады отпустить союзников. Во всяком случае, их армии, которые гнались за Колчаком через всю Сибирь, были не в состоянии противостоять американцам и японцам.

Американцы, потерявшие 192 человека от пуль и болезней, начали отходить 11 января, а последние солдаты уплыли на борту корабля «Грейт Нортерн» 1 апреля. Когда они отплыли, японский армейский оркестр на пристани заиграл: «Тяжелые времена больше не наступят».

Японцы, однако, оставались, реагируя на атаки большевистских партизан с большой яростью. Поймав Сергея Лазо, командующего партизанскими отрядами в приморских губерниях, они передали его белогвардейцам, служившим под их командованием, чтобы те бросили его живым в топку паровоза.

Прошло два с половиной года, прежде чем японцы были вынуждены эвакуироваться из Владивостока, и даже тогда, несмотря на уничтожение Красной Армией армии Семенова и оставшихся сил белогвардейцев в приморских провинциях и Монголии, **именно американское политическое давление, а не военное давление большевиков заставило японцев сдаться.** На Вашингтонской конференции в июле 1921 года, созванной Соединенными Штатами для обсуждения проблем тихоокеанского региона, **американцы ясно дали понять японцам, что Соединенные Штаты больше не потерпят их оккупации сибирского побережья.** Здесь наметились предзнаменования другой, более великой борьбы, когда эти тяжелые времена наступят снова.

ГЛАВА 18

Шпионы, торпеды и три сломанных танка

Балтика, ноябрь 1918 – декабрь 1919

На протяжении всей интервенции Королевский флот оправдывал свою репутацию смелого и эффективного. Люди и машины действовали вопреки самым худшим обстоятельствам: корабль «Внимательный», открывший путь в Архангельск; канонерские лодки, участвовавшие в речных сражениях на Двине; сборные флотилии, одержавшие победы на Каспии и Онежском озере; морские орудийные бригады в Сибири; и матросы, выполнявшие тяжелую работу по перевозке и сопровождению людей и техники через дюжину морей на русские поля сражений, вели себя в высшей традиции королевского флота. Однако только на Балтике флот действовал как военный флот, противостоящий вражескому флоту больших кораблей, вооруженных большими орудиями.

Во время Первой мировой войны Королевскому флоту было отказано в доступе к Балтийскому морю, и только лихой Кроми смог прорвать немецкую оборону, чтобы добраться до Петрограда, а затем посеять хаос среди немецких судов на своей подводной лодке. Даже после войны Балтика была опасным местом, полным тысяч мин, и когда адмирал сэра Эдвин Александер-Синклер был послан туда с небольшим флотом легких крейсеров и эсминцев в ноябре 1918 года, его первой задачей было расчистить безопасный коридор – «Красный Путь» - через минные поля. Хотя военно-морской флот мог использовать немецкие, русские и шведские карты минных полей, было заложено так много мин и так много всплыло, что эта задача оставалась чрезвычайно опасной, и легкий крейсер «Кассандра» и несколько небольших лодок были потоплены во время расчистки.

Александер-Синклер сменил в январе 1919 года контр-адмирала сэра Уолтера Коуэна, который любил лошадей почти так же сильно, как свои корабли. Невысокий, крепкий мужчина, он прогуливался по квартердеку своего флагмана, крейсера "Дели", одетый в сапоги для верховой езды и красный охотничий жилет под униформой. Его задачей была защита прибалтийских государств Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, которые немцы отвоевали у России по условиям Брест-Литовского договора и которые большевики намеревались вернуть в состав новой советской империи. Кроме того, он также должен был убедиться, что немцы, оккупировавшие эти новые государства, соблюдают условия перемирия, пока мирный договор ратифицируется в Париже.

Коуэн был боевым моряком, отличавшимся большой личной храбростью, но редко когда британский морской волк оказывался в такой сложной политической ситуации. Он нашел финнов, тех самых белых финнов, против которых воевал Мейнард, торговавшихся за поддержку и признание союзников в обмен на помощь белогвардейцам в нападении на Петроград. Он застал эстонцев

отбивающимися от большевистских набегов. Он обнаружил, что Латвия фактически оккупирована большевиками. Он нашел генерала фон дер Гольца, возглавлявшего немецкое вторжение в Финляндию, во главе немецкого гарнизона в латвийском порту Либау. Это было в соответствии с перемирием, которое позволяло немцам поддерживать порядок, но у Фон дер Гольца были другие идеи: когда прибыли немецкие подкрепления, в том числе знаменитая Железная дивизия, он приступил к очистке Латвии от большевиков.

Коуэн также обнаружил Белогвардейский Северный корпус. Первоначально он была сформирован немцами из военнопленных и беженцев от большевизма и находилась под командованием царских офицеров. Немецкий план состоял в том, чтобы использовать его, чтобы заменить людей, выведенных с Восточного фронта и перенаправленных на поддержку их терпящих поражение западных армий. Но война закончилась слишком рано, и Северный корпус, который в то время насчитывал менее четырех тысяч человек, был захвачен эстонцами, которые нуждались в любых людях, которых они могли получить, чтобы отбиться от большевиков.

Кроме того, существовали различные «Добровольческие корпуса» и «Ландесверы» из поляков, прибалтийских немцев и финнов. Одна из самых суровых из этих боевых групп состояла из красных финнов из армии Мейнарда, которым не разрешили вернуться в Финляндию из-за той роли, сыгранной ими в гражданской войне, в которой они были разбиты белыми финнами. Поставленные под командование молодого британского подполковника, прикомандированного к польской миссии помощи, который привел их в форму, они стали преданными ему и одними из лучших дисциплинированных солдат в этом районе. Его звали Александр, и он стал фельдмаршалом графом Александром Тунисским, великим командиром времен Второй мировой войны. Позже он рассказывал, как в те необыкновенные дни на Балтике английские и немецкие офицеры, победители и побежденные, все с пистолетами за поясом, часто посещали одни и те же рестораны. Но неприязнь была взаимной, и руки всегда были рядом с кобурой.

Немцы, которые рассматривались в некоторых британских кругах как полезный оплот против большевиков, быстро превратились в убийственную помеху. Они придерживались мнения, что, хотя и были вынуждены признать поражение на Западе, они, конечно же, не потерпели поражения на Востоке, и недавно появившиеся государства Латвии и Литвы выглядели легкой добычей для этих закаленных ветеранов. Их приобретение в какой-то мере компенсировало бы

поражение Германии. Они заняли Митау в марте, затем Либау, Мемель в Литве, Виндау и, наконец, Ригу, столицу Латвии, в мае. Они вели себя зверски - скорее завоеватели, чем побежденная армия, - и около трех тысяч человек были убиты во время оккупации Риги.

Коуэн, угрожая использовать орудия своих крейсеров, вырвал у Фон дер Гольца обещание вернуть захваченные города их жителям. Но фон дер Гольц был мастером промедления, и когда наступила оттепель и русские военные корабли начали совершать рейды на эстонское побережье, Коуэну пришлось отплыть на своих кораблях навстречу Красному флоту, в то время как фон дер Гольц, бросая вызов всем, даже своему собственному правительству, цеплялся за свои завоевания.

Тем временем генерал Юденич от имени адмирала Колчака провозгласил себя командующим белогвардейцами. Дородный, усатый, профессиональный солдат, Юденич стал одним из немногих героев Русско-Японской войны 1905 года и поднялся до командования русскими войсками на Кавказе, где он хорошо выступил против турок. Он не только командовал растущей армией, но и создал политический совет, состоящий из беженцев приверженцев царя, готовых сформировать гражданское правительство Петрограда, когда, как он с уверенностью ожидал, он войдет в город. Юденич, однако, страдал, как и все белые командиры, да и красные командиры, от нерешительности и ссор в штабе. Ему также приходилось справляться с истериками и интригами эмигрантов; временами казалось, что они больше стремятся уничтожить друг друга, чем отвоевать Россию.

Действуя совместно с эстонцами, Юденич в мае предпринял наступление, которое, не достигнув Петрограда, завоевало ему значительную территорию для вербовки и впервые создало прочную оборонительную линию от Нарвы на побережье до Пскова на южной оконечности Чудского озера. Его наступление также привело к дезертирству большого числа людей, которые были принудительно призваны в Красную Армию. Он быстро включил их в свою собственную армию, и к началу лета он располагал немалой силой в 25 000 человек.

В том же месяце англичане послали военную миссию в составе 44 офицеров и 45 других чинов, чтобы заставить фон дер Гольца подчиниться приказу своего правительства о выводе войск из Прибалтики и «активизировать» усилия Юденича. Возглавить ее был назначен генерал-лейтенант сэра Хьюберт Гоф, человек, не лишенный опыта в политических и военных спорах. Будучи

бригадным генералом, командующим третьей кавалерийской бригадой в Ирландии, он был главным инициатором «инцидента в Керраг», когда он и 57 его офицеров заявили, что они скорее уйдут в отставку, чем выступят против Ольстерцев, которые угрожали гражданской войной из-за планов правительства дать Ирландии самоуправление. Затем, в марте 1918 года, когда он командовал пятой армией во Франции, он имел несчастье принять на себя всю тяжесть атаки Людендорфа. Пятая армия распалась, и он был уволен. Но даже в опале у него были сторонники, которые утверждали, что он сражался так хорошо, как мог, и что его увольнение было вызвано политиками, все еще сердитыми на него за его позицию в Керраге. Теперь ему был предоставлен еще один шанс.

Он обосновался в Хельсинки, где также располагались штаб-квартиры Юденича и фон дер Гольца. Каждый из трех генералов занимал один из лучших отелей Хельсинки и поднял свои национальные флаги на крышах. Финны называли их «три крепости».

Тем временем Коуэн сосредоточился на блокировке Красного Флота в Кронштадте - необычайно мощной островной крепости, охраняющей подступы к Петрограду. В 1919 году Кронштадт был защищен фортами и подводными волнорезами, построенными поперек залива, с дальнейшими фортами на материке. Он казался неприступным. Ни один вражеский корабль не мог приблизиться к нему, не будучи уничтоженным. Кроме того, его хорошо оборудованная гавань содержала флот, который на бумаге намного превосходил флот Коуэна. У него были крейсера и эсминцы, а также тральщики и мониторы, и позже к нему присоединились два корабля нового класса флота - авианосец. Но у русских было два линкора, вооруженных 12-дюймовыми пушками, «Андрей Первозванный» и «Петропавловск», крейсер «Олег» с 6-дюймовыми пушками, судно-база подводных лодок «Двина», которому теперь вернули старое революционное название «Память Азова» - корабль, экипаж которого доставил Кроми столько хлопот, - а также семь подводных лодок, эскадра миноносцев, несколько вспомогательных кораблей и минный заградитель «Нарва», разбросавший новые минные поля вокруг Кронштадта.

Однако эффективность этого мощного флота была подорвана дефицитом, особенно не хватало топлива и боеприпасов. А так как матросы - мускулы революции - убили так много своих офицеров, то не было никакой дисциплины; на приказы отвечали спорами, а не действиями. Командная структура была настолько слаба, что большевики были вынуждены вернуть командование некоторыми кораблями офицерам царского флота. Но они были капитанами

только номинально, работали под угрозой смерти для себя и своих семей, а политические комиссары следили за каждым их шагом.

То, что флот вообще существовал, было связано с блестящей штабной работой офицера Императорского флота адмирала А. М. Щастный, который дважды спасал корабли от захвата немцами, перемещая их из Ревеля в Хельсинки в феврале 1918 года, а затем в Кронштадт, когда немцы вторглись в Финляндию два месяца спустя. С помощью ледоколов и тральщиков он смог доставить большевикам почти весь русский Балтийский флот.

Щастный стал героем среди большевиков несмотря на то, что оставался очень имперским офицером. Это, конечно, было невыносимо для большевистских фанатиков. Они заманили его в Москву, чтобы «наградить» за его работу, арестовали по сфабрикованному обвинению в использовании его популярности для работы против революции и расстреляли. Корабли, которые он спас, были теми, которые Кроми замыслил саботировать, чтобы предотвратить их попадание в руки немцев. Как странно, что человек, который их спас, и человек, который замышлял их потопить, оба были убиты большевиками.

С наступлением весны и ломкой Балтийских льдов эти большие русские корабли начали подавать признаки жизни. Большевики посылали свои эсминцы, иногда защищаемые «Олегом», для рейдов вдоль эстонского побережья. Когда корабли Коуэна преследовали их до Кронштадта, оба линкора высовывали носы из минных полей и стреляли из своих больших пушек. Это оказалось пустой тратой боеприпасов, и после конца мая линкоры остались дома, надеясь, что осмелевшие англичане загонят свои корабли в минные поля.

Это не означало, что не было никаких действий, так как большевистские эсминцы появились, чтобы бомбардировать эстонское побережье и позиции белогвардейцев. Во время одного из таких рейдов два эсминца, «Леннук» и «Йомбола», намеревались атаковать Ревель, но были отрезаны британскими кораблями и взяты на абордаж с траулера Йоханом Питкой, ярким командиром молодого эстонского флота, который позже стал сэром Джоном Питкой. Он и его люди захватили оба корабля в старомодной рукопашной схватке, и они стали ядром эстонского флота.

Одним из захваченных Питкой был комиссар Балтийского флота Ф. Ф. Раскольников, бывший главный старшина, сыгравший ведущую роль в свержении Временного правительства и один из самых верных сторонников Троцкого. Он был одним из немногих высокопоставленных большевиков, которых вывезли в

Англию, чтобы использовать в качестве заложников, чтобы вынудить Советское правительство к обмену пленными. 1 февраля 1920 года он послал радиogramму из Англии - очевидно, по английскому наущению - Троцкому, сообщив ему, что он и член Петроградского Совета содержатся в качестве заложников за «всех британских гражданских и военных заключенных», удерживаемых большевиками. Через одиннадцать дней обе страны подписали соглашение об обмене пленными. Раскольников уехал домой 26 мая. Мы снова встретимся с ним позже.

Активно действовали и подводные лодки. Два британских эсминца, *HMS Valorous* и *HMS Vancouver*, серьезно повредили «Ёрш», который едва успел доковылять до Кронштадта. Обмен был двусторонним: большевистский эсминец «Азард» потопил британскую подводную лодку L55. Русские подняли L55 в 1928 году, наградили погибших членов экипажа полными военно-морскими почестями, а затем использовали ее в качестве прототипа для своей весьма успешной подводной лодки класса «Ленинец». Отрезвляет мысль о том, что атомные подводные лодки, которые сейчас направляют свои ракеты на Лондон и Нью-Йорк, возникли благодаря британской лодке, потопленной так давно.

У Коуэна было одно оружие, о котором большевики ничего не знали. Это была береговая моторная лодка, разработанная во время войны для налетов на немецкие и бельгийские берега. Эти лодки, сорока - и пятидесяти пятифутовые, имели корпуса гидропланов и с двигателями мощностью до 500 л. с. были способны развивать скорость более сорока узлов. Они были вооружены пулеметами Льюиса, глубинными бомбами и одной или двумя торпедами. Они также могли нести специально разработанные мины вместо торпед. Во время налета на Зеебрюгге 22 апреля 1918 года они действовали хорошо и, благодаря своей способности скользить по минным полям, готовились к атакам на немецкие тяжелые корабли в их гаванях, когда война закончилась.

Лейтенант август Агар, с которым мы познакомились ранее, когда он описывал «Аскольд» в Мурманске, служил в то время на острове Осея на реке Блэкуотер в Эссексе. Он нетерпеливо наблюдал, как лодки отправлялись на борьбу с большевиками на Каспии, Двине и Онежском озере, и его шанс представился после вызова в Лондон для встречи с «Си», главой секретной службы.

«Си» был занят восстановлением своей русской сети. После смерти Кроми, бегства Рейли, изгнания Локхарта, Хикса и Бойса и ухода Хилла у «Си» остался только один агент в Петрограде. Джон Меррет, который, по советским сведениям, вел собственное торговое дело, «Меррет Джонс и компания», в

качестве прикрытия своей незаконной деятельности использовал имя Ивана Ивановича. Описанный в отчете ЧК как «белокурый гигант», он был очевидной мишенью для агентов ЧК, которые следили за ним и обыскивали его офис. Несмотря на то, что он сохранил в Петрограде искру агентурной деятельности, ЧК приближалась к нему, и, по советской версии, «он избежал ареста только случайно». Поэтому было необходимо вытащить его и заменить тайным агентом.

«Си» выбрал для этой задачи одного из самых замечательных своих агентов, Пола Дюкса, хрупкого телосложения двадцативосьмилетнего юношу, который впервые отправился в Россию в 1909 году учиться музыке в консерватории. Будучи прикомандированным к Мариинскому театру, он вступил в Англо-русскую комиссию и с паспортом дипломатического курьера полгода путешествовал по России, изучая работу по оказанию помощи пострадавшим. В июне 1918 года он был вызван в Лондон и, считая свою работу неудовлетворительной для Министерства иностранных дел, явился в здание недалеко от Трафальгарской площади, где, к его удивлению, ему предложили работу в секретной разведывательной службе.

Задача Дюкса состояла в том, чтобы вернуться в Россию и доложить о политике большевиков, об отношении населения к правительству, о возможностях смены режимов и о степени немецкого влияния. Его также попросили предоставить военные и военно-морские разведданные. Он согласился и, вооружившись именами «нескольких англичан», с которыми нужно было связаться, высадился в Архангельске в сентябре 1918 года. Затем Дюкс переодетый отправился в Петроград, где Меррет передал ему свою скудную сеть и исчез из России под видом Кучера.

Поручение лейтенанта Агара состояло в том, чтобы создать секретную базу для двух торпедных катеров на финском побережье, недалеко от Петрограда, и доставлять курьеров и деньги Дюксу, что стало неотложным делом с тех пор, как несколько его курьеров, передвигавшихся по суше, были схвачены большевиками и расстреляны. Агар должен был быть известен как агент ST 34, и он и его лодки должны были работать на MI6, а не на адмирала Коуэна.

10 июня 1919 года он прибыл в Терриоки, всего в трех милях от русской границы. Там с шестью солдатами, двумя лодками и помощью британских агентов, базирующихся в Финляндии, и при содействии местного финского коменданта он основал свою базу в заброшенном яхт-клубе.

Он немедленно приступил к работе. 13 июня, ведомый контрабандистом, он пробирался через форты Кронштадта и подводные волнорезы, ожидая прожекторов и выстрелов, которые означали бы конец его миссии. Но он проскользнул незамеченным и высадил своего агента «Петра» на острове практически в пригороде Петрограда. Он повернул домой и, еще раз обойдя сторожевые катера, минные поля и форты, благополучно вернулся в Терриоки, договорившись на следующую ночь забрать «Петра» из Петрограда.

Положение Агара осложнилось тем, что крепость Красная Горка на побережье к западу от Петрограда 10 июня восстала против большевиков, и из Кронштадта были посланы два линкора для бомбардировки до капитуляции. Он видел, как линкоры обстреливали форт в течение всего 14 июня, но тем не менее проводил подготовку. В тот вечер он снова вышел, и все пошло как по маслу. Агента забрали с депешами от Дюкса, в том числе с сообщением, что Дюкс хочет остаться еще на месяц.

Это положило конец работе Агара в секретной службе на некоторое время, и он переключил свои мысли на другие вещи. Он позаимствовал у Коуэна две торпеды и теперь намеревался использовать их против линкоров, обстреливавших Красную горку. Но его запрос в Лондон принес указание: «лодки использовать только в разведывательных целях. Не предпринимайте никаких действий без специального указания старшего морского офицера в Балтийском регионе». Для большинства молодых офицеров это был бы недвусмысленный приказ, но Агар считал, что это дает ему право действовать при условии, что он сможет получить одобрение Коуэна. Более того, хотя у него не было никакой возможности связаться с Коуэном, он был уверен, что адмирал одобрит это. Итак, следуя этой Нелсоновской логике, Агар готовился атаковать линкоры.

На обе лодки, №4 под командованием Агара и № 7 под командованием лейтенанта Дж. Синдалл, загрузили торпеды и, сменив гражданскую шпионскую одежду на форму Королевского флота, отправились в путь в полночь 16 июня под английскими военно-морскими флагами. Почти сразу лодка Синдалла наскочила на плавающую мину. Она не взорвалась, но сломала гребной вал. Агар отбуксировал ее в безопасное место, но Синдалл и его лодка уже вышли из игры. На следующий день, 17 июня, большевистские линкоры вернулись в гавань, и их место занял «Олег». В ту ночь, в бурном море, Агар отправился атаковать корабль «Олег» с младшим лейтенантом Джоном Хэмпширом и главным механиком Хью Били в качестве команды на торпедном катере №7. Они медленно скользили между эсминцами, прикрывавшими крейсер «Олег», когда вдруг лодка начала

сильно трястись. Заряд, использовавшийся для выброса торпеды, выстрелил. К счастью, его крепко держали два железных зажима. Затем Хэмпшир пытался установить новый заряд, в то время как лодка шла между двумя эсминцами большевиков. В конце концов ему это удалось, и Агар, с ревущим двигателем, на полной скорости направился к «Олегу», выпустил торпеду и развернулся. Теперь они попали под огонь крейсера, эсминцев и фортов, но каким-то чудом остались нетронутыми. Их торпеда прошла точно и разорвалась у борта «Олега». Он перевернулся и затонул, а сорок членов экипажа погибли. Агар был награжден Крестом Виктории за этот подвиг, но так как обстоятельства не могли быть раскрыты, он стал известен как «анонимный Крест Виктории».

В этом бою все еще остается что-то загадочное, поскольку в своей книге «Балтийский эпизод» Агар пишет только об этих двух попытках нападения на большевистские корабли, в то время как его официальный отчет, напечатанный в качестве приложения к книге, показывает, что он действительно сделал три попытки, причем первая была сделана не на «Олеге», а на линкорах, когда он возвращался с высадки «Петра» в свой первый рейс в Петроград. «Утром в пятницу, 13 июня, после выполнения специального задания в Петроградской бухте я пересек восточную линию фортов, охранявших Кронштадт, на торпедном катере №7 и приступил к разведке близ Толбухинского Маяка. Там стояли на якоре два большевистских линейных корабля – «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», а к востоку и западу от них - сторожевой эсминец. Я решил атаковать в 2 часа утра (финское время), но, когда оставалось всего 4 мили, двигатель отказал и обороты упали ниже скорости торпедного огня, поэтому мне пришлось повернуть на 16 пунктов и вернуться на свою базу, прибыв туда в 3:15 утра».

Из этого донесения следует, что Агар вооружил свою лодку торпедой и предпринял атаку в гражданской одежде еще до того, как послал сигнал в Лондон с просьбой разрешить атаку. Если бы миссия провалилась, это могло бы иметь катастрофические последствия для его разведывательной миссии, и он, вероятно, заслужил бы военный трибунал, а не Крест Виктории.

В следующие несколько недель Агар, когда обе лодки уже были в рабочем состоянии, возобновил свою разведывательную деятельность, отправляя агентов к Дюксу. Это было опасное занятие, тем более что большевики теперь поняли, что торпедные катера действовали фактически на их собственной территории. Кроме того, возникла необходимость попытаться вытащить Дюкса раньше, чем планировалось, так как приближалась ЧК. Действуя в самых разных обликах,

Дюкс не только снабжал картами минных полей, окружавших Кронштадт, но и финансировал подпольную организацию, образованную царскими офицерами, предпринимателями и бывшими помещиками. Названная Национальным Центром, она была посвящена свержению большевизма. Дюкс также получил много ценных сведений о социально-политических условиях внутри России.

В последних советских отчетах говорится о существовании «британского досье», составленного в то время Эдуардом Отто из Особого отдела ОО ЧК. Отто, по прозвищу «Профессор», все свое время тратил на то, чтобы поймать Дюкса, который описывался в чекистских досье так: «молодой, высокий, слегка сутулый, с худым гладко выбритым лицом и обычно в красноармейской шинели и потертых сапогах».

Отто и Дюкс столкнулись лицом к лицу, когда ЧК сообщили, что Дюкс обратился к врачу для лечения обморожения. Отряд ЧК ворвался в комнату, где на диване лежал Дюкс. Какой-то мужчина уставился в лицо Дюкса. Это был Отто. Но доктор – антибольшевик - научил Дюкса, как устраивать истерику. Он сделал это весьма внушительно, и чекисты ушли. Но многие из знакомых Дюкса были арестованы и расстреляны. В июле два агента его Национального Центра были пойманы при пересечении границы Финляндии. Один из них был убит, а в каблуке его ботинка нашли капсулу с двумя полосками рисовой бумаги. Они содержали разведданные об обороне Красной Армии и секретных большевистских политических решениях, и они были подписаны ST25. Сеть начала закрываться. Когда Дюкс отправился в Москву за информацией к преподобному Фрэнку Норту, британскому капеллану и единственному представителю англичанину, оставшемуся в городе (Его Церковь Сент-Эндрюс теперь является студией звукозаписи звукозаписывающей компании «Мелодия»), Норт был схвачен ЧК и провел несколько месяцев в тюрьме. Когда его наконец отпустили, Дюкс встретил его на вокзале Ватерлоо. Норта можно было простить за проявленную досаду. – Боже милостивый, Дюкс, эта беседа с вами чуть не стоила мне жизни».

Именно в этих обстоятельствах Агар и Синдалл предприняли несколько попыток вытащить Дюкса. Они потерпели неудачу в череде ошеломляющих эпизодов, которые Дюкс и Агар позже описали в своих книгах «История ST25» и «Балтийский эпизод».

Агар предпринял еще одну попытку 8 августа, сообщив Дюксу, что это будет последняя попытка в течение некоторого времени из-за «морских операций». Это тоже не удалось, потому что маленькая лодка, украденная Дюксом его

спутником, чтобы грести к торпедному катеру, затонула под ними, и им пришлось плыть к берегу, где они наблюдали, как торпедный катер развернулся и ушел.

«Морские операции» Агара возникли из его успеха в потоплении линейного корабля «Олег» и планов атаковать немецкие линкоры у их причалов в прошлом году. Коуэн решил устранить угрозу со стороны двух линкоров, которые вынудили Красную горку сдаться, и для этого он планировал использовать флотилию торпедных катеров, чтобы запустить высокоскоростную торпеду в гавань под покровом темноты. Тем временем он был усилен еще одной эскадрой эсминцев и легким крейсером «Мстительный», который был переоборудован в авианосец и доставил на Балтику боевую группу «Кемелов», «Грифинов», «Стреттеров» и гидросамолетов «Шорт». Под командованием капитана Эдгара «Дашера» Грейса, сына великого игрока в крикет «В. Г.», он опозорился по прибытии, сев на мель. Потребовалось много усилий в течение восьми дней, чтобы вытащить ее.

Самолеты были выгружены и отправлены с примитивного аэродрома, вырезанного из кустарника в Биорко в Финляндии. Два или три противолодочных патруля проводились каждый день, и 30 июля одиннадцать самолетов совершили утренний налет на Кронштадт, и командир эскадрильи Д. Г. Дональд - позже маршал авиации сэра Грэм Дональд - сообщил, что «плавучая база эскадренных миноносцев исчезла и больше не была замечена». Дональд был не слишком доволен ситуацией: «зенитный огонь улучшался с каждым днем. Неадекватная организация аэродромов затрудняла операции; кроме того, самолеты были, без исключения, старыми и непригодными для выполнения своих обязанностей». Тем не менее им предстояло сыграть жизненно важную роль в Кронштадтском рейде.

Семь торпедных катеров прибыли в Биорко - один был потерян в Северном море - 2 августа. Командование кампанией было передано командиру Си Си «Дебби» Добсону, и Агару было предложено провести их через цепь фортов. Планировалось, что они войдут на полной скорости двумя группами по три человека под прикрытием бомб и пуль с самолетов Дональда. Седьмая лодка будет иметь дело с кораблем охраны, а Агар будет прятаться снаружи, готовый справиться с любыми кораблями, которые могут выйти на бой.

Торпедные катера атаковали 18 августа в 01:40. Благодаря сильному западному ветру, поднявшему уровень воды в Петроградской бухте, они смогли пройти над волнорезами без повреждений. Первой лодкой, с ревом ворвавшейся в узкий проход, была лодка № 79 под командованием лейтенанта Бремнера. Он достиг полной неожиданности, когда шум его двигателей затерялся среди шума,

производимого самолетом Дональда. Бремнер нанес прямой удар по «Памяти Азова». Только тогда оборона ожила. Добсон в № 31 нанес следующий удар, поразив «Андрея Первозванного» обеими торпедами. К этому времени воздух был полон выстрелов и снарядов; прожекторы прочесывали гавань, и трассирующие снаряды стреляли в ночи. Лейтенант Дейрелл-Рид был ранен в момент атаки и рухнул на руль. Младший лейтенант Стил оставил свой пулемет «Льюис» и оттащил смертельно раненного шкипера от пульта управления. Он только успел выстрелить торпедами и отвернуть в сторону; еще немного - и он протаранил бы «Петропавловск». Одна из его торпед была потрачена впустую на якорную цепь, а другая попала в линкор под его носовой башней.

Тем не менее второй волне повезло меньше. Лодка № 86, которой командовал лейтенант Говард, сломалась, не достигнув крепости. Затем лейтенант Брэд в лодке № 62 был ослеплен прожектором, когда он вошел в гавань и столкнулся с лодкой Бремнера № 79, когда она выходила. Лодка Бремнера была почти разрезана пополам, поэтому, приказав команде подняться на борт лодки Брэда, он взорвал свое собственное судно пироксилиновой шашкой.

Весь ад теперь вырвался на свободу. Самолеты Дональда обстреливали орудийные позиции и прожекторы, к ним присоединялись торпедные катера со своими пулеметами Льюиса, а большевики стреляли по ним из всех орудий. Лейтенант Нейпир в лодке № 24 попытался, следуя его указаниям, потопить сторожевой корабль, эсминец «Гавриил», но его торпеда промахнулась мимо цели, и «Гавриил» уничтожил лодку. Брэд, не имея возможности войти в гавань, решил использовать две свои торпеды против «Гавриила». Но обе они промахнулись, и эсминец снова ответил меткой стрельбой, повредив двигатели лодки №62 и потопив ее в течение нескольких минут. Агар в лодке № 7 выпустил торпеду в военную гавань, где находились патрульные катера, и нанес значительный ущерб.

К тому времени, когда последняя лодка, № 72 лейтенанта Бодли, вошла в гавань, чтобы торпедировать сухой док, казалось, что ничто не может выжить под градом пуль и снарядов, несущихся по воде. Бодли прошел примерно половину пути, прежде чем в кабину пилота попал осколок снаряда. Никто не пострадал, но механизм торпедного выстрела заклинило, поэтому Бодли как можно быстрее выбрался из гавани. К счастью для лейтенанта Говарда и его команды, Бодли наткнулся на выведенную из строя лодку № 86 и смог отбуксировать ее в безопасное место. Уцелевшие на большой скорости направились к ожидающей

очереди крейсеров и эсминцев Коуэна, в то время как самолеты Дональда продолжали атаковать оборону большевиков.

Позже тем же утром они подсчитали баланс. Три торпедных катера были потеряны: четыре офицера и четыре рядовых были убиты, в то время как три офицера и шесть рядовых были взяты в плен - среди них тяжело раненный Бремнер. На другой стороне учетного журнала авиационная разведка показала, что оба линкора легли на дно, выведенные из строя, а «Память Азова» перевернулась на бок. Одним ударом морская угроза флоту Коуэна и новым прибалтийским государствам была устранена.

Добсон и Стил были награждены Крестом Виктории и ряд других моряков и летчиков наградили за храбрость. Два невольных героя, финские контрабандисты, которых уговорили отправиться в качестве лоцманов на лодках Добсона и Агара, также были вознаграждены. Они получили двойную плату - 25 фунтов-стерлингов - за поездку и две квартиры рома вместо одной.

Это был блестящий переворот в духе действий малых кораблей с дополнительной воздушной поддержкой. Даже те, кто был яростно против вмешательства, не могли не радоваться. Флот по праву гордился своими успехами, храбростью и мастерством своих людей. Однако было бы неверно думать, что Королевский флот не страдал теми же недугами, что и армия. Во многих отношениях у матросов было больше причин для недовольства, чем у солдат. Они все еще страдали от пережитка викторианских условий и оплаты. Жизнь на борту корабля все еще была суровой, и стоимость жизни на берегу резко возросла, в то время как зарплата моряков отставала. Семьи женатых моряков владели жалкое существование. Именно эти обиды должны были вырваться наружу в 1931 году во время восстания в Инвергордоне на кораблях Королевского флота.

Многие матросы также возражали против отправки в Россию. Было несколько случаев, когда люди отказывались отплыть на своих кораблях в Балтийское море, и адмирал сэр Сидни Фримантл упоминает в своих мемуарах о мятеже среди эскадры легких крейсеров, которые отказались отплыть из залива Ферт-оф-Форт в Балтийское море. Большевики пытались извлечь выгоду из недовольства матросов, передавая им радиопередачи, которые призывали их отказаться от долга и ускорить дело мировой революции. Это был первый случай использования радио в пропагандистских целях.

Ничего из этого британская общественность не узнала. Строгая цензура не допускала никаких упоминаний о недовольстве и мятеже. Но о масштабах проблемы можно судить по второй части заявления сэра Уолтера Лонга в Палате общин, в которой впервые упоминался мятеж Королевской морской пехоты на севере России. Перейдя от морской пехоты к флоту, он перечислил ряд случаев, когда люди «сбегали с кораблей, получивших неожиданные для них приказы идти на Балтику, в результате чего плавание флотилии было поставлено под угрозу...». В каждом случае он объявлял уменьшению их сроков наказания. И затем он обратился к тому, что, очевидно, было серьезной попыткой саботажа авианосца «Мстительный», пока он находился в Балтийском море: «с людьми, которых это касалось, вопрос был улажен в общем порядке, за исключением двух лидеров мятежа, которые попытались остановить двигатели охлаждаемые вентилятором, тем самым подвергнув опасности жизни своих товарищей внизу. Они были приговорены к пяти годам каторжных работ, и адмиралтейство рассмотрит дела этих людей через два года и один год соответственно».

23 августа Агар предпринял последнюю попытку вывести Дюкса из Петрограда. Все закончилось катастрофой. Приближающийся торпедный катер был замечен обороняющимися, которые теперь полностью осознавали присутствие лодок, и он находился под освещением прожекторов до тех пор, пока, как писал Агар, он не стал похож на «кролика, прижатого к фарам автомобиля». Форты открыли огонь, руль лодки был поврежден, и она с ревом понеслась на полной скорости, потеряв управление, пока не врезалась в один из волнорезов и не остановилась с грохотом. К счастью, прожекторы потеряли его, и, хотя двигатель был выведен из строя, она все еще плыла. Кронштадт находился всего в нескольких сотнях ярдов; финский берег и безопасность - в пятнадцати милях, и им оставалось всего несколько часов темноты, чтобы добраться до него. Они соорудили мачту и кусок парусины вместо паруса. Ветер дул в нужном направлении, и постепенно они начали удаляться от фортов. Туман на рассвете дал им дополнительную защиту, а затем они наткнулись на лодку, в которой два красноармейца из одного из фортов наслаждались утренней рыбалкой. Направив на них пулемет Льюиса, Агар заставил их отбуксировать торпедный катер к Терриоки. Через двенадцать часов после отплытия они достигли безопасного места, и лодка утонула под ними. Затем они дали сбитым с толку солдатам несколько запасных пайков и отпустили их.

Агар был вовлечен в еще одну операцию, в ходе которой торпедные катера заложили свои специальные мины в расчищенном канале, ведущем в Кронштадт. Это привело к неожиданному результату. «Гавриил», мимо которого

промахнулись три торпедами и который потопил два торпедных катера во время налета, вышел однажды ночью с эсминцем класса «Азард». Их задачей было патрулирование местности, но их капитаны-монархисты намеревались передать свои корабли англичанам. Однако, прежде чем они смогли это сделать, они наткнулись на мины и затонули с большими потерями в живой силе.

Что же касается Дюкса, то он проделал свой путь по суше через Эстонию и был посвящен в рыцари за свою работу. Он и Агар, наконец, встретились в сентябре 1919 года в офисе «Си» в Лондоне. Вечером они ужинали в «Савое».

Сохранилось одно воспоминание об этих волнующих событиях – торпедный катер №4, принадлежавший Агару, на котором он потопил корабль «Олег». Отремонтированный Торникрофтом, он теперь выставлен в Имперском военном музее в Даксфорде, графство Кембриджшир.

В то время как Королевский флот укреплял свои позиции в Финском заливе, политическая обстановка становилась еще более сложной. Фон дер Гольц, потерпев неудачу в своей попытке установить немецкое господство в Прибалтике, организовал Русско-германскую армию из 42 000 человек, 12 000 из которых были русскими военнопленными, высланными из Германии. Он назначил грузина, полковника Бермонда, ее командиром и предлагал выступить в Россию в попытке захватить Москву.

Маннергейм был отстранен от власти в Финляндии, и новое финское правительство заняло гораздо менее воинственную позицию по отношению к большевикам. Другие прибалтийские государства, прежде чем согласиться поддержать поход Юденича на Петроград, требовали признания де-юре, а также военной и финансовой помощи со стороны англичан. Сэр Хьюберт Гоф снова подмочил свою репутацию, создав в Эстонии русское правительство в изгнании, от которого он надеялся получить гарантию независимости Эстонии. И Деникин, и Колчак, приверженные восстановлению довоенных границ России, гневно отказывались признавать какую-либо гарантию от какого-либо правительства. Прибалтийские государства, не видя перспективы поддержки со стороны союзников и опасаясь того, что произойдет, если они окажутся втянутыми в проигрышную войну, начали вести переговоры о мире с большевиками, которые были слишком озабочены тем, чтобы исключить угрозу для Петрограда, имея дело с Колчаком и Деникиным.

Генерал Лайдонер, главнокомандующий эстонской армией, так объяснил Берлинске Тиденде позицию своей страны: «Адмирал Колчак не признавал

независимости прибалтийских пограничных государств. Эстонский крестьянин-солдат не мог, следовательно, понять, почему он должен бороться с большевиками, которые заявили о своей готовности признать независимость Эстонии».

В Лондоне существовал глубокий раскол между Черчиллем и остальными членами Кабинета. Ллойд Джордж уже донельзя ясно изложил ему свои взгляды, но Черчилль настаивал на том, чтобы поддержать все аспекты сопротивления большевикам. Англия должна была поддержать Юденича, утверждал он, потому что в худшем случае действия Юденича за пределами Петрограда отвлекли бы войска, которые в противном случае были бы использованы против Деникина и Колчака, и в лучшем случае могли бы нанести сокрушительный удар большевикам, захватив Петроград и Кронштадт. Лорд Керзон, министр иностранных дел, был категорически против этой точки зрения, настаивая на том, что Юденич был реакционером, чья оккупация Петрограда была бы губительной для всей Прибалтики.

Черчилль даже столкнулся с сильной оппозицией в своем собственном министерстве, с документом Генерального штаба от 3 октября, в которой предлагалось в связи с мирными переговорами между прибалтийскими государствами и большевиками вывести армию Юденича и направить ее на помощь Деникину. Этот аргумент стал незначительным, когда Юденич начал наступление на Петроград 11 октября. Каковы бы ни были его недостатки, трудно не сочувствовать русскому, потому что, хотя почти все в регионе хотели, чтобы большевики были обезврежены, немногие были готовы помочь ему. В сентябре он рассказал Хью Мьюриу из *Дейли Экспресс*:

Моя армия оборвана и практически босая, в то время как большевики имеют хорошую армию в 45 000 человек, сравнительно хорошо оснащенную артиллерией, пулеметами и достаточным количеством боеприпасов. Мы не можем взять Петроград в нашем теперешнем состоянии. Моя армия была сформирована из материала, захваченного у большевиков. Она оборвана, страдает от голода и нехватки табака.

Фактически, британское правительство согласилось в мае отправить начальную партию материальных средств, достаточных для оснащения 7 500 солдат вместе с восемью 6-дюймовыми гаубицами, шестнадцатью 18-фунтовыми пушками, двадцатью грузовиками и медикаментами для 10 000 военнослужащих. Были и другие поставки - в основном из излишков запасов, оставшихся после войны, - вплоть до сентября, когда Юденич написал Черчиллю, поблагодарив его за

поставки и выразив надежду, что они будут продолжаться. Среди наиболее важной техники, присланной ему, были шесть составных танков Mark V с отрядом из двадцати двух офицеров и двадцати девяти других чинов из танкового корпуса под командованием подполковника Э. Хоуп-Карсона. Он прибыл с тремя танками и грузом военной техники на борту парохода «Давия», бывшего немецкого минного эскорта, в Ревель в ночь на 5 августа. Юденич пришел осмотреть танки, и Хоуп-Карсон предложил назвать один из них его именем. Однако он настаивал, чтобы это называлось «Первая помощь. Остальных назвали «Бурый медведь» и «Капитан Кроми».

Предполагалось, что отряд научит белогвардейцев пользоваться танками, а затем передаст их. Конечно, все вышло совсем не так. Хоуп-Карсон был отправлен в бой в воскресенье, 21 августа, после посещения панихиды по британским морякам, погибшим в Кронштадтском рейде. Два танка погрузили в поезд и отправили на фронт южнее Пскова, где большевики напали на эстонцев. Но пока Хоуп-Карсон под артиллерийским огнем разведывал местность, эстонцы отступили, и поезду с танками пришлось спешно возвращаться в Нарву, чтобы не быть отрезанным. Танки впервые показали, на что они способны, 13 сентября под Гдовом, примерно в пятидесяти милях к югу от Нарвы, где, стреляя из своих шестифунтовых пушек и пулеметов и при поддержке недавно сформированного «наступательного танкового батальона», они разгромили большевистские силы, расположенные в ряде укрепленных деревень.

С тех пор и до конца кампании танки находились в почти непрерывном действии, устремляясь к местам, где большевики угрожали прорваться и вести наступление. Они приобрели громадную репутацию непобедимых, и большевики обычно бежали, когда они появлялись. Но их было недостаточно. Из трех других машин отряда в одной сломалась коробка передач, а остальные две были выведены из строя либо в Халле, откуда они были отправлены, либо после прибытия в Ревель.

Хоуп-Карсон, чей красочный и подробный отчет о кампании отряда был напечатан в журнале Королевского танкового корпуса в 1927 году, таким образом не смог выполнить все требования, предъявляемые к нему, и белогвардейцы позже обвиняли танки в их окончательном провале по захвату Петрограда.

Еще одна драма должна была разыгаться, прежде чем Юденич бросится в атаку. 6 октября полковник Бермондт, командовавший теперь силами примерно в 50 000 Русско-немецких солдат и стремившийся наступать не только на Петроград, но и на Москву, решил сначала занять Ригу. В очередной раз англо-белогвардейские отношения оказались запутанными. Латыши, которые были

вооружены Кованом, упорно сопротивлялись, и Кован послал британские крейсера «Дракон» и «Клеопатра» вместе с несколькими эсминцами, чтобы помочь им. Корабли под командованием французского коммодора Бриссона обстреляли Бермонда, который ответил артиллерийским огнем Железной дивизии фон дер Гольца, нанеся 15 боевых потерь британским кораблям. Но пушки Военно-Морского Флота был немцам не по зубам, и они бежали преследуемые латвийской армией, всю дорогу назад через Литву в Восточную Пруссию, где они, наконец, где они с позором расплылись. Никто не жалел, что они уехали. «Последняя телеграмма, полученная литовской делегацией в Лондоне, гласит, что русско-германские войска в Литве, сражающиеся с большевиками, опустошают литовскую страну, сжигают деревни и грабят имущество народа. Таким образом, они уничтожают всякую симпатию литовского населения к русскому делу».

Юденич открыл свое наступление серией побед. Танки Хоуп-Карсона были в первых рядах и, по словам специального корреспондента «Дейли Экспресс»:

Танковый корпус продолжает завоевывать славу, действительно, кажется, что без их помощи невозможно сделать ни шагу. В такой степени полагаются на танки, что экипажам трудно получить необходимый отдых. Выдающийся подвиг, оказавший честь полковнику Карсону и его людям, был совершен при форсировании реки Луги, что считалось невозможным. Полковник Карсон получил орден Святой Анны.

Флот тоже действовал, обстреливая Красную горку. Крепость, теперь охраняемая лояльными большевиками, удерживала эстонские силы, которые, несмотря на предложенные мирные переговоры, поддерживали прибрежный фланг наступления Юденича. Монитор ВМС Великобритании «Эребус», имеющий два 12-дюймовых орудия, был направлен для выполнения этой задачи, но, не имея возможности взять крепость в ее незащищенном тылу, как это сделали большевистские линкоры, «Эребус» не только не смог вывести крепость из боя, но был вынужден уйти из-за очень точной стрельбы со стороны защитников. Орудия форта координировались наблюдателями на воздушном шаре, который, как говорилось в одном донесении, «очевидно, был наполнен негорючим газом, так как он часто простреливался нашими летчиками, но продолжал работать».

Командир эскадрильи Дональд и его люди усердно работали, сбросив более 300 бомб на Красную горку и еще одну крепость, сдерживавшую эстонцев в первые пять дней наступления. В сентябре Дональд с большим облегчением узнал, что корабль ВМС Великобритании «Фьюриос» - первый настоящий авианосец -

вышел в море с новыми пилотами и самолетами, потому что и его люди, и машины очень устали, так как почти постоянно находились в бою с момента их прибытия в июле. Но когда прибыли новые машины, он обнаружил, что почти каждый из двадцати самолетов «был в плохом состоянии и едва ли один был пригоден для полетов на действительной службе».

Несмотря на плохую погоду, было проведено непрерывное патрулирование на гидросамолетах, причем «один особенно хороший бой был проведен двумя гидросамолетами против большевистского эсминца в снежную бурю». Он был вынужден использовать истребители Кемел для дневных бомбардировок, и даже на высоте 15 000 футов они были поражены зенитным огнем. К тому времени, когда все было кончено, тридцать три из его пятидесяти пяти самолетов были «выведены из строя». Трое были сбиты, девять совершили вынужденную посадку в море, еще семь разбились из-за неровной поверхности аэродрома и четырнадцать испортились из-за климатических условий. Четыре пилота были убиты и двое ранены. Это была невоспетая, но доблестная маленькая кампания в ранней истории Королевских ВВС.

Войска Юденича в самом начале атаки заняли хорошие позиции. Их возглавлял лихой кавалерийский генерал Родзянко, который, по словам Хоуп-Карсона, «был хорошо известен в спортивных кругах Англии, заняв призовые места в соревнованиях по преодолению препятствий на лошади в Олимпии». Они взяли Ямбург, затем Гатчину и двинулись на окраины Петрограда. Среди них было подразделение шведских войск, одетых в национальную форму, сражающихся на передовой и работающих с танками. В одном небольшом сражении двенадцать из четырнадцати шведов, поддерживавших танки, стали жертвами. Однако им повезло, что за ними присматривала их собственная медсестра Матарт Куркинен. По словам Хоуп-Карсона: «Она всюду следовала за шведскими солдатами. Если это были фронтовые пехотинцы, как в данном случае, она шла с передовой. Она несла тяжелый груз больничных припасов и, должно быть, была спасительницей многих людей ... Рад сообщить, что позже ей вручили британскую награду». Как странно, что Швеция, так старательно избегавшая участия в двух Мировых войнах, сама оказалась втянутой в эту неразбериху.

К концу второй недели октября последние наступательные операции белых русских, казалось, были на грани успеха. Правда, Колчака оттеснили за Урал, но Деникин наступал на Москву, а Петроград, казалось, был во власти Юденича. Но все это было иллюзией. Как и в случае с гитлеровской армией много лет спустя, Петроград не был взят.

Красная Горка остановила наступление вдоль побережья, и неутомимый Троцкий прибыл на своем передвижном штабе, поезде, который он описал как «жизненно важную лопату угля, которая поддерживает умирающий огонь». Он подтянул подкрепления вдоль железнодорожных путей, которые кавалерия Юденича не смогла перерезать, и, хотя к 20 октября солдаты Юденича сражались среди заводов на окраинах города, у Белой армии заканчивались люди и время. И большевики начали контратаковать.

К этому времени напряжение начало сказываться на танках и их экипажах. Хоуп-Карсон чередовал свои британские и русские экипажи, но его танки выбывали из строя с механическими дефектами, с которыми упорно боролись в течение десяти дней. Он также столкнулся с мощным бронепоездом, который был более чем достойным противником его танкам. Но все же офицеры Юденича хотели, чтобы он продолжал наступать:

Теперь было очевидно, что штаб полагался на три сломанных танка, чтобы провести колонну. Пехота была основательно измотана и не желала наступать без них. Многие из старших офицеров были неспособны понять, что танк — это машина и имеет свои ограничения. Всерьез предполагалось... что, поставив по танку по обе стороны линии, легко будет перехватить бронепоезд.

Началось отступление. 3 ноября Юденич потерял Гатчину, а через девять дней - Ямбург. Хоуп-Карсон отвел свои танки и два французских легких танка обратно в Нарву. К 25 ноября все было кончено. Белогвардейская армия отступила к эстонской границе, где была разоружена, в то время как эстонцы закрыли свою границу перед наступающими большевиками.

Страшная вспышка сыпного тифа охватила теперь побежденную армию, и ее солдаты умирали в самых ужасных условиях, без крова и медицинской помощи. К концу года от армии белогвардейцев ничего не осталось. Юденич попросил убежища в Британии. И англичане отправились домой.

Адмирал Коуэн ждал отплытия до последнего момента 28 декабря, в тот день, когда море замерзло. Всего Королевский флот потерял в Балтийском море и Финском заливе семь кораблей, в том числе один легкий крейсер - с еще одним сильно поврежденным - два эсминца и подводную лодку. Сто тринадцать моряков погибли, сорок два были ранены и девять пропали без вести. Когда Коуэн вернулся домой, новые прибалтийские государства вели переговоры о своей свободе от России.

Радясь своей независимости, они, возможно, были бы мудрее и объединились, чтобы уничтожить коммунистическую угрозу, ибо большевизм забрал их обратно в Российскую Империю всего лишь двадцать лет спустя, в то время как Финляндия, доблестно сражавшаяся против Красной Армии в 1939 году, была вынуждена принять условия России и отказаться от своей стратегической территории к северу от Петрограда. Советы никогда не забывали и не прощали того факта, что именно из Терриоки Агар приплыл на торпедном катере в Кронштадт. Терриоки теперь русский (в настоящее время город Зеленогорск – прим. пер).

ГЛАВА 19

Триумф большевиков

Южная Россия и Каспий, декабрь 1919 – май 1920

Мы должны вернуться к авиаотряду «Z». Джо Арчер и его люди, теперь уже несколько менее веселые, удачно сбежали с поля боя и провели Рождество 1919 года на своей старой базе в Валуйках. Они не задержались там надолго. Когда армии Деникина распались, а красная кавалерия Буденного вторглась вглубь его территории, Королевские ВВС снова загрузили свои эшелоны и отправились в безопасное место, намереваясь переправиться через Дон у Ростова. Это было не самое легкое путешествие. Проезжая по южным степям и выглядывая в окна, они видели деникинских казаков, отступающих вдоль железнодорожной линии, лошадей и всадников с опущенными от усталости головами. За ними шли конные отряды Буденного, а на железной дороге - большевистский бронепоезд с 9,2-дюймовым орудием. Поезда, предназначенные для авиаотрядов «А» и «Z» приняли на борт столько беженцев и раненых, сколько могли увезти. Разразился тиф. Горючего не хватало. Железная дорога была забита поездами, пылящими на пути к безопасности. Машинисту поезда Вика Клоу пришлось приставить к голове пистолет, чтобы уговорить его ехать дальше. Партизаны стреляли по поездам, когда они проходили ночью. Когда начальник станции пожаловался на нехватку паровозов, Коллишоу передал ему сообщение от этого хладнокровного белогвардейского генерала барона Врангеля, сообщавшего, что барон повесил девятнадцать начальников станций на другом фронте и что, если понадобится, он повесит сто девятнадцать здесь.

Неудивительно, что к этому времени Клоу и его товарищи-пилоты начали сомневаться в разумности своего присутствия в этой странной, запутанной и крайне опасной стране. «Говоря откровенно, - вспоминал Клоу, - мы начали задаваться вопросом, Какого черта мы здесь делаем».

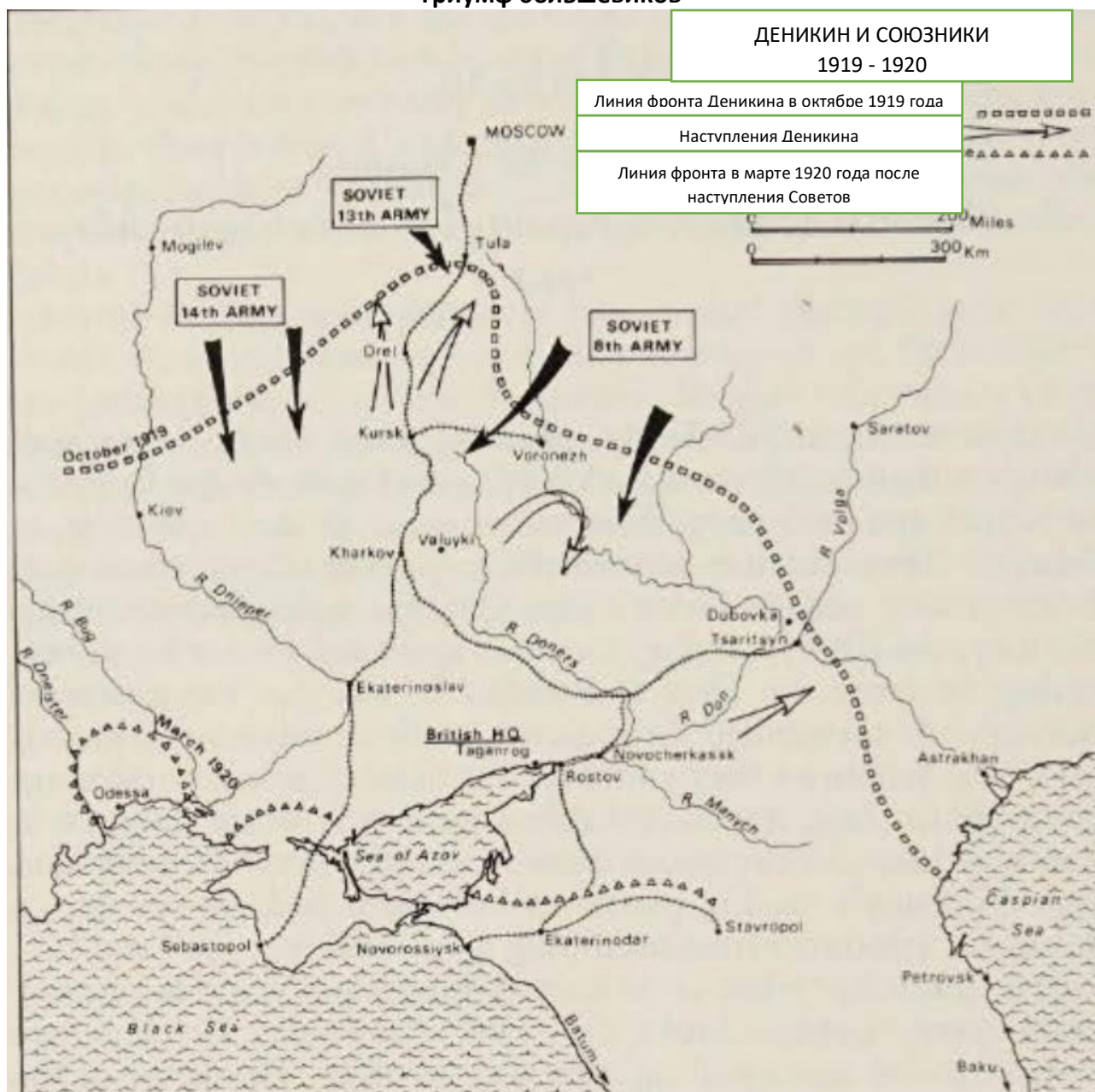
Все началось с англо-французского соглашения от 23 декабря 1917 года, в котором французам была передана ответственность за «действия против врага» на русских территориях к западу от Дона, в то время как англичане будут контролировать операции на Дону и к югу в Закавказье. Когда это соглашение было заключено, предполагалось, что «действия против врага» будут предприняты против немцев и турок. Но к концу 1918 года ситуация, конечно, резко изменилась. Германия и Турция потерпели поражение и больше не были «врагами».

В британской зоне контроля закавказские государства провозгласили свою независимость и обладали своего рода правительствами, в то время как на севере Кавказа генерал Деникин собирал свои белогвардейские силы для борьбы с большевиками и был признан фактическим правителем этого района. Но на французской территории, оккупированной немцами и австрийцами, не было ничего, кроме хаоса с националистическими, анархистскими и большевистскими бандами, сражающимися друг с другом в всеобщей неразберихе, кровопролитной войне. 18 декабря, по пятам за эвакуирующимися немцами, французы начали высаживать войска в Одессе с явным намерением спасти этот район от анархии. Однако, по мнению Советского Союза, они были посланы для создания щита, за которым Деникин мог бы сформировать свою армию. Всего французы высадили дивизию в 10 000 солдат, многие из которых были алжирцами и сенегальцами. Греки послали две дивизии численностью 30 000 солдат, а поляки - бригаду численностью 3000 солдат. Кроме того, румыны перебросили через свои границы 32 000 солдат, а Деникин послал 15 000. В общей сложности около 90 000 человек заняли пятидесятимильную полосу территории вдоль побережья Черного моря от румынской границы до Херсона на Днепре.

Это должна была быть грозная армия, способная сама о себе позаботиться. Но ее боевой дух был слабым, и она была поражена яростными кавалерийскими налетами со всех сторон. Казачий атаман Григорьев заставил их сдать Херсон, а затем напал на них под Одессой. У их солдат не было мужества, а у политиков - воли продолжать борьбу. С французов было довольно. Они потребовали мира, и 5 апреля последний французский корабль отплыл из Одессы. Они эвакуировали

30 000 русских гражданских лиц и 10 000 солдат Деникина, но оставили шесть танков «Рено» (которые позже были использованы против Деникина) и уничтожили огромное количество танков, которые оказались бы бесценными для лидера белогвардейцев. Не то чтобы они могли переправить ему эти грузы, ибо в том же месяце французский Черноморский флот взбунтовался. Мятеж возглавил Андре Марти, основатель французской коммунистической партии.

Триумф большевиков

Британское участие в Украине имело совершенно иной характер: в отличие от французской сферы интересов, Британская зона никогда не была оккупирована, а сам Деникин имел достаточно сил, чтобы считаться представителем русского правительства. Так что необходимость в британских оккупационных силах так и не возникла.

Таким образом, эскадрилья Коллишоу, авиаотряд «Z» и учебный отряд Королевского танкового корпуса были единственными британскими подразделениями, участвовавшими в боевых действиях на юге России. Их сравнительно скромная деятельность подверглась резкой критике со стороны оппозиции в Палате общин и послужила источником опасений в Кабинете.

Что Деникину было нужно от англичан, так это признание, деньги, учебная миссия и снабжение. И он получил все это. Опираясь на оружейные склады на Ближнем Востоке, оставшиеся после войны, англичане посылали ему корабли с материальными грузами. В общем, он получил достаточно, чтобы вооружить и экипировать четверть миллиона человек. Поставки, которые начали прибывать 15 апреля 1919 года, включали около 1200 орудий, в том числе 6-дюймовые гаубицы, 60-фунтовые орудия и большое количество 18-фунтовых орудий. Боеприпасы для этих орудий включали значительную долю газовых снарядов. Припасы составляли полный интендантский список: две тонны различных гвоздей, 1500 скребниц, миллион фунтов консервированного мяса, миллион фунтов печенья, 25 000 банок чая, достаточное количество подков на шесть месяцев. Существовали даже «канцелярские принадлежности для штаба 1 армии, штаба 3 корпусов, одной кавалерийской дивизии и пяти пехотных дивизий».

Шесть тяжелых и шесть легких танков были отправлены в качестве первой партии, и, в конечном счете, более современные самолеты последовали в дополнение к 100 Re8. Обмундирование, винтовки, пулеметы, боеприпасы, транспорт, госпитали, инженерное оборудование; себестоимость этого огромного военного рога изобилия, высыпавшегося на причал в Новороссийске, в конечном итоге составила 35,9 миллионов фунтов-стерлингов. Многие из этого, как утверждал Черчилль в Палате общин, было в значительной степени неликвидным. Тем не менее, это были большие деньги, и они давали Деникину достаточно «средств для ведения войны», чтобы победить большевиков.

Но, хотя он располагал средствами, у него не было ни людских ресурсов, ни организации, ни качеств лидера, чтобы выполнить эту работу. У него не было достаточно людей, чтобы обеспечить свой тыл и свои коммуникации, когда он

начал свой марш на север - партизанские отряды совершали набеги на окраины самого Новороссийска - его линии снабжения практически отсутствовали, и у него не было подкреплений. Белогвардейский генерал Врангель и британский генерал Холман советовали ему воздержаться от поспешного продвижения, но он был ослеплен мыслью о взятии Москвы. В типично русской манере он поставил все на кон.

Дезорганизация и коррупция в тылу приводили в ужас Холмана и его офицеров в военной миссии. В то время как сражающиеся солдаты были босыми и оборванными в поле, британская форма продавалась на гражданском черном рынке. Новороссийские проститутки занимались своим ремеслом, одетые в форму английских медсестер. Коррупция всегда преобладала в военное время, но на юге России в 1919 году она была особенно вопиющей.

Что касается руководства, то дородный, лысый, бородатый Деникин опирался на царские методы управления людьми, а не на руководство ими. Он не мог узреть, что мир изменился с 1917 года. Он страстно верил в Великую Россию, вернувшуюся к своим довоенным границам, и не одобрял независимости прибалтийских или закавказских государств. Кроме того, он был яростным антисемитом. Как и большинство белогвардейских лидеров и их британских армейских друзей, он приравнивал большевизм к еврейству, и его правление на юге России было отмечено серией погромов, в которых было убито около 100 000 евреев. Однако не все они были жертвами его армии. Анархисты и украинские националисты тоже убили свою долю. Но убийства вызвали в Британии чувство отвращения, и перед лицом этой жестокости росло убеждение, что выбирать между большевиками и белогвардейцами практически не приходится.

Учитывая эти основные слабости, неудивительно, что дело Деникина рухнуло, как только большевики остановили его наступление на Москву. Под его началом служили храбрые люди - хорошие солдаты. Но они мало что могли сделать, кроме как умереть, когда их гнали обратно в Ростов.

Переход от неминуемой победы к катастрофе занял всего две недели. 15 октября Деникин готовился к походу на Москву из Орла. Через неделю он был вынужден покинуть Орел. Через два дня, 24-го, красная кавалерия Буденного разгромила белую кавалерию генерала К. К. Мамонтова и заняла Воронеж. Анархисты Махно наводили хаос в тылу белогвардейцев, и 26 октября донские казаки выступили против Деникина. За эти две короткие недели дело белогвардейцев было проиграно.

Когда усталые и подавленные деникинцы отступили, а тиф и голод начали прореживать их ряды более эффективно, чем пули большевиков, отряд британского танкового корпуса покинул свою базу в Таганроге. Они прекрасно провели время в этом приятном городе на Азовском море. Когда великий танковый экспонент, генерал Фуллер, отправился навестить их, он описал условия:

Личный состав нашего танкового отряда в Таганроге очень удобно расквартирован и обеспечен. По большому счету нет никакой работы, которую нужно делать во второй половине дня, и есть как время, так и возможности для спорта и развлечений. Футбол очень популярен даже в условиях почти тропической жары, царившей во время моего пребывания в стране, и мне посчастливилось стать свидетелем пары матчей между английскими «Танками» и местной таганрогской командой. Эти люди прекрасно играют в футбол, но их интерпретация некоторых из наиболее элементарных правил настолько гротескна, что для них становится практически невозможным покинуть поле иначе, как победителями.

Есть также плавание, бокс и катание на лодках, чтобы наши ребята были в хорошей форме и оставались счастливыми. Офицеры являются почетными членами местного яхт-клуба, в котором много парусников, и в корпус, подаренный им поклонником, хитроумные мастера установили двигатель - я не хотел слишком подробно исследовать происхождение этого двигателя, но, будучи сам когда-то «мастером», у меня были свои собственные теории на этот счет. Так или иначе, в результате получилась вместительная, удобная и очень быстрая моторная лодка, единственное достояние «Танков» и предмет зависти всего Таганрога.

Для развлечения войск по вечерам здесь есть прекрасный сад, где играет оркестр и где можно найти большую часть молодежи и красот окрестностей. В Таганроге есть также несколько кинотеатров и, что самое радостное, театр, в котором два-три раза в неделю играет собственный струнный оркестр Деникина. Здесь музыка совершенно прекрасна, и это вдохновляет наблюдать благоговейное внимание, которое вся аудитория уделяет всему спектаклю.

Хотя танковый отряд был послан в Таганрог только для обучения белогвардейцев, они никак не могли удержаться от того, чтобы не взять в бой свои любимые танки под предлогом того, что они дают своим ученикам «боевую подготовку». Подобно Королевским ВВС, они отправлялись в бой со своими машинами,

загруженными в поезда, выгружая их, когда они добирались до места боя, а затем катились вдоль железнодорожной линии в поисках трофейной техники. Их полем действий была идеальная танковая страна, холмистые степи, где гитлеровским танкам предстояло вести очередную войну. Где бы они ни появлялись, они, казалось, приносили успех, и Фуллер сообщал: «в нескольких случаях не было необходимости выгружать танки, так как большевики бросились бежать при одном только сообщении, что к их позициям приближается танковый поезд».

Но это было до того, как началось великое отступление. Танковый отряд прекратил свое идиллическое существование в Таганроге и присоединился к борьбе за безопасность перехода через мосты в Ростове. Капитан Мэрион Атен, американец, летевший с 47-й эскадрильей, в своей книге «Последний поезд через ростовский мост» дал наглядный отчет об отчаянной поездке части эскадрильи в безопасное место. Вик Клоу, находившийся в поезде авиаотряда «Z» с генералом Холманом на борту, также благополучно переправился через реку, скинувшись деньгами для машиниста, чье содействие было обеспечено взведенным револьвером, приставленным к его уху.

К сожалению, поезд авиаотряда «С» с Коллишоу на борту не успел пересечь мост и был вынужден бежать в Крым. Всю дорогу за ним гнался большевистский бронепоезд, который иногда виднелся вдали. Однажды ночью какие-то местные большевики послали управляемый автоматически локомотив вниз по железнодорожной линии, чтобы врезаться в хвост поезда авиаотряда «С». Последние восемь вагонов были разбиты вдребезги. К счастью, в них были только припасы. Остальная часть поезда, нагруженная больными и ранеными, была полна ужасов и завалена мертвецами. В конце концов, 4 января 1920 года он доехал до безопасного Крыма. Передышка была короткой. Пилоты возобновили боевые действия, но при отступлении они потеряли несколько самолетов, а сами пилоты изнемогали. Клоу, заболевший малярией, решил вернуться домой и был отправлен в Константинополь.

В ежедневных приказах по строевой части Кубанской группы (как ее теперь называли) записано, что 19 января 1920 года Клоу был награжден орденом Святого Станислава с мечами и бантом. Но это так и не было подтверждено, и он так и не получил медаль.

Остальные пилоты продолжали летать. Они сбрасывали листовки, пытаясь побудить кубанских казаков сражаться за Деникина, но их пропаганда не имела никакого эффекта. 30 января генерал «Сисси» Маунд оставил им следующее

невероятно глупое прощальное послание: «хотя судьба России временно омрачена, я надеюсь, что вы будете продолжать проявлять те же превосходные качества и высокие усилия при моем преемнике и, таким образом, продолжите подавать пример, необходимый для восстановления духа победы в наших русских союзниках».

Гораздо более важным был приказ, изданный 21 февраля, о том, что «все офицеры и офицеры резерва» должны иметь винтовку, штык и 150 патронов. Их нужно всегда иметь при себе во время передвижений».

В начале марта Буденный нанес новый удар, переправившись через Дон и обойдя опорный пункт Деникина у Батайска. 9-го он занял железнодорожный узел в Тихорецке, а затем все, что оставалось, — это безумная борьба за безопасное место на лодках, плывущих в Новороссийск. В этот период британская военная миссия, танковый отряд и 47-я эскадрилья выполняли безупречную работу по поддержанию порядка, поскольку разбитая армия и перепуганные беженцы стекались к побережью за тонкой завесой из тех донских казаков, которые, к их великой чести, остались верны Деникину, когда многие перешли на другую сторону.

В самом Новороссийске ощущалось приближение ада. Всепроникающий тиф убил тысячи беженцев, которые толпились на улицах, сражаясь, чтобы добраться до доков, чтобы сесть на корабль, любой корабль, идущий куда угодно, чтобы спастись от большевиков. Пронизывающий ветер, известный как «буря», метался по улицам. На пристани англичане, усиленные батальоном, посланным из Константинополя, изо всех сил пытались организовать эвакуацию и уничтожить огромное количество припасов - последний корабль выгрузили всего три месяца назад - которые деникинцы никогда не смогут использовать. Самолеты «Кемел» 47-й эскадрильи были сняты с железнодорожных платформ и раздавлены новенькими танками. Затем танки проехали по ДН9, все еще в заводских упаковочных ящиках, а затем сами танки с ревущими двигателями были отправлены на свое последнее задание, с причала в море, чтобы присоединиться к пушке, которая уже была сброшена за борт.

Как и на любом другом фронте, в руки большевиков неизбежно попадали огромные запасы оружия, боеприпасов, одежды и обуви. Действительно, к концу интервенции большая часть Красной Армии была снабжена английскими налогоплательщиками и вооружена новейшим британским оружием.

Последние корабли отплыли в ночь на 26 марта. Снаряды падали в гавань из большевистских орудий на холмах вокруг порта, в то время как британский линкор «Император Индии» и крейсер «Калипсо» вместе с французским крейсером «Вальдек Руссо» сдерживали Красную кавалерию своими большими пушками. Они оставили за собой массу беженцев, которым теперь некуда было идти, и донских казаков, которые сражались на саблях с красными всадниками. Деникин был смещен с поста командующего. Он отправился жить в изгнание сначала во Францию, потом в Америку, и куда более способный Врангель переправился в Крым, чтобы дать последний бой.

Коллишоу уже бомбил свою последнюю линию обороны в Крыму, летая так часто, как только мог. Во время одного из своих полетов на бомбардировщике DH9 он был сбит зенитным огнем и вынужден приземлиться. Но так как его двигатель все еще работал, он вырулил на двадцать миль назад к своей базе по плотно утрамбованному снегу. 26 марта он совершил свой полет «в гневе», переправившись на материк, где разбомбил и обстрелял кавалерийский отряд и полевую батарею, а также нанес прямые попадания бомбами по бронепоезду. На следующий день он вылетел в длительную разведку, действительно своего рода прощание с Россией, ибо по возвращении его ждали приказы к отъезду. Он передал свой самолет белогвардейцам. Англичане отправились домой.

Худощавый, бритоголовый барон Врангель проделал колоссальную работу по превращению разбитой толпы, доставшейся ему в наследство, в дисциплинированную армию. Но он принял командование слишком поздно; британское правительство решило положить конец русской аванюре и начало торговые переговоры с большевиками, так что даже роль, которую сыграли британские войска при эвакуации, была затруднительной для британского правительства. В Военном министерстве Черчилль наконец оставил всякую надежду на то, что большевиков удастся свергнуть. Таким образом, когда в начале июня Врангель предпринял успешное наступление, в результате которого у него появилась немалая территория с дугообразной границей на материке, британское правительство пришло в ужас, опасаясь, что их новые и хрупкие контакты с большевиками окажутся под угрозой. Небольшая британская военная миссия у Врангеля была отозвана, и Королевский флот снял свою защиту. Врангель, однако, сохранил свои позиции на материке, отказавшись от предложений англичан договориться с большевиками от своего имени. Сами большевики были заняты своей кампанией против украинцев и поляков, и только когда эта проблема была решена, они смогли обратить свое внимание на Врангеля. В октябре они загнали его обратно в Крым, а затем, на второй неделе

ноября, переправились непосредственно в Крым. Понимая неизбежность поражения, Врангель приказал своим людям пробиваться к портам. Там, под защитой Франции, они погрузились на остатки Черноморского флота и гражданские суда, которые в конечном итоге перевезли в общей сложности 146 200 разоруженных солдат и беженцев в Бизерту в Тунисе, где они и корабли были интернированы.

Гражданская война закончилась. Белогвардейцы были разбиты. Большевизм восторжествовал в России.

Между тем последний акт интервенции разыгрывался за пределами России. Это произошло в мае 1920 года в Энзели, персидском городе на Каспии, который служил базой Данстервилля для обороны Баку.

После перемирия в 1918 году британские войска вернулись в Закавказье, чтобы наблюдать за уходом турок, но они оставались только до августа 1919 года, и после поражения Деникина Красная Армия начала двигаться через Кавказ. 27 апреля 1920 года большевики Баку, столицы Азербайджана, предъявили азербайджанскому парламенту ультиматум с требованием передать власть коммунистам. В ту же ночь Красная Армия перешла границу, и на следующий день Баку стал коммунистическим. Это было исключительно ужасное событие для группы из пяти офицеров Королевского флота и двадцати семи рядовых, направлявшейся к остаткам деникинского флота, которые искали убежища в Энзели, - ибо они сошли с поезда в Баку прямо в объятия большевиков. Солдаты были арестованы и вместе с другими британскими заключенными, в том числе женщинами и детьми, отправлены в Центральную тюрьму Баку, ставшую печально известной как «темница Баку». Среди них был молодой морской офицер, впоследствии ставший адмиралом флота, Лорд Фрейзер из Инчкёйпа. Он прожил несколько месяцев вместе со своими товарищами, разделяя их страдания среди вшей, крыс, голода и унижений, которым подвергали их похитители. Именно в этот период, как и Хоррокс в подобных обстоятельствах, он развил уважение к тем, кто служил под его началом, что стало такой отличительной чертой его карьеры.

Оккупация Азербайджана большевиками означала, что Каспий теперь полностью был под их контролем, а британский гарнизон в Энзели, хотя и находился на персидской территории, оказался в очень неудобном положении. В то время как англичане сохраняли свои торпедные катера на Каспии, большевистский флот чаще всего терпел поражение, и в течение некоторого времени после того, как англичане ушли, флот белогвардейцев сохранял превосходство. Но к началу 1920

года большевики увеличили свой флот до одиннадцати эсминцев и торпедных катеров, четырех небольших подводных лодок и нескольких небольших судов.

Командующим этим грозным флотом был не кто иной, как комиссар Ф. Ф. Раскольников, предводитель балтийских моряков, захваченный вместе со своим миноносцем и доставленный в Англию в качестве заложника. Как только его обменяли, он снова ринулся в бой.

Располагая Петровском (Махачкала) и Баку Раскольников увидел возможность нанести удар. 18 мая генерал-майор Х. Б. Шампейн, командующий британскими войсками в Северной Персии, находился в Энзели, чтобы наблюдать за испытательными стрельбами некоторых орудий, снятых с русских кораблей и установленных для защиты порта. Это были те самые орудия, которые Фрейзер и его люди везли на службу, когда их арестовали в Баку. Гарнизон из примерно 500 солдат объединенной британской и индийской армии в Северной Персии в Энзели занимал позиции на перешейке, окружавшем гавань. Никогда не предполагалось, что этот небольшой отряд сможет противостоять решительной атаке большевиков, но считалось, что с помощью пушек он может пойти на блеф, чтобы отпугнуть Красный Флот. Однако с Раскольниковым такой блеф не сработал. Он ввел свой флот в гавань и высадил войска, чтобы отрезать гарнизон. Драки почти не было. Шампейн оказался в безвыходном положении, и у него не было иного выбора, кроме как вести переговоры под флагом перемирия. Раскольников, несомненно, смакуя иронию ситуации, согласился отпустить англичан на материк при условии, что они сдадут все деникинские корабли и оставят там тяжелую технику.

В ту ночь гарнизон выступил в соответствии с условиями Раскольникова, и, таким образом, интервенция, начавшаяся с аналогичного небольшого движения британских войск два года назад, закончилась унижением. Но, в то время как это означало конец, инцидент в Энзели также означал начало. Как первое вторжение Красной Армии на территорию, не принадлежавшую царской России, оно возвестило начало Советской империи.

Фотографии

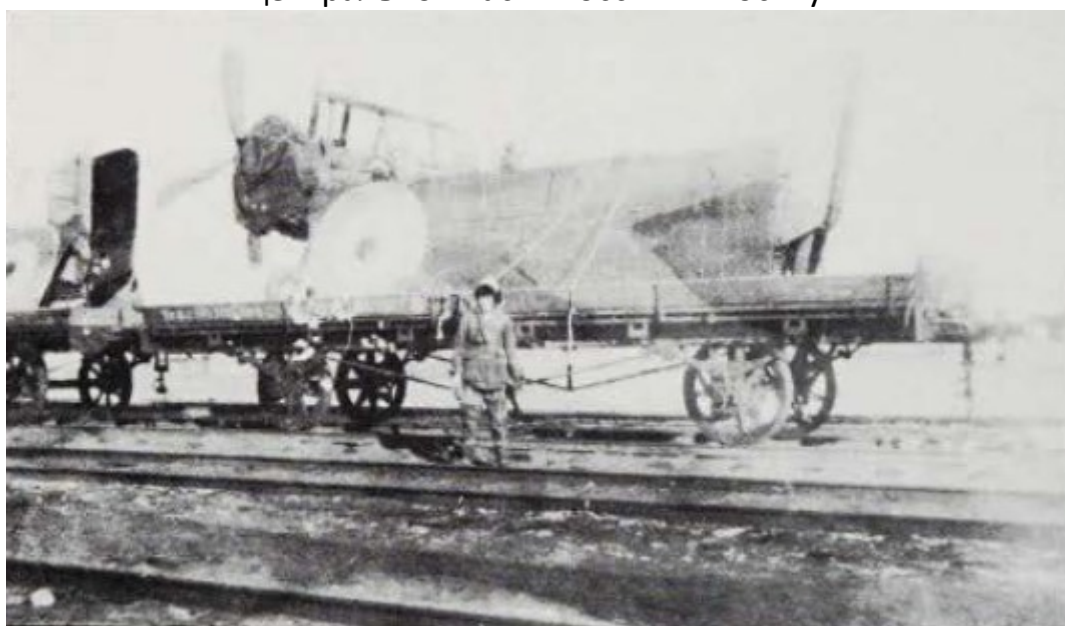
Николай II, последний царь России, удерживался в качестве заключенного Уралсоветом в Екатеринбурге в июле 1917 года. Он был расстрелян со своей семьей вскоре после того, как было сделано это фото.

Ленин и его сестра по пути на митинг 5-го Всероссийского Конгресса Советов, проходившего в Большом Театре в Москве.

Вик Клоу на борту спецпоезда авиаотряда «Z» во время следования по центральной части России в Москву.

Бомбардировщики RE8 авиаотряда «Z» помещенные на железнодорожные платформы, готовые отправиться в поддержку наступающей белогвардейской армии генерала Деникина.

Учебно-тренировочный самолет RE8 с двойным управлением, используемый для обучения русских пилотов миссией Королевских ВВС Великобритании в Таганроге на Азовском Море, где находилась штаб-квартира генерала Деникина.

Британские моряки, марширующие по улицам Одессы – черноморского порта, после высадки с крейсера «Церера».

Генерал-Майор Айронсайд инспектирует недавно организованный и обученный белогвардейский полк в Мурманске. Не смотря на их образование и хорошее британское оснащение, многие из этих солдат оказались ненадежными и перешли на сторону большевиков.

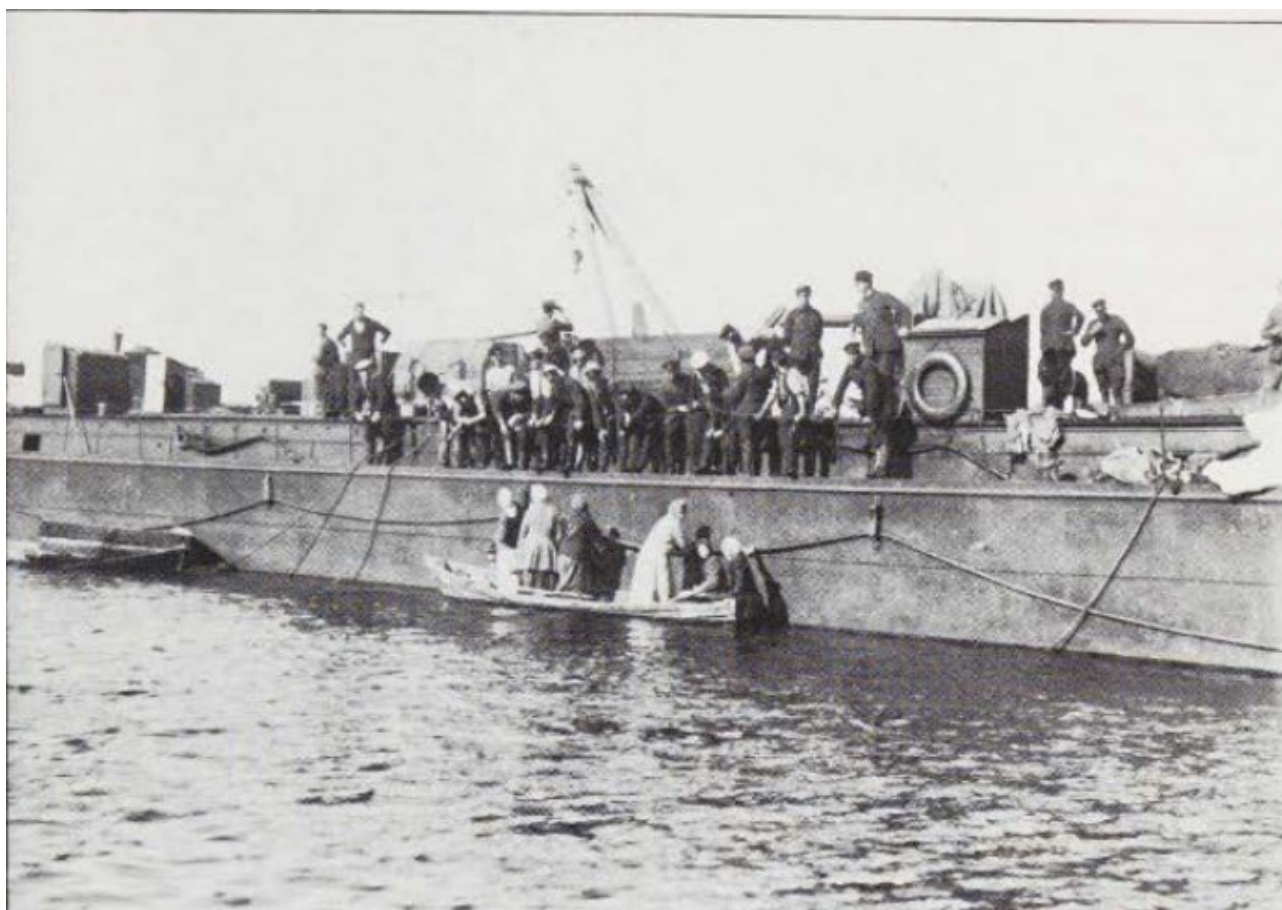

Британские легкие танки «Уипет» на пути из порта Новороссийск к армии генерала Деникина. Британские инструкторы, не смотря на запрет принимать

участие в битве, вели свои танки в бой рядом с казацкой кавалерией
белогвардейской армии.

Генерал-майор Мейнард приветствует контингент американских войск, марширующий мимо британского национального флага в Мурманске на параде, призванном впечатлить недружелюбное местное население мощью союзников.

Русские крестьяне договариваются с союзными войсками на борту баржи на реке Двина. Эти баржи с малой осадкой использовались для доставки солдат и боеприпасов на фронт, южнее Архангельска.

Госпиталь для российских солдат, обслуживаемый британскими медсестрами и персоналом Медицинской службы сухопутных войск Великобритании.
Обратите внимание на икону в конце палаты.

Лев Троцкий в качестве военного комиссара был главным организатором и лидером Красной Армии во время Интервенции и Гражданской войны.

Феликс Дзержинский создал ЧК – советскую политическую полицию, в 1917 году и начал Красный террор, считавшийся необходимым для выживания режима.

Один из группы британских агентов разведки в России в 1918 году, капитан Сидни Рейли, безуспешно пытавшийся организовать контрреволюцию.

Роберт Брюс Локхарт возглавил официальную миссию к большевикам в 1918 году с целью убедить их продолжать войну.

Измотанная кавалерия генерала Деникина отступает через степи. Эта фотография была сделана из поезда авиаотряда «Z», идущего на всех парах на пути к безопасности, преследуемый Красной Армией.

Победоносная Красная Армия, ослабленная и истощённая тифом, вступает в Иркутск в марте 1920 года. Её прибытие в сибирский город на железной дороге последовал за поражением и казнью лидера белогвардейцев, адмирала Колчака.